

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

D 1,345,616

PROPERTY OF
*University of
Michigan
Libraries*

1817

ARTES SCIENTIA VERITAS

Karasek

8981

**THIS "O-P BOOK" IS AN AUTHORIZED REPRINT OF THE
ORIGINAL EDITION, PRODUCED BY MICROFILM-XEROX BY
UNIVERSITY MICROFILMS, INC., ANN ARBOR, MICHIGAN, 1962**

468

50

Исторія

славянскихъ

литературъ.

Карасекъ, Јосифъ. —

Проф. Јосифа Карасека.

—
Часть I
—

Древняя литература до возрожденія.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Изданіе и типографія С. М. Проппера, Галерная ул., № 40
1908.

N105a-295310

891.809

K18is

1908a

891.809

K18is Karasek

1908a

Istoriia slavianskikh

literatur.

Древняя литература до возро- ждения.

I.

Введение. Исторический очеркъ.

Славянской мѣръ выступилъ на культурное и литературное поприще позже романскихъ и германскихъ народовъ. Первое упоминаніе о славянскихъ народахъ встрѣчаемъ мы у византійскихъ писателей лишь въ шестомъ вѣкѣ. На основаніи изысканій о славянской древности Шафарика и Нидерле можно сказать, что сочиненіе Тацита о германцахъ опередило почти на тысячу лѣтъ одnorodныя описанія быта и нравовъ славянскихъ народностей.

Между тѣмъ, тысячу лѣтъ тому назадъ славяне занимали на западѣ и югѣ Европы гораздо большее пространство, чѣмъ теперь. Какъ далеко простиралась владѣнія славянъ, убѣдительно всего доказываютъ славянскія названія мѣстностей по Эльбѣ и в Заамь. И на Балканскомъ полуостровѣ славяне продвинулись гораздо южнѣе, чѣмъ встрѣчаются нынѣ: славянскія поселенія въ Малой Азии просуществовали, однако, недолго. Альпійскія страны были заселены славянами далеко за Цустерталь; Эпнталь и южная часть нижней Австріи, гдѣ предки нынѣшнихъ словенцевъ проникли до Штейнфельда, принадлежали славянамъ.

Магьяры, вторгнувшись въ десятомъ вѣкѣ въ со-

временную Венгрію, вѣзались клиномъ между сѣверо-западными и юго-восточными славянами.

Въ первой половинѣ седьмого вѣка крoаты и сербы явились политическимъ факторомъ въ областяхъ, лежащихъ къ западу и югу отъ Дуная и оставленныхъ гуннами; они пришли въ соприкосновеніе съ романскими колоніями на западѣ и византійскою имперіей—на югѣ и востокѣ.

Къ жившимъ въ Мезіи славянамъ въ 678—679 гг. переселилось финно-угрское племя болгаръ; названіе его происходитъ отъ двухъ корней: „Волга“ и „уръ“ (hegy), т. е. влaститель Волги. Болгары заняли первенствующее положеніе въ странѣ, дали свое имя поработеннымъ славянамъ, но уже черезъ нѣсколько вѣковъ сами ослабились. Они слились съ побѣжденными славянами въ одинъ народъ, языкъ котораго значительно измѣнился подъ вліяніемъ языковъ албанскаго, румынскаго и турецкаго, и оставался всетаки славянскимъ.

Въ Моравію, Богемію и Славонію, въ первые вѣка послѣ Рожд. Хр., послѣ того, какъ маркоманы были вытѣснены въ Баварію, переселились чешскія племена; процессъ переселенія длился много десятилѣтій, быть можетъ, даже нѣсколько вѣковъ.

Сѣвернѣе и къ сѣверо-западу отъ нихъ, въ Саксоніи и Ангальтѣ, обитали лаузитикіе вены или сорбы, остатки которыхъ донынѣ сохранились въ Саксоніи и Пруссіи. Въ сѣверной Германіи и къ западу отъ Эльбы, къ сѣверу отъ Магдебурга, въ Альтмаркѣ и Люнебургѣ, также жили славяне (полабы, ободриты, лутичане — въ Бранденбургскомъ маркграфствѣ); всѣ эти племена уже вымерли. Люнебургъ и маркграфство онѣмечались въ промежутокъ времени между 1350 и 1550 гг. Последніе славянскіе „могикане“ доживали свой вѣкъ столѣтіе тому назадъ въ Вустровѣ, Люховѣ, Дравенѣ и Гребельѣ. Германизація отобрала немало земель и у поляковъ, особенно въ Силезіи.

Въ указанныхъ нами границахъ славяне жили въ девятомъ вѣкѣ, когда были сдѣланы ими первая литературная попытка.

Съ этого времени славяне чаще начинаютъ упоминаются въ исторіи; нарѣчія, которыми говорили различныя племена, уже выродились въ различныя языки, но сходства между послѣдними было тогда больше, чѣмъ въ послѣдующіе вѣка. Славяне выступали тогда не въ качествѣ народовъ или организованныхъ политическихъ единицъ, а разрозненно, по племенамъ, предводимымъ князьями. Славянское выраженіе „князь“ означало одновременно вождя и жреца и позаимствовано отъ германцевъ („кунингъ“); понятіе о монетѣ также взято славянами отъ германцевъ („пенязь“ отъ „пфеннигъ“). Слово „король“ возникло позднѣе, отъ имени Карла Великаго.

II.

Древнѣйшая славянская литература.—Кирилль и Меѳодій.

Начатки древнеславянской литературы тѣсно связаны съ введеніемъ христіанства и, главнымъ образомъ, съ дѣятельностью славянскихъ вѣроучителей, святыхъ братьевъ, Кирилла и Меѳодія.

Монахъ Храбрь (X вѣкъ) рассказываетъ въ своемъ сочиненіи о славянской письменности, что славяне, еще бывшіе язычниками, пользовались для письма рѣзновидностью руновъ; отъ этого времени не дошло до насъ никакихъ письменныхъ памятниковъ.

Первыя попытки обратить въ христіанство чеховъ и словенцевъ были сдѣланы изъ Регенсбурга. Возникли и не имѣвшія особеннаго практическаго успѣха попытки крестить вендовъ и альпійскихъ славянъ. Новая религія, съ ея своеобразнымъ мірс

зерпаніемъ и христіанскою терминологіей, не
 онъводила глубокаго впечатлѣнія на славянъ,
 къ какъ германскіе миссіонеры не владѣли яз-
 мь въродовъ, среди которыхъ дѣйствовали.
 Наибольшаго успѣха достигли зальцбургскіе свя-
 енники, при содѣйствіи которыхъ возникли наци-
 нные латинскимъ алфавитомъ и хранящіеся нынѣ
 въ Мюнхенѣ Фрейзингерскіе памятники.
 динъ изъ нихъ представляетъ переводъ съ древне-
 ерманскаго языка; оба остальные имѣютъ тѣсное
 отношеніе къ славянскому богослуженію. Языкъ
 этихъ памятниковъ, относимыхъ къ десятому вѣку,
 давно уже представляетъ трудную задачу для уче-
 ныхъ славистовъ.

Когда моравскій князь Ростиславъ убѣдился, что
 распространеніе христіанства угрожаетъ и полити-
 ческимъ подчиненіемъ германской имперіи, онъ
 обратился къ византійскому императору Михаилу III
 съ просьбою прислать славянскихъ въручителей.
 Идя навстрѣчу этому желанію, Михаилъ послалъ къ
 Ростиславу и паннонскимъ славянамъ ученыхъ
 братьевъ—Константина (позднѣ Кирилла) и Ме-
 одія. Они были родомъ изъ Салоны, получили
 эллинское образованіе и пѣкли связи съ импера-
 торскимъ дворомъ. Младшій братъ Константинъ,
 прозванный „философомъ“, владѣлъ многими язы-
 ками и уже подвизался ранѣе среди хазаръ. Сла-
 вянскіе апостолы прибыли въ Моравію въ 863 г.;
 дѣятельность братьевъ натолкнулась на многочисленныя
 препятствія, но преодолѣла ихъ. Духовнымъ
 вождемъ христіанской миссіи являлся Кирилла
 († въ Римѣ 869); Меодій укрѣплялъ и расширялъ
 совершаемое братомъ. Онъ былъ назначенъ морав-
 ско-паннонскимъ архіепископомъ († 885). Славян-
 скіе въручители изобрѣли собственную азбуку
 „глаголицу“, приспособленную къ передачѣ
 всего звуковаго богатства славянскаго языка, и
 сдѣлались, такимъ образомъ, основателями древней

церковно-славянскій литературы, но содержащаго своему служившей для религиозныхъ и литургическихъ цѣлей. Уже святые братья и ихъ ближайшіе послѣдователи перевели самыя существенныя части Священнаго Писанія, какъ Новый Заветъ, Псалтырь, главнѣйшія молитвы и литургическія книги („лекціонаріи“). Дошедшая до насъ отъ X—XII вѣковъ группа древнихъ церковно-славянскихъ рукописей представляетъ древнѣйшую фазу литературы и представляетъ особенную цѣнность для языковедовъ. Конитаръ и Миклошичъ называютъ эту „церковно-славянскую“ литературу также „паннонскою“. Что же это былъ за языкъ, и какіе народы говорили по церковно-славянски? Это мертвый языкъ, который не можетъ быть названъ и первоначальнымъ, кореннымъ, хотя его ошибочно и принимаютъ за таковой. Но своимъ формамъ церковно-славянскій языкъ долженъ быть отнесенъ къ числу весьма древнихъ; онъ представляетъ исходный пунктъ для славянскій филологій.

Изобрѣтатели славянскій азбуки умѣли графическій воспроизводить все тонкости этого древняго языка. Церковно-славянскій языкъ по отношенію къ славянскій филологій и литургіи занимаетъ такое же положеніе, какое латинскій языкъ имѣетъ по отношенію къ романскій филологій и католическому богослуженію. Разрѣшеніе этого труднаго вопроса составило задачу жизни самыхъ выдающихся представителей славяистики: Конитара, Шафарика, Миклошича, Ягича.

Въ то время, какъ Конитаръ и Миклошичъ полагали, что по церковно-славянски говорили паннонскіе славяне, другіе исследователи, со Шлейферомъ во главѣ, придерживались воззрѣнія, что этимъ языкомъ пользовались предки нынѣшнихъ болгаръ, и потому называли его „древне болгарскимъ“.

Послѣ выхода въ свѣтъ сочиненія проф. Ягича („Zur Entstehungsgeschichte“, 1900), стало пре-

обладать мифіе, что древне-славянскій языкъ Кирилла и Меодія составленъ искусственно: въ основу его вошло нарѣчіе славянъ, жившихъ къ востоку отъ Салоникъ, но святыя братья внесли въ него нѣкоторыя измѣненія, приспособивъ къ пониманію тѣхъ племенъ, среди которыхъ подвизались.

Однако, древній церковно-славянскій языкъ не надолго удержался въ областяхъ, въ которыхъ дѣйствовали первые славянскіе вѣроучители. После кончины св. Меодія, Гораздъ, Климентъ и ихъ семеро сотоварищей были изгнаны изъ Великой Моравіи; они бѣжали въ балканскія страны, продолжая трудиться въ духъ вѣроученія свв. Кирилла и Меодія въ Македоніи и Болгаріи, откуда христіанство распространилось и по другимъ славянскимъ странамъ.

Болгарское царство, при Борисѣ II, въ особенности, при царѣ Симеонѣ вступило въ періодъ политическаго процвѣтанія. Ученики Меодія нашли здѣсь не только сочувственный пріемъ, но и прямую поддержку. Древняя церковно-славянская литература достигла тутъ полнаго расцвѣта. Для нея пользовались кириллицей, въ основу которой легла греческая азбука. Теперь на церковно-славянскій языкъ стали переводить не только Священное Писаніе и литургическія книги, но и богатую греческую литературу отцовъ церкви. Возникають даже первыя попытки самостоятельныхъ работъ. Павловскія легенды („Житія“) святыхъ Кирилла и Меодія свидѣтельствуютъ о томъ, что ихъ писали лица, знавшіе жизнь и дѣятельность славянскихъ первоучителей.

Среди учениковъ Меодія особенно выдѣляется епископъ Климентъ, который, какъ болгарскій уроженецъ, обращалъ большое вниманіе на славянскій языкъ. Онъ былъ вынужденъ считаться съ практическими нуждами новообращеннаго народа. Значительное вліяніе имѣлъ также Іоаннъ, епископъ, пере-

водчикъ Іоанна Дамаскана и авторъ „Сотворенія міра въ шесть дней“. Слѣдуетъ упомянуть, кромѣ того, пресвитера и епископа Константина, составившаго изъ сочиненій Іоанна Златоуста и другихъ отцовъ церкви поученіе къ Евангеліямъ. Самъ царь Симеонъ лично порудился на литературномъ поприщѣ, переведя сочиненіе Іоанна Златоуста „Златоструй“; почь его наблюденіемъ были составлены обширный сборникъ философскіи-поучительныхъ, схоластическихъ и догматическихъ статей изъ числа которыхъ наиболѣе выдѣляются извлеченныя изъ твореній Анастасія Синайскаго. Въ 1073 г. этотъ сборникъ былъ переписанъ для великаго князя Святослава Ярославича и понынѣ имѣетъ важное значеніе для древне-русской литературы. Во время „расцвѣта“ Болгарія греческіе авторы, вообще, усердно переводились и компилировались славянскимъ духовенствомъ. Объ этомъ свидѣлствуютъ безчисленныя рукописи, хранящіяся въ монастыряхъ Аона, Балканскихъ странъ, Вѣны, Берлина, Рима и Россіи. Многочисленные списки съ этихъ рукописей были распространены особенно въ Россіи.

Въ этой литературѣ, какъ, вообще, въ письменности православныхъ славянъ средневѣковья встрѣчается мало оригинальнаго: къ числу самостоятельныхъ работъ принадлежатъ лишь упомянутыя житія святыхъ Кирилла и Меодія, похвальное слово славянской азбукѣ и нѣкоторыя мелкія замѣтки историческаго содержания. Пристрастіе православныхъ славянъ къ переводамъ и компиляціямъ греческихъ сочиненій помогло возстановить нѣкоторые греческіе тексты, списки съ которыхъ безслѣдно затерялись.

Вліяніе эллинизма отразилось также на иллюстраціяхъ, въ палеографіи и на сокращеніяхъ; таимъ же образомъ чешская и польская литературы подверглись латинскимъ вліяніямъ.

Литература православныхъ славянъ постепенно приобрѣла своеобразный характеръ; восточное славянство стало различаться въ этомъ отношеніи отъ западнаго.

Восточно-славянская письменность отразила всѣ свойства византийской схоластики, съ ея сухостью и формализмомъ; у западныхъ, католическихъ славянъ преобладала латинская схоластика, сочетавшаяся съ мистическими вѣяніями и эзотической философійю. Византийцы и, вслѣдъ за ними, православные славяне считали высшими авторитетами по церковнымъ вопросамъ Іоанна Дамаскина, Іоанна Златоуста, Василия Великаго, Кирилла Александрійскаго, Кирилла Іерусалимскаго; Еврема Сирина и др.: сѣверо-западные славяне охотѣе цитируютъ, даже уклоняясь отъ католичества, св. Августина, Іеронима, Григорія Великаго, позднѣе—Оому Аквинскаго, Виклифа и пр.

III.

Развитіе церковно-славянской литературы у болгарь.

Древній церковно-славянскій языкъ у различныхъ народностей подвергся измѣненіямъ подъ вліяніемъ живого разговорнаго нарѣчія; у болгарь въ него вошли болгарскія, у сербовъ—сербскія, у русскихъ—русскія слова. Кромѣ того, въ литературномъ языкѣ этихъ народовъ возникли нѣкоторыя измѣненія въ гласныхъ и согласныхъ, вслѣдствіе которыхъ возникли новыя грамматическія (морфологическія) формы, подлежащія изученію языковѣдовъ.

Благодаря общности литературнаго языка, православные славяне могли пользоваться въ различныхъ странахъ всѣми переводными сочиненіями, но, съ другой стороны, это и искусственный языкъ, которымъ пользовались для писемъ главнымъ обра-

вѣмъ монахи и священники, легъ на литературу, подобно тяжелой снѣжной пеленѣ, мѣшавшей развитію народной поэзіи, зарождавшейся къ чистого національной почвѣ.

Съ распространеніемъ христіанства, развивавшаяся на болгарской почвѣ церковно-славянская литература была усвоена какъ сербами, такъ и русскими. Изъ исторіи православныхъ славянъ можно увидѣть, что иногда иноземная литература вивдряется цѣликомъ въ другой странѣ и, потисняя съ литературу, оцвѣтворяетъ ее. Первый подобный телчекъ наблюдается въ Россіи въ началѣ вѣка, съ возникновеніемъ христіанства. Монахъ Несторъ, авторъ первой древне-славянскія (ранинскія) легенды: сборникъ Свигослава возникъ въ Болгаріи, таково же происхожденіе и другихъ русскихъ рукописей.

Позднѣе, въ XV-мъ столѣтіи, явленіе это повторилось еще разъ, когда средне-вѣковая болгарская литература вступила въ эпоху послѣдняго расцвѣта и оказала сильное вліяніе на сосѣднюю сербскую литературу.

Нѣкоторые авторы явились писателями для всѣхъ трехъ народностей.

Но въ XVIII-мъ вѣкѣ Россія возмѣстила южному славянству свой культурный долгъ. Церковно-славянской языкъ воспринялъ въ себя много руссизмовъ, такъ какъ южные славяне, захирѣвшіе подъ турецкимъ ягомъ, позаимствовали у русскихъ религиозныя книги.

Средне-вѣковая болгарская литература явилась продолженіемъ эпохи расцвѣта въ X столѣтіи. Консервативныя воззрѣнія пребывавшей преимущественно въ монастыряхъ интеллигенціи не могла заглушить среди читающихъ пристрастія къ романтическимъ повѣствованіямъ, извѣстные герои которыхъ гремѣли по всей тогдашней Европѣ.

Это были отчасти романы классическаго вро-

исхожденія: „Троянская война“, „Книги Александра“, которыя были переведены съ греческихъ источниковъ и либо самостоятельно сохранились, либо были включены въ различные хроники.

Кроатскій глаголическій текстъ „Троянской войны“ возникъ въ области глаголицы, въ которую, однако, уже проникла латинская культура. Къ числу „греческихъ“ романовъ, несмотря на такое наименованіе явно обличающихъ свое восточное происхожденіе, принадлежали повѣствованія: „(1) царь Соломонъ и Китоврасъ“, „Дѣянія Девгегія“ (битвы между греками и сарацинами). „Синагришь, царь адорскій“ и сказки „Тысячъ и одной ночи“, дошедшія до славянъ изъ Персіи и Аравіи черезъ посредство грековъ. Всѣ эти сказочныя повѣствованія, полныя чудесъ, поученій, загадокъ, до сихъ поръ плѣвняютъ воображеніе читателей изъ словъ народа.

Изъ индійскихъ источниковъ позаимствованы „Стефанитъ и Иттилать“ и интересный романъ „Варлаамъ и Іосафатъ“; Варлаамъ, индійскій философъ, послѣ долгихъ странствованій среди южныхъ народовъ, превратился въ представителя христіанства, отшельника Варлаама, который обратилъ въ христіанство сына индійскаго царя Авернія, Іосафата. На фонѣ повѣствованій и поученій индійской Патшантактры возникла греческая легенда, получившая особенное распространеніе въ сѣверныхъ странахъ.

Въ славянскомъ текстѣ можно узнать нѣкоторыя изъ первоначальныхъ индійскихъ параболъ. Греческій апокрифъ „Варлаамъ и Іосафатъ“ несомнѣнно былъ переведенъ на церковно-славянскій языкъ. Въ Россіи также встрѣчаются многочисленныя списки съ этого сочиненія; сюжетъ этотъ былъ настолько излюбленнымъ, что даже проникъ въ пѣснопѣнія нашихъ и превратился въ народный. Имѣются рукописки такого содержанія и у сербовъ.

Мнѣ лично удалось найти списокъ съ апокрифическаго сказанія „Варлаамъ и Иосифатъ“ у католическихъ славянъ въ Рагузѣ, переведенный съ итальянскаго; нѣкоторыя подробности переводчикъ позаимствовалъ изъ „Legenda aurea“ („Золотой легенды“). Въ чешской литературѣ имѣются два переводныхъ текста, перепечатывавшіеся очень часто. На польскій языкъ эта легенда была переведена лишь въ XVII столѣтіи. Воспользовался ею въ своихъ философскихъ сочиненіяхъ и Левъ Толстой, усмотрѣвъ въ ней нѣчто весьма оригинальное изъ индійской философіи, — между тѣмъ, какъ это сказаніе уже давно было распространено въ славянской литературѣ, и, особенно, въ Россіи.

Апокрифы доставляли, вообще, въ средніе вѣка матеріаль для занимательнаго чтенія. Изъ числа подобныхъ книгъ ветхозавѣтнаго содержанія больше всего интересовало христіанскій міръ апокрифическое житіе Адама и Евы, содержащее въ себѣ нѣкоторыя новыя подробности о сотвореніи міра и изгнаніи первыхъ людей изъ рая; въ связи съ этой книгой обыкновенно находится и сказаніе о древѣ св. Креста. Къ нимъ примыкаютъ: видѣніе Авраама, завѣтъ двѣнадцати патриарховъ, апокрифическія сказанія о царѣ Соломонѣ; остальные апокрифы относятся къ пророкамъ. Изъ области Новаго Завѣта привлекали вниманіе читателей: евангеліе Никодима, посланіе Авгаря, евангеліе Оомы, посланіе Пилата, плачь Вероники, т. е. такіе апокрифы, которые проникли и въ чешскую литературу, будучи переведенными съ латинскихъ подлинниковъ.

Къ разряду подобныхъ же книгъ принадлежатъ далѣе легендарныя повѣствованія о путешествіяхъ апостоловъ и, въ особенности, всѣ сочиненія отцовъ церкви поучительнаго, наставительнаго и фантастическаго содержанія. Сюда же должны быть отнесены сочиненія космогоническаго характера, о

возникновеніи міра, мудрыя поученія, сборники заговоровъ и повѣрій, наиболѣе приближающіеся къ народной литературѣ.

Въ XIV вѣкѣ церковно-славянская литература пользовалась особеннымъ покровительствомъ царя Іоанна-Александра; возникновеніе многихъ сектъ также внесло оживленіе въ область литературы. Она вступила въ періодъ расцвѣта, предшествовавшій ея упадку, который явился послѣдствіемъ гибели болгарской свободы подъ побѣдоноснымъ натискомъ турокъ.

Когда языкъ письменности постепенно искажлся, явилась необходимость очистить его отъ многихъ нецѣлостностей и погрѣшностей; обличитель удачно воспользовался для своей задачи языкомъ старыхъ текстовъ, дошедшихъ отъ минувшихъ столѣтій.

Улучшенію церковно-славянскаго языка и стиля покровителъ свои усилія послѣдній тырновскій патріархъ Евтимій (1375—1393), основатель тырновской школы. Онъ былъ ученикомъ Θεодосія Тырновскаго. По его слѣдамъ продолжали идти Андроникъ и Константинъ Костенецкіе; послѣдній написалъ поучительные очерки о дѣятельности своихъ предшественниковъ. Но, вслѣдствіе политическихъ условій въ Болгаріи, реформы Евтимія не могли упрочиться; большого успѣха достигла эта школа въ Сербіи, гдѣ просвѣщенный правитель Стефанъ Лазаревичъ (1389—1427) оказалъ покровительство Константину, превратившему рѣзавскій діалектъ (монастырь Рѣзава—нынѣшняя Манасія, въ Купрійскомъ округѣ) въ письменный языкъ для сербовъ, западныхъ болгаръ и сѣверныхъ македонцевъ.

Ученики Евтимія и его другъ, митрополитъ Клиривъ, проникали также въ Россію и приносили съ собою туда южно-славянскія книги, посредствомъ

которыхъ были оживлены литература и культура XV столѣтій.

Эта искусственно возрожденная церковно-славянская письменность помогла другому ученику Евтимія, Камвлаку, стать около 1390 года болгаро-сербско-русскимъ писателемъ. Онъ завершилъ свою дѣятельность въ санѣ мит. оволита въ Кіевѣ. Кромѣ жизнеописанія Евтимія и похвального слова ему, Камвлакъ написалъ „Житіе Стефана Деканскаго“, который былъ въ некоторое время игуменомъ прославленнаго монастыря Деканы въ Старой Сербіи.

Въ то время, какъ въ Россіи южно-славянская литература оживлялась новыми силами, въ самой Болгаріи она падала все ниже. Хотя старые рукописи продолжали списываться, однако, въ монастыряхъ заглохла всякая самостоятельная уметвенная работа; турки, повидимому, не воздвигали прямыхъ гоненій на славянскую письменность.

Наступила эпоха многолѣтняго застоя.

IV.

Старо-сербская литература.

Древнѣйшая сербская литература также находится въ связи съ дѣятельностью Кирилла, Меодія и ихъ послѣдователей. Сербы использовали то преимущество, которое давало имъ возможность непосредственно черпать изъ столь родственной церковно-славянской литературы. Въ сербскіе тексты пришлось внести сравнительно мало начертательныхъ и звуковыхъ измѣненій.

Поэтому древне-сербская литература характеризуется тѣмъ же, что и болгарская. Она обнимаетъ религіозныя и литургическія произведенія, творенія святыхъ отцовъ церкви, переведенныя уже на сербскій языкъ по славянскимъ изданіямъ; говоря точнѣе, эти писанія перерабатывались въ перече-

ственный церковно-славянский языкъ съ сербскими измѣненіями. Сохранившіяся изъ этой литературы рукописи относятся къ XIII—XV вѣкамъ.

Къ числу ихъ принадлежатъ: древне-сербская рукопись части Библии, обнимающей Евангеліе Бузана, Мирослава, Никольско, Шрежковича, псалмы Бранко Младенича; далѣе сербскія обработки твореній различныхъ отцовъ церкви, „Сотвореніе міра“ экзарха, греческія „хроникки“, многочисленныя повѣствованія и апокрифы, оказавшіе особенно сильное вліяніе: на народную литературу, различныя житія святыхъ, книги заклинаній и сочиненія сказочнаго и астрологическаго характера, среди которыхъ многія были внесены въ перечень запрещенныхъ церковью произведеній.

Не должно, однако, думать, что всѣ древне-славянскія рукописи самаго ранняго періода сохранились и въ сербскомъ изложеніи. Но и въ Сербіи конецъ XII и начало XIV столѣтій отличаются обиліемъ книгъ и богатствомъ ихъ содержанія. Но гораздо большій интересъ, чѣмъ эта литература общаго южно-славянскаго происхожденія, представляютъ рукописи чисто сербскаго характера, онѣ извѣстны подъ наименованіемъ „monimenta serbica“ (сербскіе памятники) и представляютъ сербскія грамоты, обнимающія періодъ времени до конца XII вѣка и сохранившія изобильныя слѣды народнаго нарѣчія.

Древнѣйшія изъ нихъ принадлежатъ Бану Куливу (1189 г.) и великому Жупану Неманьѣ (1189 г.).

Къ позднѣйшему времени относятся рядъ грамотъ сербскихъ королей, боевійскихъ бановъ и королей, герцеговинскихъ герцоговъ, имѣющихъ важное значеніе для исторіи.

Республика Рагуза также пользовалась для подобныхъ актовъ сербскимъ языкомъ. Онъ же былъ и языкомъ дипломатовъ въ балканскихъ государствахъ: имъ же пользовался царствовавшій позд-

нѣе (въ началѣ XV вѣка) албанскій герой, Георгъ Скандербергъ, воспѣтый въ южно-славянскихъ пѣсняхъ. Многіе турецкіе паши и правители писали свои акты по-сербски.

Касаясь вопроса о сербскихъ рукописяхъ, нельзя обойти молчаніемъ св. Савву, національнаго сербскаго угодника, о заслугахъ котораго передъ сербской церковью и языкомъ каждый сербъ говоритъ съ чувствомъ глубочайшаго благоговѣнія. Сынъ короля и архіепископа, онъ принялъ дѣятельное личное участіе въ развитіи сербской церкви и поддерживалъ новые литературные центры въ монастыряхъ.

Святой Савва былъ королевскаго происхожденія. Его отецъ Стефанъ Неманья, послѣ 37-лѣтняго царствованія отрелся отъ престола и удалился въ монастырь Студеника (1195 г.); съ 1197 года онъ переселился на гору Аеоны, въ Чплиндарскій монастырь, который самъ построилъ и окружилъ богатыми благотворительными учрежденіями. Этотъ монастырь сталъ однимъ изъ важнейшихъ разсадниковъ сербской литературы среднихъ вѣковъ; здѣсь хранилось знаменитое евангеліе, которое недавно было издано съ истинно-королевскимъ великолѣпіемъ. Здѣсь же въ 1200 г. скончался Стефанъ, въ снѣгѣ Симеонъ, оставивъ послѣ себя двухъ сыновей: старшаго, Стефана, унаслѣдовавшаго послѣ отца престолъ (1195—1228 г.), и Растко, который подъ именемъ монаха Саввы выдвинулъ Чплиндарскій монастырь, выработавъ уставъ, какъ для него, такъ и для монастыря въ Студеникѣ.

Этотъ уставъ показываетъ, что монастыри на Аеоны представляли по образу управленія особаго рода духовную республику; каждый монастырь имѣлъ въ управленіи своего представителя.

• Святой Савва становится въ 1221 г. архіепископомъ и коронуется въ 1222 году своего брата въ король. Онъ объѣзжалъ Палестину, Ливійскую пусты-

вю, Египеть и умерь въ 1237 г. въ Тырновѣ (Болгарія). Въ 1595 г. суровый Спнанъ-Пана велѣлъ сжечь въ Българадѣ его останки. Замѣчательнѣйшая изъ сохранившихся послѣ этого популярнѣйшаго сербскаго святого рукопись—жизнеописание его отца, монаха Симеона, о государевенномъ значеніи котораго повѣствуетъ также его братъ, король Стефанъ, въ другомъ жизнеописаніи.

Эти произведенія служили образцомъ для позднѣйшихъ біографовъ царей и архіепископовъ и увѣковѣчили имя св. Саввы.

Съ XIII до XV вѣка сербская литература находится вся во власти монашескаго міросозерцанія, ставившаго главной задачей каждаго смертнаго единеніе челоуѣка съ Богомъ и проповѣдываваго аскетизмъ; писатели этой эпохи гордились пониманіемъ Священнаго Писанія и отцовъ церкви и старались придать своимъ произведеніямъ напыщенный византійскій тонъ.

Даже въ лѣтописяхъ сербы не умѣли выдержать простаго, естественнаго языка, и великія событія отечественной исторіи страдаютъ въ нихъ передъ тѣмъ же отсутствіемъ сердечности и искренности. Совсѣмъ иное мы видимъ у чеховъ: въ своихъ „лѣтописяхъ“ они отважно ратуютъ за партійные интересы.

Мягкая, воспримчивая и поэтически-настроенная душа сербскаго народа свято сохранила лишь въ эпическихъ пѣсняхъ память о событіяхъ на Амзельскихъ поляхъ, о витязѣ Яко и другихъ герояхъ.

Слава Сербіи достигла кульминаціоннаго пункта во времени царя Душана (1336—1355 гг.), современника Карла IV—и польскаго короля Казимира Великаго.

Съ именемъ Душана связана важнѣйшій памятникъ изъ области права, именно; его „Книга законовъ“, написанная въ 1344 и начатая въ 1354

году. Она содержитъ въ себѣ постановленія древняго обычнаго права и заимствованныя изъ Византинскихъ законовъ.

Въ позднѣйшіе вѣка въ Босніи возникъ своеобразный родъ письма, въ основѣ котораго лежала кириллица. Боснійскіе и словенскіе монахи принимали францисканскіе монахи, хотя въ Далмаціи и на Кварнерскихъ островахъ этотъ орденъ пользовался исключительно глаголическимъ алфавитомъ.

Главнымъ представителемъ этой католической школы былъ Матія Дяковичъ, переехавшій (Венеція, 1611 г.) для славянъ евангеліе и написавшій „Сто чудесъ Пресвятой Дѣвы Маріи“.

Францисканцы въ Босніи насаждали литературу и въ XVI—XVII вѣкахъ, когда у сербовъ она почти заглохла, въ сербскихъ монастыряхъ переписывали тогда только старыя рукописи, преимущественно литургическія, что никемъ образомъ не можетъ быть почитаемо за литературу.

Новую вспышку и широкое распространеніе сербской литературы мы отмѣчаемъ въ концѣ XV столѣтія, когда начали печатать книги кириллицей сперва въ Черногоріи, а затѣмъ въ Венеціи и другихъ мѣстностяхъ. Въ XVII и XVIII вѣкахъ сербская литература окончательно поблекла.

У.

„Богомилы“.

Въ южно-славянскихъ литературахъ весьма широко и разносторонне проявилось вліяніе своеобразной секты „богомилства“, которое, не будучи славянскаго происхожденія, тѣмъ не менѣе, принадлежитъ къ числу удивительнѣйшихъ проявленій славянской письменности и духовной жизни.

Названная по имени поиа Богомила, эта еретическая секта возникла въ X столѣтіи въ Болгаріи; въ XI вѣкѣ она распространилась въ Цетъ (нынѣш-

ная Черногорія и прилегающія къ ней земли), и въ Сербіи, гдѣ она въ XII вѣкѣ уже подверглась преслѣдованію; главное пристанище она нашла въ Босніи, особенно ко времени бана Кулина (1180—1224 гг.), при которомъ были впервые написаны кириллицей нѣкоторыя рукописи.

Эта секта процвѣтала въ Босніи въ XV вѣкѣ: ея приверженцы во время турецкаго владычествія перешли въ магометанство. Богомильская ересь возникла въ то время, когда христіанство еще не вѣдрилось въ сердца вѣрующихъ. Богомилizmъ представлялъ смѣсь восточно-греческой философіи и христіанства; Ветхаго Завета богомилы не признавали и строго придерживались нѣкоторыхъ своеобразныхъ догматовъ; особенно усердно проводился принципъ—дѣлать добро и воздерживаться отъ зла. Церквей богомилы не строили; все богослуженіе ограничивалось молитвой „Отче нашъ“, исповѣдь производилась всенародно. Благодаря тому, что богомилы проповѣдывали на народномъ языкѣ, ихъ ученіе находило многочисленныхъ приверженцевъ въ низшихъ слояхъ населенія. Кроме того, эта секта приближалась по духу къ первымъ установленіямъ христіанства, любила правду и нравственность, и доходила даже до аскетизма; нѣкоторое отраженіе въ ней нашли также стремленія къ улучшенію социальныхъ условій.

Богомилizmъ представляетъ переходную ступень къ ереси „новыхъ манихей“ и находится въ тѣсной связи съ ученіемъ чешскаго реформатора Хельчицкаго.

Изобильныя свѣдѣнія о богомилцахъ сохранились въ рукописныхъ ихъ противникахъ, немилосердно истреблявшихъ сочиненія богомиловскаго происхожденія. Какъ демократическая секта, богомилы питали пристрастіе къ отечественной, апокрифической литературѣ. Богомильскіе письменные памятники появились во всѣхъ трехъ южно-славянскихъ лито-

ратурахъ; слѣды этого ученія проникли также и въ русскую письменность.

Любимѣйшими темами для пересказовъ у богومیловъ служили сказанія о сотвореніи міра и перваго человѣка, изъ чего былъ сотворенъ Адамъ, какъ Христосъ сталъ черемъ, какъ Онъ ваялъ, о древѣ Святого Креста, о паденіи ангеловъ и о томъ, какъ Люциферъ сманилъ ангеловъ на землю и превратилъ ихъ въ людей. Весьма любопытны также ихъ заговоры противъ лихорадки и другія сочиненія бытового характера.

Богومیлы усердно изучали почти всѣ апокрифическія книги; нѣкоторыя изъ нихъ возрѣвній отразились въ „Хожденіи Богородицы по мукамъ“; это повѣствованіе проникло и въ сербскую народную поэзію.

VI.

Древняя кроатская литература.

Нигдѣ религіозныя и культурныя различія не выступаетъ такъ рѣзко, какъ въ южно-славянскихъ земляхъ.

Несмотря на общность языка, вліяніе церкви сказывается столь сильно, что кроаты и сербы являются обособленными и часто враждующими между собою народами съ двумя различными литературами.

Сербы, пользующіеся для писъма кириллицей, принадлежать къ православной церкви, тогда какъ кроаты пишутъ латинскимъ шрифтомъ и исповѣдуютъ католицизмъ.

Но и кроаты, особенно францисканскіе монахи, пользовались прежде, въ Босніи, видоизмѣненіемъ кириллицы, а еще ранѣе примѣняли глаголицу.

Еще поразительнѣе, что нѣкоторые кроаты донынѣ примѣняютъ этотъ алфавитъ въ церковныхъ книгахъ, читаемыхъ по-кроатски; католическая ле-

тургия, изложенная глаголическими письменами, сохранилась, однако, только въ немногихъ мѣстностяхъ средней и сѣверной Далмаціи, въ исторіи и, главнымъ образомъ, на Кварнерскихъ островахъ. Въ Велін недавно основана „Славянская академія“.

Глаголическій алфавитъ припалъ у кроатовъ остроконечную — сходную съ готическою — форму; его такъ и называютъ: „остроконечный глаголическій алфавитъ“, — тогда какъ древнѣйшіе глаголическіе памятники отличаются закруленными начертаніями. Начатки кроатской письменности относятся непосредственно къ эпохѣ дѣятельности святыхъ братьевъ Кирилла и Меодія въ Моравіи и Панноніи, граничившихъ съ Крoаціей. Здѣсь же примѣнялся глаголическій алфавитъ въ древнѣйшую христіанскую эпоху; первоначально рукописи, какъ „Маріинское евангеліе“, явились на славянскомъ юго-западѣ, а Клозіанскій списокъ, вѣроятно, выполненъ въ Велін. Съ другой стороны, древне-кроатская литература находилась въ тѣснѣйшей связи съ литературной дѣятельностью, которую продолжали въ Македоніи ученики славянскихъ первоучителей.

Переходную ступень между круглыми и острыми глаголическими письменами составляютъ такъ называемые „Вѣнскіе отрывки“ относящіеся къ XII-му столѣтію; въ позднѣйшихъ рукописяхъ встрѣчаются уже чисто латинскія буквы „m“ и „j“.

Эта литература съ первыхъ своихъ началъ тяготѣла къ западной культурѣ; уже въ XII-мъ и XIII-мъ столѣтіяхъ возникло множество памятниковъ, написанныхъ на народномъ языкѣ. Такимъ образомъ, кроаты могутъ гордиться древнѣйшей славянской литературой на народномъ языкѣ, такъ какъ, несмотря на латинскій алфавитъ, котораго требовали сношенія съ Венгріей и Венеціей, они обладали самостоятельною народною литературой, непосредственно примыкающей къ первоисточа-

качь славянской культуры въ Панноніи и Великой Моравіи.

Латинскій духъ не могъ задуть творчества народнаго языка, какъ это имѣло мѣсто у поляковъ, и глаголица предохранила кроатовъ отъ искренности церковно-славянскаго языка тѣхъ народностей, которые пользовались кириллицей; для послѣднихъ церковно-славянскій языкъ сыгралъ ту же сковывающую и гнетущую роль, какая выпала на долю латыни въ сѣверныхъ областяхъ.

Уже въ древнѣйшихъ преданіяхъ, занесенныхъ, напримѣръ, въ „Дукліанскую лѣтопись“, относящуюся къ XII и XIII столѣтіямъ, отмѣчается, что Констанцій нашелъ „Кроатскую книгу“, тогда какъ древнія церковно-славянскія рукописи считали этотъ языкъ „словенскимъ“. Славянская литургія католическихъ кроатовъ была у латинскаго духовенства бельмомъ на глазу и вызывала много нареканій; и только послѣ того, какъ папа Иннокентій IV дважды разрѣшилъ ее, въ 1248 и 1254 гг. въ Зенѣ и Веліи, она получила широкое распространеніе, прорѣкнувъ въ XII столѣтіи также въ Аграмъ.

Что славянская литургія пользовалась въ Кроаціи широкимъ распространеніемъ, видно также изъ того, что въ 1347 году императоръ Карлъ IV самъ призвалъ „глаголитовъ“ въ Пригу и даровалъ имъ монастырь, который впослѣдствіи былъ разрушенъ во время войнъ съ гусситами.

„Глаголиты“ занесли въ Богемію древне-кроатскую письменность; они же, или ихъ ученики, писали потомъ чешскіе документы на томъ же алфавитѣ. Наибольше видѣляется среди такихъ рукописей глаголическій „Lucidarius“, въ языкѣ котораго замѣтно много чешскихъ уклоненій. Въ 1390 г. глаголиты были призваны также и въ Краковъ.

Древняя кроатская литература обнимаетъ руко-

писи религіознаго содержанія, грамоты 1100 года и, въ особенноти, древніе юридическіе уставы, такъ называемые „статуты“. Отъ XII вѣка сохранились также глаголическія надписи, высѣченныя на камняхъ. Въ древнѣйшихъ памятникахъ языкъ весьма схожъ еще съ церковно-славянскымъ, но и въ этихъ рукописяхъ видно все усиливающееся стремленіе приблизиться къ общенародному языку, такъ что къ XV вѣку кроатское нарѣчіе стало господствующимъ. Это не мѣшало кроатамъ освоиться съ кириллическими памятниками, но глаголица все-таки оставалась, такъ сказать, ихъ спеціальностью. Ею начертаны не только церковныя книги самаго древняго происхожденія, но и житія святыхъ, а также романы, перешедшіе къ кроатамъ черезъ болгарско-сербское посредство.

Въ Венеціи былъ отпечатанъ первый глаголическій требникъ уже въ 1493 г., т. е. за десять лѣтъ до первой кириллической книги.

Глаголицей пользовалась и протестантская церковь, вездѣ пользовавшаяся для пропаганды языкомъ, понятнымъ народу. Весьма выдающейся въ этомъ отношеніи является дѣятельность Унгвада, иждивеніемъ котораго печатались въ Тюбингенѣ глаголическія, кириллическія и словенскія книги. Глаголица примѣнялась также въ документахъ, выдаваемыхъ пасторами (въ метрическихъ, брачныхъ и т. п. свидѣтельствахъ); ею же пользовалось даже простонародье для своихъ записей. Вслѣдствіе широкаго, благодаря глаголицѣ, распространенія протестантизма, католическая церковь оказалась вынужденною удѣлать этому алфавиту болѣе значительное вниманіе. Францисканцы, имѣвшіе громадное культурное значеніе для южно-славянскихъ странъ, обязаны главнѣйшими своими усиліями глаголицѣ; они и донынѣ остаются на югѣ главными ревнителями глаголическаго Богослуженія.

Однимъ изъ усерднѣйшихъ сторонниковъ глаголическаго богослуженія былъ архіепископъ Караманъ, который въ своемъ требникѣ придерживался еще русскіе образцовъ. Но главнымъ разсадникомъ его стала извѣстная коллегія св. Іеронима въ Римѣ; св. Іеронима апокрифическія преданія ошибочно считали изобрѣтателемъ глаголицы. Изъ этой коллегіи вышли Черничъ и Драгутинъ Паргичъ; послѣдній въ 1893 году переиздалъ требникъ, возстановивъ языкъ древняго памятника.

Съ XV же столѣтія, когда глаголическіе памятники стали приближаться къ народной рѣчи, все большее вліяніе и распространеніе въ Кroatіи получаетъ латинское письмо. Имъ пользовались кроаты въ сношеніяхъ съ венграми и венеціанцами; слѣдствіемъ этого на западѣ явилось все возроставшее литературное итальянское вліяніе. Многіе города обитальянились, хотя большинство кроатскихъ женщинъ вовсе не знало итальянскаго языка.

Итальянское возрожденіе отразилось по берегамъ Адриатическаго моря, въ особенности въ Рагузѣ; возникла славянская поэзія, на ипрощѣ которой, заодно съ кроатами, подвизались босняки и словаки.

Изъ длиннаго перечня именъ приведены лишь главнѣйшія. На первомъ мѣстѣ слѣдуетъ отмѣтить Петра Зриньи, который былъ казненъ въ 1671 году въ Вѣнѣ, вмѣстѣ со своимъ зятемъ Франгопаномъ, также писателемъ. Петръ перевелъ съ зягерскаго языка поэму своего брата Николая и издалъ этотъ переводъ въ 1660 г., въ Венеціи. Поэма воспѣваетъ подвигъ шигетскаго патріота, Николая Зриньи. Петръ переводилъ, не придерживаясь близко подлинника, многое добавилъ отъ себя и вдохнулъ въ поэму кроатскій духъ. Этотъ же матеріалъ обработалъ и Павелъ Витязовичъ (1650—1713 гг.), пользовавшийся расположеніемъ при император-

скомъ дворѣ и содѣйствовавшій просвѣщенію народа основаніемъ книгопечатанія.

Однако, іезуитахъ все-таки удалось въ концѣ-концовъ очернить его въ глазахъ императора. Онъ умеръ въ опалѣ въ Вѣнѣ.

Кроатская литература также изобиловала житіями святыхъ, начиная со св. Іеронима, патрона Далмаціи, и кончая св. Прокопомъ. Въ этой пустынѣ духовныхъ писаній выдѣляется лишь благородный образъ священника Кашича-Милошича (1702 — 1760 гг.), ратовавшаго за возрожденіе народнаго духа въ литературѣ.

Южные славяне по справедливости гордятся своими прекрасными народными пѣснями, въ особенности эпическаго содержанія. На нихъ то и обратилъ свое особенное вниманіе Андрей Кашичъ-Милошичъ, въ качествѣ папскаго легата въ турецкихъ областяхъ, имѣвшій случай оцѣнить высокое значеніе народной поэзіи для поработенныхъ славянъ.

Онъ задумалъ написать нѣчто, вродѣ изложенной народнымъ языкомъ исторіи; въ этотъ трудъ онъ включилъ, слегка видоизмѣнивъ, отдѣльныя пѣсни. Вообще же, Кашичъ-Милошичъ трактовалъ историческія событія самостоятельно, избѣгая падобствъ въ народномъ эпосѣ повтореній. Кашичъ-Милошичъ любилъ рифму, которой не имѣетъ народное стихосложеніе. Его книга „Занимательное чтеніе для славянскаго народа“ воспѣваетъ всѣхъ „словенскихъ“ героев, начиная съ Александра Македонскаго и кончая эпохою паденія Византіи. Многіе инопородцы, власть которыхъ распространялась на славянскія земли, признавались имъ за славянъ.

Вторая часть книги всецѣло посвящена битвамъ съ турками; она начинается съ Георгія Скандерберга, часть владѣній котораго была населена славянами. Эта книга приобрѣла среди южныхъ славянъ

такую популярность, что выдержала около тридцати изданій.

Часть стихотвореній Кашича-Милошича, въ свою очередь, проникла въ народное сознание и настолько была усвоена имъ, что позднѣйшимъ историкамъ литературы трудно отличить подлинныя произведенія народнаго творчества отъ подражаній Кашича-Милошича.

При жизни Кашича-Милошича, трудъ его выдержалъ три изданія, а вскорѣ послѣ его смерти (въ 1764 г.), въ Офенѣ вышли въ свѣтъ выдержка, переведенныя на латинскій языкъ.

По итальянски нѣкоторые отрывки изложилъ Альберто Фортисъ, который познакомилъ съ пѣснями Кашича-Милошича и Германію.

Гердеръ въ своемъ трудѣ „Голоса народовъ въ пѣсняхъ“ ошибочно цитируетъ пѣсни Кашича-Милошича, какъ подлинныя народныя. „Миланъ Обилитъ“ и „Король Радославъ“ принадлежать къ искусственной поэзіи; напротивъ того, пѣсня „О Гассанѣ“, переведенная въ 1759 г. Гете съ итальянскаго, является подлинною южно-славянскою пѣсней. Во французской литературѣ пѣсни южныхъ славянъ использовалъ впервые Просперъ Меримэ, въ своей книгѣ „Гузла“, давшей романтическую переработку сборника Кашича-Милошича; черезъ посредство Меримэ онѣ дошли до А. С. Пушкина, который увлекся ими до того, что позаимствовалъ нѣкоторыя темы для своихъ „Пѣсенъ западныхъ славянъ“.

Подобно тому, какъ мы замѣтили относительно сербской и болгарской литературъ, можемъ констатировать и здѣсь, что воображеніе народа работало неустанно и создало истинныя жемчужины въ области пѣсенъ на прирожденномъ языкѣ. Народъ, за исключеніемъ ученыхъ, говорилъ лишь на родномъ діалектѣ.

VII.

СѢверо-западныя славянскія литературы въ связи съ латинской.

Чешская литература такъ же, какъ и кроатская, принадлежитъ къ древнѣйшей славянской литературѣ, памятники которой остались въ народномъ языкѣ. Правда, существуютъ письменные памятники діалектическаго характера, но нигдѣ нѣтъ слѣдовъ естественнаго, теоретическаго языка, какъ у южныхъ и восточныхъ славянъ.

Чешская культура примкнула къ культурѣ романо-германской, чѣмъ она рѣзко отличается отъ міросозерцанія тѣхъ славянскихъ литературъ, исходнымъ пунктомъ которыхъ была Византія. Въ первомъ періодѣ чешская литература находится въ зависимости отъ латинской, въ особенности отъ церковной латыни XIII столѣтія, причемъ она на цѣлое поколѣніе отстаетъ отъ своей нѣмецкой сосѣдки. Но уже приблизительно съ начала XIV столѣтія обнаруживается, что древній антагонизмъ кореннаго славянскаго населенія въ борьбѣ съ новыми нѣмецкими переселенцами обнаруживаетъ самостоятельныя и самобытныя явленія народной жизни. Иногда отзвуки тысячелѣтней, исторической борьбы слышатся и въ литературѣ. Она достигаетъ большого значенія, напримѣръ, въ рукоисяхъ Гуса, Хельчицкаго, „Моравскихъ братьевъ“. Въ большинствѣ чешская литература среднихъ вѣковъ носитъ преимущественно религіозный и полемическій отбѣнокъ; тѣмъ не менѣе, между западно-славянскими литературами за нею слѣдуетъ признать руководящую роль: нельзя также отрицать ея благотворнаго и сильнаго вліянія на прочія, а, въ особенности, на древнѣйшую польскую литературу. Въ общемъ, однако, слѣдуетъ отмѣтить, что сѢверо-западныя литературы — чешская и польская, и

мужья—славянская и кроатская, — показывают весьма мало общих чертъ, несмотря на то, что всё онѣ находились подъ вліяніемъ западной культуры и что, напротивъ, онѣ развивались совершенно самостоятельно. Единственное, что онѣ имѣютъ общаго между собою, это—духъ латинской литературы, которую выдающіеся умы Польши и Богеміи обогащали за счетъ родного языка. Особенно въ Польшѣ до XVI столѣтія тяготѣло латинское образованіе надъ развитіемъ народной литературы и препятствовало ея расцвѣту. Латинскій языкъ былъ для поляковъ, пожалуй, даже большимъ несчастьемъ, чѣмъ церковно-славянскій для православныхъ славянъ. Въ то время, когда Несторъ писалъ русскую хроніку, Козьма составлялъ исторію Богеміи на латинскомъ языкѣ и еще въ XV столѣтіи Дугошъ выпустилъ польскую исторію на латинскомъ языкѣ.

Языкомъ интеллигенціи-духовенства былъ латинскій, въ то время какъ народнаго языка оно не только избѣгало, но и преслѣдовало. Даже общедоступныя произведенія писались на этомъ языкѣ учеными, и только въ XIV вѣкѣ, въ царствованіе Карла IV появляются чешскія лѣтописи, сначала въ Богеміи, а затѣмъ—въ Моравіи и Польшѣ. Въ это же время чешскій языкъ становится обиходнымъ языкомъ официальной, общественной жизни у словаковъ и въ Аугшвицѣ, а въ XVI столѣтіи польское дворянство охотно хвалилось своимъ знаніемъ богемскаго языка. Поэтому чешскіе и польскіе историкъ литературы должны были всегда считаться съ латинской литературой, такъ какъ она представляеть изъ себя только ипозычную отечественную литературу этихъ народовъ.

Латинскія произведенія не что иное, какъ источяники интеллигенціи того времени и служатъ часто образцомъ народной литературы.

Даже во времена, когда идеи націонализма были

въ полномъ расцвѣтѣ, самые злободневные вопросы того времени, — вопросы религіи, обсуждались и разрѣшались на латинскомъ языкѣ, доказательствомъ чего служатъ сотни латинскихъ рукописей, Гусситики, разсѣяныя повсеможнымъ библиотечкамъ средней Европы. добавленіе — къ чему служатъ также и литературные труды Номенскаго.

VIII.

Древнѣйшая чешская литература.

Дѣятельность св. братьевъ Кирилла и Меодія распространялась не только среди венгерскихъ, но и среди моравскихъ и богемскихъ славянъ. У нихъ вліяніе выразилось, главнымъ образомъ, въ молитвахъ и отдѣльныхъ формулахъ, однако и въ древне-славянскихъ рукописяхъ, какъ, на примѣръ, кievскихъ и пражскихъ памятникахъ, видны слѣды богемизмовъ. Нѣкоторыя древне-славянскія легенды о чешскихъ святыхъ (Венцель, Людмила), по всей вѣроятности, зародились въ Богеміи. Хранителями этой литературы были: св. Иванъ, затѣмъ св. Проконій († 1055 г.) и, вообще, монастырь въ Сазавѣ, въ которомъ нашла себѣ убѣжище славянская литургія. Постѣдней, во всякомъ случаѣ, съ самаго начала пришлось бороться со своей могущественной латинской соперницей, что ярче всего выяснилось во время выбора перваго пражскаго епископа (973 г.). Священники пѣли по-латини и по-нѣмецки, народъ же отвѣчалъ могучимъ хоромъ (Господи, помилуй ны!), который уже тогда пустилъ въ народѣ глубокіе корни. Церковно-славянская литература никогда не процвѣтала въ Богеміи; она здѣсь держалась, влача жалкое существованіе. Король Владиславъ II хлопоталъ въ 1080 году даже о императорскомъ разрѣшеніи славянской литургіи въ Богеміи, чего, однако, не достигъ.

Между церковно-славянскою литературою въ чешскихъ земляхъ и чисто національною чешскою письменностью прошло довольно много времени, потому что начало послѣдней захватываетъ XIII столѣтіе.

Нѣчто вродѣ переходнаго періода составляетъ время происхожденія григоріанскихъ глоссъ и только что передъ тѣмъ вышущенныя вѣискія глоссы, которыя въ отдѣльныхъ частяхъ указываютъ на свое кроатское происхожденіе, тѣмъ самымъ говоря за существованіе извѣстныхъ отношеній между Богеміей и Кроатіей во времена Карла IV.

Какъ и другія литературы, древнѣйшая чешская литература родилась изъ дѣйствительныхъ потребностей народа и обслуживала преимущественно церковь.

Первые памятники языка важны скорѣе для филологовъ, чѣмъ для историковъ развитія литературы. Произошли глоссы, переводы тѣхъ частей Св. Писанія, которыя были необходимы священнослужителю какъ евангеліе, переводъ псалтыря и другихъ частей библіи. Только позже было приступлено къ систематическому переводу библіи, причемъ появились различныя редакціи частей библіи. Сочинялись различныя молитвы и пѣснопѣнія, въ которыхъ большею частью прославлялось тѣло Христова, особенно же популярнымъ стало древнее пѣснопѣніе о національномъ мученикѣ Вепцелѣ.

Изъ XIII столѣтія, почти вплоть до начала четырнадцатаго вѣка, д-ръ Флајсгансъ приводитъ 33 рукописи.

Подъемъ чешской литературы начинается, собственно, съ XIV столѣтія. Латинская литература XIII столѣтія, господствовавшая и въ западной Европѣ, служила чехамъ, главнымъ образомъ, образцомъ. Церковный духъ, пользовавшійся философіей какъ „ружанкой“ религіи, давалъ направленіе этой литературе; такъ развилась схоластическая фило-

софія, занимавшаяся щекотливыми релігіозными вопросами и пытавшаяся установить связь между жизнью и релігіей.

На богемскій языкъ были тогда переведены: излюбленное произведеніе „Борьба души съ тѣломъ“, „Споръ между виномъ и водой“, „Аланъ“, въ которомъ говорится о пѣмедкомъ происхожденіи Іуды. Сюда же относятся и трактаты: „О безсмертіи души“, „О пяти источникахъ грѣха“, толкованіе „Отче нашъ“, десять заповѣдей и др. Эти матеріалы въ большинствѣ обработаны свободно и изложены въ стихотворной формѣ, какъ это тогда было принято у нѣмцевъ. Съ другой стороны, переводились дословно писанія святыхъ отцовъ: св. Августина, Альберта Магнуса, „Бесѣда о солнцѣ“ — св. Бонавентуры, „Видѣніе св. Бригитты“; послѣднее переведено на польскій языкъ для королевы Ядвиги.

Особенно читался и обрабатывался житія святыхъ; между легендами „Золотая легенда“ (1280 г.) Якова де-Ворагина прямо составила цѣнную эпоху; въ Богеміи и Польшѣ ее несчетно разъ переписывали на латинскомъ языкѣ и усердно переводили въ стихахъ на богемскій. Наряду съ этимъ еще въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій переводились и другія легенды на богемскій и польскій языки. Перломъ среди этого рода произведеній является обширная легенда о „св. Еккаторинѣ“, содержаніе которой было обработано и у южныхъ славянъ.

Между чешскими святыми и патронами особенно почитался св. Прокопій, настоятель того монастыря на Сазавѣ, въ которомъ культивировалась славянская литургія; очень удачно и поэтически была обработана эта легенда Верхляцкимъ и ватѣмъ переведена на польскій языкъ.

Карль IV былъ большимъ почитателемъ этой литературы, распространившей въ необычайномъ количествѣ въ Богеміи и Россіи, а въ средніе вѣка осверки ино вытѣсившей новеллы и рассказы. Мно-

гіе апокрифы были написаны въ прозѣ и нѣкоторые изъ нихъ, напримѣръ, „Видѣнія Георгія“, принадлежатъ къ фантастической и эсхатологической литературѣ. Эти сочиненія впоследствии и даже въ новѣйшее время часто издавались и усердно читались.

Въ то время до нѣкоторой степени въ модѣ были сочиненія чисто философскія и моральныя („*Sato, gesta Romanorum*“), а также обширная литература басенъ, съ баснями Эзопа во главѣ, которыя имѣются въ многочисленныхъ редакціяхъ (старыя по Ромулу; впоследствии онѣ переводились съ нѣмецкаго языка изъ Штейгевеля и Бранта). Эта отрасль литературы служила вспомогательнымъ источникомъ для проповѣдниковъ и потому неудивительно, что и поляки углублялись въ жизнеописанія философовъ, въ философію Аристотеля и семи мудрецовъ міра, въ жизнь Христа и въ творенія Эзопа, несмотря на то, что они, въ сравненіи съ чехами того времени, далеко отстали отъ нихъ. Напримѣръ, басни Эзопа были напечатаны только въ 1578 году у Шарфенберга, послѣ смерти котораго въ городскомъ книжномъ складѣ гор. Герлица нашли много чешскихъ произведеній.

Въ Богеміи также обрабатывались басни о животныхъ. Смиль Фляшка изъ Пардубица даже написалъ стихотвореніе „Новый совѣтъ“ поучительнаго содержанія, съ приложеніемъ къ нему сборника пословицъ. Барометромъ философій, космографій, физики и астрономіи средневѣковья можетъ служить „Люцидаръ“ („*Lucidarius*“). Чешскій текстъ происходитъ, какъ и русскій, изъ нѣмецкаго, между тѣмъ какъ позднѣйшій, польскій, былъ взятъ изъ латинскаго.

Чешскій „Люцидаръ“, служитъ образцомъ кроатскому „*Lucidarius*“, и „*gesta Romanorum*“ даютъ самое ясное представленіе о средневѣковой литературѣ и отвѣчаютъ любознательному читателю на Истор. славянскихъ литературъ.

сотни разнообразныхъ вопросовъ. Нѣкоторыя особенности проникли и въ народъ и въ этнографическую литературу образуютъ до сего времени единственную связь между чисто національнымъ и взятымъ изъ книгъ.

И другая сторона средневѣковой жизни, а именно — рыцарство и романтизмъ — дала отзвуки въ чешской литературѣ. Первое мѣсто занимаютъ отрывки изъ написанной стихами „Александрейды“, древность которой въ сравненіи съ легендами вызвала въ новѣйшее время усиленные споры. Наряду съ этимъ было распространено также и изложеніе „Александрейды“ въ прозѣ. Другой излюбленный матеріалъ представляетъ изъ себя „Троянская война“.

Изъ западнаго цикла сказаній былъ избранъ великій бретонскій герой „Тристанъ“. Преданія, въ которыхъ онъ прославляется, были свободно обработаны въ Богеміи, въ нѣмецкой редакціи. Такая же участь постигла „Тандаріуса и Флорибеллу“, сочиненіе переведенное и обработанное съ нѣмецкаго языка.

Особенно интересны своимъ нѣмецкимъ происхожденіемъ „Брундвикъ и Стильфридъ“, ставшіе богемскими національными героями. Богемія имъ обязана полученіемъ новаго герба, который былъ ими добытъ цѣною баснословныхъ приключеній и геройскихъ подвиговъ. Въ частности, Брундвикъ имѣлъ льва, который ему служилъ вѣрнымъ помощникомъ и спутникомъ. Обработки этихъ сказаній безчисленное количество разъ печатались въ Богеміи, какъ широко распространенныя народныя книги. Они же, какъ и рассказы объ „Аполло-віи, королѣ Тирскомъ“, были переведены на русскій языкъ; проникли они въ Россію при польскомъ посредничествѣ.

Вліяніе нѣмецкой литературы на чешскую было косвеннымъ и значительно меньшимъ, чѣмъ вліяніе литературы латинской. Когда Іоаннъ Люксембург-

скій сталъ энергично поддерживать процвѣтаніе нѣмецкихъ колоній въ Богеміи, чтобы найти въ нихъ поддержку своей власти надъ туземнымъ дворянствомъ и, такъ какъ во времена Венцеля II и Оттокара II нѣмецкіе пѣвцы были желанными гостями при королевскомъ дворѣ, — сблизилась и отношенія между нѣмцами и чехами.

Послѣдніе пользовались для своихъ обработокъ тѣми же латинскими кодексами, какъ и нѣмцы; да и самое стихосложеніе вышло у чеховъ въ тѣхъ же созвучіяхъ. Въ дальнѣйшемъ въ этой области можно было бы еще ярче доказать вліяніе нѣмецкой литературы на чешскія произведенія. Тѣмъ не менѣе, много данныхъ говоритъ за то, что многое черпалось непосредственно изъ нѣмецкихъ источниковъ, несмотря на свободную обработку матеріала. Доказательство этого положенія можно найти въ „Сборникѣ гр. Баворовскаго“, появившемся во второмъ изданіи и содержащемъ слѣдующіе переводы: „Герцогъ Эрнстъ“, „Лауринъ, или малый садъ розъ“, отрывокъ большого „Сада розъ и Брунцвика“.

Наконецъ, необходимо привести еще сатиры на отдѣльные сословія, обычныя и у нѣмцевъ; онѣ заключаютъ въ себѣ много важныхъ, культурно-историческихъ элементовъ.

Если древнѣйшая чешская литература и слѣдовала рабски по пятамъ латинской, то уже въ началѣ XIV столѣтія въ ней все-таки обнаруживается самостоятельное вдохновеніе, и именно въ тѣхъ областяхъ, гдѣ чешскія убѣжденія и обычаи сталкивались съ преимуществами чужестранцевъ, въ данномъ случаѣ — нѣмцевъ. Блестящимъ доказательствомъ этого служитъ „Хроника Далимпла“, законченая въ 1314 г. Изданная патріотически-настроеннымъ чешскимъ дворяниномъ, она должна была стать памятникомъ прошлаго. Въ простыхъ основательныхъ выраженіяхъ, въ стихахъ, онъ вѣрно

держится древнихъ преданій легендарныхъ временъ, а въ дальнѣйшемъ выбираетъ именно такіе моменты въ исторіи, которые должны были служить предостереженіемъ его соотечественникамъ не поддаваться къ чужестранцамъ, не заглядывать за границу, а твердо хранить обычаи предковъ.

Такъ какъ горожане были болышею частью нѣмцы, то онъ ихъ не слишкомъ жаловалъ.

Далее мы знаемъ сказанія о „Роландѣ“, „Карлѣ Великомъ“, „Дидрихѣ фонъ-Бернѣ“ и читалъ нѣмецкую „Хронику графа Альтенбурга“.

Его стихотворная хроника была дважды переведена на нѣмецкій языкъ (въ стихахъ и въ прозѣ), а въ XVIII столѣтіи ее перевели на латинскій языкъ и усердно изучали. Гайка принужденъ былъ перенести изданіе этого сочиненія въ Лейпцигъ, такъ какъ чешскій лѣтописецъ еще въ XIX столѣтіи казался опаснымъ австрійской цензурѣ. Прочіе чешскіе лѣтописцы писали по-латыни. Только по личной инициативѣ императора Карла IV Пулкава фонъ-Раденицъ перевелъ свою хронику съ латинскаго на чешскій языкъ и подъ его наблюденіемъ ее перевели и на нѣмецкій.

Латинскій „Кодексъ“, такъ же какъ и „Codex giganteus“ Цицека, служатъ украшеніемъ краковской университетской бібліотеки.

Вѣроятно и латинскую автобіографію Карла IV перевелъ на богемскій языкъ Пулкава.

XV столѣтіе, въ особенности войны гуситовъ и религіозныя распри, послужили поводомъ къ созданію богатой исторической литературы. Наряду съ этимъ и въ содержаніи древнѣйшихъ памятниковъ правовой литературы проявляется коренной духъ чешскаго народа. Особенно рѣзко выступаетъ разниця между чужимъ и туземнымъ славянскимъ правомъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ находились нѣмецкія поселенія, пользовавшіяся особыми привилегіями и управлявшіяся нѣмецкими законами.

Эта, вначалѣ латинская, литература въ послѣдствіи уступила мѣсто чешской и уже въ XVI столѣтіи была весьма содрожательной.

Нельзя обойти молчаливѣмъ помѣщика южной Богеміи Оому Ститне, въ которомъ раньше долгое время неправильно владѣли представители древней чешской философіи. Ститне — большой знатокъ Св. Писанія и современной ему философіи, показавшій, особенно въ одномъ поучительномъ, кривственомъ сочиненіи для дѣтей, духовный уровень владѣтельнаго дворянства времени Карла IV и Венцеля IV. Онъ обрабатывалъ существовавшую въ то время латинскую философскую литературу на богемскомъ языкѣ, дѣлалъ компіляціи изъ сочиненій о міровыхъ событіяхъ, о борьбѣ между грѣхомъ и добродѣтелью, толковалъ заповѣди Господни, обнаруживая въ отдѣльныхъ случаяхъ самостоятельныя убѣжденія и мысли, особенно въ разрѣшеніи нравственныхъ проблемъ. Въ своихъ многочисленныхъ трактатахъ Ститне пользовался подходящими сравненіями и поговорками, писалъ живо и было до Гуса лучшимъ чешскимъ прозаикомъ. Его разнообразныя сочиненія (компіляціи и переводы изъ сочиненій отцовъ церкви) обнаруживаютъ знаніе средневѣковаго неоплатонизма, аристотелизма и антиномнальнаго реализма. Это были одни изъ дѣятелей, подготовившихъ почву для послѣдовавшихъ событій.

IX.

Б и б л і я.

~~Библия является однимъ изъ важнѣйшихъ элементовъ, объединяющихъ литературу славянъ.~~

~~Особенная любовь чеховъ къ анализу разныхъ религіозныхъ толкованій, вызвавшая гусситскія войны, сказывается, между прочимъ, и въ томъ, что до изобрѣтенія книгопечатанія, къ концу XIV и началу XV столѣтій, они являются обладателями до 40 ру-~~

копсныхъ оублій—число, которымъ едва-ли можетъ похвастаться другой народъ. Вообще, въ гуситскія времена Знаніе Священнаго Писанія было поразительнымъ: писатели въ своихъ доказательствахъ всегда опираются на біблію и пользуются ею въ полемикѣ между собой. Знаніе это проникло даже въ самыя глубокіе слои населенія, доказательствомъ чему служатъ классическое изреченіе папы Пія II-го, который ужъ во всякомъ случаѣ не былъ приверженцемъ чеховъ или поляковъ: итальянское духовенство должно стыдиться, что оно съ трудомъ читаетъ біблію, когда въ Богеміи даже женщины знаютъ наизусть Священное Писаніе и умѣютъ толковать его.

Отдѣльныя части бібліи, какъ напримѣръ—псалтырь и Новый Заветъ, уже давно были переведены чехами и поляками; съ теченіемъ времени къ этому прибавились и другія главы. Хорошимъ доказательствомъ пажобности Карла IV-го было то, что въ приданое своей дочери, выданной замужъ въ Англію, онъ далъ, между прочимъ, богемскій Новый Заветъ. Во второй половинѣ XIV столѣтія отдѣльныя части бібліи были собраны въ одну книгу, вѣроятно по инициативѣ этого мудраго правителя.

Чешская біблія была переведена съ латинскаго, но въ отдѣльныхъ случаяхъ пользовались и церковнославянскимъ текстомъ.

Списываніе цѣлой бібліи продолжалось добрыхъ три года, что видно изъ вѣнской „таборитской бібліи“. По тексту различаютъ два начертанія бібліи—болѣе старое и новѣйшее. Рукописи богемской бібліи разсѣяны по всей Европѣ; старѣйшей является дрезденскій списокъ конца XIV столѣтія. Въ Богеміи Новый Заветъ и біблія явились первыми печатными произведеніями, а забота о вѣрномъ, согласованномъ съ еврейскимъ и греческимъ текстѣ

библія заставляла „богемскихъ братьевъ“ взятися за критическій пересмотръ ея.

Виблія была утѣшеніемъ чешскихъ переселенцевъ, захватившихъ съ собою при бѣгствѣ изъ Богеміи „Кралецкую библію“ и „Лабиринтъ міра“ Коменскаго.

Тогда библія печаталась, главнымъ образомъ, у Мелантриха и Велеславина, а во времена упадка литературы—и въ Германіи. Во времена возрожденія богемцевъ библія сыграла большую роль. Текстъ католической библіи св. Венцеля былъ обработанъ по Кралецкому списку; въ концѣ XVIII-го столѣтія вожди богемскаго самосознанія снова издали ее, и ученые чехи, какъ Дурихъ, Добровскій, изучали старославянскій, чешскій и еврейскій текстъ библіи. Такимъ образомъ, Священное Писаніе даже во времена упадка являлось золотой связующей нитью чешской литературы.

Кромѣ того, въ литературномъ отношеніи она связываетъ чеховъ и съ другими славянами.

Признаніи русскаго текста за образецъ корректуры была принята чешская библія. Въ 1517—1519 году докторъ Скорина отпечаталъ въ Прагѣ псалтырь и 22 книги Стараго Завѣта. Когда въ 1747 году въ Россіи приступили къ пересмотру библейскаго текста, два кievскихъ профессора пользовались для сравненія тоже чешской библіей.

Она послужила также образцомъ польской и лужицано-вендской библіи, по крайней мѣрѣ для тѣхъ частей ея, которыя уцѣлѣли. Уже Книга молился по польскому псалтырю, но этотъ списокъ XIII-го столѣтія не сохранился.

До насъ дошли только латинскій, нѣмецко-польскій и Пулавскій списки псалтыря.

Разумѣется, въ Польшѣ тоже были распространены чешскіе псалтыри, оказавшіе извѣстное вліяніе на польскій текстъ.

Псалтырь былъ включенъ въ молитвенники и при-

надлежитъ къ числу первыхъ печатныхъ произведе- ній 1534 и 1535 годовъ: вскорѣ послѣ этого Рей перевелъ его великолѣпнѣйшей прозой, а Коханов- скій и Грозовскій переложили текстъ въ стихи, что позднѣе пытался сдѣлать также и Коменіусъ въ Бо- геміи.

Точно такъ же и другія части библіи, особенно Новый Заветъ, были переведены на польскій языкъ; но самымъ значительнымъ памятникомъ является такъ называемая библія королевы Софіи, которая носитъ на себѣ безспорный отпечатокъ чешской Патины. Она, разумеется, не совсѣмъ хорошо со- хранилась, но была великолѣпно издава.

Псалтырь, Новый Заветъ и библія являлись осо- бенно въ XVI-мъ столѣтіи предметомъ соревнованія и соперничества между протестантами и католи- камъ.

Словно огненный столбъ, жалобы и моленія псал- тыря увлекли своимъ плѣнительнымъ стилемъ по- этовъ Мицкевича и Словацкаго, когда они писали „Страствованія пилигримовъ“ и „Генезисъ духа“.

Какъ уже было упомянуто, чешская библія имѣла вліяніе и на произведенное въ 1547 году Якуби- комъ возстановленіе лужицано-вендскаго текста; та- кимъ образомъ, и у Вендовъ письменность начинает- ся библіей и стѣпъ въ связи съ чешской литерату- рой. Какъ здѣсь, на сѣверѣ, такъ и на югѣ у Сло- венцевъ и Кроатовъ (особенно въ сѣверныхъ и за- падныхъ нарѣчіяхъ) возникновеніе народной лите- ратуры находится въ связи съ протестантизмомъ, ко- торое годобно прежнему гуссизму опиралось въ своемъ ученіи на библію, для чего въ качествѣ важ- нѣйшаго пособія пользовалось народнымъ язы- комъ (библія, катехизисъ). Но только это вліяніе протестанства выразилось различнымъ образомъ, да и до сихъ поръ оно не одинаково у разныхъ сла- вявъ. На сѣверѣ оно повело къ германизации, на югѣ—оживило словенскую литературу, которая вос-

пользовалась отрывками устныхъ преданій старинныхъ бардовъ.

Въ теченіе столѣтій нѣмецко-латинская культура не могла разрѣшиться ни одной единственной словенской книгой, когда вдругъ, вмѣстѣ съ реформациею возникла новая словенская и кроатская литература, печатавшаяся въ Германіи, и особенно—въ Тюбингенѣ, Урахѣ, Нюрнбергѣ. У словенцевъ первымъ апологетомъ и распространителемъ протестанства является Примусъ Труберъ (1508 — 86). На довольно бѣдномъ нарѣчій онъ обработалъ Новый Заветъ, псалтырь и книгу проповѣдей Лютера, тогда какъ въ 1584 году Георгъ Далматинъ издалъ цѣлую библію на народномъ языкѣ, грамматически провѣренную Бохоричемъ, однимъ изъ учениковъ Меланхтона.

Это достопамятное движеніе на югѣ неразрывно связано съ именемъ барона Угнада, жившаго съ 1557 года въ Урахѣ и въ качествѣ мецената щедро поддерживавшаго кроатскую литературу. Такъ какъ въ Тюбингенѣ и Нюрнбергѣ печаталась глаголицей и кириллицей масса религіозныхъ книгъ на понятномъ толпѣ кроатскомъ нарѣчій, то и католики увидѣли себя вынужденными пользоваться этимъ языкомъ для своихъ писаній. Католическая реакція сурово обошлась съ протестантскою письменностью словенцевъ; все (какъ и въ Богеміи) было сожжено, отъ нѣкоторыхъ произведеній не уцѣлѣло ни одного экземпляра.

Тѣмъ не менѣе, ни литература, ни народный языкъ не могли быть уничтожены этимъ, хотя въ Богеміи и словенскихъ странахъ послѣднее было нанесено неотразимый, смертельный ударъ.

Въ Сербіи борьба за національную литературу тоже разрѣшилась окончательно библіей, когда Вукъ Караджичъ издалъ въ 1857 году въ Бѣгѣ „Новый Заветъ Господа нашего Иисуса Христа“, въ рукахъ Вука лучшимъ козыремъ оказалось то,

что онъ показалъ сербскимъ крестьянамъ возможность слушать евангеліе на родномъ языкѣ.

X.

Іоаннъ Гусъ (1369—1415).

Имя извѣстнаго реформатора, геройски поплатившагося сожженіемъ въ Констанцѣ за свои убѣжденія, стоитъ въ тѣсной связи съ чешской литературой. Какъ Воклифъ въ англійской, а позднѣе Лютеръ въ нѣмецкой, такъ Гусъ является краеугольнымъ камнемъ чешской литературы.

Припомнимъ церковныя неурядицы того времени и условія жизни въ Прагѣ, гдѣ имѣлъ свое мѣсто-пребываніе королевскій дворъ; въ мѣстный университетъ стекались студенты со всей средней Европы. Всѣ умы того времени были обращены на церковный разладъ и господствующую симонію; повсемѣстно чувствовалась необходимость скорой реформы. Были единичныя выступленія чеховъ, нѣмцевъ и поляковъ за реформу церкви „in caritate et in membris“.

Такъ подготовлялась почва для дѣятельности ученаго профессора и ректора пражскаго университета Іоанна Гуса, который особенно увлекалъ своихъ соотечественниковъ въ качествѣ проповѣдника Вифлеемской капеллы. Какъ проповѣдникъ и профессоръ, онъ долженъ былъ касаться различныхъ недостатковъ, имѣвшихъ мѣсто въ церкви, чѣмъ вызывалъ недозволеніе своихъ враговъ и полемику съ ихъ стороны. Вражда росла, когда къ религіозной дѣятельности магистра Гуса присоединились и націоналистическія обстоятельства; въ качествѣ ректора, онъ сумѣлъ добиться предоставленія чешамъ трехъ голосовъ въ университетѣ, послѣ чего послѣдовалъ отливъ нѣмецкихъ профессоровъ и студентовъ. Слѣдствіемъ этого явилось процвѣтаніе лейпцигскаго университета.

Мало-по-малу Гусь втянулся въ полемику съ архіепископомъ, въ особенности, когда познакомился съ твореніями Виклифа. Произведенія Виклифа прежде всего стали извѣстны другу Гуса Іерониму, который одно время трудился въ Польшѣ и Литвѣ.

Въ вопросахъ морали Гусь исходилъ изъ ученія католической церкви; только позднѣе онъ разошелся съ догматами церкви, особенно относительно пресуществленія.

Гусь былъ, какъ ученый, сыномъ своего времени; оригинальности тогда не придавали значенія, и мы нерѣдко видимъ, что Гусь просто пересказываетъ ученіе Виклефа. Но Гусь былъ также и самостоятельнымъ ревнителемъ права и морали. Его величіе походитъ на нравственности и прямолинейности убѣжденій, за которыя онъ и поплатился жизнью.

Но для чешской письменности онъ имѣетъ значеніе потому, что въ этой области Гусь оказался еще большимъ реформаторомъ, чѣмъ на религіозной нивѣ.

Гусь былъ дѣятельнымъ латинскимъ и чешскимъ писателемъ. Опубликованныя въ Нюрнбергѣ творенія его дали возможность также и нѣмецкимъ ученымъ охватить его крупную личность. По-латински Гусь защищалъ свое ученіе противъ міра ученыхъ, по-чешски же онъ распространялъ его среди народа, особенно съ тѣхъ поръ какъ ему запретили проповѣдывать въ Прагѣ.

Но именно въ этомъ-то и заключается заслуга Гуса, что онъ поднялъ народный языкъ до степени литературнаго, отчего до тѣхъ поръ открещивались господа ученые. Первоначально въ чешской терминологіи не было достаточно точно соотвѣтствующихъ выраженій философско-эстетическимъ понятіямъ, но уже черезъ нѣсколько лѣтъ Гусь сумѣлъ передавать все самымъ точнымъ образомъ по-чешски.

Чтобы имѣть возможность оцѣнить все значеніе магистра Гуса, мы должны имѣть въ виду какъ его латинскія, такъ и чешскія произведенія, которыя взаимно дополняютъ другъ друга.

Самыми важными произведеніями его являются длинныя трактаты: „Объясненіе вѣры“, „Книга проповѣдей“, „По поводу симоніи“, въ которыхъ наиболее ясно выражаются взгляды Гуса. Къ обсужденію различныхъ, въ то время излюбленныхъ вопросовъ или къ протекшимъ изъ духа времени возрѣніямъ на бракъ, дуну, грѣхъ, Тѣло Господне, въ этихъ трактатахъ присоединяются всевозможныя проповѣди, которыя опираясь на Евангеліе, образуютъ зерно катехизиса; другія произведенія содержатъ въ себѣ его догматическія возрѣнія, публичные вызовы, особенно докторамъ, и защиту Виклефа.

Латинскія произведенія показываютъ гладкій стиль, въ чешскихъ проявляется основательная обработка матеріала, стараніе и чистота языка.

Но Гусъ былъ значительнѣйшимъ писателемъ начала XV столѣтія не въ силу многочисленности своихъ твореній: его величина, какъ и у Лютера, вырастаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ значеніемъ, которое онъ имѣлъ въ позднѣйшія бурныя времена.

Констанцскій соборъ, на которомъ столь трагически была рѣшена участь Гуса, былъ созванъ въ 1414 г. императоромъ Сигизмундомъ, желавшимъ устранить въ Чехіи смуту, вызванную обнародованіемъ въ Прагѣ папской буллы объ отпущеніи грѣховъ. Гусъ явился на соборъ съ охранною грамотою Сигизмунда; несмотря на этотъ документъ и протесты чешскихъ вельможъ, его арестовали послѣ перваго же допроса передъ папою и кардиналами.

Въ заключеніи Гусъ много страдалъ отъ дурнаго помѣщенія и болѣзней, но эти условія не повліяли на высокій строй его души. На уговоры императора и друзей отречься отъ ученія Виклифа, осужден-

наго соборомъ: если бы соборъ потребовалъ, чтобы я призналъ, что я однеглазый, хотя у меня оба глаза, я бы повиновался, — но просилъ, ради Господа, не налагать на него „печати вѣчнаго осужденія, принуждая солгать и поступить противъ совѣсти“.

Почти мѣсяць убѣждали Гуса отречься; послѣднюю попытку сдѣлалъ имперскій маршалъ въ моментъ, когда должны были зажечь костеръ на мѣстѣ казни. Гусъ отвѣтилъ: „отъ какихъ же заблужденій мнѣ отречься, когда я никакимъ не приношу за собою. Призываю Господа въ свидѣтели, что не училъ и не проповѣдывалъ того, что показали на меня лжесвидѣтели; главною цѣлью моею проповѣди и всѣхъ моихъ сочиненій, было отвратить людей отъ грѣха и въ этой истинѣ, которую я проповѣдывалъ согласно съ евангеліемъ Іисуса Христа и толкованіемъ святыхъ учителей, я сегодня радостно хочу умереть“ (6-го іюля 1415 г.).

XI.

Гуссизмъ и XV столѣтіе въ Богеміи.

„Эпизодъ“, окончившійся на Констанцскомъ соборѣ осужденіемъ Гуса, и пламя костра на берегу Рейна, куда былъ ссыланъ пепелъ этого великаго чловека, закончились въ Богеміи драматическимъ эпилогомъ, которымъ пришлось заняться Базельскому собору.

На первомъ планѣ въ это время стоятъ гусситскія войны съ боевой пѣсней: „Кто борець Господа...“ и со спеціальной стратегической литературой; между гусситами возникаютъ новыя секты, борющіяся между собой, — между ними Орфаниты, которые готовятъ почву позднѣйшей общинѣ „моравскихъ братьевъ“ и протестантству, тогда какъ Каликстинцы видятъ въ чашѣ символъ ихъ

вѣрованія, отклоняющагося отъ католической церкви.

И въ области филологіи Гусъ явился реформаторомъ литературы. Не напрасно онь упрекалъ германизировавшихся пражцевъ въ томъ, что они портятъ языкъ и вводятъ новыя формы; въ извѣстномъ отношеніи онь очистилъ діалектъ, обогатилъ его новыми понятіями, утвердилъ литературный языкъ; его рѣчь явилась для послѣдующихъ поколѣній образцомъ.

Рука объ руку съ очищеніемъ и выработкой языка у Гуса шло и улучшеніе правописанія. Тамъ, гдѣ до тѣхъ поръ по недостаточной латинской манерѣ письма приходилось выражать одну согласную двумя или тремя буквами, онь ввелъ точки. Разумѣется, это правописаніе распространилось не повсемѣстно, такъ какъ „богемскіе братья“ имѣли свою собственную манеру письма, но въ отдѣльных случаяхъ оно было принято, напримѣръ, полякомъ Паркосцемъ (въ XVI столѣтіи) для „z“.

Въ началѣ XIX столѣтія основы гуссовской орфографіи послужили краеугольнымъ камнемъ чешскаго правописанія; только вмѣсто точки вводится крючекъ, который принимается также и пишущими по-латински южными славянами; имъ пользуются также и верхніе Лужицано-Венды. Кроме того, это чешское начертаніе проникло теперь и въ сравнительное языковѣдѣніе и служитъ для начертанія санскритскихъ писемъ для африкапскихъ нарѣчій, а въ послѣднее время и для подходящаго алфавита албанцевъ.

Въ критическомъ пересмотрѣ и спискахъ отдѣльныхъ библій Гусъ, разумѣется, тоже принималъ участіе, такъ какъ, напримѣръ, Шафгаузенская библія имѣетъ его орфографію.

Въ періодъ между 1402 и 1409 годами Гусъ работалъ, главнымъ образомъ, надъ научными трудами; затѣмъ наступаетъ періодъ полемическихъ

пропзведеній (1409—1412); позднѣе Гусъ писалъ, главнымъ образомъ, по-чешски и выяснялъ свои взгляды. Особенно важными и интересными являются его письма изъ тюрьмы (1414—1415), которые, будучи написаны по-латински и чешски, лучше всего отражаютъ его самостоятельный духъ.

Литература XV столѣтія является только отзвукомъ этого бурнаго, волнуемаго страстями времени, когда враждебныя партіи преслѣдовали другъ друга сатирическими пѣснями и пасквилями. Этотъ, столь богатый героическими дѣяніями народа періодъ и набѣги отдѣльныхъ воинственныхъ шаекъ на Венгрію и Германію доставили богатый матеріалъ для историческихъ описаній и до сихъ поръ составляютъ благодарный мотивъ для чешской поэзіи. За нимъ слѣдуетъ эпоха прославленнаго Георга фонъ-Подебрада, человѣка большого политическаго кругозора и энергіи, пока, наконецъ, богемскій и венгерскій престолы не занимаютъ слабые правители-Ягеллоны, и страну не начинаютъ раздирать внутреннія неурядицы.

То обстоятельство, что и въ это время человѣчeskій духъ не былъ въ состояніи окинуть религіозный кругозоръ и отдавался поэтическому паренію мысли только для объясненій въ проповѣдяхъ евангелія или разсыпался въ бесплодной полемикѣ противъ всѣхъ и каждого, находило свое объясненіе тоже въ духѣ времени. Въ то время людей больше всего интересовало, возсѣлъ-ли Христосъ по Вознесеніи своемъ одесную Отца въ новой плоти, или въ прежней, земной. Или—что случится съ причастіемъ, если оно упадетъ на землю и будетъ съѣдено мышью, поскольку пострадаетъ отъ этого Тѣло Господне, и тому подобныя вопросы. Каждая секта держалась въ этомъ отношеніи своего мнѣнія, которое готова была защищать до послѣдней капли крови, а на бумагѣ со страстью и изощренностью.

Въ то время. какъ по своему идейному содержа-

нію литература XIV столѣтія отставала отъ латинской и нѣмецкой на 30—50 лѣтъ, теперь она опережала нѣмецкую въ области всеобщаго умственнаго и релігіознаго движенія почти на цѣлое столѣтіе. Въ Богеміи интересъ къ релігіознымъ вопросамъ былъ общимъ явленіемъ; въ крѣпостяхъ и городахъ, гдѣ горожане были знакомы со многими языками и Священнымъ Писаніемъ, ревностно обсуждались серьезные релігіозные вопросы искусства книгопечатанія, которое перешло изъ Нюрнберга въ Пильзень, Куттенбергъ и Прагу, вызвало всеобщее развитіе и жажду чтенія. Чехи первые изъ всѣхъ славянъ оцѣнили значеніе печати.

XII.

Петръ Хельчицкій.

Хельчицкій, годъ рожденія и смерти котораго до сихъ поръ еще остаются неизвѣстными, является оригинальнѣйшей личностью средневѣковья, одухотворенной истинно-чешской душой. Онъ былъ родомъ изъ забытой деревеньки Хельчикъ на юго-западѣ Богеміи, гдѣ и жилъ въ первой половинѣ XV столѣтія; хотя онъ и принадлежалъ къ числу сельскаго дворянства, но ревностно занимался литературой. Хельчицкій былъ первымъ чешскимъ и, быть можетъ, даже и первымъ европейскимъ писателемъ, проводившимъ почти революціонныя мысли о необходимости реорганизации человѣческаго общества.

Въ позднѣйшія времена его противники увѣряли, будто онъ занимается сапожнымъ ремесломъ, можетъ быть просто въ насмѣшку надъ неосѣдливостью его духа.

До сихъ поръ его считали очень недостаточно образованнымъ; иные предполагали даже, что онъ не зналъ латинскаго языка. Но его произведенія доказываютъ, что по своей образованности онъ на-

ходилъся вполне на уровнѣ своего времени. Онъ первый воспринялъ догматическія взгляды Викарфа, особенно въ вопросахъ о пресуществленіи.

Главнымъ произведеніемъ Хельчицкаго является „Сѣтъ вѣры“; наряду съ этимъ онъ написалъ рядъ маленькихъ трактатовъ. Въ послѣднихъ главную роль играетъ вопросъ о возрожденіи человѣчества (*Renovatio veteris hominis*), проведенный въ малѣйшихъ мелочахъ съ громадной научной эрудиціей, а также—объясненіе самыхъ темныхъ мѣстъ Апокалипсиса.

Въ этомъ отношеніи онъ можетъ быть поставленъ наряду съ Гусомъ, Рокисаной, Якубекомъ, т. е. самыми выдающимися теологами. Съ массой темперамента и огня встаетъ онъ на защиту своихъ воззрѣній; онъ не боится силы выражений, нагромождаетъ синонимы другъ на друга и достигаетъ этимъ необыкновенной живости, даже почти современной гибкости изложенія.

Когда между нимъ и таборитскимъ епископомъ Николаемъ завязалась отчаянная полемика по вопросу о причастіи, то Хельчицкому дважды удалось очень страстно, но и остроумно защитить свои убѣжденія.

Вышеупомянутые труды Хельчицкаго не поднимаются выше умственного уровня XV столѣтія. Высшей точкой его литературной дѣятельности и философско-соціального убѣжденія является его „Сѣтъ вѣры“. Въ этомъ произведеніи Хельчицкій указываетъ на Священное Писаніе, какъ на основную базисъ религіи, и выводитъ изъ него всѣ необходимыя правила жизни. Каждый христіанинъ, какъ истинный ученикъ Христовъ, долженъ выполнять до послѣдняго всѣ его заветы; онъ долженъ возвращаться къ той чистотѣ и простотѣ нравовъ, которыя царили во времена первыхъ христіанъ. Онъ не долженъ прибѣгать къ насилию; не долженъ пу-

скаться въ торговля дѣла, а если и дѣлаетъ это, то не смѣетъ извлекать изъ нихъ больше барыша, чѣмъ получилъ бы при отдачѣ въ ростъ. Истинный христіанинъ не долженъ идти въ чиновники, такъ какъ обладаніе властью склоплетъ къ злоупотребленію ею; въ особенности же никто не имѣетъ права наказывать другого или заставлять его измѣнить свои убѣжденія. Смиранный христіанинъ долженъ самъ сносить обиды, что простирается вплоть до „непротивленія злу“, т. е. мы имѣемъ въ данномъ случаѣ тотъ же самый принципъ, который такъ часто встрѣчается въ философскихъ произведеніяхъ графа Льва Толстого. Ни при какихъ обстоятельствахъ христіанинъ не смѣетъ воевать; въ этомъ Хельчицкій неумолимо опирается на Христово ученіе о любви къ человечеству, запрещающее кровопролитіе. Въ этомъ направленіи Хельчицкій не щадитъ никого, возставая даже противъ таборитовъ, защищавшихъ свое ученіе съ оружіемъ въ рукахъ. Такъ какъ Хельчицкій проповѣдуетъ возвращеніе къ первоначальной жизни христіанъ, то онъ задается вопросомъ, кто былъ причиною того, что это, вначалѣ святое, бытіе было нарушено. Его отвѣтъ гласитъ: папа и король, духовная и свѣтская власть — вотъ тѣ киты, что прорываютъ свѣтъ вѣры. За папой слѣдуютъ непосредственно прелаты и высшее духовенство; свѣтская власть опирается на войско, могущество котораго ведетъ къ войнамъ.

Пламенными словами бичуетъ Хельчицкій оба эти сословія, живописуя царствія среди нихъ неурядицы; онъ является безбоязненнымъ проповѣдникомъ морали, рвущимся въ бой интеллектномъ, достигающимъ мѣстамъ положительно драматическаго впечатлѣнія.

Соціальныя воззрѣнія Хельчицкаго въ высшей степени возбудили интересъ графа Толстого, который читалъ „Свѣтъ вѣры“ еще по корректурнымъ

листамъ и говорилъ о Хельчицкомъ, какъ о первомъ философѣ міра.

Кромѣ того, его вліяніе принимаетъ большое значеніе еще и потому, что ученіе Хельчицкаго было принято „богемскими братьями“, известными обыкновенно подъ именемъ „моравскихъ“.

ХІІІ.

Богемское (моравское) братство.

Во времена короля Георга Подебрада въ восточной Богеміи среди простого, преисполненнаго глубокой религіозности народа образовалась секта, подобная Богомиламъ южно-славянскихъ земель, мало-по-малу захватывавшая все болѣе широкіе круги и находившая себѣ приверженцевъ даже среди знати. Члены братства поставили своей задачей достиженіе строгости нравовъ. Тѣмъ не мѣняе, какъ съ гусситской, такъ и съ католической стороны къ нимъ отнеслись очень враждебно, принимаясь при всякомъ удобномъ случаѣ преслѣдовать ихъ. Приверженцамъ ея пришлось пострадать особенно сильно послѣ Шмалькальенской войны 1547 года, такъ что многіе спасались бѣгствомъ въ Польшу. Дважды происходили большія переселенія, пока, наконецъ, послѣ битвы у Вѣлой Горы (1620 г.) чешскіе выходцы не нашли себѣ пріюта — протестанты въ Шлезвигѣ и Саксоніи (Шпрпа, Дрезденъ, Бунцлау, Циттау, Бауценъ), а „братья“ — въ Лиссѣ. Особенно привѣтливо отнесся къ нимъ принцъ Альбрехтъ Прусскій. Въ Польшѣ они нашли могущественнаго покровителя въ лицѣ Андрея Горькаго.

Братству пришлось пережить еще и внутренній кризисъ, такъ какъ черезъ-чуръ идеалистическое и теоретическое ученіе Хельчицкаго должно было быть сначала приворовлено къ практической жыз-

ни. Побѣда „новаго“ направленія надъ „старымъ“ и преслѣдованія еще болѣе утвердили ихъ въ вѣрѣ, и послѣднее проникало въ самыя широкіе круги народа посредствомъ многихъ печатныхъ произведеній.

Ни одна секта не занималась такъ много культивированіемъ разговорнаго и литературнаго языковъ, какъ „братья“; вліяніе ихъ сказывалось даже и на польской литературѣ, такъ какъ польскіе приверженцы ихъ читали чешскія книги или писали польскія по ихъ образцу; но сами они не теряли связи и не забывали своихъ нѣмецкихъ собратьевъ, заготовляя для нихъ, по крайней мѣрѣ, духовныя книги (катехизисы, молитвенники и т. п.).

Прежде всего братство обратило свое вниманіе на исторію, что выразилось въ массѣ фоліантовъ, находящихся въ гернгутскомъ архивѣ; объ этомъ свидѣлствуютъ также и „Acta fratrum Bohemorum“ въ библиотекѣ графа Рачинскаго въ Позенѣ.

Исторіей братской общины занимались многіе чешскіе и польскіе писатели.

Во времена переселенія 1636 года между протестантомъ Самуиломъ Мартиниусомъ изъ Дразова и „братьями“ завязалась ожесточенная борьба. Въ этой чернильной войнѣ принялъ участіе также и Коменскій. Послѣдній писалъ о „тяжелыхъ страданіяхъ этой церкви“ и приводилъ ее исторію, въ которой описывалъ отношенія братской общины къ Лютеру и Польшѣ, а также и къ Альбрехту Прусскому.

„Богемскіе братья“ ставили литературу въ служебное къ религіи положеніе, и если они и не дали никакихъ поэтическихъ произведеній, то, по крайней мѣрѣ, позаботились объ изданіи красивыхъ каноновъ на чешскомъ и польскомъ языкахъ, а нѣкото-

рые изъ нихъ занимались также и теоретической стороной пѣнія и стихосложенія.

Первыя заслуги на этомъ поприщѣ принадлежатъ брату Благославу; однимъ изъ плодовъ его мягкаго, поэтическаго творчества является „Музыка“ (1559).

Въ связи съ этой дѣятельностью, посвященной благозвучности чешскаго языка и его поэтической гибкости, находится также и интересъ къ самому языку, особенно отражающійся въ грамматикѣ Благославова, стоящей далеко выше иностранныхъ произведеній того же рода.

Благославъ не только даетъ въ ней картину современнаго состоянія и послѣдовательныхъ фазъ развитія чешскаго языка, но принимаетъ въ соображеніе также и другія нарѣчія и даже прочіе славянскіе языки; достопримѣчательный опытъ для XVI-го столѣтія.

Въ извлеченіяхъ эта грамматика обошла широкіе круги и, безъ сомнѣнія, служила учебнымъ пособіемъ въ школахъ, успѣшно культивировавшихся „братьями“. Ихъ учителя получали образованіе въ лучшихъ университетахъ средней Европы и подготовляли почву для одного изъ значительнѣйшихъ предшественниковъ Песталоцци-Комениуса.

Братство было особенно озабочено изданіемъ образцовой и исправленной Библии, что опять таки связано съ именемъ ученаго брата Благослава. Въ главнѣйшихъ чертахъ его Новый Завѣтъ былъ принятъ и для Кралицкой Библии.

Такимъ образомъ, на всѣхъ литературныхъ поприщахъ того времени мы видимъ счастливую руку брата Благослава. Онъ родился въ 1523 году въ Прерау, учился въ Виттецбергѣ, гдѣ въ теченіе цѣлаго года слушалъ Лютера, а потомъ перешелъ въ университеты Кенигсберга и Базеля. Въ Вѣнѣ онъ

сошелся съ придворнымъ проповѣдникомъ короля Максимилиана II—Ифаузеромъ, который вмѣстѣ съ врачомъ Крато снискалъ къ нему благоволеніе повелителя. Въ Магдебургѣ онъ колемизировалъ съ славяниномъ Флакціемъ Иллирикомъ, который утверждалъ, будто бы братья, называемые также Шкарди, происходятъ отъ Вальдензеровъ.

Когда братъ Благодлавъ скончался въ 1571 году въ Мерншъ-Крумау, то вмѣстѣ съ нимъ община потеряла одного изъ самыхъ достойнѣйшихъ братьевъ, слава котораго была разнесена далеко вокругъ и уважалась первыми учеными того времени.

XIV.

Золотой вѣкъ

Въ XVI столѣтіи, особенно во второй половинѣ его, чешская литература достигаетъ большого развитія, главнымъ образомъ, въ количественномъ отношеніи. Начинается „золотой вѣкъ“ ея.

Наиболѣе достойной вниманія въ этомъ столѣтіи является религіозная литература, которая снова оживила къ себѣ прежній интересъ прошлаго столѣтія. Это способствовало развитію полемической и сатирической литературы, но глушило малѣйшіе поэтическіе побѣги, тогда какъ въ то же время въ Польшѣ и Далмаціи поэзія развилась уже на славу. Въ это время возникаютъ только историческія пѣсни, да и то очень рѣдко, и духовные стихи. Въ остальномъ, въ литературѣ отражается старинное пристрастіе, сохранившееся и до сихъ поръ, къ исторіи, къ описаніямъ путешествій, а юридическая литература достигаетъ достопримѣчательной высоты.

И народной литературѣ въ Богеміи было уделено такое же вниманіе, какъ и въ Германіи: до сихъ поръ перепечатки книгъ того времени сохраняютъ за собой извѣстную популярность

Книги въ большинствѣ случаевъ появляются въ видѣ большихъ фоліантовъ съ иллюстраціями.

Бурныя времена, когда различныя религіи боролись другъ противъ друга, а интересы отдѣльныхъ сословіи были другъ другу противопоставлены, дали богатый матеріалъ для исторической литературы наряду съ Шмалькальденской войной и засѣданіями сейма, занимавшася, главнымъ образомъ, вопросами вѣры и турецкой опасностью.

Центральнымъ мѣстомъ всѣхъ этихъ бурь была Прага. На современныя имъ событія каждый писатель глядѣлъ глазами своей партіи.

Оставляя въ сторонѣ другія имена, мы должны назвать, по крайней мѣрѣ, Сикста фонъ-Оттерсдорфа (1547), затѣмъ классическую монографію Венцеля Лжезана (жизнь Вильгельма и Петра Фокъ фонъ-Розенбергъ); особенную популярность стяжала себѣ богемская хроника Венцеля Хажека, очень интересно и красиво написанная этимъ пеносѣдой и спорщикомъ.

Все-то онъ зналъ и все брался объяснить. А чего и не зналъ, то готовъ былъ присочинить этотъ образецъ лжеца для критическаго историка, но замѣлительный рассказчикъ для историка литературы; представляя изъ себя доброе патріотическое чтеніе, его хроника была пощажена отъ преслѣдованія, которому подверглись многія чешскія книги.

Какъ писатель, онъ стоитъ несравненно выше „историка Хажека“. О его популярности свидѣлствуютъ также три нѣмецкихъ и одинъ латинскій переводъ его хроники.

Интересъ къ описаніямъ путешествій и къ знакомству съ чужими странами издавна былъ великъ въ Богеміи. Развившаяся на этой почвѣ литература составляетъ славу Богеміи, потому что въ разносторонности съ ней не можетъ ятти ни въ какое сравненіе любая славянская литература.

Переводъ описанія путешествій Марко Паули (по

Китаю и восточной Азіи) и дневникъ чешскаго посольства при французскомъ дворѣ (1464) достойны тоже быть отмѣченными.

Большими путешественниками были моравскіе братья. Чтобы расширить кругъ своего знакомства со всевозможными религіями, они отправили въ 1491—1492 годахъ нѣсколькихъ сочленовъ въ путешествіе; Кабатникъ отправился черезъ Россію и Константинополь въ Іерусалимъ и Египеть. Братъ Лука присутствовалъ при сожженіи Савонаролы.

Позднѣе, братъ Рокита отправился въ 1570 году къ знаменитому Ивану Грозному, великому князю московскому, чтобы склонить его къ ученію братства, но его дерзкая попытка чуть-чуть не кончилась, какъ у кроата Георга Крижаняча ссылкой въ Сибирь.

Въ XVII столѣтіи (въ тридцатыхъ годахъ) Данилъ Штрейкъ (Веттерусъ), учитель чешскаго языка у сына Фридриха Пфальцскаго, отправился въ путешествіе по Исландіи, которое и описалъ. Эта „Исландія“ извѣстна также и на нѣмецкомъ и польскомъ языкахъ.

Но обычной цѣлью путешественниковъ бывала Святая Земля, куда они обыкновенно направлялись черезъ Венецію. Очень пластично описываетъ это Іоганъ фонъ-Лобковичъ въ своемъ „Путешествіи ко Святому Гробу“.

Подобное же путешествіе предпринялъ въ 1546 году также и Прэфатъ фонъ-Влкановъ, побывавшій также и въ Санктъ-Яго-ди-Компостелло.

Въ 1598 году Кристофъ Харантъ ѣздилъ изъ ~~Полцица въ Палестину~~. Прошлое его принадлежало полной приключеніями жизни; онъ зналъ всю Европу. Описание его путешествія появилось и на нѣмецки. Въ этомъ путешествіи въ Палестину его сопровождалъ Германъ Чернишъ, который въ 1644 г. совершилъ, въ качествѣ королевскаго посланника, описанную имъ поѣздку въ Константинополь.

Въ Богеміи особенно охотно читали про турокъ и Константинополь. Описанія эти изобиловали опасностями и приключеніями. Въ 1500 году сербъ Михаилъ Константиновичъ написалъ по-польски одну изъ подобныхъ „хроникъ“ (слогъ его пересыпанъ чешскими и сербскими словами); съ польскаго она была переведена на чешскій и въ 1565 и 1581 гг. издана подъ видомъ „турецкой хроники“. Только въ 1865 году состоялся переводъ ея на сербскій языкъ. Подобную же судьбу испыталъ М. Митровичъ, томившійся въ 1591 году въ турецкомъ плѣну; его путевыя описанія пользовались большою популярностью и были переведены на нѣмецкій языкъ, въ 1584 году на англійскій и дважды на русскій (Побѣдоносцевымъ).

„Московская хроника“—описаніе Россіи и звѣрствъ Ивана Грознаго, написанное Гуаннии барономъ Зигмонтомъ Герберштейномъ стало извѣстнымъ по переводу Россія въ 1589 г.

„Парезъ въ Америку“ Лери точно также получилъ широкое распространеніе въ чешскомъ переводѣ.

Выдающимся географическимъ трудомъ была большая космографія, обработанная по-чешски Зигмонтомъ фоль-Пуховымъ въ 1551 году; образцомъ ему послужила космографія Себастьяна Мюнстера, переведенная въ 1680 году на русскій языкъ.

И литература права тоже насчитываетъ въ себѣ много цѣнныхъ произведеній, зачастую распространявшихся также и въ сторону и сторіи права.

Тамъ, гдѣ жилъ Залужанскій, первый распознавшій поль растеній, гдѣ было поле дѣйствій Хажека фонъ-Хажекъ, гдѣ правилъ астрологъ и алхимикъ Рудольфъ, должна была развиться и естественно-историческая литература, которая включаетъ въ себѣ и чешскія произведенія и переводныя (Разезь, Салица, Юанъ Черни).

По литературнымъ произведеніямъ этого періода

можно признать, что всѣ чешскіе писатели того времени были гуманистически образованы; въ этомъ отношеніи можно сослаться на многочисленныя переводы съ латинскаго, особенно философскихъ трудовъ.

Въ этой области особенно выдѣлился Микулашъ (Николай) Коначъ. Онъ издалъ басни Киприлла, хроніку Сильвія о Богеміи, жлзнеописаніе Карла IV и другія произведенія гуманистическаго характера.

Другимъ извѣстнымъ печатникомъ чешскихъ библиій былъ Мелантрихъ фонъ-Авентинъ, изучившій искусство книгопечатанія, „Черное искусство“, въ Нюрнбергѣ. У Мелантриха, между прочимъ, былъ отпечатанъ по-нѣмецки и чешски Гербарій Матиолі.

Въ Нюрнбергѣ и Виттелбергѣ было отпечатано много чешскихъ книгъ, тогда какъ словенскія получались въ большинствѣ случаевъ изъ Тюбингена.

Точно такъ же, какъ въ братѣ Благославѣ мы до извѣстной степени можемъ видѣть олицетвореніе стремленій всего братства, и въ зятѣ Мелантриха, типографѣ Данилѣ-Адамѣ фонъ-Велеславинѣ (1545—1599), бывшемъ большимъ приверженцемъ братства, мы можемъ видѣть литературнаго представителя „золотого вѣка“.

Будучи самъ плодовитымъ писателемъ, онъ сочинялъ предисловія для другихъ, печаталъ, исправлялъ и издавалъ современныя ему произведенія; онъ заслуживаетъ быть упомянутымъ также и въ качествѣ талантливаго переводчика и компилятора, который усвоилъ и облагородилъ латинскій стиль.

Стиль и литературный языкъ Велеславина долго считались образцовыми. И хотя значеніе этого „золотого вѣка“ для литературы и переоцѣнивается, не надо признаваться, что Велеславинъ представляетъ собой важный краеугольный камень чешской литературы. Недаромъ его смерть оплакивалась тридцатью тремя поэтами.

Вскорѣ послѣ этого заступаетъ замѣтный упадокъ литературы.

Временами на свѣтъ Божій всплываютъ отдѣльныя литературныя узники, какъ „Алтиалькоранъ“ (1614) прославленнаго Вацлава Будовенца. Этотъ ученый, сочленъ братской общины, былъ семь лѣтъ гофмейстеромъ при императорскомъ посольствѣ въ Константинополь, гдѣ изучилъ турецкій и арабскій языки. Онъ былъ въ перепискѣ съ самыми выдающимися умами своего времени.

Какъ глава протестантовъ онъ въ 1609 г. выхлопоталъ царскую грамоту.

Появились и такіе крупныя историческія труды, какъ трудъ гр. Мартиница, написанный въ католическомъ духѣ, и Павла Скала—въ протестантскомъ. „Чешская республика“ Странскаго содѣйствовала усиленію интереса къ чехамъ въ самыхъ широкихъ кругахъ и за границей.

Но послѣдствія преслѣдованій послѣ битвы у Бѣлой горы сказались очень скоро. Напрасно отдѣльныя чешскія колоніи напрягали все свои силы, чтобы сохранить на чужбинѣ свой языкъ, напрасно священники употребляли въ дѣло все свои ораторскія способности, — судьба этихъ общинъ была кончена. Да и сами эмигранты не были единодушны, какъ это показываетъ полемика задорнаго Самуила Мартиніуса съ моравскими братьями.

Но самымъ сквернымъ признакомъ былъ упадокъ языка; появлялись теоретики, которые уничтожали даже то, что еще жило въ народныхъ устахъ. „Защита славянскаго языка“ Бальбина, появившаяся на латинскомъ языкѣ, не помогла дѣлу. Гуманистъ Карлъ фонъ-Заротинъ старшій, знаменитый стилистъ, не узналъ въ концѣ XVII столѣтія чешскаго языка въ его запущенности и бѣдности выраженій.

Съ началомъ господства іезуитовъ, имя одного изъ которыхъ—Копяша—вошло въ поговорку послѣ уничтоженія тысячи чешскихъ книгъ, для чеш-

ской литературы наступаетъ болѣе чѣмъ столѣтній періодъ застою.

Во время этого періода полного упадка на литературномъ горизонтѣ возсіяло еще разъ большое свѣтило—Іоаннъ Амосъ Коменскій (Коменіусъ).

XV.

Іоаннъ Амосъ Коменскій.

(Коменіусъ 1592—1670).

Знаменитый педагогъ носитъ имя по мѣстечку Команы при венгерскихъ Бродахъ въ Моравіи, гдѣ онъ родился; имя „Коменіусъ“ представляетъ изъ себя только обычную для того времени латинизацію имени.

Такъ какъ онъ находился въ оживленнѣйшихъ письменныхъ сношеніяхъ съ самыми выдающимися учеными Европы, и его педагогическія стремленія пользовались широкой извѣстностью, то Коменскій принадлежитъ къ числу самыхъ замѣтныхъ личностей своего времени.

Его требованія нагляднаго обученія на родномъ языкѣ дѣлаютъ его самымъ значительнымъ предтечей Песталоцци; какъ таковой онъ вполне заслуживаетъ имени „учителя народа“ и дѣлается достояніемъ всего міра.

Но и для исторіи литературы онъ является столь же важнымъ въ качествѣ чешскаго писателя. Онъ самъ говорилъ про себя, что „моравъ по рождению, — онъ является чехомъ по языку и теологомъ по призванію“. Трагическая судьба господствовала въ жизни этого человѣка, который служилъ самой благородной идеѣ массой латинскихъ и чешскихъ литературныхъ произведеній.

Какъ истинный сынъ своего времени, Коменскій въ своихъ взглядахъ склонялся къ мистицизму и издавалъ пророчества Коттера, своей пріемной до-

черп Понатовской (жены Штрейкъ-Феттера) и Драбика, благодаря чему и претерпѣлъ много неприятностей.

Идеаломъ его было представить сумму всего человѣческаго знанія, излагавшагося имъ въ его пансофистическихъ твореніяхъ, до известной степени являвшихся высшей точкой современнаго ему міропониманія. Произведенія эти первоначально писались по латински и потомъ уже переводились, обыкновенно имъ самимъ, на чешскій.

Кромѣ того, онъ являлся представителемъ идеала мира, и сочувствующіе подобнымъ стремленіямъ встрѣтять при изученіи его трудовъ большую нравственную поддержку.

Отдѣльныя христіанскія исповѣданія должны были бы объединиться и жить въ полномъ единодушіи другъ съ другомъ, такъ какъ залогомъ истинно христіанской жизни является не догматическая сущность ученія, а стремленіе къ внутреннему совершенствованію. Его религіозные принципы нашли откликъ у Спенсера. Франкъ Шюлеръ, графъ Цинзендорфъ такъ увлекся этими мыслями, что объединилъ позднѣе разсѣянныхъ моравскихъ братьевъ въ Герягутѣ, чѣмъ искусственно вдохнулъ жизнь въ братскую общину.

Между его чешскими произведеніями особенно выдаются „Лабиринтъ міра“ и „Рай сердца“, на которыхъ особенно сказывается вліяніе протестантскаго проповѣдника Іоганна Валентина Андрэ.

Чешскія произведенія Коменскаго касаются по большей части исторіи братства; ему зачастую приходилось бороться за него для полемическихъ цѣлей.

Далѣе слѣдуетъ отмѣтить большой рядъ трактатовъ чисто религіознаго характера—речи на извѣстныхъ случаяхъ, проповѣди, молитвы, религіозныя разсужденія и другія писанія, имѣвшія отношеніе къ организаціи братской общины.

Этотъ всесторонне образованный человѣкъ издалъ также Катона, переводилъ Овидія, Виргилія и сочинялъ, какъ и его предшественники, каноны, переводилъ псалмы, работалъ и надъ генеалогическими вопросами, начертилъ очень важную карту Моравіи и даже составилъ катехизисъ для своихъ вѣмецкихъ соотечественниковъ въ Фульнекѣ.

Но самое значительное изъ его произведеній сдѣлалось въ 1656 году жертвой пламени; это была „Сокровищница чешскаго языка“, представлявшая изъ себя словарь и грамматику, для которыхъ онъ собиралъ матеріалъ въ теченіе болѣе чѣмъ сорока лѣтъ. На этомъ пожарѣ Коменскій потерялъ все свое состояніе; но больше всего его печалила потеря всего матеріала, затѣмъ—его „Amphitheatrum universitatis rerum“ и „Silva pansofia“.

Юганнъ Амосъ Коменскій былъ классически образованнымъ человѣкомъ, о чемъ свидѣтельствуетъ его стиль. Онъ умѣлъ сосредоточить вниманіе читателя на извѣстномъ предметѣ, о которомъ говорилъ хоть и безъ чрезмѣрнаго жара, но съ внутренней убѣжденностью и живостью. Выдержки изъ его произведеній охотно включались въ грамматики и служили даже во времена литературнаго, стилистическаго и національнаго упадка образцами совершеннаго литературнаго языка.

Иностранцы: нѣмцы, французы, поляки, шведы, венгерцы, англичане, даже голландскіе купцы, отдавали должное принципамъ этого благороднаго человѣка, которому послѣ дѣятельной, въ качествѣ послѣдняго епископа братской общины, жизни не пришлось даже опочить на родной землѣ. Онъ былъ похороненъ на чужбинѣ, въ Наарденѣ въ французско-протестантской церкви.

Въ исторіи педагогики Коменскій является краеугольнымъ камнемъ: точно также и въ исторіи философіи ему обезпечено самое почетное мѣсто.

Громадное значеніе Коменскаго для всего чело-
вѣчества нынѣ признается уже всеми, и исполни-
лись слова Лейбница, сказавшаго:

„Придетъ время, Коменіусъ, когда лучшіе люди
воздадутъ тебѣ почести за то, что ты дѣлалъ, на
что надѣялся и чего желалъ!“.

XVI.

Начатки польской литературы.

Польская литература начинается позднѣе чеш-
ской. Литературные памятники XV вѣка имѣютъ
болѣе филологическую цѣнность; кромѣ того, еще
есть небольшіе отрывки словесности, относящіеся
къ болѣе ранней эпохѣ. Мы не будемъ, правда, на-
прасно утверждать, что самостоятельная польская
литература въ самомъ дѣлѣ впервые беретъ свое
начало лишь въ XVI вѣкѣ, хотя сейчасъ же необ-
ходимо твердо установить, что уже тогда она высту-
пала, какъ явленіе необыкновенно важное. Счастли-
вое обстоятельство заключается въ томъ, что эта
литература представляла изъ себя органически-не-
прерывное развитіе, хотя, съ одной стороны, она
терпѣла отъ политическихъ раздоровъ, а съ дру-
гой стороны,—находилась подъ игомъ іезуитизма,
какъ и „письменность“ въ Рагузѣ.

Въ тѣ времена, когда въ Богеміи въ литератур-
ной области господствуютъ оды, когда все націо-
нальное—мертво, когда славянскій югъ стонетъ
подъ гнетомъ турокъ, а рѣчь неестественно заклю-
чена въ оковы, поляки уже насаждаютъ свою соб-
ственную литературу.

Историческое развитіе образовало изъ Польши
католическую твердыню, хотя бывали времена, ко-
гда Польша, напротивъ, относилась болѣе терпимо
къ другимъ религіямъ и сектамъ, чѣмъ прочіе на-
роды. Католицизмъ пересадилъ сюда латинскую
культуру, литературу и латинскую рѣчь, какъ цер-

ковное и государственное орудіе. Въ первые вѣка распространенія христіанства писали только по латыни, и ко времени расцвѣта гуманизма это чужеземное давленіе дошло до крайняго предѣла, нанося существенный ущербъ развитію отечественной рѣчи. Лучшіе сыны Польши расточали свои духовныя силы въ латинскихъ трудахъ и, если нѣкоторыя изъ нихъ, какъ это порой случается въ XVI вѣкѣ, наряду съ латинской, пользуются польскою рѣчью, то и у нихъ космополитизмъ, обыкновенно, заглушаетъ прирожденную любовь къ отечеству.

Въ эпоху между 1518 и 1548 гг. вышло не менѣе сорока изданій одного Эразма Роттердамскаго, въ то время какъ собственно польскія книги могли бы быть перечислены по пальцамъ.

Въ сосѣдней Богеміи произведенія этого гуманиста также переводятся и печатаются, но наряду съ тѣмъ, уже въ теченіе полувѣка, печатались и другія книги на чешскомъ языкѣ. Между тѣмъ въ Польшѣ лишь въ 1534 г. было подано первое прошеніе о разрѣшеніи печатать книги по-польски, и, въ особенности, не препятствовать печатанію польской библии. Первые польскіе печатники имѣли нѣмецкія фамиліи.

Въ общемъ ходѣ идей польская литература по сравненію съ средневропейскою отставала на цѣлое столѣтіе; особенно замѣтно это въ переводахъ произведеній схоластической философіи и считавшихся тогда авторитетными авторами—Аристотеля, Эзона, Сенеки, Каропа и нѣкоторыхъ отцовъ церкви.

Древнѣйшая польская литература носитъ на себѣ религіозный отпечатокъ, являясь въ XIV-мъ и XV-мъ вѣкахъ отраженіемъ чешской письменности, влияніе которой здѣсь было преобладающимъ.

Хотя первые проблески христіанства проникли въ Польшу уже ко времени Меодія, однако, новое вѣроученіе долго не призывалось на этой почвѣ;

столь же несущественное воздѣйствіе оказывали и позднѣйшія попытки нѣмецкихъ миссіонеровъ.

Поляки окончательно приняли христіанство лишь послѣ того, какъ Мѣшко женился на чешской принцессѣ Дубравѣ, т. е. въ срединѣ X-го вѣка. Вслѣдъ за тѣмъ развиваются чехо-польскія отношенія, которыя наложили явный отпечатокъ на древнѣйшіе польскіе литературные памятники.

Уже ежедневныя молитвы, какъ, напримѣръ, „Отче нашъ“ „Символь вѣры“, пасхальныя и рождественскія пѣсни, какъ и другія молитвы, представляютъ подражанія чешскимъ образцамъ. Въ первыхъ переводахъ изъ Священнаго Писанія, какъ напримѣръ, въ флоріанскомъ псалтырѣ, и въ комментаріяхъ къ пулавскому псалтырю, чешское вліяніе сказалось весьма яро.

Самымъ древнимъ и самымъ популярнымъ памятникомъ служить пѣснь о „Богородицѣ“, авторство которой приписывается св. Адальберту, по происхожденію чеху. Эта пѣснь была настолько популярна, что служила даже въ качествѣ гимна. О происхожденіи и толкованіи этой пѣсни существуетъ уже обширная литература.

Прекрасны пѣсни въ честь Маріи и св. Анны, которыя особенно усердно исполнялись бернардинцами; далѣе, сюда относятся молитвенныя, лѣкарственныя и поварскія книги, польско-латинскіе вокабулы и небольшой словарь, который былъ исправленъ въ 1471 г. примѣнительно къ латинско-польскому библейскому словарю, составленному по чешскому подлиннику.

Также при обработкѣ старинной польской библіи (1455 г.), сдѣланной для королевы Софіи, вдовы Ягелло, замѣтно чешское вліяніе.

Андрей Яшовичъ усердно черпалъ изъ чешской библіи (вѣроятно, дрезденскаго списка).

Мощный отголосокъ находитъ въ Польшѣ выступленіе Іоанна Гуса въ Прагѣ и его пристрастіе къ

Исторія славянскихъ литературъ.

Виклефу. Много поляковъ училось именно въ Прагѣ и оттуда занесли съѣмепа новой вѣры на свою родину; съ другой стороны, въ Польшу ѣздило много чеховъ, какъ напримѣръ, Стезна, Янъ Спльванъ и Иеронимусъ.

Когда Галка обнародовалъ польскую хвалебную оду въ честь Виклефа, его починъ возбудилъ сильное неудовольствіе среди ученыхъ педантовъ. Протестаптское вѣроученіе пользовалось народнымъ языкомъ, какъ самымъ могущественнымъ орудіемъ для пропаганды. Поэтому и противники реформаціоннаго движенія оказались вынужденными прибѣгнуть къ этому же средству.

Нѣкоторая часть первыхъ польскихъ рукописей обязана своимъ происхожденіемъ реакціи противъ все распространяющагося вліянія гусситскаго ученія; кромѣ того, прилагались старанія къ снабженію женщинъ, искавшихъ умственной пищи и испытывавшихъ потребность въ молитвенникахъ, подходящимъ матеріаломъ для чтенія.

Въ одномъ отношеніи польская литература совершенно уклоняется отъ прочихъ средневѣковыхъ сочиненій—замѣчается полное отсутствіе легендарныхъ произведеній; это единственное и замѣчательное явленіе. До недавняго времени была извѣстна лишь рифмованная легенда объ Алексѣѣ.

Въ позднѣйшее время неутомимому изслѣдователю Брюкнеру удалось найти новыя легенды. Вѣроятно, въ древнія времена этотъ родъ поэзіи былъ также хорошо представленъ, но рукописи затерялись. Только въ такомъ случаѣ и понятны слова Длугоша, по свидѣтельству котораго Ядвига читала житія святыхъ, разсужденія св. Бернарда, Амвросія и „Откровенія“ святой Бригитты.

Въ XV-мъ вѣкѣ мы находимъ уже небольшія легенды о св. Стапиславѣ, св. Екатеринѣ, св. Кристоффѣ, св. Дорофее, которыя были прикрашены позднѣе.

Древнѣйшими памятниками прозаическихъ произведеній служатъ „Проповѣди“, которыя выдаются своимъ содержаніемъ и слогомъ. Вслѣдствіе своей зависимости отъ латинской и нѣмецкой рѣчи (Магдебургское право) юридическая литература страдала въ своемъ развитіи и отстала отъ чешской.

Въ Богеміи не придавали большого значенія польскимъ сочиненіямъ. Козачъ писалъ въ своемъ предисловіи къ „Юдифи“ (1547 г.), которую онъ перевелъ съ греческаго, что поляки пишутъ шероховатыми стихами.

XVII.

Рей изъ Нагловиць.

Наконецъ, начинаютъ печатать по-польски. Ледяная кора латинизма постепенно растаяла: она сломлена была протестантствомъ, который проникъ также и въ католическую Польшу, найдя сторонниковъ, главнымъ образомъ, среди дворянства.

Къ началу XIV вѣка Польша превратилась въ могущественное государство, преобладавшее среди славянства; оно простиралось отъ моря до самыхъ Карпатскихъ горъ. На сѣверо-западѣ оно выдерживало борьбу съ нѣмецкимъ орденомъ и шведами, Литва же и Малороссія были присоединены. Позднѣе (въ началѣ XVII вѣка), въ смутную эпоху, когда выступилъ Лже-Димитрій, поляки приняли активное участіе и въ русской исторіи.

Послѣ того, какъ вымеръ ополячившійся родъ ягеллоновъ, послѣ различныхъ кандидатуръ, по настоянію могущественнаго канцлера Яна Замоискаго, въ короли былъ выбранъ венгерецъ Стефанъ Баторій (1576—86 гг.). Баторій сносился со своимъ народомъ, или, вѣрнѣе, съ дворянствомъ на латинскою языкъ, но онъ былъ прославленнымъ и осторожнымъ правителемъ, умѣвшимъ обуздать дворянство. Во время его царствованія и при его пре-

емникъ Сигизмундъ (родомъ изъ Швеціи) происходитъ громадный переворотъ въ польской литературѣ: наблюдается замѣчательная производительность, о которой въ началѣ XVI вѣка нельзя было бы и мечтать. Одновременно, какъ въ Богеміи, такъ и въ Польшѣ, наступилъ такъ чрезмѣрно въ послѣдствіи переопѣненный „золотой вѣкъ“.

Съ этимъ періодомъ неразрывно связаны два имени: Рей и Козановскаго. Оба происходили изъ дворянскаго рода. Дворянство тогда уже наложило на всю страну свой отпечатокъ, превративъ ее въ аристократическую республику съ королемъ во главѣ, чѣмъ и отличалась Польша отъ сосѣднихъ государствъ.

Рей былъ протестантомъ, Козановскій—католикомъ; въ немъ польская литература до Мицкевича достигла въ своемъ развитіи высшаго пункта. Къ этимъ писателямъ примкнули краснорѣчивый Скарга и Гозій, которые представляли религіозную жизнь. Политика также имѣла своихъ виртуозовъ, вроде упомянутого выше Замойскаго.

Рей (1505—1569 гг.) былъ первый, который не переводилъ по-славянски, а писалъ совершенно самостоятельно. Онъ былъ человѣкомъ веселаго нрава. Во время литературныхъ занятій его не покидала природная острота ума, и мѣткіе удары бича, которые онъ наносилъ католичеству, какъ и его житейская опытность придавали его сочиненіямъ дониндѣ не утраченную жизненность, съ отѣтвомъ несомнѣнной оригинальности.

Такъ какъ Рей счастливо избѣжалъ пыканья латынью, то рельефнѣе всего его индивидуальность выступаетъ въ творествѣ изъ личнаго опыта и въ описаніяхъ окружающихъ. Таково его произведеніе, которое представляло изъ себя сводъ познаній, необходимыхъ дворянину: „Зеркало или жизнь честнаго человѣка“ (1567 г.). Это „Зеркало“ подраздѣляется на три человѣческихъ возраста; авторъ при-

нимаеть и въ соображеніе лишь интересы дворянства.

Дворянинъ можетъ избрать службу или въ войскѣ, или при дворѣ, если не намѣренъ выслужиться, занимаясь сеймовою полтикой. Исходи изъ такихъ соображеній, авторъ исчерпываетъ разнообразныя явленія въ жизни польскаго общества, являясь какъ бы обстоятельнымъ историкомъ родной культуры. Рей не щадитъ никого, особенно же бичуетъ своей насмѣшкой челоуѣческія слабости. Слогъ его выразителенъ и ярокъ, авторъ не боится употребить даже грубоватое выраженіе, если оно мѣтко.

Кромѣ того, Рей написалъ сборникъ проповѣдей, толкованіе Апокалипсиса, этого кладезя средневѣковой мудрости, катехизисъ, переложенія псалмовъ, столь близкихъ его протестантской душѣ. Католикамъ стоило немалого труда вырвать эти сочиненія изъ рукъ вѣрующихъ читателей, къ которымъ также относились русины.

Иллюстраціей къ тому, какой любовью пользовался сборникъ проповѣдей Рея служить заблужденіе одного католическаго священника, который, живя недалеко отъ Лемберга, полагалъ, что Рей принадлежитъ къ отцамъ церкви и свою проповѣдь началъ словами: „слушайте, христіане, ученіе св. отца церкви Рея“...

Рей подвизался также и въ области драматической литературы; въ 1545 году онъ обработалъ излюбленный гуманистами сюжетъ: „Жизнь Іосифа изъ еврейскаго рода“. Черингъ видитъ въ этомъ сочиненіи полную копію труда Крока, хотя эта драма представляетъ также много общаго и съ „Іосифомъ“ Греффа и Майора. Это произведеніе собственно можно скорѣе назвать эпосомъ, чѣмъ драмой; оно пріобрѣтаетъ нѣкоторую жизненность лишь съ того эпизода, въ которомъ выступаетъ Зефира.

Упомянемъ, кстати, что польскій Пивдаръ Си-

ЯНЪ КОХАНОВСКІЙ.

монъ Шимоновичъ обработалъ ту же самую тему въ драмѣ „Цѣломудренный Іосифъ“, использовавъ пьесу Эврипида „Исполнить“.

Въ XVII вѣкѣ появились различныя пародіи на „Іосифа“.

Въ 1562 г. Рей издалъ объемистый трудъ „Звѣринецъ“, по образцу „Aprophthegmata“ Эразмуса Роттердамскаго и другихъ сочиненій такого же содержанія; съ теченіемъ времени „Звѣринецъ“ вызвалъ многочисленныя подражанія. Нѣсколько самостоятельныѣе было „Ограженіе въ зеркалѣ“, хотя и оно нашло себѣ прообразъ въ „Божественной Комедіи“.

Содержаніе его сводится къ тому, что юноша ищетъ на землѣ, въ небѣ и въ аду добра. Кромѣ „Достовѣрной исторіи“, которая произошла въ нѣмецкомъ городѣ Ландсгутъ, Рей писалъ діалоги, которые, однако, оказались утерянными. Они уцѣлѣли только въ чешскомъ переводѣ.

Въ своихъ произведеніяхъ Рей обращаетъ главное вниманіе на семейную жизнь и бытъ мелкаго дворянства. Онъ радуется тому, что всѣ остальные народы пишутъ уже на своемъ родномъ языкѣ, и только польская рѣчь дремлетъ, какъ „Спящая красавица“. Но уже при его жизни въ этомъ отношеніи наступилъ существенный переломъ.

XVIII.

Янъ Кохановскій.

(1530—1584 гг.).

Гуманистическое движеніе принесло въ Польшу отрадныя плоды. Появляется не только литература такихъ поэтовъ, которые ловятъ каждый удобный случай для своихъ писаній, но и прекрасныя произведенія серьезной литературы, которая особенно цѣнятся за границей, берутъ свое начало въ это, именно, время.

Такъ, Модржевскій, сталъ всѣми признанной величиной, Оржеховскій прослылъ крупнымъ талантомъ, Горницкій и Гейдевиттайнъ признавались превосходными писателями, а Сарбецкій былъ причисленъ папою къ сонму увѣнчанныхъ поэтовъ (poeta laureatus). Изъ сочиненіи въ XIX вѣкѣ были переведены на польскій языкъ.

На почвѣ гуманитарныхъ идей возникла благородная личность Яна Кохановскаго, родственникъ котораго перевелъ „Освобожденный Іерусалимъ“ и „Энеиду“.

Въ Янѣ Кохановскомъ „Золотой вѣкъ“ нашелъ своего лучшаго выразителя; онъ является самымъ яркимъ представителемъ польскаго поэтическаго искусства, которое, собственно, онъ и вызвалъ къ жизни. Въ его произведеніяхъ благозвучіе стиха достигло кульминаціоннаго пункта. Онъ создалъ поэтическую рѣчь, и тутъ только позднѣе съ нимъ могутъ сравняться баснописецъ Красицкій и поэтъ Трембецкій. Другіе славяне въ это время не имѣли подобнаго Кохановскому истиннаго поэта. Въ Ругуѣ тогда еще не достигли подъема собственной литературы. Что касается таланта Кохановскаго, то онъ принадлежитъ къ литературнымъ величинамъ второго порядка, но для Польши онъ имѣетъ такое же значеніе, какъ Петрарка и Гораций.

Изъ любви къ гуманистическимъ занятіямъ Кохановскій жилъ въ Краковѣ и, въ особенности, въ Цадуѣ, гдѣ онъ писалъ латинскія элегии, переведенныя имъ позднѣе. Изъ Италіи онъ отправился въ Парижъ, гдѣ оставался до 1557 г. Тамъ онъ ознакомился съ Ропсаромъ, обязаннымъ своею славою своимъ французскимъ стихотвореніямъ. Это обстоятельство такъ подѣйствовало на Кохановскаго, что онъ также рѣшилъ писать на родномъ языкѣ. Онъ сталъ сочинять любимыя тогда эпиграммы и эротическія стихотворенія, отличавшіяся вѣжностью и искренностью; написалъ первую польскую

сатиру, рядъ польскихъ лирическихъ пьесъ и перевелъ съ итальянскаго языка „Шаха“, сочиненіе Вида.

На службѣ, въ которой онъ занималъ постъ королевскаго секретаря, Кохановскій не достигъ особенныхъ успѣховъ. Онъ возвратился на родину, сочетался бракомъ, написалъ „Польскія пѣсни“ и нѣкоторыя другія сочиненія, въ которыхъ является убежденнымъ приверженцемъ Стефана Баторія.

Въ сельскомъ одиночествѣ онъ создалъ свое великолѣпное стихотвореніе „Трену“, посвященное памяти его маленькой умершей дочери.

Въ этомъ прочувствованномъ стихотвореніи ярче всего проявилась индивидуальность писателя. Благозвучность ритмы и непосредственность чувства, изливающегося изъ глубины взволнованнаго сердца, донимъ подкупаютъ въ этой пьесѣ современнаго читателя.

„Трену“ въ польской литературѣ часто находятъ себѣ подражаніе и слишкомъ высокую оцѣнку, чему немало способствовалъ Мицкевичъ. Наряду съ этими стихотвореніями является въ высшей степени интересной драма Кохановскаго „Отказъ греческимъ вѣстникамъ“, какъ первое удачное сочиненіе въ данной области.

Въ „Иосифѣ“ Рея авторъ не могъ отрѣшиться отъ нутъ эпическаго разсказа. Кохановскій въ своемъ трудѣ настолько близко подражаетъ греческой драмѣ, что у него даже выступаютъ античные хоры. Поэтъ вставляетъ въ діалогъ политическіе намеки. Провидящая судьбу Кассандра пророчествуетъ о будущемъ Польши:

„Несчастливая земля и несчастный берегъ“...

Упомянемъ еще о „Незлмахъ“ Кохановскаго, которые и теперь не утратили своей художественной цѣнности. Неудивительно, что они донынѣ ежедневно звучатъ въ устахъ поляковъ.

Поэзія Кохановскаго вполне гармонируетъ съ его

благородной личностью; она пропитана возвышенными и нравственными побужденіями. Отець польской поэзи является въ то же время и образцомъ образованнаго поляка въ XVI вѣкѣ.

XIX.

Петръ Скарга.

(1536- -1612 гг.).

Къ концу XVI и началу XVII вѣка выступаетъ образъ Петра Скарги, который считалъ себя орудіемъ Бога и вдохновлялся вѣрою и любовью къ отечеству. Скарга, іезуитъ, отличался необыкновеннымъ краснорѣчіемъ, за которое по заслугамъ получилъ наименованіе польскаго Златоуста. Онъ говорилъ съ убѣжденіемъ и порою съ упорнымъ фанатизмомъ защищалъ свои идеи, обращалъ татаръ и іудеевъ въ католичество, ратовалъ противъ все распространяющагося протестантизма и подвизался за католическую церковь. Нельзя не поставить ему въ заслугу, что онъ не преслѣдовалъ иновѣрія, какъ это случалось въ другихъ странахъ.

Скарга былъ какъ бы совѣстью своего вѣка и, наряду съ Говіусомъ, величайшимъ польскимъ католикомъ и догматикомъ. Польскій католицизмъ нуждался въ возрожденіи. Скарга проповѣдывалъ любовь и милосердіе и открыто требовалъ: „старайтесь быть лучшими!“ Въ пророческомъ духѣ говорилъ онъ о будущемъ своей родины. Этотъ человекъ, какъ придворный проповѣдникъ и раздаватель милостыни, имѣлъ сильное вліяніе на короля Сигизмунда III; несмотря на это, самъ онъ жилъ въ бѣдности. Свои моральныя и аскетическія принципы онъ прежде всего считалъ обязательными для самого себя.

Въ литературѣ Скарга занимаетъ почетное мѣсто, какъ знатокъ языка, которымъ владѣлъ въ со-

вершенствѣ. Наболѣе извѣстны проповѣди, которыя онъ произносилъ въ самыхъ разнообразныхъ случаяхъ; многія проповѣди посвящены догматическимъ вопросамъ. Въ надгробныхъ рѣчахъ онъ старался потрясти слушателей силою своихъ образцовъ, на сеймахъ прилагалъ всѣ усилія, чтобы смягчить черствыя души магнатовъ. Его сочиненіе „Жизнь святыхъ“ (1585 г.) написано просто и понятно; оно сдѣлалось популярнымъ, многіе въ немъ искали и находили мудрые совѣты. Простота изложенія придаетъ этому труду и нынѣ извѣстную цѣнность.

Другія его сочиненія, какъ, напр., „Единство Господней церкви“, не имѣютъ литературнаго значенія. Какъ велико было вліяніе этого проповѣдника на польское общество, сказалось въ печальныя времена польскаго мессіанизма въ XIX вѣкѣ. Потрясенныя души польскихъ эмигрантовъ снова обратились къ Скаргѣ и искали утѣшенія въ его произведеніяхъ. Но Скарга былъ здоровѣе и естественнѣе романтическихъ послѣдователей мистика Товіанскаго.

XX.

Современники и потомки Кохановскаго.

Неожиданный подъемъ, коснувшійся въ отношеніи какъ количественномъ, такъ и качественномъ, польской литературы конца XVI столѣтія, называется обыкновенно ея „золотымъ вѣкомъ“. Но верхніе слои все еще являются одержимыми крайнимъ пристрастіемъ къ латинскому языку.

Польская литература дѣлается ~~эхомъ бурныхъ королевскихъ выборовъ, породившихъ политическую, памфлетическую и сатирическую литературу;~~ послышалось голоса, громко требовавшіе реформъ, необходимыхъ для воспитанія польскаго общества.

Сюда принадлежитъ „Царедворецъ“ Горницкаго; хотя это произведеніе и составлено по итальянско-

му роману, но оно даетъ интересную картину жизни знати. Другіе писали „Сенатора“, еще другіе — „Деревенскаго шляхтича“, имѣя въ виду таковыхъ для своихъ воспитательныхъ цѣлей. Иные же занимались главнымъ образомъ воспитаніемъ дѣтей.

По своему происхожденію и значенію особенно замѣчательно произведеніе Якова Горскаго — „Совѣты мужчинамъ“ (1597); собственно говоря — это просто обработка итальянскаго текста Чероли (1577). Первоначально это произведеніе появилось въ Испаніи, и въ 1595 году оно было переведено полякомъ Варшевицкимъ на латинскій языкъ.

Истинно-поэтическій талантъ являетъ Шимоновичъ, милый, простая идиолія котораго никогда не теряютъ своего очарованія (1614). Классическія эклоги и буколики оживили поля и доли Польши. Шимонъ Шимоновичъ, авторъ „Didus Stanislaus“ и „Custus Joseph“ писалъ также сонеты, но этотъ увѣнчанный поэтъ скончался еще въ юношескомъ возрастѣ; многіе ждали отъ него, что онъ станетъ преемникомъ Кохановскаго.

Несмотря на значительныя сношенія Польши со всей Европой, у поляковъ въ то время не было литературы, описывающей путешествія. Только позднѣе появилось Радзивилловское описаніе путешествія ко Святымъ Мѣстамъ, и путешествія королевича Владислава съ посольствомъ въ Турцію. Благодаря этимъ путешествіямъ, поляки завязали сношенія и съ южными славянами.

Поляки, являвшіеся обладателями колоссальной исторіи, написанной по-латински, не могли вплоть до середины XVI столѣтія добиться подобнаго произведенія на родномъ языкѣ. Только литература мемуаровъ стояла нѣсколь-
ко выше. Изъ послѣдующаго времени приведу наряду съ Стрижковскимъ гетмана Жолкiewскаго, „Листки дневника изъ московской войны“ котораго отражаютъ въ себѣ московскую трагедію,

имѣвшую мѣсто во время царствованія Лже-Дмитрія (1609—1612).

Очень полезную работу затѣваетъ Мартынъ Бѣльскій, написавшій „Всемирную хронику“, въ которую включель также свѣдѣнія и о другихъ славянахъ; въ 1584 году она была переведена на русскій языкъ и образовала собой часть изданной въ 1670 году русской космографіи.

Кромѣ того, Бѣльскій писалъ всевозможныя сатиры на современныя ему обстоятельства и на женщинъ и написалъ стихотвореніе „Майскій сонъ“, связанное съ геройской смертью кроатскаго бана Николая Зрини при Шигетѣ въ 1566 году; оно даетъ лучшее доказательство тому, что этотъ случай имѣлъ громадное значеніе для всей средней Европы. Но этотъ „Майскій сонъ“ не должно смѣшивать съ одноименнымъ чешскимъ стихотвореніемъ, написаннымъ за сто лѣтъ до этого, вѣроятно сыномъ короля Георга, герцогомъ Мюнстерскимъ, по нѣмецкому образцу.

Замѣчательной личностью конца XVI столѣтія является польско-чешскій писатель Папроцкій, который сумѣлъ воздать чехамъ то, что должны были имъ поляки. А именно—долгое время польская литература находилась подъ чешской опекой. Въ 1566 г. Горницкій провизируетъ, что стоитъ шляхтѣ перешагнуть черезъ границу, какъ она сейчасъ же пересыпаетъ польскую рѣчь чешскими словами, а Секлуціанъ въ 1551 году защищается отъ упрековъ, будто бы онъ чехъ. Чешскій языкъ принимался поляками, какъ состоящій въ близкомъ родствѣ съ польскимъ, и еще въ 1574 году чеховъ хвалили за то, что ихъ языкъ является достаточно развитымъ для перевода книгъ Лютера и для выраженія правовыхъ понятій. Чешскіе писатели, издавая свои труды, имѣли въ виду также и Польшу, что доказываетъ и вышеупомянутый врачъ Черни, посвятившій полякамъ свой „Гербарій“.

Но скоро эти взаимоотношенія измѣнились; кое-какія изъ польскихъ драмъ были переведены на чешскій языкъ, и Папроцкій явился великолѣпнѣйшимъ чешско-польскимъ писателемъ.

Бартошъ Папроцкій написалъ сборникъ басенъ; онъ является учителемъ морали, пасквозъ пронпзанымъ гуманизмомъ и берущимъ за образецъ Эзона (подобно этому почерпали вдохновеніе изъ Эзона и Бернать Любельчикъ и Мартинъ Блажевскій).

Папроцкій взялся за польскую геральдику, которая дала ему богатое поле дѣятельности при наличности большого числа знати въ Польшѣ; въ свои геральдическія книги онъ занесъ, хотя и безъ критической оцѣнки, массу матеріала. Въ 1558 году Папроцкій повѣдалъ о судьбѣ эмигранта Зборовскаго, которая была значительно смягчена радушнымъ приѣмомъ въ Богеміи и Моравіи. Въ 1587 году Папроцкій написалъ статью, направленную противъ Замойскаго, а въ слѣдующемъ году—политическую брошюру, посвященную имъ могущественному Вильгельму фонъ-Розенбергъ.

Папроцкій возмѣстилъ чехамъ ихъ гостепрїимство тѣмъ, что написалъ для нихъ нѣсколько объемистыхъ генеалогическихкихъ книгъ и переработалъ рядъ своихъ польскихъ произведеній — настолько хорошо владѣлъ онъ впоследствии чешскимъ языкомъ; иными словами, онъ подарилъ имъ около 20 книгъ. На семидесятомъ году отъ роду онъ вернулся на родину, гдѣ и умеръ въ 1614 году.

Особенностью тогдашней польской литературы является цинцероніанизмъ, то-есть — нигдѣ въ другомъ языкѣ настолько не выражена слабость и пристрастіе къ латинской литературѣ, такъ что иной разъ казалось, что и по-польски-то писалось только для того, чтобы показать свое хорошее знакомство съ латинскимъ.

Другимъ отличительнымъ явленіемъ было влія-

ніе итальянской литературы. Поляки зачастую отправлялись учиться въ Италію, да и, съ другой стороны, итальянцамъ тоже нравилось въ Польшѣ. Итальянскій языкъ былъ дипломатическимъ. Нигдѣ такъ не любили итальянскихъ писателей, какъ въ Польшѣ и Далмаціи.

Мало-по-малу развивается также и народная литература, пользующаяся излюбленными въ средней Европѣ сюжетами; этотъ родъ литературы достигъ кулминаціоннаго пункта своего развитія въ XVII столѣтіи. Въ этихъ книгахъ мифологія, классицизмъ и мораль переплетались съ шутками, буффонадами и кучей иностранныхъ словъ, что давало имъ самую незначительную цѣнность.

XXI.

Далматская литература. — Рагуза.

Съ незапамятныхъ временъ Далмація находилась подъ политическимъ и культурнымъ вліяніемъ Италіи; въ средніе вѣка особенное значеніе здѣсь имѣла венеціанская республика. Далматскіе города и ихъ управление были итальянскими, но деревенскія общины — славянскими. На сѣверѣ Далмаціи, на Кварнерійскомъ островѣ и частью въ Истрии уже добрыхъ тысячъ лѣтъ богослуженіе производилось на славянскомъ языкѣ. Скоро народный языкъ проникъ и въ юридическіе документы; мало-по-малу славянское вліяніе распространилось и на береговые города.

Самостоятельная республика Рагуза находилась въ торговыхъ сношеніяхъ съ Венеціей, Венгріей, Балканскимъ полуостровомъ, Турецкой имперіей, Италіей и даже Испаніей. Она могла отстоять свою независимость только благодаря политической изворотливости и той осторожности, съ которой ухитрялась поддерживать дружбу съ могущественнымъ турецкимъ сосѣдомъ.

Для Балканскаго полуострова Рагуза являлась биржей, и изъ практическихъ побужденій городское управленіе держало на службѣ писца, знающаго славянскій языкъ и умѣющаго писать сербской кривлицей; съ теченіемъ времени даже и гордое патриціанство славянизировалось.

Республика имѣла венеціанскую систему управленія; содержашіеся въ образцовомъ порядкѣ архивы въ большинствѣ случаевъ велись по-итальянски и латински, но народъ, и въ особенности женщины, говорили между собой по-славянски, или — какъ они говорили — по „пашки“ (т. е. — по „нашемъ языкѣ“). Здѣсь среди прибрежныхъ романтическихъ скалъ, въ сказочной полнотѣ развилась южно-славянская художественная поэзія. Зерно ея было заложено еще въ началѣ XVI столѣтія въ Спалато Марко Маруличемъ. Онъ написалъ много латинскихъ произведеній, которыя цѣнились очень высоко и впоследствии получили широкое распространеніе; нѣкоторыя изъ нихъ были отпечатаны по нѣскольку разъ, какъ напримѣръ, „Evangelistarium“ (12 разъ) или „De institutione benedidendi per exempla sanctorum“, выдержавшее между 1506—1636 годами 19 изданій; итальянскій переводъ ея выдержалъ 12, нѣмецкій — 6 изданій; кромѣ того, имѣется французское и португальское изданіе. Кромѣ того, онъ издалъ исторію древнихъ далматскихъ и кرواتскихъ королей, но для славянской литературы наибольшее значеніе имѣетъ „Юдифь“, отпечатанная въ первый разъ въ 1521 году. Маркомъ Маруличемъ, отцомъ кرواتской поэзіи, южно-славянская академія открыла изданіе собранія сочиненій старыхъ крватскихъ писателей.

„Юдифь“, освобождающая свой народъ отъ враговъ, была направлена противъ турокъ: кромѣ того, Маруличъ написалъ молитву противъ турокъ, злѣйшихъ враговъ христіанскаго міра. Турецкая опасность завала мотивы и матеріалъ и поэзіей-

шему эпическому и драматическому творчеству, какъ у Лусича (Хвала граду Рагузѣ), Гектровича, Баракевича и особенно—у Сазина.

Кромѣ Спалато, было много поэтовъ и въ Зарѣ, потомъ и на островѣ Лезина, представляющемъ изъ себя до извѣстной степени связующее звено между свверомъ и Рагузой.

Если мы прослѣдимъ за кроатскими поэтами въ томъ порядкѣ, въ какомъ они представлены южно-славянскою академіею въ вышеупомянутомъ сборникѣ, то должны будемъ все время не выпускать изъ виду итальянской литературы; нельзя сказать, чтобы эта богатая литература могла похвастаться самобытностью. Вездѣ мы встрѣчаемъ произведенія, отличающіяся элегантностью формы, красивымъ стилемъ, превосходящимъ по звучности даже и итальянскій, но и во времена самаго пышнаго расцвѣта этой литературы ей не хватаетъ истинныхъ талантовъ.

Все-таки, нельзя не упомянуть, что среди славянскихъ произведеній нѣкоторыя отличались естественной свѣжестью и силой, особенно—эпическія стихотворенія, обыкновенно черпавшія вдохновеніе изъ волшебнаго кладезя южно-славянскихъ народныхъ пѣсенъ. Но собственно о героическомъ эпосѣ въ Рагузѣ не можетъ быть и рѣчи. Онъ не могъ развиться на почвѣ мягкой итальянской культуры республики; эта почва была благопріятной скорѣе для путаницы между современными культурными понятіями и греческою мифологіею, и полная спутанность этихъ представлений вышла себѣ выраженіе въ пастушескихъ діалогахъ. Марко, знаменитый королевичъ, и его друзья, сербскіе богатыри, не пользовались здѣсь любовью.

Далматскіе писатели были великолѣпными знатоками латинскаго языка, и многие изъ нихъ принадлежали къ числу „doctissimi viri“.

Близость Италіи повлекла за собой то, что эпоха

умственного возрожденія и гуманизма очень скоро коснулась и Далмацин. Особеннымъ вліяніемъ пользовались ученики Петрарки; въ 1384 году Джіованни Конвертино былъ вызванъ изъ Равенны на должность городского нотаріуса Рагузы; далѣе слѣдуетъ упомянуть имя знаменитаго гуманиста Лауренціуса, находившагося въ тѣсной связи съ „poeta laureatus“ Лампридіемъ Церва (1463—1520).

Но гуманизмъ не вполне отвѣчалъ духу аристократической республики съ ея утонченными нравами, хотя Динко Равжина (1536—1607) и старался культивировать его. Зато возрожденная Италія съ ея новымъ міромъ мыслей, представителями котораго являлись Данте, Петрарка и позднѣе—христіанскій романтикъ Тассо, была близка рагузцамъ. Утонченный вкусъ господствующей въ Рагузѣ аристократіи отвергалъ все непрстойное или грубое въ литературѣ; даже и классическіе образцы появляются въ Рагузѣ преломленными новой призмой духа. Перефразировали Софокла, Еврипида, Овидія.

Главной особенностью далматской литературы является перевѣсъ рифмованной поэзіи, т. е. — собственно поэзіи. Почти вплоть до недавняго времени въ Рагузѣ, за исключеніемъ словарей и сводовъ законовъ, не знали ни одного прозаическаго произведенія. Но автору даннаго изслѣдованія удалось отыскать цѣлый рядъ написанныхъ прозой легендъ, дающихъ богатый матеріалъ для изслѣдованія мѣстнаго языка, успешно пересыпаннаго итальянскими.

Такимъ образомъ, на берегахъ голубой Адриатики процвѣтала хотя и не самобытная, но богатая литература, съ которой по нѣжности и звучности стиля не могла идти въ сравненіе ни одна славянская литература. Лучше всего поэзія расцвѣла въ области чистой лирики; также и драма, или, лучше ска-

вать, -- лирико-эпическая пьеса, имѣеть отличныхъ представителей.

Рагузская литература замѣчательна еще въ другомъ, весьма характерномъ отношеніи: она замѣчательна литературной преемственностью, связывающей одно поколѣніе съ другимъ. Молодой поэтъ извлекаетъ изъ произведеній стараго цѣля строчки, органически входящія въ составъ новаго произведенія. Правда, подобная литературная традиція накладываетъ на поэзію отпечатокъ старомодности, но зато соединяетъ между собой отдѣльныя литературныя явленія въ стройное цѣлое, что вполне отвѣчало католическому, свободному духу Рагузы.

Въ лирическихъ стихотвореніяхъ доминируетъ поэзія трубадуровъ; пастушескія пѣсни, наполненныя безконечными варіаціями тоски, неземной любви и любовнаго томленія, являютъ собой въ большинствѣ случаевъ формальный наборъ словъ, лишенный истиной сердечности. Южно-славянскія пасторали, пастушескія эклоги писались по итальянскимъ образцамъ; но этотъ родъ индивидуальной поэзіи припалъ въ Рагузѣ совершенно исключительныя формы. И здѣсь сказывалось, насколько благоприятно отражалось на рагузской литературѣ то, что она стояла въ сторонѣ отъ богословскихъ споровъ.

Отрадное явленіе представляютъ собою комическія стихотворенія, часто выражавшіяся въ карнавальн. поэзіи. Между послѣдними выдается „Цыганка“ Андрея Чубраковича, почти единственное среди болѣе длинныхъ стихотвореній, которое не потеряло своего интереса и до сихъ поръ, благодаря живости трактовки. Въдѣ и до сихъ поръ карнавалъ празднуется въ Рагузѣ очень торжественно на Страдоне и въ театрѣ.

Мощный источникъ далматской, и, особенно, рагузской поэзіи являло собой Священное Писаніе. Переводили псалмы. сочиняли духовныя пѣсни;

религіозныя, церковныя цѣли видны особенно ясно въ драматическихъ произведеніяхъ.

Упорный бунтовщикъ, монахъ и отшельникъ Мавро Ветраичъ-Чавчичъ (1482—1576) проявляетъ въ своихъ стихотвореніяхъ чутье къ природѣ, какъ въ отношеніи моря и мореплаванія, такъ и міра животныхъ и растений; въ этомъ направленіи онъ опередилъ Европу на цѣлое столѣтіе. Хотя въ своемъ „Перегрипусѣ“ онъ является слабымъ, подражателемъ Данте, но, наряду съ Држичемъ, Чавчичъ является самымъ выдающимся поэтомъ до Гундулича.

И обще-славянскія идеи, какъ и славянизированныя исторіи и волшебныя сказки, расцвѣтаютъ на берегахъ Адриатики; Далмація очень быстро поняла важность Шигетскаго событія и опасность магометанской сосѣдней имперіи.

Но, несмотря на богатую поэтическую литературу, въ Рагузѣ не было типографіи; правда, пныя книги печатались за границей, но обыкновенно манускрипты списывались, исправлялись и дополнялись писцами, такъ что случалось, что авторы еще при жизни не признавали подобнаго произведенія за свое.

Поэзія, расцвѣтшая въ этихъ „южно-славянскихъ Аониахъ“ впитала въ себя ароматы лимоновъ, апельсиновъ, розмариновъ, расцвѣтающихъ подъ южнымъ климатомъ Рагузы. Это было той почвой, на которой развился самый значительный сербо-хрватскій поэтъ средневѣковья—Гундуличъ, или по итальянски—Гондола.

XXII.

Ж. Фр. Гундуличъ (1588—1638).

Однимъ изъ самыхъ значительныхъ литературныхъ произведеній XVII столѣтія является эпическая поэма „Османъ“ Живо Франъ Гундулича.

Авторъ ея происходилъ изъ аристократической

семьи Рагузы, состоялъ во всѣхъ высшихъ должностяхъ, за исключеніемъ ректората надъ республикой, чего онъ не могъ добиться только вслѣдствіе недостиженія имъ законнаго возраста—50 лѣтъ.

Гундуличъ былъ человекомъ классически образованнымъ, хорошо знакомымъ съ итальянской литературой; онъ былъ вдохновеннымъ поэтомъ, въ совершенствѣ владѣвшимъ формой и усвоившимъ себѣ традиціи и плоды рагузской литературы. Славянскую народную поэзію онъ умѣлъ тонко чувствовать.

При созданіи „Османа“ передъ нимъ, въ видѣ образца, вѣталъ „Освобожденный Іерусалимъ“ Тассо, какъ представитель романтическаго эпоса, воспѣвающаго побѣдоносное христіанство.

Внѣшній классически-итальянскій лоскъ самымъ счастливымъ образомъ былъ углубленъ славянскимъ чутьемъ. Здоровое славянское зерно заложено особенно въ лирическихъ переходахъ, въ которыхъ зачастую звучитъ отголосокъ звучныхъ южно-славянскихъ пѣсней. Каждый разъ, когда поэтъ имѣетъ поводъ коснуться своей родины, онъ не забываетъ восхвалить свободу рагузской республики.

Материалъ для эпоса Гундуличу дали два большихъ, и въ то время важныхъ для всей Европы, событія: пораженіе турокъ у Хоцима въ 1621 году (вѣсть о побѣдѣ поляковъ облетѣла всю Европу) и трагическая смерть молодого султана Османа, въ 1618 году вступившаго на престолъ полнымъ честолюбія юношей.

Польскій королевичъ Владиславъ, воплощеніе королевства польскаго, является здѣсь (хотя и довольно таки несправедливо) идеальнымъ представителемъ христіанства и его передовымъ бойцомъ.

Турецкая опасность уже была предметомъ литературнаго обсужденія. Кромѣ того, у Гундулича были до извѣстной степени семейные интересы въ томъ, чтобы воспѣть сына Сигизмунда Вазы Вла-

дислава, такъ какъ незадолго до этого онъ посѣтилъ въ Анконѣ родственниковъ поэта и пользовался ихъ гостепріимствомъ. На помощь къ еще свѣжымъ семейнымъ преданіямъ Гундулича пришло знаніе турецкихъ и вѣнскихъ обстоятельствъ, чѣмъ онъ теперь и воспользовался.

Содержаніе „Османа“ заключается въ нижеслѣдующемъ:

Молодой Османъ, государство котораго уже падаетъ благодаря изнѣженности турокъ, хочетъ отомстить за поражение при Ходимѣ и уничтожить весь христіанскій міръ. „Царь“ Османъ, какъ его называютъ поэты, имѣетъ врага въ лицѣ матери ввзложеннаго Мустафы. Осману передъ его предпріятіемъ предстоитъ еще отправиться въ паломничество въ Мекку. Тѣмъ временемъ Али-Паша, поѣздка котораго рисуется въ третьей пѣснѣ, долженъ вести съ поляками переговоры о мирѣ. Польскаго плѣнника Кореваго надо беречь какъ можно тщательнѣе. Поѣздка Али-Паши даетъ поэту возможность начертить очень интересную картину битвы при Ходимѣ; во время этого сраженія при Османѣ была амазонка, монгольская принцесса Соколица. Во время дальнѣйшаго путешествія Паша встрѣчаетъ невѣсту плѣнннаго Кореваго—Крунославу, переодѣтую мужчиной (вліяніе Аріосто и Тассо). Коревакій хотѣлъ выручить изъ затруднительнаго положенія своего будущаго тестя, проявилъ чудеса храбрости, но былъ стваченъ сзади трусливыми валахами и выданъ туркамъ. Слово львица, Крунослава пробирается къ палаткѣ султана и вызываетъ его на поединокъ. Но Соколица не допускаетъ этого и сражается съ неизвѣстнымъ рыцаремъ. Обѣ дѣвнцы, переодѣтыя рыцарями, съ бѣшенствомъ бросаются другъ на друга, пока въ концѣ концовъ не теряютъ своихъ забралъ, и солдатамъ является ихъ дѣвичья красота. И позднѣе Крунослава продолжаетъ искать свою противницу

и жениха, пока не узнаетъ отъ Али, что Коревскій томится въ плѣну. Турецкій посоль въдетъ дальше въ Польшу.

Крунослава слушаетъ полня любовнаго пламени пѣсни пастуха и, переодѣвшись венгерцемъ, отправляется на поиски жениха. Тѣмъ временемъ въ Константинополь царь Османъ ожидаетъ возвращенія своего посла, чтобы напасть затѣмъ на Персію и завоевать это государство; тогда уже мечь его поразитъ и европейскихъ властителей. Между послѣдними онъ боится только одного, а именно—польскаго королевича Владислава, разбишаго его при Хоцимѣ.

Затѣмъ описывается экспедиція Кизляръ-Аги, который долженъ отыскать въ суруги для своего повелителя красивѣйшую дѣвицу на свѣтѣ. Передъ развалинами Троя, на греческихъ островахъ, вездѣ спрашиваютъ они о красивѣйшей дѣвушкѣ, пока не узнаютъ, что таковой является Сунчанца, живущая въ Смедереве. Послѣ того, какъ Сунчанцу похищаютъ, отецъ ея раздражается жалобными пѣснями (вліяніе народной поэзіи). Затѣмъ Кизляръ-Ага ищетъ Соколицу, желающую отомстить за Османа полякамъ, сражаясь съ ними. Въ великолѣпной сценѣ описывается ея встрѣча съ прицемъ Владиславомъ, который великодушно даритъ ей жизнь, за что получаетъ обѣщаніе никогда болѣе не поднимать меча противъ христіанъ.

Когда появляется Али-Паша съ мирными предложеніями, при польскомъ дворѣ все еще продолжаютъ торжества въ честь побѣды при Хоцимѣ. Въ то время, какъ поляки обсуждаютъ условія мирнаго договора, графъ Зборовскій занимаетъ турецкаго посла разговорами о выигранной битвѣ, отдельные эпизоды которой вплетены въ цѣнные гобелены; пальма славы приговаривается, разумѣется, Владиславу. Затѣмъ самымъ торжественнымъ образомъ празднуютъ заключеніе мира, и па-

ша возвращается назадъ, одаренный богатыми подарками.

Тѣмъ временемъ Круцослава старается освободить Коревакаго изъ его заключенія въ ужасной тюрьмѣ Едикулѣ, напавъ на охранявшую его стражу, но при этомъ сама попадаетъ въ плѣнь.

Тѣмъ временемъ въ аду дьяволъ съ ангелами своими постановляетъ нарушить турецко - польскій миръ; для этой цѣли попы и янычары должны быть инспирированы противъ мира съ польшой, а придворныя дамы, которыя всегда являются самыми вѣрными слугами сатаны, должны тоже постараться объ этомъ.

Затѣмъ идетъ пропускъ XIV и XV пѣсенъ. Последнія пѣсни происходятъ въ Константинополѣ, гдѣ среди весеннихъ начинается броженіе, и поднимаются народныя массы. Султанъ созываетъ совѣтъ министровъ и оказывается склоннымъ даровать прощеніе мятежникамъ. Мать низложеннаго Мустафы побуждаетъ своего зятя Даута убить Османа и помочь Мустафѣ слова возсѣсть на тронъ. Мятежники осаждаютъ дворецъ великаго визиря Дилавера, а потомъ кидаются къ королевскому дворцу. Тѣмъ временемъ переодѣтый дервишемъ Дилаверъ ищетъ въ Малой Азіи сообщника, но его узнаютъ и убиваютъ; его жена Бегумъ горько плачетъ надъ его трупомъ.

Послѣ того, какъ убиваютъ и министровъ, Мустафа провозглашается царемъ, послѣ чего Османа отдаютъ на позоръ и предають смерти отъ руки раба.

Трагическій конецъ Османа долженъ былъ явиться нагляднымъ образцомъ суетности и непостоянства земного счастья.

Относительно двухъ недостающихъ пѣсенъ (VIV и XV) существуютъ различныя предположенія; прежде думали, что онѣ потеряны, теперь же склоняются къ той мысли, что поэтъ вообще не напи-

сазь ихъ. Этотъ пробѣлъ нарушаетъ поэтическую цѣльность даннаго громаднаго историческаго эпоса, такъ какъ читатель такъ и не узнаеть ничего о судьбѣ Коревакаго и Крунославы.

Зорого (Зоркочевичъ) и Мажураничъ пытались дописать эти двѣ пѣсни, и имъ удалось очень удачно разрѣшить въ духѣ автора проблему судьбы любовной парочки; но каждый изъ нихъ взялъ другую исходную точку для этого.

Это знаменитѣйшее произведеніе рагузской литературы обошло въ массѣ списковъ всѣ балканскія страны. Но его постигла несчастливая судьба: оно было издано въ первый разъ только двѣсти лѣтъ спустя, въ 1826 году. Причиной такого запоздалаго обнародованія было то, что только съ XIX столѣтія въ Рагузѣ появилась типографія; съ другой стороны—оно было обязано этимъ также и политически мудрой осмотрительности отцовъ Рагузы, которые не хотѣли возстановить противъ себя могущественнаго сосѣда и покровителя изданіемъ направленнаго противъ него литературнаго произведенія.

Живую иллюстрацію подвижной рагузской жизни даетъ старѣйшій списокъ „Османа“, начало котораго относится къ Бискайѣ въ Испаніи, продолженіе—къ Вѣнѣ, и конецъ—къ Прагѣ.

Османъ былъ дважды переведенъ на итальянскій языкъ; Гетальди перевелъ его на латинскій, и предполагають, что существовалъ и польскій переводъ. Но этотъ переводъ сгорѣлъ во время одного изъ пожаровъ въ Дрезденѣ въ 1849 году.

Отдѣльныя пѣсни и мѣста переводились также и на другіе славянскіе языки; первая пѣсня была переведена на пѣмецкій еще въ рукописномъ спискѣ.

„Османъ“ представляетъ изъ себя самое значительное произведеніе Гундулича, бывшаго, кромѣ того, виднымъ драматургомъ, черпавшимъ мате-

ріаль пзъ классической старини или современной ему обстановки. Кроме того, ему очень удалось перевести покаянныхъ псалмовъ.

Произведенія Гундулича скоро были признаны образцовыми, и съ его именемъ связано возникновеніе литературной школы; вообще весь его родъ былъ одаренъ литературными способностями. Миланко написалъ драму „Сунчанца“, въ которой является богемская королева Крупослава. Сынъ его генераль императорской службы, описалъ свое путешествіе въ Москву въ качествѣ посла Фердинанда III. Внуку Соркочевичъ пополнилъ недостающія пѣсни „Османа“, а въ XIX столѣтїи переводчикъ Гетальди принялъ имя Гондола.

Изъ послѣдующаго времени слѣдуетъ выдѣлать Ювія Пальмотича (Пальмотта), пользовавшагося (1606—1657) матеріаломъ у классиковъ (Гомера, Софокла, Овидія), а впоследствии и у Гассо. Самымъ извѣстнымъ произведеніемъ его является „Христїада“.

Яковъ Пальмогичъ († 1680) описалъ въ одномъ пзъ стихотворенїи землетрясеніе въ Рагузѣ 1667 года, не только уничтожившее всеъ дома, но и похоронившее подъ ихъ развалинами 5,000 людей. Это ужасающее происшествіе съ одной стороны, наложило печальные слѣды на исторїю рагузской республики, съ другой—съ разрушеніемъ города расцвѣту литературы былъ нанесенъ чувствительный ударъ. Очень скоро литература опускается до служебнаго при церкви мѣста, что не могло обезпечить далматскому Пегасу смѣлаго полета.

Впрочемъ, главной причиной литературнаго упадка былъ недостатокъ въ истинныхъ талантахъ. Въ области науки культивировалась, главнымъ образомъ, историческая литература, да и то—на латинскомъ языкѣ. Самымъ извѣстнымъ произведеніемъ этой категорїи является большая рукопись Цервы.

Только въ XIX столѣтїи поэзія снова оживаетъ

послѣ долгаго сна, и представители ея составляютъ сообща альманахъ „Дубровникъ“. Это были: Конте, Медо, воспитатель короля Милана Обреновича, убежденный славянофилъ и почитатель города Рагузы и ея окрестностей, и Матвѣй Банъ, воспитатель теперешняго короля Петра Карагеоргиевича. Между прочимъ, Банъ написалъ драму „Линъ Гусъ“ по Каіетану Тиллю, произведеніе котораго видѣлъ въ Прагѣ въ 1869 году.

XXIII.

Чешскій, польскій и кроатскій театръ въ сред- ніе вѣка.

Пропехождение славянскаго театра, особенно у католическихъ славянъ, ехъдуетъ искать, какъ и въ другихъ частяхъ Европы, въ церковныхъ мистеріяхъ. Позднѣе, большое вліяніе на славянскую драму оказывали произведенія, написанныя въ духѣ возрожденія. Но зачастую тема для нихъ берется изъ мѣстныхъ обстоятельствъ изъ современныхъ происшествій, которыя перелицовывались сообразно съ потребностями даннаго момента.

Мистеріи разыгрывались на латинскомъ языкѣ— первоначально въ церквахъ, а впослѣдствіи и внѣ ихъ. Въ церковныя темы мало-по-малу проникали отдѣльные элементы народнаго языка, пока, наконецъ, не явились цѣлыя сцены, написанныя на томъ простонародномъ жаргонѣ, который отмѣчаетъ собой упадокъ вкуса въ эпоху среднихъ вѣковъ.

Старѣйшая литература этого рода находится у чеховъ. Уже въ XIV столѣтіи мы находимъ у нихъ отрывокъ изъ „Шарлатана“. Эта фигура пользовалась любовью и среди пѣмцевъ богемскихъ странъ.

Время религіозныхъ движеній въ Богеміи не благопріятствовало драмѣ, находившейся до извѣстной степени въ подчиненіи и службѣ у католической церкви, и не соответствовавшей основнымъ

принципамъ сектъ, базпровавшихся на Священномъ Писаніи; да и музы не поклонницы сраженій.

Но эпоха возрожденія скоро возмѣстила то, что было нарушено духомъ времени. Гуманизмъ снова выпесъ на сцену драматическое произведеніе, особенно латинское.

Особенно охотно драмой пользовались іезуиты въ цѣляхъ пронаганды и воспитанія.

Янъ Кампанушъ Водняцкій воспользовался чешской темой для своего „Похищенія Юдифи, супруги Вжетислава“ (1604); подобное же представленіе принадлежало творчеству св. Венцеля (1566) и было въ 1614 году пздано на чешскомъ языкѣ.

На чешскомъ языкѣ, главнымъ образомъ, пользовались извѣстными библейскими темами, которые уже сами по себѣ влекли къ поэтической обработкѣ: Руфь, Саулъ, Соломонъ, Самсонъ, Илія, Товій, Елисей, Юдифь, Іоаннъ Креститель. „Вѣнокъ ко дню рожденія“ былъ сыгранъ въ честь дня рожденія короля Матвѣя; среди историческихъ личностей излюбленной былъ Константинъ Великій. Иногда на сценѣ философствовали аллегорическія фигуры, въ большинствѣ случаевъ открывая бездны своей премудрости у перекрестковъ. Въ отдельныхъ городахъ, особенно въ іезуитскихъ школахъ и у Комениуса, охотно выводили на сценѣ мѣстнаго патрона. Подобныя школьныя представленія держались въ Богеміи вплоть до XVIII столѣтія.

Кромѣ церковныхъ и библейскихъ драмъ, мы находимъ уже въ XVI столѣтіи произведенія чисто свѣтскаго характера, состоявшія изъ нѣсколькихъ актовъ, пролога и эпилога, какъ это имѣло мѣсто и въ Германіи. Выводятся глупый мужикъ, грубіянь, сцены женской невѣрности и грубыя шутки.

Затѣмъ наблюдается поразительное явленіе; съ едва только народившейся польской литературы начинаютъ переводить на чешскій языкъ; неодновременно случилось, что польскій оригиналъ терялся,

какъ „Lupus et Warwass“ Рейса или „Нищенская трагедія“, дошедшая до насъ только отдѣльными лоскутками, тогда какъ чешскій переводъ сохранился въ цѣлости. Масленичныя представленія появляются въ обѣихъ литературахъ, и нѣкоторыя интермедіи очень похожи другъ на друга.

Нѣкоторыя театральныя пьесы переводились съ нѣмецкаго, какъ „Юдифь“ Греффа, обработанная въ 1547 году Конячемъ по-чешски, равно какъ и переведенная на тотъ же языкъ драма Ганса Саксена „О честной и благородной вдовѣ и Олофернѣ“ (1605). Точно также трагедія „О гибели Содома и Гоморры“ (1591) и „Потѣшная исторія о нѣкоемъ деревенскомъ парнѣ“ были нѣмецкаго происхожденія.

Съ итальянскаго пользовались для пьесенировки нѣкоторыми рассказами Боккачю, но въ общемъ итальянцы оказали самое маленькое вліяніе на развитіе драмы въ Богеміи.

При возрожденіи чеховъ пражскій театръ имѣлъ большое вліяніе на массы, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда трактовалась историческая тема или драма преслѣдовала патріотическія цѣли. Обыкновенно пользовались переводами съ нѣмецкаго.

Въ началѣ XIX столѣтія въ сѣверной Богеміи, такъ, напримѣръ, въ Хохштадтѣ, появляется также и народная драма; оказывается, что народный поэтъ пользуется въ данномъ случаѣ тѣмъ же библейскимъ матеріаломъ, какъ это практиковалось и гуманистами въ XVI столѣтіи. Въ пятнактныхъ представленіяхъ изображались Христовы Страсти, Рождество Господне, Руфь, Самсонъ, Давидъ, Юдифь и драматизированная легенда о святой Женевиевѣ, а также романтическія пьесы подъ всевозможными наименованіями изъ жизни Англіи, Италіи и Турціи. Въ помощь памяти все эти пьесы были рифмованными; послѣ пролога, въ которомъ рассказывалось содержаніе пьесы, слѣдовали от-

дѣльные акты и явленія; въ промежуткахъ для увеселенія появлялся шутъ, чертъ или петрушка, занесенный къ чехамъ, вѣроятно, отъ нѣкъ сосѣдей — пѣмцевъ. Такимъ образомъ, пережитокъ средне-вѣковья сохранился вплоть до недавнихъ временъ, такъ какъ Страсти Христовы изображались еще весьма недавно.

Поляки имѣли очень богатую литературу между второй половиной XVI столѣтія и началомъ XVII. Можно только удивляться, что сохранилось такъ немного рукописныхъ латинскихъ драмъ, когда извѣстно, что въ прежнія времена плоды драматической музы успѣшно культивировались, особенно іезуитами, которые умѣли обставлять нѣкоторыя представленія съ большимъ блескомъ. Кромѣ того, въ Польшу наѣзжали иностранные комедіанты, которые знакомили населеніе съ иностранными драматическими произведеніями — французскими и итальянскими.

Чисто польскія театральныя произведенія имѣли то же происхожденіе, что и въ другихъ мѣстахъ. Для обработки брались излюбленные библейскіе эпизоды. Кромѣ того, элементы народной поэзіи проникаютъ въ театръ съ такой силой, что какъ разъ именно этотъ родъ литературы отражается охотнѣе всего у поляковъ. Хотя польская литература не такъ стара, какъ чешская, но она гораздо богаче.

Къ древнѣйшимъ представленіямъ относится „Судъ Париса“ (1542), въ которомъ наивныя понятія того времени сказались въ тѣхъ средне-вѣково-христіанскихъ мысляхъ, которыми обмѣниваются греческіе и троянскіе герои. Изъ смерти пораженный Парисъ процѣдетъ съ Троей въ низестѣдующихъ словахъ:

Исусь, Марія, о будьте со мной,
Предсмертныя слышу страданья.

Молю, заклинаю васъ страстной мольбой,
Не лишите меня покаянья!

Спѣши-жь духовникъ мой, скорѣе ко мнѣ,
Пока я еще не скончался...

Больше всего любили изображать на сценѣ мистеріи о Воскресеніи Христовѣ, Распятіи, о пути въ Эммаусь, Бѣздѣ въ Іерусалимѣ, словомъ о такихъ эпизодахъ, о которыхъ говорится на страстной недѣлѣ. Вначалѣ и здѣсь было замѣтно чешское вліяніе. Наряду съ этимъ бывали цѣлые циклы, представлявшіе Рождество Господне и появленіе трехъ святыхъ королей; въ этихъ сценахъ было много общаго съ польской, словакской и моравской народной поэзіей. Иногда у пастуховъ наряду съ чешско-польскими именами встрѣчаются латинскія, взятая у Виргилія или изъ буколической поэзіи.

Личность Божьей Матери тоже являлась иногда центральной фигурой театральнаго представленія; кромѣ того, такъ же, какъ и въ Богеміи, драматизировали средневѣковую философію и инсценировали нравоучительныя пьесы, въ которыхъ появлялись аллегорическія фигуры (милосердіе, любовь, печаль и т. п.).

Въ этомъ болѣе всего сказывается вліяніе романтизма. Трагедіи о богатомъ расточителѣ и бѣдномъ Лазарѣ, такъ же, какъ и о бѣдномъ сынѣ, имѣлись у чеховъ и поляковъ въ собственной обработкѣ.

Точно также Вознесеніе на небо и Праздникъ Тѣла Господня давали матеріалъ для сценической обработки.

Любимыми личностями изъ Ветхаго Завѣта были: Авраамъ, Товій, Іосифъ и, обыкновенно рѣдко встрѣчающаяся, легенда объ Іоакимѣ и Аннѣ; затѣмъ—Іоаннъ Креститель, святая Екатерина и польскій патронъ Станиславъ.

Эпоха возрожденія сказывается и на театральныхъ представленіяхъ. Является стремленіе пред-

ставить античный мѣръ въ христіанской переработкѣ. Въ Польшѣ на сценѣ играли обыкновенно студенты, а также—любители и школьные учителя, имѣвшіе пристрастіе къ нѣкоторымъ ролямъ, какъ напримѣръ—работника, мечтающаго сдѣлаться баряномъ; или же они представляли въ смѣшномъ видѣ влюбленнаго старика. Сатира обыкновенно являлась въ грубыхъ чертахъ.

У православныхъ южныхъ славянъ не было подходящихъ условій для развитія подобнаго рода поэтическаго творчества: ни политическія, ни религіозныя условія не благоприятствовали развитію сцены. Обратное наблюдалось на католическомъ Адриатическомъ побережьи, особенно въ достопреченной Рагузѣ.

Вполнѣ естественно, что и здѣсь сказалось итальянское вліяніе. Но только драма въ Рагузѣ принимаетъ специфическій мѣстный оттѣнокъ, то-есть—является патріотически-аристократической. Въ комедіяхъ были разсыпаны намеки на современные условія, почему онѣ имѣютъ большую культурно-историческую цѣнность.

Далматская и, вообще, кроатская поэзія начинается вмѣстѣ съ драмой „Юдифь“, написанной Маруличемъ въ Спалато (1501 г.). Олофернъ является воплощеніемъ турецкой опасности, уже стоявшей съ угрозой передъ стѣнами Спалато: Юдифь—образецъ героини. Около конца XVII столѣтія Венцель Потоцкій выразилъ мнѣніе, что полякамъ тоже не мѣшало бы имѣть такую героиню. Кроме того, Маруличъ переводилъ также и съ итальянскаго, а именно—„Споръ души съ тѣломъ“ Визіо Филиберти.

Библейскіе мотивы обрабатывались въ Рагузѣ иногда многими поэтами, какъ наприимѣръ: „Сусанна“, „Жертвоприношеніе Авраама“, а также нѣкоторые эпизоды изъ жизни Христа; но для драмъ этого рода почва въ Рагузѣ не была благоприятно

подготовленной. Аристократическіе республиканцы предпочитали забавляться веселыми мзсленичными пьесами или „Пастушескими играми“. Послѣднія обыкновенно имѣли форму діалоговъ между пастухомъ и нимфой, чѣмъ, такимъ образомъ, связывался миръ итальянскихъ пасторалей съ славянской поэзіей.

Затѣмъ идетъ рядъ рифмованныхъ фарсовъ, въ которыхъ особенно отличались Нэльжешковичъ и Маринъ Држичъ, принадлежавшій къ лучшимъ талантамъ XVI столѣтія.

Свѣтскія драмы, черпавшія матеріалъ изъ дѣйствительности, были представлены относительно слабѣе. Лучшей изъ нихъ является „Рабыня“ Ганнибала Люцча († 1535); героиней этого произведенія является дочь несчастнаго бана Влажека, проданная въ турецкую неволю; изъ послѣдней она была освобождена своимъ возлюбленнымъ Деренчиномъ, въ чей драма и находитъ благополучную развязку.

Въ болѣе позднѣйшія времена прочные корни пускаетъ въ Рагузѣ драма возрожденія; такъ, изъ примѣръ, въ 1566 году Людовикъ Дольче обработалъ по Еврпиду „Гекубу“, которую Ветраничъ перевелъ вольнымъ переводомъ съ итальянскаго. Подобную же судьбу испытали другія классическія драмы, которыя ставились на сценѣ съ массой лирическихъ изліяній и эпическихъ прикрасъ.

Почти каждый рагузскій поэтъ считалъ себя обязаннымъ испытать себя въ драмѣ. И прославленный Гундуличъ проливалъ слезы надъ „Блуднымъ сыномъ“.

Лучшее доказательство того, насколько была развита въ Рагузѣ драматическая литература, находимъ въ трудѣ Павича (*Historia dubrovazke drame*), согласно изысканіямъ котораго, 27 драматурговъ написали 79 пьесъ, 8 принадлежатъ неизвѣстнымъ

авторамъ, 23 потеряны, хотя всѣмъ этимъ еще не исчерпывается общее количество пьесъ.

Въ XVIII столѣтїи мѣстные драматурги предаются забвенію, такъ какъ только немногія изъ ихъ пьесъ попадаютъ на печатный станокъ. Ихъ мѣсто заступаетъ итальянская поэзія.

Но извѣстнаго рода память о былыхъ театраль-
ныхъ представленіяхъ хранится въ Рагузѣ и до сихъ поръ. Въ праздникъ трехъ святыхъ королей дѣти декламируютъ въ соборѣ итальянскія и славянскія стихотворенія, величающія рожденіе Христа. Соборъ переполненъ публикой, которая декламируетъ вмѣстѣ съ учениками, ободряетъ ихъ или помогаетъ ихъ ослабѣвшей памяти.

Нигдѣ во всѣхъ славянскихъ земляхъ не сказывается съ такой силой власть пережитка, какъ въ старомодной Рагузѣ.

XXIV.

Упадокъ польской литературы (1600—1750).

Длинный, почти полтора столѣтїя продолжающійся періодъ—но какъ бѣденъ онъ характерными явленіями!

Какъ и въ другихъ литературахъ, въ этотъ періодъ времени Польша испытываетъ недостатокъ въ истинныхъ талантахъ и вдохновенїи. Въ то время, какъ болѣе ранній періодъ уже явилъ произведенія, отражавшія національный духъ, теперь широко распространяется масса такихъ произведеній, которыя по своему содержанію не могли бы удовлетворить даже польскаго историка литературы, имѣя на себѣ печать тупого іезуитизма и религиозной нетерпимости. Борьба противъ протестантизма и аrianства нашла откликъ и въ литературѣ; въ ней доминируютъ религиозныя разсужденія, восхваленія католицизма и молитвы; во вкусахъ является отсталость.

Почти въ то же время, какъ въ Рагузѣ появляется
Исторія славянскихъ литературъ.

безконечно длинная Христіада Пальмотвча, въ Польшѣ пишется подобное же произведеніе въ десяти вѣсняхъ Венцелемъ Потоцкимъ.

Литература отмѣчается бездушнымъ псевдоклассицизмомъ, неблагоприятно вліявшимъ, какъ на языкъ, такъ и на стиль, и породившимъ нынѣ непонятное пристрастіе къ иностраннымъ словамъ. Писать или говорить одну половину фразы по-польски, а другую по-латински считалось признакомъ хорошаго тона.

Вообще, латинскій языкъ мертвой петлей лежалъ на польскомъ вдохновеніи. Въ то время, какъ въ Богеміи употребленіе его ограничивалось только извѣстнымъ родомъ поэзіи, какъ, напримѣръ, гимнами, въ Польшѣ оно проникло въ общественную жизнь. Польскіе короли, въ большинствѣ случаевъ чужеземцы, заботившіеся только о томъ, чтобы набить карманы, являлись просто марионетками въ рукахъ знати, среди которыхъ только нѣкоторые поднимали голоса, предостерегая противъ существующаго положенія и царящаго въ странѣ безпорядка; но крилатое слово, что „Польша держится только безпорядкомъ“, оставалось въ силѣ, и приходилось питать надежду только на одну Дѣву Марію, подъ чей патронатъ ставили Польшу.

Подобныя безотрадныя внутреннія обстоятельства жизни „Республики Польской“, само собою разумѣется, не могли создать благоприятной почвы для продуктивнаго литературнаго творчества, тѣмъ болѣе, что и вѣшнія войны съ сосѣдними народами, какъ датчанами, шведами, казаками, турками и русскими, являлись помѣхою для духовнаго развитія страны. Правда, всѣ эти выдающіяся событія, какъ и возвышеніе Любомірскихъ нашли и въ то время своихъ бытописателей, но произведенія эти стоятъ много ниже историческихъ трудовъ XVII столѣтія. Сенкевичъ именно изъ этой эпохи

взялъ восхитительныя картины для своихъ романовъ.

Угрожавшая турецкая опасность была извѣстна Польшѣ и раньше по многимъ произведеніямъ, настойчиво обращающимъ вниманіе на нее. Величайшій литературно-историческій интересъ возбуждала битва при Хоцимѣ (1621), когда 65,000 поляковъ подъ предводительствомъ дряхлаго, больного Ходкевича боролись въ теченіе 40 дней противъ численнаго перевѣса трехсотъ тысячъ турокъ и нанесли имъ ужасающее пораженіе.

Эта побѣда вызвала цѣлый потокъ богѣе или менѣе цѣнныхъ литературныхъ произведеній, между которыми особенно важны мемуары Якова Собѣскаго (отца короля Яна) потому, что ими воспользовался для своей поэмы „Битва при Хоцимѣ“ самый видный писатель того времени—Венцель Потоцкій. Во всякомъ случаѣ, мы должны смотрѣть на это произведеніе скорѣе какъ на рюмоплетство, такъ какъ Потоцкій не былъ поэтомъ Божьей милостью, а представлялъ изъ себя только талантъ, которому съ одной стороны, не хватало силы, а съ другой—изобрѣтательности.

Не напрасно говорятъ про историческія драмы и романы какъ разъ лучшихъ писателей, что они представляютъ изъ себя просто историческую ложь. Но у Потоцкаго все—личности, характеры, событія—передано исторически вѣрно, потому что авторъ только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ прибѣгаетъ къ помощи собственной фантазіи; юморъ его грубъ. И все-таки отъ эпоса „Битвы при Хоцимѣ“ вѣетъ свѣжестью.

Этотъ эпизодъ далъ и Гундуличу тему для поэмы.

Но насколько различно трактовалась та же самая тема, относящаяся къ знаменитой битвѣ, въ обѣихъ славянскихъ литературахъ! И пальму первенства надо рѣшительно отдать Гундуличу.

При сравненіи обѣихъ произведеній мы видимъ,

что обѣ поэмы эти различаются по отношенію авторовъ къ королевичу Владиславу.

Въ то время, какъ Владиславъ возвеличивается у Гундуляча до ранга перваго героя, воплощающаго въ себѣ побѣду христіанства надъ исламомъ, Потоцкій оставляетъ Владислава лежать больнымъ въ палатѣ; въ полной бездѣятельности онъ слѣдитъ за боемъ, пока самъ поэтъ не принимается высмѣивать его.

Въ польской литературѣ личность Владислава зачастую являлась центральной фигурой; очень интересно сравнить этого опозитизированнаго Владислава съ историческимъ Владиславомъ изъ „Historia Vladislavi Principis“ (Кобельницкаго), изъ „Gesta“ (Вассенберга), мемуаровъ Георга Оссолинскаго, Радзивилла и изъ „Дорожныхъ мемуаровъ королевича Владислава“ Пака.

Значеніе битвы при Хоцимѣ отражается въ тѣхъ стихотвореніяхъ, которыя появляются вскорѣ послѣ этого, несмотря на душную политическую атмосферу: іезуитъ Зарбьевскій, poeta laureatus, воспѣваетъ гимномъ побѣду въ годовщину битвы при Хоцимѣ; даже Бирковскій, преемникъ Скарги, представитель религіознаго и милитаристскаго направленія XVII столѣтія, съ воодушевленіемъ проповѣдывалъ о побѣдѣ при Хоцимѣ; а когда Османъ постигла ужасная смерть, то онъ посвятилъ ему „Памятникъ Осману“, въ которомъ онъ библейскимъ тономъ указывалъ на его жестокую участь.

„Битву при Хоцимѣ“ Потоцкаго постигла столь же несчастливая судьба, какъ и Гундуляча. Эпосъ этотъ появился впервые въ 1850 году и былъ ошибочно приписанъ Андрею Липскому. Только въ 1898 году Брюкнеръ описалъ литературное наследство Потоцкаго, въ которомъ было помѣчено также и стихотвореніе „Либусса“.

Въ это безпокойное время польская литература открывала настежь двери чужому, и главнымъ об-

разомъ западному вліянію; любовь къ романтическому, полному приключеній сюжету, беретъ верхъ надъ всѣмъ. Древній міръ, классическая и неклассическая, сказочная и христіанско-романтическая литература, наряду съ литературой французскихъ авантюръ—все это въ географическомъ и историческомъ отношеніи является настолько смутаннымъ, что возникаетъ специальная литература приключеній, въ которыхъ пыльнымъ цвѣтомъ расцвѣтала самая невозможная безсмыслица.

Во всякомъ случаѣ въ Россіи эта любовь къ описаніямъ разныхъ приключеній сказалась еще сильнѣе.

Болѣе всего на польской литературѣ сказалось вліяніе итальянской.

Кое въ чемъ польская литература уподобляется рагузской; съ итальянскаго были переведены „Насторъ Фидо“, „Аминта“ Тассо (Георгій Моржтынъ), „Дафнисъ“ (Гвардовскій).

На западное вліяніе указываетъ также переводъ „Свда“ Корнеля (1661), сдѣланный Моржтыномъ, происходившимъ изъ семейства, которое не только подарило польской литературѣ многихъ писателей, но и государству дало короля.

Второе важное событіе того времени—освобожденіе Вѣны отъ турокъ при помощи поляковъ,—тоже повлекло за собой реакцію для литературы; воспоминаніе о немъ удерживалось даже въ народной пѣснѣ—рѣдкое явленіе для польской письменности.

До извѣстной степени представителемъ того времени является приверженецъ Яна Собѣскаго *historiographus privilegiatus* Коховскій, очевидецъ освобожденія Вѣны, что онъ въ концѣ своей жизни и воспѣлъ. Той же темой воспользовался Калыньскій для его латинской „*Viennis*“.

Однимъ изъ писателей того времени пользуется особенной популярностью по сіе время и часто цитируется, это Пазекъ, любимецъ двухъ королей,

мазовецкій дворянинъ, который дѣлалъ съ Чарнецкимъ походы противъ шведовъ и датчанъ, сражался въ Литвѣ, состоялъ въ почетномъ конвоѣ русскаго посольства и пережилъ цѣлую массу приключеній, рассказанныхъ имъ потомъ въ своихъ мемуарахъ.

Пазекъ совершенно не имѣлъ въ виду писать для общества, а просто заносилъ въ дневникъ свои мысли, богатый жизненный опытъ и воспоминанія, наряду съ чѣмъ вписывалъ юмористическіе вирши. Какъ солдатъ онъ много пережилъ: его впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ Германіи и Давіи, сумѣли бы приковать къ себѣ вниманіе читателей даже и этихъ странъ, такъ какъ съ одной стороны, книга легко и пріятно читается, а съ другой—Пазекъ является въ ней типическимъ представителемъ польскаго общества второй половины XVII столѣтія. И какъ типъ воюки и дворянина онъ является несравненно симпатичнѣе интригана Мартина Матушевича (1714—1765), который даетъ въ своихъ мемуарахъ картину пришедшаго въ то время уже въ упадокъ общества „польской республики“

XXV.

Вторая половина XVIII столѣтія у поляковъ.

Этотъ періодъ обнимаетъ собой раздѣлъ Польши; проведенныя Конарскимъ школьныя реформы и первое литературное выступленіе Милкевича (1822) являются культурными вѣхами этого времени.

Въ политическомъ отношеніи этотъ періодъ обозначаетъ собой трагическій конецъ государства, раскинувшагося когда-то отъ одного моря до другого. Какую массу самыхъ выдающихся событій являетъ историкъ этотъ періодъ паденія! Въ 1764 году Понятовскаго избираютъ королемъ, Россія поддерживаетъ диссидентовъ. Въ 1772 году состоялась первый раздѣлъ Польши, возстаніе Ко-

стюшкн („finis Poloniae“), въ 1795 году—третій раздѣлъ; въ 1807 году учреждается герцогство Варшавское, въ 1815 году—королевство.

Такъ разразилась надъ Польшей катастрофа; она была уничтожена, какъ бы ни увѣрилъ въ противоположномъ польскій гимнъ. (Надежды, которыя возлагались поляками на французовъ, живописуются Толстымъ въ „Войнѣ и мирѣ“ и Гонсіоровскимъ въ „Наполеонѣ“. Тѣмъ не менѣе, и тогда былъ рядъ талантливыхъ людей, искавшихъ утѣшеніе въ литературѣ. Послѣдніе являлись для польскихъ патриотовъ, разсѣянныхъ по тремъ государствамъ, связующимъ звеномъ, напоминающимъ имъ о ихъ единствѣ.

Хотя литература и находится подъ могущественнымъ давленіемъ событій эпохи, отражающихся, какъ въ историческихъ трудахъ и политическихъ брошюрахъ, такъ и въ поэтическомъ творествѣ, но среди всѣхъ славянъ поляки являютъ единственными за исключеніемъ русскихъ, у которыхъ развивается новая эпоха расцвѣта.

Въ то время, какъ при этомъ періодѣ у чеховъ и словенцевъ наблюдается значительное вліяніе пѣмцевъ, въ польской литературѣ оно меньше, чѣмъ когда либо. Поэзія являетъ новые цвѣты, польскій языкъ очищается; временами стремленіе къ чистотѣ языка заходитъ слишкомъ далеко. Польскій языкъ обрѣтаетъ въ большомъ словарѣ Линде настолько же прочный базисъ, какъ и чешскій—въ словарѣ Юнгмана.

Князь Яблоновскій основалъ въ Лейпцигѣ общество, которое опубликовывало большіе труды. Около конца XVIII столѣтія въ изданіи его появилось очень важное сочиненіе, трактовавшее объ исторіи и происхожденіи славянъ, въ особенности поляковъ и чеховъ, на латинскомъ языкѣ.

Во время великихъ политическихъ переворотовъ среди польскаго общества наблюдается возрожденіе.

проведенное, главнымъ образомъ, благодаря школьной реформѣ. Новые принципы французскаго просвѣщенія мало по малу пробиваютъ брешь въ консервативномъ бастионѣ католическаго аристократическаго государства; такъ какъ почва для этого не вполне благоприятна, то распространеніе ускоряется разложеніемъ всего организма. Такъ какъ и король, писавшій свои мемуары и письма по-французски, подвергается иноземному вліянію, то возрѣнія французскихъ философовъ, особенно Вольтера и Руссо, рекомендовавшаго возвращеніе къ естественному состоянію, находятъ все больше и больше приверженцевъ, даже и въ рядахъ бывшихъ іезуитовъ (въ 1773 году орденъ былъ упраздненъ). Во всякомъ случаѣ эти идеи должны были сначала припробоваться къ польскимъ обстоятельствамъ; борьба, которую они вели противъ закостѣлыхъ взглядовъ средневековья, является въ литературѣ въ формѣ сатиры или въ смягченной формѣ басенъ, которую особенно культивировалъ ксендзъ Красицкій.

Басни Красицкаго стали аттической солью, оживившей весь организмъ Польши; эти граціозныя, написанныя въ законченной формѣ басни заключали, однако, не только одинъ гранъ соли, но и цѣлую унцию золота. Благодаря имъ, польскому «сердцу» стало очевидно, что оно чувствовало, и по чему тосковало.

Игнаць Красицкій (род. 1735 г. †1801 г. въ Берлинѣ) является виднѣйшимъ писателемъ этого времени; получивъ духовное образованіе въ Римѣ, онъ былъ назначенъ епископомъ Ермеландскимъ. У короля Фридриха II Красицкій, наства котораго попала послѣ раздѣла Польши подъ прусское господство, былъ въ большой чести. Князь-епископъ Красицкій держалъ блестящій дворъ, который до извѣстной степени ставъ центромъ польской литера-

туры, въ которой предсѣдательствовала челоѣкъ широкаго кругозора, пріятный собесѣдникъ, представитель классической литературы и въ то же время приверженецъ современныхъ французскихъ принциповъ.

Сочиненія его носятъ на себѣ отпечатокъ чистаго классицизма. Его произведенія—„Новости изъ Ермеландіи“, „Война мышей“, „Мономахія“, представляющая изъ себя памфлетъ на вражду кармелитовъ съ доминиканцами, напечатанный имъ въ Сансуси по желанію Фридриха II-го,—доставила ему много непріятностей, такъ что для умиротворенія задѣтыхъ сторонъ ему пришлось написать „Анти-мономахію“.

Апогеемъ его творчества явились басни и сатиры, которыя и до сихъ поръ пользуются въ Польшѣ такой же популярностью, какъ басни Лессинга въ Германіи и Крылова—въ Россіи.

Красицкій писалъ также и тенденціозные романы. Въ философскомъ и политическомъ отношеніи онъ былъ позитивистомъ, который умѣлъ ужиться при данныхъ обстоятельствахъ и все-таки остаться вѣрнымъ полякомъ. Его произведенія носятъ на себѣ отпечатокъ общечелоѣчности.

Стрѣлы его не были такъ отравлены, какъ у Вепгерскаго (1755—1787), который не щадилъ святыхъ чувствъ и въ качествѣ эпикурейца воспѣвалъ, подобно Вольтеру, непристойную чувственность.

Съ другой стороны, Красицкій былъ честнѣе въ убѣжденіяхъ, чѣмъ Трембецкій (1723—1812), который, будучи великолѣпнымъ стилистомъ, бралъ заказы на изготовленіе памфлетовъ и не скупился въ похвалахъ тогда, когда чувствовалъ полный кошель.

Трембецкій раздражается лицемѣрными элегіями по поводу упраздненія іезуитскаго ордена, а въ качествѣ космополита—разсыпается передъ Екатериной Великой. Потемкинымъ и Румянцевымъ.

Такимъ образомъ, Трембецкаго надо считать педоровымъ явленіемъ въ польской литературѣ.

XXVI.

Сарматизмъ. Нѣмцевичъ.

Къ описанной выше эпохѣ принадлежатъ также и тѣ люди, которые, реагируя на неурядицы своего времени, искали, кромѣ того, утѣшенія въ прошломъ, къ которому они выражали самую живѣйшую симпатію.

Въ древнихъ сарматахъ они видѣли славянъ и мечтали о возстановленіи этого древняго періода, богато изукрашеннаго поэтической фантазіей.

Этотъ сарматизмъ нѣсколько подобенъ русскому славянофильству и чешскому славифилизму, представителемъ котораго является Колларъ, первый поборникъ идеи объединенія всѣхъ славянъ.

Уже въ произведеніяхъ строгаго епископа Нарушевича (1733 — 1796), представлявшаго изъ себя во многомъ полную противоположность классически образованному, но доступному идеямъ современности Красицкому, попадаются призывы къ сарматизму. Нарушевичъ обрушивается на современную ему испорченность и возводитъ прошлое въ образецъ. Онъ написалъ „Исторію польскаго народа“, составившую эпоху въ его время; эта исторія обнимала періодъ Пястовъ и послужила основнымъ матеріаломъ для послѣдующихъ историческихъ трудовъ, какъ на примѣръ, Делевеля.

Въ стихотвореніяхъ его отражаются серьезные и суровые принципы. Какъ моралистъ онъ иногда ударяется въ высокопарность, но онъ умѣетъ быть и доказательнымъ. И вездѣ онъ остается полякомъ патриотомъ и другомъ славянъ.

Ярко выраженнымъ представителемъ этого направления является Вороничъ (1757—1829), быв-

шій сначала епископомъ краковскимъ, а потомъ архіепископомъ варшавскимъ и названный за выдающійся ораторскій талантъ „польскимъ Тереміей“. Въ „Гимнѣ къ Бѣгу“ онъ выражаетъ желаніе, что бы Польша соединилась съ Россіей. Онъ погружается въ древнюю исторію и выражаетъ увѣренность, что будущее, какъ и прошлое, принадлежитъ славянамъ. Мысли свои онъ изложилъ въ эпитическихъ отрывкахъ: „Азармогъ“ (предначальникъ сарматскаго племени), „Лехъ“ (мифологическій отецъ польскаго народа, брата Чеха) и въ историческомъ стихотвореніи „Сивилла“.

Почти въ одно и то же время, какъ и въ Польшѣ, идеи о славянскомъ величій въ древности начинаютъ увлекать и другихъ славянъ; въ особенности это сказалось на словакъ Холли, очеркнувшемъ въ нихъ мощный творческій импульсъ.

Съ того времени въ польской литературѣ начинается замѣчаться особенное пристрастіе къ сюжетамъ, взятымъ изъ прошлаго Польши.

Даже и въ области науки любовь къ славянству дала замѣтные плоды: изученіе Маціевскимъ славянскаго права и объемистый словарь Линде являются тому лучшимъ доказательствомъ. И многіе другіе, поддерживавшіе сношенія съ пражскими патриотами, дѣйствовали въ томъ же смыслѣ.

Въ драматической литературѣ замѣчается отклоненіе отъ обработки средневѣковыхъ мистерій и мужицкихъ драмъ; принимаются переводить и заимствовать изъ псевдоклассическихъ французскихъ драмъ, которыя не дѣлаются жизненнѣе даже и въ польской обработкѣ. Уже тогда на сцену выступаетъ патриотическій паосъ, представленный „Варварой Радзвигловной“ Фелискаго (1771—1820).

НѢМЦЕВИЧЬ.

НѢмцевичъ (1754—1841)—адъютантъ Костюшки и сенатскій секретарь, скончался въ преклонныхъ

лѣтахъ. Онъ выдѣляется скорѣе своей многосторонностью, чѣмъ качественной стороной своихъ произведеній. Ивмцевичъ былъ горячимъ патріотомъ, предпринимчивой, подвижной натурой, идеалистомъ, подчинившимъ литературу идеѣ патріотизма; благодаря послѣднему, всего стихотворенія, басни, сатиры, романы и драмы являются нѣсколько тенденціозными.

Наиболѣе извѣстны его „Историческія пѣсни“, въ которыхъ онъ изложилъ стихами исторію Польши отъ Леха до освобожденія Вѣны.

Хотя послѣднимъ и не хватаетъ дыханья истинной поэзіи, но ему удалось посредствомъ ихъ оказать большое вліяніе на народъ, подобно тому, какъ это сдѣлалъ вѣсчастнѣйшій русскій декабристъ Рылѣевъ или чехъ Воцель въ своихъ „Шемислидахъ“ или „Чаша и мечъ“. Это было самымъ удачнымъ способомъ распространенія историческихъ свѣдѣній среди народныхъ массъ.

Его склонность къ исторіографіи сказывается особенно въ чисто историческихъ трудахъ и важныхъ мемуарахъ.

Наряду съ русскими, у поляковъ самая обширная литература мемуаровъ, тогда какъ эта отрасль литературы до сихъ поръ находится въ полномъ заговѣ у чеховъ. Поляки писали также по французски и по нѣмецки (Домбровскій, Матеріалы къ исторіи польской революціи 1794 года; особенно важными являются также записки Одинца, друга Мицкевича и Коллонтая).

И съ подмошквою говорилъ Ивмцевичъ со своими земляками въ патріотическомъ духѣ; современная жизнь давала ему богатый матеріалъ для этого.

Въ романахъ онъ точно также предпочитаетъ касаться патріотическихъ струкъ; затѣмъ, онъ очень любилъ цускаться въ детали описаній интимныхъ сценъ.

Кромѣ того, Нѣмцевичъ написалъ фантастическій романъ изъ жизни „3333 года“, въ другомъ романѣ онъ касается еврейскаго вопроса; но самымъ увлекательнымъ произведеніемъ его было „Низъ изъ Тичина“, написанный въ 1825 году; въ этомъ романѣ сказывается влияние Вальтера Скотта.

Нѣмцевичъ былъ, кромѣ того, однимъ изъ предсѣдателей учрежденнаго въ 1800 году общества ревнителей науки, просуществовавшаго до 1832 г. Къ этому научному центру польской литературы принадлежали самые выдающіеся люди Польши.

Это ученое общество, напоминающее чешское „Королевское ученое общество“, издавало также собственный журналъ.

XXVII.

Народная пѣсня.

Въ исторіи славянской литературы въ XVIII столѣтіи то замѣчается пауза, то линія ея развитія явно идетъ къ упадку. Но существуетъ такой родъ литературы, который переживаетъ даже и неблагоприятныя времена и продолжаетъ жить въ самыхъ широкихъ народныхъ массахъ въ видѣ неиспользованнаго клада; кабинетные ученые долго не хотѣли ничего знать о немъ; эти закоспѣлые формалисты, видѣвшіе спасеніе только въ византійской или знатной философіи, даже возстановили противъ народной поэзіи, пользовавшейся любовью еще у богомиловъ на югѣ.

Въ Богеміи церковная пѣсня шла рука объ руку съ народной, и гусситская „Кто борець Господа“ и польская „Пѣснь Пресвятой Богородицы“ были боевыми. Употреблявшіеся въ богослуженіи протестантовъ и моравскихъ братьевъ церковныя пѣсни поддерживали любовь къ народнымъ пѣснямъ, которыхъ съ того времени народилась цѣлая масса.

Но народныя пѣсни подвергались непрерывной смѣнѣ; однѣ предавались забвенію, другія выступали на ихъ мѣсто. Доказательствомъ этому служатъ чешскіе каноны, которые снабжались примѣчаніями, на какой мотивъ изъ народныхъ пѣсень слѣдуетъ ихъ пѣть. Текстъ послѣднихъ пропалъ, но мелодія сохранилась.

Слѣдовательно, въ этомъ отношеніи церковь и народъ были близки другъ другу; въ особенности пѣсни кальвинистовъ имѣютъ народный характеръ.

Народная пѣсня сѣверо-западныхъ славянъ существенно отличается отъ южно-славянской; это видно хотя бы изъ того, что у южныхъ славянъ встрѣчаются пѣсни героическаго эпоса (имѣющагося и у русскнхъ, у которыхъ до сихъ поръ еще живутъ на сѣверѣ былины). Напротивъ, у чеховъ, поляковъ и лужицано-вендовъ этотъ родъ поэзіи совершенно неизвѣстенъ. И къ словенцамъ героическій эпосъ проникаетъ только отъ кроатовъ.

У сѣверо-западныхъ славянъ въ народной пѣснѣ господствуетъ лирика, причемъ перевѣсъ оказывается на сторонѣ эротическихъ сюжетовъ; вѣчная любовь воспѣвается на тысячу ладовъ, согласно соотвѣтствующимъ народнымъ представленіямъ, то есть—весело, грустно или страстно; здѣсь можно найти раздѣленную и нераздѣленную любовь, вѣрность и невѣрность, всѣ періоды страсти отъ перваго тяготѣнія и перваго поцѣлуя вплоть до колыбельной пѣсни; можно найти какъ пѣснь невѣсты, такъ и увлекшейся и брошенной дѣвушки.

Отдѣльныя мѣстности Моравіи, Словакіи и Польши оглашаются народными пѣснями, которыя въ большинствѣ случаевъ поются дѣвушками. Но фабрики, культура и полицейскія постановленія мало по малу стираютъ съ лица земли это отраженіе народной жизни.

Тѣмъ не менѣе, надо признать, что въ широкихъ

массахъ славянскаго населенія народная пѣсня имѣеть болѣе мѣстный характеръ, чѣмъ гдѣ бы то ни было. При каждомъ удобномъ случаѣ славянинъ изъ народа даетъ выхоть переживаемымъ имъ чувствамъ въ пѣснѣ: на рождество, въ колядахъ (св. Стефана), въ празднованіе святыхъ трехъ королей, при всевозможныхъ національныхъ праздникахъ, во время жатвы, послѣ танца—вездѣ пѣсня занимаетъ свое почетное мѣсто; но охотнѣе всего запѣваетъ дѣвица или деревенскій щеголь, когда въ сердцахъ ихъ расплѣтается любовь.

Богемская и польская пѣсни имѣютъ съ себѣ много общаго и по мелодіи; обыкновенно онѣ выражаютъ настроеніе живущаго въ общеніи съ природой человѣка. Характерной чертой въ народной пѣснѣ является то, что простой человѣкъ чувствуетъ свою связь съ природой, что онъ убѣжденъ въ переживаніи ея вмѣстѣ съ нимъ его настроенія, что они тѣсно связаны другъ съ другомъ. Вслѣдствіе этого настроеніе и взаимоотношеніе съ природой идутъ параллельно, такъ что иногда кажется, будто не хватаетъ логической мотивировки. При переводѣ подобныхъ пѣсень эта нелогичность выступаетъ еще рельефнѣе, тогда какъ въ оригиналѣ многое объясняется погоней за рифмой и ослабляетъ впечатлѣніе логическихъ скачковъ мысли. Прима является собой поэту изъ народа самая большія трудности, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ подгоняетъ новыя слова къ уже готовой мелодіи.

Народныя пѣсни сѣверозападныхъ славянъ и словаковъ лучше всего сравнить съ нѣмецкими „Schneadahrseln“, возникшимъ изъ импровизацій. Основная мысль обыкновенно является достаточно логически обработанной, но настроеніе оказывается достаточно выраженнымъ, и, по крайней мѣрѣ—можетъ быть почувствовано.

Народная пѣсня любитъ устанавливать мѣст-

ность; гора, церковка, мостъ описываются самымъ тщательнымъ образомъ, и зачастую попадаются такія обращенія: „О, ты мой Ганзерль!“,—какъ зовутъ наиболѣе пзлюбленнаго дѣвучками парня. Глаголы в цѣлые обороты охотно повторяются, пзвѣстныя картины, сравненія, числа и краски вплетаются съ особенной любовью. И при этомъ пзъ народной поэзіи несется такой непосредственный аромать, словно отъ букета свѣжихъ полевыхъ или горныхъ цвѣтовъ, которыхъ не замѣнишь ни нарисованными, ни искусственными ароматами. Простота и вѣжнестъ народной пѣсни для поэта всегда должны быть образцовыми.

У чеховъ и поляковъ имѣется не только богатая литература о самой народной пѣснѣ, но и объ ихъ широкоразвитой народной жизни. У чеховъ имѣются сборники Эрбена, у моравовъ—Бартоша и Сушля, у словаковъ—Коллара; перечень народныхъ пѣсней и ихъ переводъ издалъ Збртъ, редакторъ „Чешски лнд“—изданія, посвященнаго пзученію народной жизни, тогда какъ у поляковъ имѣется „Висла“, „Люд“, затѣмъ—антропологическіе труды краковской академіи и великолѣпный сборникъ Кольберга „Польскп люд“. Мнѣніе, будто бы творческая сила народа въ Богеміи идетъ на убыль, не подтверждается, такъ какъ для этнологической выставки въ Прагѣ (1895 года) въ лѣсныхъ округахъ Богеміи были найдены около 500 новыхъ пѣсней и варіантовъ старыхъ.

Собраніе народныхъ пѣсней имѣло во времена возрожденія особенное значеніе для Богеміи. Народъ проникся уваженіемъ къ самому себѣ, когда увидѣлъ, что и иностранцы видятъ цѣнность въ нихъ народной поэзіи, и путемъ переводовъ и перепѣвовъ сербскихъ и русскихъ пѣсней было положено начало сближенію между славянскими народностями.

Но чисто эпическая пѣсня не могла привиться

среди сѣверозападнаго славянства. Временами какое-либо значительное событіе увѣковѣчивалось исторической пѣсней, но таковыя недолго удерживались въ народѣ.

Повѣствовательный характеръ имѣютъ сложенные по образцу балладъ пѣсни, трактующія сюжеты, извѣстные и въ другихъ мѣстностяхъ, т. е.—объ осиротѣвшемъ ребенкѣ, о злой матери, о мертвомъ возлюбленномъ, невѣрномъ и т. п.

Несравненно популярнѣе въ Европѣ произведенія южнославянскаго эпоса, обыкновенно называемыя „сербскими богатырскими пѣснями“, хотя слѣдуетъ упомянуть, что южные славяне обладаютъ также и цѣнной литературой лирическихъ пѣсень, называемыхъ—въ отличіе отъ богатырскихъ пѣсень—жепскими.

Сербо-кroatскія „жепскія пѣсни“ являются самымъ воплощеніемъ нѣжности, любви и доброты; по формѣ онѣ совершеннѣе, а по содержанию—связнѣе, чѣмъ чешскія и польскія. Само собой разумѣется, что и въ нихъ истинная любовь дѣлаетъ настоящія чудеса; на жизнь обыкновенно смотрятъ трезво, хотя временами дѣвушка и побаивается злой мачихи или золовки; подобныя пѣсни отражаютъ въ себѣ патриархальную семейную жизнь, въ которой выражается несравненно болѣе тѣсная общность, чѣмъ въ другихъ странахъ. Сербская, черногорская или боснійская женщина является, вообще, существомъ порабощеннымъ, надъ которымъ еще имѣютъ силу турецкія традиціи, но когда она начинаетъ пѣть, то ей кажется, будто бы для нея уже наступилъ рай на землѣ; только безконечно повторяющаяся мелодія говоритъ о прозѣ жизни.

Эти пѣсни сохранились также и у тѣхъ кроатовъ, которые переселились изъ окрестностей Кварнеро на сѣверъ, гдѣ поселенія ихъ распространяются рядомъ собранныхъ по одной, двѣ или три виѣстѣ деревень по западной границѣ Венгріи вплоть до

Прессбурга. У этихъ кроатовъ возлюбленный неизмѣнно называется „прекрасной фіалкой“, тогда какъ дѣвучку называютъ „красной розой“. Съ теченіемъ столѣтій эти кроаты забыли свои богатырскія пѣсни, изъ которыхъ большинство было сложено на Балканскомъ полуостровѣ уже послѣ выселенія ихъ на сѣверъ: кромѣ того, пзмѣнившіяся соціальныя условія не благоприятствовали продолженію существованія богатырскаго эпоса.

Болгарскія пѣсни производятъ впечатлѣніе неоконченности; пѣсня внезапно обрывается, и слушатель съ трудомъ можетъ предугадать дальнѣйшую развязку. Дальнѣйшую особенность представляетъ безконечное повтореніе послѣднихъ словъ, что, разумѣется, обрываетъ логическую нить развитія сюжета; обыкновенно, таковы бывають пѣсни на случай, какъ напримѣръ—свадебныя или происходящія отъ рода занятій народнаго поэта—напримѣръ: пастушескія или гайдуцкія пѣсни.

Южнославянскія эпическія стихотворенія какъ вслѣдствіе ихъ сюжета и героевъ, такъ и по обработкѣ и своеобразному колориту имѣють совершенно исключительный, мѣстный, отпечатокъ. Повсюду—спокойствіе и пластика, какъ въ эпосѣ Гомера. Этотъ романтическій южно-славянскій рыцарскій духъ, который струится изъ этихъ эпическо-лирическихъ стихотвореній, какъ-то странно напоминаетъ слушателю о родинѣ. И духъ этотъ пронизываетъ самыя широкіе круги населенія, родинѣ каждого съ поэтомъ, который могъ быть даже и безграмотнымъ, но все-таки умѣлъ заноситься творчествомъ въ тѣ вышнія области богатырей, которыя такъ далеки отъ дѣйствительной жизни. Малѣйшій значительный случай дѣлается тутъ не по мановенію руки объектомъ прославленія пѣсней, и черезъ нѣсколько дней послѣдняя уже циркулируетъ по всей округѣ; сотни и сотни стиховъ повторяются на память.

Этот творческий дух южных славянъ вызы-
ваетъ удивленіе и восхищеніе иностранцевъ; не
ученый, а какъ разъ человекъ изъ народа являет-
ся здѣсь поэтомъ, рыцаремъ, миннезенгеромъ; ка-
жется, будто южные славяне всасываютъ прямо съ
молокомъ матери героизмъ и поэзію.

Великолѣпную иллюстрацію этому даетъ Куба,
издатель произведенія „Славянство въ пѣсняхъ“,
разсказывая объ одномъ сторожѣ, который на па-
мять преподнесъ ему величаніе въ стихахъ своей
собственной свадьбы. Съ какимъ подъемомъ описы-
ваетъ этотъ простолюдникъ важную эпоху своей жиз-
ни! Подобную любовь и подобную свадьбу могъ бы
съ равнымъ успѣхомъ воспѣть Марко-Королевичъ,
или какой-либо другой видный герой.

Эта творческая сила, однако, иногда мѣшаетъ
ислѣдователю провести точныя границы между
чисто національными и индивидуальными мотива-
ми. Это лучше всего сказалось на надѣлавшей шу-
ма „Славянской Ведѣ“, которую издалъ Верковичъ,
и которая заставила ученыхъ поломать голову. Она
была объявлена поддѣлкой, хотя и заключала въ
себѣ часть славянской мнѳологии. Теперь исторія
объяснилась: издатель былъ мистифицированъ по-
луграмотнымъ пѣвцомъ изъ народа.

Древность и развитіе богатырскаго эпоса.

За нѣсколько столѣтій до этого времени у южныхъ
славянъ не было такихъ длинныхъ эпическихъ про-
изведеній, какъ нынѣ; но во всякомъ случаѣ у нихъ
были богатырскія пѣсни, которыя они позднѣе за-
были, такъ какъ имъ всю жизнь приходилось вое-
вать съ турками.

Объ эпическихъ пѣсняхъ говорятъ уже древнѣй-
шія хроникки; но только въ XV и XVI столѣтіи мы
встрѣчаемъ у путешественниковъ документальныя
данныя ихъ существованія. Въ то время богатыр-
скія пѣсни уже циркулировали въ народѣ.

Какъ было уже упомянуто, эпическія народныя пѣсни вліяли и на даламатскихъ поэтовъ, отъ которыхъ не скрылась ихъ красота. И когда на Балканскомъ полуостровѣ возгорѣлась война за „святой крестъ и золотую волю“, то мысль о героическихъ образцахъ, являемыхъ въ богатырскихъ и гайдукскихъ пѣсняхъ, укрѣпляла и ободряла бойцовъ.

Въ настоящее время у сербовъ и кроатовъ поютъ „гуслары“, у болгаръ даже и жепщичы. Многие изъ гусларовъ слѣпы; одни изъ нихъ поютъ ради заработка, но многие—только въ силу семейной пресмысленности. Гуслиоднотонно аккомпанируютъ пѣснѣ пѣвца; послѣдній знаетъ тысячи стиховъ и читаетъ ихъ наизусть однимъ духомъ; погой онъ ударяетъ въ тактъ однообразному нацѣву, но онъ бываетъ при этомъ такъ преисполненъ содержаніемъ своего разсказа, что не видитъ и не слышитъ ничего, что вокругъ него дѣлается, и настолько воодушевляется, что все тѣло его дрожитъ отъ возбужденія.

Эти пѣсни распространились не только среди однихъ славянъ, но нѣкоторыя изъ нихъ проникли въ Албанію, Турцію и Грецію.

Родиной большинства богатырскихъ пѣсней является гигантская горная котловина Дроздова Поля, края которой теперь заселены албанцами, и сѣверная Македонія, гдѣ съ одной стороны, происходили важныя событія (битва въ день святого Вита, 1389 г. и сраженіе Іоанна Гуніяди въ 1418), а съ другой—жили великіе герои. Тамъ и въ сѣверной Македоніи говорили на понятномъ какъ болгарамъ, такъ и сербамъ нарѣчій, и именно это и является причиной, почему объ этихъ темахъ эти встрѣчаются у обохъ народовъ. Во всякомъ случаѣ, наряду съ этимъ, позднѣе являются пѣсни на сербо-кroatской и болгарской почвѣ, въ которыхъ воспѣваются соперники Марко Королевича и богатыря Стояна.

Подраздѣленіе эпическихъ произведеній.

Южнославянскія эпическія поэмы дѣлятся обыкновенно на—1) произведенія мифическаго, легендарнаго характера и 2) собственно богатырскія.

1) Секта Богомиловъ охотно занималась вопросами о происхожденіи міра. Воззрѣнія эти проникли и въ народную поэзію.

Въ болгарскихъ поэтическихъ разсказахъ особенно важную роль играетъ солнце; старинныя преданія являются смѣшанными съ новѣйшими воззрѣніями.

Изъ сказочныхъ существъ южнославянскій Парнассъ оживляютъ феи, вилы, самовилы, эфирныя существа, тѣсно связанная съ природой, любовью къ которымъ зачастую возгораются, хотя иногда и на свое несчастіе, богатыри. Иной разъ эти феи, въ качествѣ кровныхъ родственницъ (сестеръ), приходятъ на помощь героямъ.

Рѣже появляется драконъ.

Изъ сюжетовъ балладнаго характера назовемъ:

Мертвый братъ или женихъ; змѣя—женихъ; злая золовка и теща; пѣвѣрная жена; дитя, родившееся изъ золы и дѣлающееся потомъ царемъ; бракъ, или любовныя отношенія, между братомъ и сестрой; кровосмѣшеніе матери съ сыномъ; принесеніе въ жертву собственнаго ребенка.

Нѣкоторые изъ этихъ сюжетовъ очень стары и распространены также и у другихъ народовъ.

2) Собственно богатырскія пѣсни. Герои этихъ произведеній, отличающихся иногда внушительнымъ объемомъ, являются историческими личностями, но народная пѣсня выработала изъ нихъ свой собственный типъ съ совершенно определенной характеристикой; старшіе богатыри образуютъ центральную фигуру эпическихъ цикловъ.

Самыми извѣстными являются тѣ пѣсни, которыя описываютъ потерю сербской независимости и воз-

величиваютъ Марко королевича. Изъ времянь этой несчастной битвы сохранилось только немного пѣсенъ, такъ какъ ихъ не записывали. У болгаръ мы встрѣчаемъ пѣсни, содержащія историческія указанія на царя Яна Азена, Яна Шишманова и на паденіе Константинополя.

Смерть царя Лазаря и паденіе сербской независимости неоднократно описывалось въ народныхъ пѣсняхъ; пѣлая эпопея примыкаетъ къ этому потрясающему эпизоду; отдѣльныя части ея были искусственно сплетены между собой и былъ сдѣланъ опытъ объединить всѣ пѣсни въ одинъ циклъ. Но про самую битву въ нихъ говорится очень мало.

Сіяніе славы окружаетъ личность царя Лазаря и его зятя Милоша Обилича (собственно—Кобилича), который убилъ султана; проклятымъ на вѣчныя времена (быть можетъ и незаслуженно) является Вукъ Бранковичъ, врагъ и предатель Обилича; возвышенная трагичность связывается съ судьбой царицы Милицы, дочери Югъ-Богдана. Девять Юговичей принимаютъ участіе въ бою.

Содержаніе „Лазаріады“ можно представить въ слѣдующихъ общихъ чертахъ:

Стефанъ Бужикъ спрашиваетъ у жены, не собирается-ли уже войско передъ дворцомъ князя Лазаря. Ела, его жена, рассказываетъ ему свой сонъ, полный мрачныхъ предзнаменованій. Онъ же отправляется ко двору царя, гдѣ царица Милица тоже видѣла ужасный сонъ. Послѣдній предвѣщаетъ, что царь будетъ сраженъ, а у ней у самой сердце разорвется отъ скорби, такъ какъ всѣ ея братья, Юговичи, найдутъ смерть въ битвѣ. Поэтому Милица проситъ, чтобы царь оставилъ ей по крайней мѣрѣ, хоть одного брата, но просьба эта отклоняется. Войско наступаетъ. Послѣ ужина Вукъ Бранковичъ обвиняетъ Милоша въ совершеніи послѣднимъ измѣны. Но Милошъ готовъ доказать обратное и отправляется съ двумя слугами въ турецкій лагерь.

Передъ восходомъ солнца онъ велитъ доложить о себѣ турецкому царю, которому и сообщаетъ, что онъ покинулъ Лазаря и явился на помощь султану. Тогда турецкій царь требуетъ, чтобы онъ глубоко склонился передъ нимъ и поцѣловалъ по турецкому обычаю колѣно царя. Въ это мгновеніе Милошъ наклоняется, наноситъ султану ударъ княжаломъ и попираетъ его ногами. Затѣмъ онъ вскакиваетъ на коня и мчится съ слугами прочь оттуда, разметывая въ стороны нападающихъ на него съ обѣихъ сторонъ турокъ. Слуги убиваютъ на мѣстѣ; турки думаютъ, что Милошъ убилъ царя.

Тогда съ неба раздается гласъ, что турки должны бросать щиты и острые мечи передъ мордой лошади; такъ и дѣлаютъ, конь падаетъ на землю, и турки отсѣкаютъ Милошу правую ногу. Милошъ храбро сражается пикой и зоветъ Лазаря на помощь. Послѣдній приказываетъ войску садиться на коней, хотя Вукъ Бранковичъ и отсовѣтываетъ ему это. Начинается чреватая послѣдствіями битва; турки берутъ перевѣсъ, главнымъ образомъ, благодаря измѣнѣ Вука Бранковича.

Князь Лазарь попадаетъ въ плѣнъ, и его, вмѣстѣ съ Милошемъ ведутъ къ раненому на смерть султану. Послѣдній приказываетъ отрубить имъ головы и распоряжается, чтобы голова Лазаря была положена ему подъ ноги, а Милоша—подъ правую руку. Но вѣрный Милошъ испрашиваетъ милость, чтобы глава его князя была положена подъ султанскую руку, а его—подъ султанскія ноги. За это Лазарь восхваляетъ вѣрность Милоша и проклиняетъ предателя Вука.

Данный остовъ цикла сказаній о Лазарѣ изукрашенъ рядомъ отдѣльныхъ деталей, съ которыми связываются многочисленные варианты, гдѣ большую или меньшую роль играетъ народная фантазія.

И вражда между Милошемъ и Вукомъ Бранковичемъ подробнѣе обосновывается и связывается съ

женщиной. Вукъ Бранковичъ сталъ воплощеніемъ всякаго предательства, хотя исторически доказано, что онъ храбро сражался въ бою. Быть можетъ позоръ босняка Вуковича, бѣжавшаго съ поля сраженія, ошибочно былъ возведенъ на Вука Бранковича.

Королевичъ Марко.

Величайшимъ сербскимъ богатыремъ является королевичъ Марко, сынъ короля Букашина; во времена султана Мурата (1331—1389) и Баязета (1389—1394) онъ былъ сербскимъ властителемъ. Въ 1394 году онъ былъ убитъ въ битвѣ при Ровинѣ, въ которой принималъ участіе въ качествѣ вассала султана.

Въ народныхъ пѣсняхъ Марко королевичъ—идеализированная, мифологическая личность, родъ воплощенія благороднаго сербства; но онъ являетъ также многія чисто человѣческія черты. Онъ проливаетъ слезы, пьетъ вино, принимаетъ участіе въ слабѣйшихъ, иногда самъ оказывается слабымъ и показываетъ такую мудрость, которая насъ въ немъ не очень то восхищаетъ. Онъ во всякомъ случаѣ не является типомъ героя, сражавшагося съ турками; онъ живетъ съ ними по человѣчески, то въ дружбѣ, то въ ссорѣ, и даже самъ турецкій царь называетъ его роднымъ сыномъ, чтобы смягчить его бѣшенство. Марко даже цѣлыхъ семь лѣтъ былъ на турецкой службѣ и хорошо изучилъ турецкій языкъ, что можно заключить по той хитрости, съ которой онъ обошелъ турокъ, явившихся поздравить его съ днемъ ангела. Два года онъ просидѣлъ въ константинопольской тюрьмѣ, изъ которой его выпускаютъ для единоборства съ наиболее опаснымъ турецкимъ героемъ—Музой Кезеджіемъ.

Хаджа Чуприловичъ при дворѣ султана не знаетъ болѣе великаго героя, который могъ бы помѣряться съ Музой. Но какой видъ представляется султану,

когда Хаджа приводитъ ему героя. Волосы его ниспадають до земли, ногтями могъ бы онъ вспахать поле, кожа его также черна, какъ вывѣтрившійся камень. Султанъ спрашиваетъ его, не хочетъ ли онъ поборяться съ туркомъ Музой въ честномъ бою. Кралевичъ Марко хитро отвѣчаетъ, что сила его надломилась въ темницѣ, зрѣніе его ослабло. Онъ требуетъ, чтобы ему принесли для подкрѣпленія пищи и питья, а ужъ потомъ, если онъ снова почувствуетъ себя окрѣпшимъ, онъ готовъ рискнуть на бой. Тогда ему дѣлають ванну, обрѣзають волосы и ногти и въ изобиліи даютъ пищи и питья. Четыре мѣсяца Марко продолжаетъ пользоваться полнымъ благополучіемъ, пока ему не удается схватить въ рукѣ кусокъ сухого дерева съ такой силой, что язь послѣдняго бѣжитъ вода. Тогда онъ выходитъ на бой съ Музой, но чуть чуть не былъ побѣжденъ имъ, если бы только ему не помогла его родная сестра Вила.

Главный врагъ его, это—черный арапъ, живущій по ту сторону моря и обложившій обитателей Дроздова Поля тяжелой податью, чѣмъ, собственно говоря, символизируется турецкій гнетъ.

Но и другія приключенія, частью основанныя на преданіяхъ, частью сказочныя, связываются съ именемъ Марко, являющимся воплощеніемъ непреоборимой силы, соединенной съ мудростью; такъ, наприимѣръ: сказаніе о ложной сестрѣ, поединокъ съ братомъ. Марко попадаетъ также и въ арабскій плѣнъ, но съ помощью любившей его королевской дочери освобождается дружественнымъ героемъ изъ тюрьмы въ Аракъ. Затѣмъ снова выводится кающійся Марко; онъ оставилъ свою возлюбленную. И другіе грѣхи ему тоже приходится искупать: въ битвѣ у Дроздова Поля онъ не принималъ участія въ сраженіи. Туркамъ, на службѣ которыхъ онъ въ то время состоялъ, онъ не хотѣлъ помогать, а примкнуть къ своимъ—не имѣлъ права.

Другая пѣснь рассказываетъ о его боѣ съ турками въ Свѣтлосѣ Христово Воскресеніе, за что пугмень его сначала укоряетъ, а потомъ восхваляетъ, видя въ немъ передового бойца за христіанство противъ турокъ.

Марко не придерживается турецкихъ обычаевъ и пьетъ вино даже во время Рамазана. Призванный къ царю Мурату онъ ухитряется такъ изложить ему свои принципы христіанства и героя, что Муратъ одаряетъ его и разрѣшаетъ ему пить вино и въ будущемъ.

Слава Марко распространяется очень далеко; онъ вступаетъ въ единборство со всевозможными героями. Тѣмъ не менѣе, временаши ему тоже туго приходится, какъ, напримѣръ, въ Болгаріи, но онъ все-таки остается самымъ значительнымъ героемъ, который разбрасываетъ своихъ враговъ словно солову, для котораго нѣтъ ничего невозможнаго, какъ и для его сокола, что на охогѣ съ турками получаетъ первую награду, но коварнымъ образомъ ранится. Знаменита также и лошадь Марко—Шараць, идеальное чудодѣйственное существо, оказывающееся для Марко зачастую больше, чѣмъ другомъ.

Честь быть родиной Марко оснашивали многія мѣстности; резиденція его была въ Прилѣпѣ, на высокой скалистой горѣ.

Изъ длиннаго ряда героевъ XV, XVI и XVII столѣтій особенно извѣстны: Бранковичъ, Змай-Огнянинъ Вукъ († 1485), братья Якшичи, братская любовь которыхъ не разлучаетъ ихъ даже и тогда, когда между ними становится женщина; они защищали Бѣлградъ.

Далѣе, знаменитымъ является Янъ Спобцанинъ, или Угринъ Янко, очевидно—историческій Іоаннъ Гуниади, который точно также сражался на Дроздовомъ Поля, гдѣ тысячи немцевъ, мадьяръ и чеховъ пали у Сптинцы. Его племянникъ Базъ Секуза обладалъ, согласно народной пѣснѣ, волшебнымъ

даромъ превращеній. Кромѣ этихъ героевъ, собраніе народныхъ пѣсней содержитъ въ себѣ массу выдающихся личностей.

Черногорскія пѣсни составляютъ почти цѣлые тома. Онѣ относятся къ старымъ временамъ, къ Георгу Крневичу, его обрученію съ дочерью венеціанскаго дожа и къ албанцу Скандербергу. Въ позднѣйшія времена черногорцы воспѣвали ихъ сраженія съ турками, доставившія имъ почетное имя „славянскихъ спартанцевъ“.

Красивую группу образуютъ маометанскія народныя пѣсни, въ которыхъ отражаются взгляды славявъ-магометанъ.

И тѣ міровыя событія, которыя не совершались непосредственно на Балканскомъ полуостровѣ, тоже давали матерію народному творчеству, какъ, напри- мѣръ: пораженіе при Шигетъ, освобожденіе Вѣны отъ турокъ въ 1683 году, побѣда христіанства при Лепанто въ 1571 году.

Говорятъ, что южный славянинъ живетъ и умираетъ съ народной пѣсней на устахъ; но эта поговорка очень вѣрна, даже если ее и относятъ къ трезвымъ, практичнымъ болгарамъ.

Въ чемъ же заключается очарованіе народнаго героическаго эпоса?

Уже въ изображенныхъ личностяхъ и во всей средѣ, въ которой они вращаются, гдѣ славянское геройство соприкасается съ турецкимъ міромъ, лежитъ много непосредственнаго, свѣжаго, и нѣтъ ничего удивительнаго, если нѣмецкіе образованные романтики были въ восторгѣ, когда открыли въ Европѣ народъ, состоящій изъ „дѣтей природы“.

Наряду съ значіемъ патриархальнаго духа народная пѣсня требуетъ для своего уясненія знакомства съ турецкими условіями и православно-религіозной жизнью южныхъ славянъ. Зачастую призываются святые: Илья, Огнява Марія, Цетка, Недѣля, Іованъ, Цвѣтелея.

Но и стилистическіе приемы накладываются на эти пѣсни своеобразный отпечатокъ. Отчасти пластичность изображенія достигается повтореніемъ отдѣльных словъ и цѣлыхъ фразъ. Въ большомъ ходу сравненія (съ соколомъ), эпитеты, (напримѣръ: бѣлый городъ, бѣлая церковь, тихій Дунай, бѣшеная змѣя, зеленый лѣсъ, старая мать). Очень часто встрѣчаются взятые изъ природы сравненія и антитезы:

Росли двѣ сосны другъ возлѣ друга,
А между ними стройная елка:
Но то были не зеленныя сосны,
И не елка росла между ними,
А были то два родные брата,
Одинъ Павелъ, а другой Радулъ,
Между ними сестрица Елица (Елена).

Нѣкоторыя фразы и соединенія подлежащаго съ сказуемымъ являются типическими: письмо писать, слезы проливать, вино пить, охоту гонять; затѣмъ, прибавленія—сербскій царь, воевода; болгарская земля, венгерская земля, славная Боснія, стамбульскій царь, Будинъ-градъ, Кружевацъ-градъ и т. п.

Особенно сказывается желаніе точно опредѣлить мѣстность; имена: рѣка Лаба, Ситница, Клизурскія горы, Крна-гора, города—Вучитръ, Прилипь, Призренъ, монастыри—Раваница, Дечаны, Грачаница, Ледянь-градъ, постоянно повторяются.

Уже начало пѣсенъ является характернымъ, бывая одинаковымъ у разныхъ пѣсенъ.

Въ заключеніе коснусь болгарской пѣсни, въ которой встрѣчаются общіе съ сербами герои; иные—чисто болгарскаго происхожденія, какъ тѣ, что вязаны съ именемъ героя Стояна и т. п.

Болгарскія пѣсни обыкновенно бываютъ не такъ велики по размѣру и связываются съ Салониками и болгарскими мѣстностями; часто изображаются отношенія къ арнаутамъ и грекамъ, часто въ нихъ

упоминается Италия и татарскій папѣ. Вообще, въ нихъ чувствуется, что жизнь и языкъ находится еще больше, чѣмъ у сербовъ, подъ вліяніемъ турецкаго міра.

Въ области народной поэзіи сербамъ по праву принадлежитъ пальма первенства среди всѣхъ славянъ.

Интересъ къ сербо-кroatскимъ пѣснямъ уже давно былъ возбужденъ въ Европѣ, главнымъ образомъ, у нѣмцевъ, англичанъ и русскихъ. Они проникли въ Европу, благодаря итальянскому посредничеству, причемъ „Малобинія пѣсни благородныхъ жень Асанъ-Аги“ Качича, то есть искусственно обработанная народная пѣснь, переведенная Абтомъ Фортисъ на итальянскій языкъ, была переведена на нѣмецкій языкъ нѣкѣмъ пинемъ, какъ самимъ Гете. Гердеръ включилъ это стихотвореніе въ „народныя пѣсни“. О народномъ происхожденіи ея писалъ даже Миклозичъ; кромѣ того, она была переведена и на другіе языки.

Но на народную южно-славянскую поэзію вниманіе было обращено особенно съ тѣхъ поръ, когда въ 1814 году Вукъ Караджичъ издалъ въ Вѣнѣ собраніе этихъ пѣсень. Яковъ Гриммъ привѣтствовалъ его появленіе съ восторгомъ и написалъ предисловіе къ сербской грамматикѣ Вука; слава сербовъ росла съ каждымъ новымъ томомъ собранія народныхъ пѣсень. Повсюду, куда онѣ проникали, благодаря переводу на всевозможные языки, онѣ вызвали взрывъ восторга. Послѣдствіемъ этого было то, что южные славяне пошли по слѣдамъ Вука и собрали колоссальный этнографическій матеріалъ, всесторонне разсмотрѣнный также и учеными. Теперь „Южнославянская Академія“ издастъ народныя пѣсни.

Въ Аграмѣ братья Миладиновы издали въ 1861 году „Болгарскія народныя пѣсни“. Братьевъ этихъ постигла страшная судьба. Когда австрійскій по-

славникъ сдѣлалъ представленіе объ ихъ освобожденіи изъ ужасающей стамбульской тюрьмы, то они были найдены тамъ отравившимися.

Сборникъ болгарскаго министерства народнаго просвѣщенія включаетъ въ себѣ обыкновенно нѣсколько сотъ страницъ этнографическаго матеріала, обрабатываемаго теоретически редакторомъ этого сборника, докторомъ Иваномъ Шишмановымъ. И стихотворному размѣру пѣсень были посвящены подробныя изслѣдованія.

XXVIII.

Общая характеристика славянской литературы XIX столѣтія.

XIX вѣкъ принесъ съ собою славянству совершенно новую жизнь. Русская и польская литературы развиваются на основахъ, воспринятыхъ отъ XVIII вѣка традицій, но романтизмъ возстаетъ противъ этого, и геніи тридцатыхъ годовъ становятся классиками своей литературы, которая разливается все болѣе и болѣе мощнымъ потокомъ.

Для чеховъ это столѣтіе знаменуетъ собой періодъ возрожденія и небывалый подъемъ литературы. Южные славяне бросаютъ неестественный церковно-славянскій языкъ и принимаютъ писать на народномъ языкѣ, особенно послѣ того, какъ они сбросили турецкое иго.

Среди славянскихъ литературъ самой мощной становится русская; она же была первой, признанной за границей. Тургеневъ, графъ Толстой и Достоевскій были передовыми бойцами, открывшими другимъ литераторамъ дорогу къ свѣту.

Русская литература носитъ на себѣ общечеловѣческій отпечатокъ; перевѣсъ въ ней остается за прозаическими произведеніями.

Русскій реализмъ и натурализмъ являются призванными литературными направленіями. Наряду

съ любовью къ дѣйствительности идти благородный альтруизмъ, который въ отдѣльныхъ случаяхъ вырастаетъ до болѣзненности, какъ у Достоевскаго или въ послѣдніе годы — у Льва Толстого. Кромѣ самоотверженной любви къ ближнему, русскія произведенія бызуютъ обыкновенно глубоко проникнуты крайнимъ чувствомъ нравственной мѣры, что совершенно исключаетъ возможность для читателя попасть на описаніе одной изъ тѣхъ непристойныхъ картинокъ, которыми такъ любятъ французскіе писатели дразнить чувственность своихъ читателей. Естественное теченіе разказа не пересыщается патетическими отступленіями: художественный романъ русской литературы сдѣдуетъ читать страницу за страницей; живость развитія темы и богатство сюжета не позволяютъ уже по первымъ страницамъ отгадывать развязку. Русскіе романы всегда являются лучшей иллюстраціей опредѣленнаго времени и всегда сохраняютъ значеніе тѣхъ лозунговъ, которые являлись боевыми для русскаго общества опредѣленнаго періода. Но что является самой характерной особенностью русской литературы, такъ это тогъ фактъ, что, сохраняя свой общечеловѣчскій характеръ, она остается зеркаломъ русскіхъ чувствъ, думъ и общественныхъ отношеній.

И уже изъ русскіхъ именъ, изъ всей среды, въ которой вращаются герои, на читателя вѣдетъ той особенностью русской литературы, которую Вѣлискій въ критическомъ обзорѣ произведеній Гоголя великолѣпно опредѣлилъ слѣдующими словами: „тутъ пахнетъ русскимъ духомъ“.

Только въ Россіи встрѣчаются эти широкія натуры, лишніе люди, только въ Россіи рождаются Раскольниковы, Базаровы, семья Карамазовыхъ, но не Рюрикъ-Макаровъ; только Россія можетъ явить тѣхъ философовъ, которые неспособны подчиниться опредѣленной системѣ и уложиться въ практиче-

скія рамки жизни, которые ударяются въ нигилизмъ.

Интересъ къ мужику всегда былъ довольно высокъ. Вопросъ о томъ, какъ нужно жить, и какъ должно быть перестроено общество, издавна занималъ великіе умы Россіи.

Расцвѣтъ русской литературы приходится на вторую половину XIX столѣтія, когда русскій литературный небосводъ покоится на знаменитыхъ семи столпахъ, изъ коихъ только графъ Толстой дожилъ до настоящаго времени. Но и тотъ нынѣ измѣнилъ тому направленіе, плодами коего были „Война и миръ“ и „Анна Каренина“.

Большое количество „толстыхъ“ журналовъ, въ которыхъ концентрируется духовная сущность отдѣльныхъ направлений и партій, дѣлають возможнымъ существованіе въ Россіи специальной критики и изученія исторіи литературы въ такихъ размѣрахъ, въ какихъ мы не встрѣтимъ его ни въ одной другой славянской землѣ.

И литература мемуаровъ тоже очень богата. Изъ иностранной литературы — за исключеніемъ славянской — на русскій языкъ переводится все, что придаетъ русской литературѣ характеръ универсальности. Но такой журналъ, который занимался бы научными изысканіями о славянской культурѣ, литературѣ и жизни отдѣльныхъ славянскихъ народностей, никогда не имѣлъ прочной почвы въ Россіи.

Наука представлена Императорской академіей наукъ, II отдѣленіе которой занимается исключительно русскимъ языкомъ и литературой, но и познанія въ другихъ отрасляхъ наукъ, какъ, напримѣръ, въ восточныхъ языкахъ, здѣсь тоже очень большія. Кроме того, каждый университетъ печатаетъ свои труды.

Отъ русской литературы существенно отличается литература малорусская, или украинская, представляющая собой выраженіе духа и чувствъ живу-

щихъ на югъ Россіи славянъ, мѣстожителство которыхъ частью распространяется и на Австро-Венгрію

Хотя зачатки украинской литературы находятся въ Кіевѣ уже въ XI и XII столѣтіяхъ, но болѣе значительное развитіе она могла получить только въ послѣднее время. Прекрасныя историческія пѣсни, думки и многочисленныя вѣрши, коренящіеся въ старинной литературѣ, послужили основами, на которыхъ зародилась новѣйшая литература съ появленіемъ Ивана Котляревскаго. Послѣдній обнародовалъ въ 1798 году народію на Энеиду, въ которой впервые является вполне опредѣленно и сознательно чистый народный языкъ. Кромѣ того, Котляревскій писалъ малорусскія пьесы для театра.

Онъ вывалъ, такимъ образомъ, къ жизни цѣлую плеяду молодыхъ писателей, изъ которыхъ отмѣтимъ баснописца и переводчика Горація Гуляк-Артемовскаго и Квитку, создателя украинскаго романа изъ народной жизни и предтечу тѣхъ европейскихъ новеллистовъ, которые обратили вниманіе на крестьянъ (1834 г.). Романтическая школа пріобрѣла среди украинскихъ писателей нѣсколькихъ приверженцевъ, какъ, напримѣръ, тонкочувствующаго и меланхолическаго пѣвца степей и казачковъ А. Метлинскаго (1814—1870); она пробудила интересъ къ этнографіи и явила свѣту нѣсколько превосходныхъ сборниковъ народныхъ пѣсень.

Тѣмъ не менѣе, вліяніе ея сохранилось ненадолго, такъ какъ уже въ первыя десятилѣтія XIX столѣтія у малороссовъ сказывается реалистическое направленіе, которое и до сихъ поръ является господствующимъ со времени Критки. Правда, на литературѣ украинцевъ отражался и другія теченія и школы, но данное направленіе осталось доминирующимъ.

Самая оживленная дѣятельность наступаетъ въ
Исторія славянскихъ литературъ. 5

сороковых годах, когда для развитія своего народа трудились историкъ Костомаровъ (1817—1885) и многосторонній Кулишъ. Въ ихъ тайномъ кирилло-меодѣевскомъ кружкѣ обсуждались идеи украинской независимости и славянскихъ соединенныхъ штатовъ, за что имъ пришлось позднѣе сплотно заплатить. Къ этому же кружку принадлежалъ и самый значительный украинскій поэтъ Тарасъ Шевченко (1814—1861), который вдохнулъ въ литературу новую жизнь высокопатріотическими и связанными съ революціонными и социальными идеями стихотвореніями.

Его вліяніе проникло даже въ Галицію, гдѣ подъемъ народнаго самосознанія замѣчается уже въ началѣ XIX столѣтія, но вспыхиваетъ только въ 1837 г., когда Шашкевичъ издалъ свой „Днѣстръ-Руссалію“. Шевченко первый вызвалъ литературный и національный подъемъ галиційскихъ малороссовъ, которые теперь стали во главѣ литературнаго движенія украинцевъ.

Русское правительство запретило въ 1863 году тайнымъ циркуляромъ, а въ 1876—официально, печатаніе малорусскихъ произведеній, ограничивъ послѣднее только народными книгами и литературой. То, что, несмотря на это, малороссійская литература въ Россіи не оскудѣла, доказываетъ ея жизнеспособность. Въ послѣднее время наблюдается оживленное, почти лихорадочное проявленіе духовной жизни, начало которому было положено историкомъ, этнографомъ и публицистомъ М. Драгомановымъ (ум. 1895 г.). Вместе съ нимъ и подъ его вліяніемъ работали самый значительный современный украинскій писатель докторъ І. Франко (род. 1856 г.), работавшій по всемъ отраслямъ литературы и принадлежавшій къ лучшимъ знатокамъ малороссійской письменности. Гдѣсь съ профессоромъ Грушевскимъ, В. Гнатюкомъ, докторомъ Студинскимъ, Колессой, Днѣстранскимъ, Верхрат-

скимъ и др. онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ сочленовъ шевченковскаго общества, которые посвятили свою жизнь наукѣ и отчасти литературѣ.

Лучше всего расцвѣтаетъ повелѣстика, являющаяся выдающимися писателями, какъ Франко („Въ потѣ лица“, „Боя конструкторъ“), Федковича, Кобылянского. Украинскій романъ культивируется глубокимъ мыслителемъ П. Мирнымъ и мастерами слога Иваномъ Левцикомъ. Эпическая поэзія не участвуетъ въ общемъ расцвѣтѣ, но лирическая продолжаетъ являть и послѣ Шевченко рядъ талантовъ. Хотя драма не имѣла благоприятной обстановки для развитія, но и здѣсь встрѣчаются выдающіеся таланты, среди которыхъ называемъ Карпенко-Карого.

Что касается количества талантовъ, то польская литература съ честью соперничаетъ въ немъ за послѣднія десятилѣтія съ своей старшей сестрой—русской литературой. Но она вся цѣлкомъ служитъ орудіемъ въ рукахъ національной идеи, что сообщаетъ ей ярко-выраженный характеръ крайней тенденціозной односторонности.

Почти вездѣ на первый планъ выступаетъ принадлежность къ польской націи, вездѣ чувствуется затаянное народное горе, готовность къ самопожертвованію за общенародное счастье. Зачастую вѣетъ нѣкоторымъ шовинизмомъ или страстной тоской по болѣе счастливой будущности. Католицизмъ является знаменемъ, которому клянется полякъ: „*Quo Vadis?*“—могъ написать только полякъ. Католицизмъ также вошелъ въ плоть и кровь поляковъ, какъ православіе—у русскихъ.

Философская мысль ихъ не развивается въ предѣлахъ обще-человѣческаго; гдѣ дѣло касается чисто польскихъ интересовъ, поляки являются теоретиками-философами, готовыми, тѣмъ не менѣе, пожертвовать жизнью за свои святыя убѣжденія.

Мнѣнія, выражаемая польской литературой о не-

полякавъ, не особенно-то благоприятны; они очень симпатизируютъ венгерцамъ и французамъ, элегантность салонной жизни которыхъ они себѣ усваиваютъ.

Жизнь польской шляхты оставила замѣтные слѣды въ литературѣ, но вопросы женскій, социальный и еврейскій тоже неоднократно трактуются. Въ польской литературѣ работаетъ рядъ еврейскихъ писателей, тогда какъ въ литературѣ другихъ славянъ таковыхъ не замѣчается. Въ особенности широко развитымъ является интересъ къ исторіи и историческому роману.

Въ этой литературѣ, являющейся связующимъ звеномъ политически разсѣяннаго народа, отражаются всѣ важнѣйшія политическія движенія, какъ, напримѣръ, возстанія 1830 и 1863 годовъ. Послѣ 1830 года литература поддерживалась, главнымъ образомъ, бѣглецами; въ это время она дошла до наиболѣе пышнаго расцвѣта.

Три мощныхъ столпа поддерживали польскій Парнасъ: Мицкевичъ, Словацкій и графъ Красинскій. Но страшное несчастье поразило тогда лучшихъ сыновъ польскаго народа: мессіаниззмъ, появившійся подъ вліяніемъ мистическаго духа Товіанскаго и нашедшій себѣ вездѣ благоприятную почву.

Въ судьбѣ Польши патриоты усматривали Божественное предопредѣленіе; это разрывало ихъ сердца и вдохновляло ихъ къ пламеннымъ пророчаніямъ.

За границей съ польской литературой познакомились, главнымъ образомъ, по произведеніямъ плодовитаго романиста Крашевскаго. Въ послѣднее время особенно пышный расцвѣтъ наблюдается въ прозаическихъ сочиненіяхъ.

Во главѣ послѣднихъ можно поставить Сенкевича, произведенія котораго читаются въ настоящее время по всей Европѣ съ наибольшей охотой. Въ

Италія, Франція, Богемія нѣтъ болѣе любимаго писателя, а въ Польнѣ его положительно боготворятъ. Наряду съ нимъ работаютъ многіе другіе видные таланты, съ пламеннымъ рвеніемъ творящіе все нова и нова произведенія. Въ журналистикѣ европейская литература подвергается критической оцѣнкѣ: но за ничтожнымъ исключеніемъ славянской письменности не удѣляется почти никакого вниманія. Зато изслѣдванія собственной литературы и систематической исторіи польской литературы встрѣчаются гораздо многочисленнѣе, чѣмъ у чеховъ.

Наука пріютилась, главнымъ образомъ, въ польской академіи въ Краковѣ; кромѣ того, у поляковъ имѣются еще соотвѣтствующія учрежденія въ Варшавѣ, Львовѣ, а въ отдѣльныхъ бібліотекахъ дѣятельно служатъ родной литературѣ.

Чешская литература находится въ настоящее время въ апогеѣ своего расцвѣта; у нихъ имѣются свои увѣчаные поэты, какъ Святополкъ Чехъ и Ярославъ Врхлицкій, явлющіеся въ настоящее время самымъ плодовитымъ и универсальнымъ европейскимъ поэтомъ.

Врхлицкій принадлежитъ къ числу представителей той части чешской литературы, которые являются истинно-чешскими только по языку, но не по духу или содержанію. Онъ—космополитическій геній, который меньше всего связанъ съ родной почвой, но, именно, въ силу этого, его стихотворенія, какъ и романы Арба или экзотическіе рассказы Зейера, встрѣтять одобреніе и въ переводѣ. Эти геніи вознеслись надъ мѣстнымъ кругозоромъ и витаютъ въ области интернаціональныхъ художественныхъ сферъ.

Съ другой стороны—цѣлый рядъ писателей, какъ Райсъ, братья Мржтикъ въ Моравіи, Холечекъ стремится охватить и отразить въ своихъ произведеніяхъ истинно-чешскій духъ.

Оживленностью политической жизни можно объяснить, что національный вопрос играет большую роль въ прозѣ и стихахъ и иногда даже вырождается у старѣйшей генераціи въ чувственность. Разказы общечеловѣческаго характера обыкновенно посятъ на себѣ романтической отпечатокъ.

Женщины впадаютъ въ большинство случаевъ въ сентиментальность и патриотическій пафосъ; по счастью, литература синихъ чулковъ почти уже перешагнула черезъ моментъ своего наибольшаго развитія.

Вполнѣ заслуженное вниманіе удѣляется изображенію сельской, крестьянской жизни, въ которой даже и въ этнографическомъ отношеніи заключается много первобытнаго, а затѣмъ—изображенію условій жизни въ чешскихъ провинціальныхъ городахъ съ ихъ сплетнями и интригами.

Но наука еще не встала, за исключеніемъ историческихъ трудовъ и славистики, на ступень большихъ народовъ, у которыхъ уже въ теченіе столѣтій дѣйствовали университеты и академіи, хотя чешская академія въ этомъ отношеніи тоже даетъ немало отрадныхъ явленій. Жаль, что ни поляки, ни чехи не заботятся о томъ, чтобы обезпечить и за границей признаніе своихъ изысканій и главнѣйшихъ литературныхъ теченій.

Возрожденіе чешскаго національнаго самосознанія представляетъ изъ себя необычайное явленіе. Въ теченіе болѣе чѣмъ полутора столѣтій не могло быть и рѣчи о литературномъ языкѣ; только въ концѣ XVIII столѣтія образованные чехи начинаютъ заботиться о своемъ народѣ и литературѣ. Совокупность разныхъ причинъ повлекла за собой возрожденіе чешскаго народа; священники, учителя, даже дворяне, которые въ большинство случаевъ не владѣли народнымъ языкомъ, приложили руки въ общему великому дѣлу; но главная заслуга оста-

ется за писателемъ, бывшимъ обыкновенно въ то же время и ученымъ.

Процессія изъ Германіи и съ запада возрѣнія принимали на богемской почвѣ романтическую окраску. Очень большое значеніе имѣло воскресеніе славянской мысли.

Послѣ революціи 1848 года наступили годы безплодія: въ концѣ пятидесятихъ годовъ „молодая Германія„ глубоко вліяла на неэромантиковъ, среди которыхъ, подобно утесу, выдается фигура Яна Неруды; его „Космическія пѣсни“ стоятъ особнякомъ въ міровой литературѣ.

Область лирики заполняется однимъ Врхлицкимъ; вокругъ него роятся его друзья и ученики. Любимцемъ читающаго міра является патріотъ Святополкъ Чехъ, прежде романтикъ, послѣдній чешскій байронистъ. Историческіе романы его прямо глотаются чешской публикой.

Въ девяностыхъ годахъ чешская литература усвоила себѣ кое-какіе французскіе принципы, а именно — декадентовъ и символистозъ, чѣмъ и была вызвана къ жизни чешская модернистская литература, находящаяся въ соприкосновеніи и съ нѣмцами, и съ поляками, и съ южными славянами.

Вліяніе романскихъ литературъ въ послѣднюю четверть вѣка, послѣ дѣятельности Врхлицкаго и появленія модернистскаго направленія, стало замѣтно ощутительнѣе, тогда какъ нѣмецкая письменность оставляетъ на чешской литературѣ почти незамѣтные слѣды, то есть, мы имѣемъ какъ разъ обратное тому, что было сто лѣтъ тому назадъ.

Нельзя не упомянуть здѣсь духовно-гибкаго католическаго модернизма. Замѣчательной является также и жажда переводныхъ произведеній: успешно и систематически переводятъ съ русскаго и польскаго.

Во времена французскаго господства, которое давало словенцамъ въ смыслѣ національнаго развитія

больше простора, они тоже были подхвачены литературнымъ движеніемъ.

До этого времени словенцы были собственно говоря „грамматиками“, у которыхъ не было изящной словесности. Послѣ выдающагося поэта Прешерна словенцы получили въ газетѣ Влейвейса литературный центръ. Писатели 60-хъ и 80-хъ годовъ обращали свое вниманіе главнымъ образомъ на поселянъ, изъ которыхъ большею частью состоитъ народъ, такъ какъ у словенцевъ нѣтъ національных городовъ вродѣ лужицано-вендскихъ. Лучшими поэтами ихъ являются Грегориць и Ашкерць.

Писатели получали нѣмецкое образованіе, большинство ихъ произведеній преслѣдовали поучительныя цѣли, въ особенности, когда авторами ихъ являлось духовенство. Долгое время литературнымъ центромъ ихъ являлась Вѣна, теперь же многое печатается и въ Герць.

Послѣ девяностыхъ годовъ и модернистская школа нашла среди словенцевъ своихъ представителей. Изданія католическаго союза святого Мура проникаютъ въ самыя отдаленныя дикины и распространены даже среди словенцевъ Америки и Египта.

Отстоявши по своимъ основамъ такъ далеко другъ отъ друга литературы сербовъ и кроатовъ въ настоящее время почти объединены духовно. Кроатская литература, особенно романы, носитъ на себѣ болѣе космополитическій отпечатокъ, но въ поэзии прорывается славянская душа. Въ идейномъ отношеніи обѣ литературы доступны каждому образованному человѣку: богатый этнографическій матеріалъ является общимъ ихъ признакомъ; отличный примѣръ возможности этой общности даетъ Матавузій диматинскій, эскизы котораго — его специальность — неизменно въ кроатской „Матинѣ“, тогда какъ его благодареніе рассказы пользуются особенной популярностью у сербовъ.

Научное призваніе единства обонхъ народовъ

было сдѣлано южно-славянскою академіею, что являлось цѣлью ея основателя епископа Штросмайера.

Лучшимъ и идеальнѣйшимъ временемъ была эпоха „илиризма“ — путь, по которому шелъ Колларъ; отцемъ же этой идеи былъ Гай. Его мысль — освободиться отъ провинціализмовъ и продолжать работать дальше надъ очищеніемъ языка — встрѣтила поддержку Шафарика. Приверженцы этого теченія находились въ духовномъ общеніи съ чехами не только благодаря литературнымъ сношеніямъ съ послѣдними, но и въ силу перенятыхъ изъ Богеміи юридическихъ познаній. Самый знаменитый романистъ Шенка учился въ Прагѣ, гдѣ принадлежалъ къ кружку Фрича, Гайдука, Халека и Перуды.

Изъ богатаго родника народной поэзіи черпали Бавъ Мажураничъ и генералъ Прерадовичъ, убѣжденный славянинъ и величайшій кроатскій поэтъ.

Старые „илирицы“ все вымерли, за исключеніемъ Трискаго. Новое поколѣніе обращаетъ свое вниманіе, главнымъ образомъ, на кроатскую жизнь; въ послѣднее время прозой больше занимаются, чѣмъ поэзіей.

Среди романистовъ выдается Гжальскій.

На рубежѣ XIX и XX столѣтій возгорѣлся жестокой споръ между „стариками“ и „молодыми“, то есть, — между „традиціоналистами“ и „импрессионистами“, воспринявшими многое изъ иностранныхъ теченій, но недостаточно духовно усвоившими и по приспособившимъ ихъ иностраннымъ колоритъ къ мѣстнымъ условіямъ. Какъ и полагается южному темпераменту, споръ велся очень пламенно.

Подобно тому, какъ и въ Богеміи — ученые принимали большее участіе въ возрожденіи кроатскаго національнаго самосознанія.

Академія выпускала труды старыхъ далматскихъ писателей въ роскошныхъ изданіяхъ и опубликовывала важные историческія, філологическія и литературныя произведенія.

У кроатовъ имѣется нѣсколько литературныхъ центровъ, а соперничество съ сербами подзадориваетъ ихъ къ творчеству.

Совсѣмъ другое развитіе получила новѣйшая сербская литература, возникшая, собственно, только въ XIX столѣтіи. Основаніемъ для сербо-кроатскаго литературнаго языка было выбрано звучное нарѣчіе юга Далмаціи, Черногоріи и Герцеговины, которое было принято также и кроатами. Но въ отдѣльныхъ деталяхъ сербы отклонились отъ него.

Еще приверженецъ западныхъ идей монахъ Обрадовичъ утверждалъ, что неестественный церковно-славянскій языкъ заглушаетъ малѣйшее поэтическое движеніе сербской души, что это искусственное нарѣчіе непригодно для передачи душевныхъ движеній, почему Обрадовичъ и началъ писать на родномъ языкѣ. Такимъ образомъ, онъ сталъ сербскимъ Ломоносовымъ; но только Вукъ Караджичъ, этотъ сербскій Карамзинъ, явилъ, наконецъ, чистый сербскій языкъ. Онъ составилъ сербскій словарь; послѣ жестокой борьбы съ царившими предразсудками, онъ одержалъ побѣду и обезпечилъ, при помощи сборниковъ сербскихъ народныхъ пѣсень, европейскую славу своему отечеству.

На поэтовъ большое и благотворное вліяніе имѣли богатырскія пѣсни. Правда, у сербовъ были даже и истинные дряки, какъ, напр., только что скончавшійся Змай Іовановичъ; но въ коренной литературѣ матеріалъ для поэзіи и прозы черпается изъ войнъ съ турками; рисуется опасность, которой подвергается южнославянская дѣвушка, затѣмъ—гайдуцкая жизнь; описываются войны пѣз эпохи Кара-Георгія, Обреновичей и изъ черногорской исторіи.

Отпечатокъ романтизма лежитъ на этихъ поэмахъ: богатыри сражаются душой и тѣломъ за „святую крестъ и золотую вслю“ противъ полумѣсяца. Чешская и польская литературы тоже воспользовались

кое-какимъ матеріаломъ изъ южнославянскаго быта, и наброски эти встрѣтили большое сочувствіе у читателей.

Въ настоящее время у сербовъ нѣтъ такихъ великихъ писателей, какъ у сѣверныхъ славянъ, но въ литературномъ отношеніи они очень дѣятельны. Выгодой имъ служить то, что они обладаютъ нѣсколькими литературными центрами (Бѣлградъ, Це-узаць, Цетинье, Сераево); какъ сербскія, такъ и кроатскія періодическія изданія помѣщаютъ большое число самыхъ разнообразныхъ библиографическихъ замѣтокъ для освѣдомленія читателя, въ чемъ съ ними не можетъ сравниться никакая другая славянская литература.

Изъ подобнаго же побужденія писать на доступномъ народу языкѣ возникла словацкая литература, воспользовавшаяся однимъ изъ чешскихъ нарѣчій.

Побудительные мотивы, разумѣется, были очень хороши, но всякому, принадлежащему къ великой націи, ясно, что подобное начинаніе безрезультатно. Въ теченіе ряда столѣтій словаки пользовались чешскимъ языкомъ, и только въ концѣ XVIII столѣтія католики начали писать на діалектѣ, а за ними, въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія,—и протестанты; но величайшіе сыны Словакіи—Шафарыкъ и Колларъ—остались вѣрными чешскому письму. Что сепаратисты не имѣли успѣха—доказываетъ настоящее. Мадыарская интеллигенція не пишетъ по словацки, широкія массы народа состоятъ изъ неграмотныхъ, а немногочисленнымъ литераторамъ приходится бороться съ невыразимыми трудностями. Чехи мало знаютъ о родственномъ имъ народѣ и почти совершенно не обращаютъ вниманія на плоды ихъ духовной дѣятельности, а безъ вышней поддержки словаки могутъ только горестно влачить свое литературное существованіе. Гвъздославъ и Урбанъ Ваянскій

представляютъ изъ себя во всякомъ случаѣ такіе мощные таланты, что они могли бы влить въ чешскую литературу свѣжіе, здоровые соки. Въ общемъ же—литературное творчество очень мало продуктивно.

Болгарская литература является, пожалуй, самой юной въ Европѣ. Почти до временъ Фотинова, то есть—вплоть до пятидесятихъ годовъ, въ письменности царить такая же противуестественная тарабарщина, какъ и въ Сербіи. Уже въ XVIII столѣтіи пытались писать на народномъ языкѣ, но ничего не было достигнуто. Самъ Шафарикъ въ сороковыхъ годахъ не зналъ почти совсѣмъ болгарскаго языка. Вукъ воспользовался нѣсколькими его пѣснями. Только изданная Цанковымъ въ Вѣнѣ, отпечатанная латинскими буквами грамматика и обнародованныя злосчастными братьями Миладиновыми болгарскія народныя пѣсни обратили вниманіе славистовъ на этотъ языкъ.

Вплоть до русско-турецкой войны главной опорой литературы были эмигранты, которые пламенно обрушивались противъ турецкаго господства и и чорбаджіевъ, болгарскихъ богатѣевъ, остававшихся довольными существующимъ положеніемъ вещей, и шли походомъ противъ фанариотовъ, греческаго духовенства.

Объединяющими мѣстами этихъ писателей-журналистовъ были Бѣлградъ, Цеузаць и въ особенности—Бухарестъ.

Невыносимое положеніе улучшилось послѣ 1879 года, когда Константинъ Жиречекъ организовалъ школьную жизнь: интеллигенціи, учившейся въ Россіи или Богеміи, долго приходилось бороться съ трудностями языка.

Самымъ выдающимся болгарскимъ писателемъ является Вазовъ, который еще испыталъ ужасающій турецкій гнетъ въ своемъ отечествѣ, помнить начало возстанія, энергичнаго Любена Каравелю-

ва и несчастнаго Левскаго, и описаль эпоху переворота.

Горичій кровавый туманъ бросается читателю въ глаза изъ его разсказовъ, взятыхъ изъ времянь возстанія, но отъ нихъ вѣетъ духомъ истинныхъ балканскихъ славянъ. Природной простотой и первобытною трезвухъ болгаръ вѣетъ отъ нихъ на читателя.

Для историка литературы онъ является достопримѣчательнымъ явленіемъ какъ болгаринъ, воспѣвающий Неаполитанскій заливъ. Во всякомъ случаѣ, все чисто болгарское въ его произведеніяхъ заставляеть предполагать у него крѣпкіе нервы.

Въ области этнографіи и языковѣдѣніи производится дѣятельная работа. Жалко только, что въ Европѣ нельзя достать ни одной болгарской или далматской книги.

Въ концѣ-концовъ упомяну о двухъ славянскихъ литературахъ народа, живущаго въ Германія—нижне и верхе-лужицано-вендской.

Всѣхъ лужицано-вендовъ, которые сами называютъ себя сербами, насчитывается едва полтора тысячь душъ. Послѣ чеховъ у лужицано-вендовъ самая лучшая грамматика Мука. Ихъ литература проявляется, главнымъ образомъ, въ періодической прессѣ, предназначенной для деревенскихъ жителей. Самымъ первымъ и значительнымъ поэтомъ былъ Зейлежъ, теперь выдвинулся Чцшипскій. На научной нивѣ у нихъ выдѣлились Пфуль, Горникъ и Мука.

Самотверженный трудъ этихъ идеальныхъ труженниковъ заслуживаетъ уваженія и удивленія. Своимъ девизомъ они выбрали слова чешскаго историка Палацкаго:

— Если бы я былъ самымъ послѣднимъ изъ сыновъ какого бы то ни было народа, будь-то кыгане, я бы заботился о томъ, чтобы отъ этого народа осталось хоть почетное воспомнаніе“.

Драматическая литература.

Во всѣхъ славянскихъ литературахъ имѣется одно общее слабое мѣсто, это — драма. У южныхъ славянъ она еще въ періодѣ дѣтства; у сѣверныхъ славянъ имѣется во всякомъ случаѣ богатая драматическая литература, но она еще не завоевала европейской сцены. Философская система, чувство единства и драматическій талантъ никогда не были въ числѣ славянскихъ преимуществъ.

Ибсена, Зудермана или Гауитмана среди нихъ еще не объявилось.

Съ французскимъ остроуміемъ, французской элегантностью и занимательностью не можетъ идти въ сравненіе въ области драмы прямота честнаго, довольно неуклюжаго славянина. Этимъ еще не сказано, что у славянъ не существуетъ драматической поэзіи. Къ каждому конкурсу въ Богеміи представляется до сорока пьесъ, а въ Польшѣ — до шестидесяти. Въ Богеміи, панризмѣръ, Врхлицкій самъ написалъ около тридцати драматическихъ произведеній, изъ которыхъ многія имѣютъ значеніе классическихъ; но его величина заключается не въ драмѣ.

Въ началѣ XIX столѣтія чешская драма была въ зависимости отъ нѣмецкихъ образцовъ. Старая генерация, какъ Кадетанъ Тыль и Вацлавъ Клицпера, особенно охотно бралась за историческіе, рыцарскіе или сказочные сюжеты для пьесъ, которыя, подобно комедіямъ, приноравливались для исполненія любителей-студентовъ. Императору Францу I-му необыкновенно нравилась комедія Штьепанека „Чехъ и нѣмецъ“.

Въ смыслѣ театральнѣйшей техники отличался Владиславъ Штрупеничкій, сохранявшій въ драмѣ колоритъ рѣчи. Большую услугу развитію чешской драмы оказалъ Фр. Шубертъ, авторъ популярныхъ, полныхъ достоинства драмъ изъ чешской жизни,

наивсравній интересный мемуаръ въ качествѣ бывшаго директора національнаго театра.

Рядомъ съ нимъ выдаются М. Шпачекъ, Фр. Х. Свобода, госпожа Габріэль Прейсъ, Ярославъ Квапилъ, Хладикъ. Къ лучшимъ драмамъ принадлежатъ появившаяся въ 1905 году трагедія „Іоаннъ Гусъ“ Воробника.

Младшее поколѣніе охотно даетъ сценки изъ жизни богемы или художниковъ; истинный талантъ проявляется у Гильберта.

Чешскія комедіи полны шутокъ и остротъ и вызываютъ смѣхъ; въ этомъ отношеніи онѣ оставляютъ далеко за собой польскія.

Фарсы Шемберса переводятся также и на нѣмецкій языкъ, хотя онѣ, главнымъ образомъ, и основаны на игрѣ словъ. Къ Шемберсу примыкаютъ знатоки чешскихъ недостатковъ: Штехъ, Штолба, Пяппихъ.

У поляковъ имѣется нѣсколько признанныхъ авторовъ произведеній этого рода поэзіи.

Несторомъ польской трагедіи считается графъ Фредро, который въ теченіе полустолѣтія идеализировалъ польское общество въ драматическихъ произведеніяхъ, написанныхъ во французскомъ вкусѣ, столь близкомъ польскому духу.

Для сюжета поляки любили выбирать разные историческіе конфликты, писали аллегоріи, философскія драмы, то есть—по преимуществу драмы для чтенія, мало пригодныя для театральныя представленія.

Только у немногихъ находимъ реалистическій элементъ, какъ, на примѣръ,—у Севера (Малековскаго), написавшаго отличную пьесу изъ народной жизни; жизнь крестьянъ и евреевъ тоже находила на сценѣ свое отраженіе.

Отличныя комедіи изъ краковской жизни, изъ столичной сутелюки и жизни заброшенныхъ провинціальныя городковъ выходили изъ подъ пера Ба-

лудкаго. Веселыми товарищами ему были — внасток польской шляхты Блицинскій и авторъ фарсовъ Пржибыльскій.

Въ новѣйшее время въ модѣ — модернистская литература; во главѣ стоитъ Пшибышевскій, но самымъ оригинальнымъ явленіемъ былъ Выспяньскій, произведенія котораго выввали ожесточенные споры.

Наряду съ ними восходящими звѣздами считаютъ Киселевскаго и Риделя. Въ количественномъ отношеніи творчество идетъ очень интенсивно.

У словенцевъ, сербовъ и болгаръ нельзя пока еще говорить о драматической литературѣ. У кроатовъ національный театръ находится въ Аграмѣ; лучшими драматургами у нихъ являются: Стефанъ Риттеръ фонъ-Мелетячъ, Трезичъ-Навичичъ и рагузецъ Иво графъ Войновичъ; у сербовъ можно назвать Фр. Савича и Кедрича.

Если теперь бросить общій взглядъ на славянскія литературы, то получаются слѣдующіе выводы:

Величайшій славянскій писатель — графъ Толстой; величайшій психопатологъ міра — Достоевскій; художественный реализмъ русскихъ принадлежитъ признанному въ Европѣ литературнымъ управленіемъ. Самый популярный и извѣстный далеко за предѣлами своего отечества авторъ — полякъ Сенкевичъ; у чеховъ имѣется самый плодовитый и универсальный поэтъ космополитъ И. Врхлицкій. Хорошо развитая литература изъ деревенской жизни теряетъ при переводѣ естественную свѣжесть и чисто славянскій характеръ. Разумѣется, многіе продукты славянскаго творчества встрѣтятъ признание и за границей, если для перевода будетъ сдѣланъ удачный подборъ произведеній, могущій быть доступнымъ воспріятію читателя-неславянина. И тотъ аромат непосредственной свѣжести, которымъ вѣетъ отъ истинно славянскихъ художественныхъ произведеній, вполне удовлетворитъ художественное чутье читателя-европейца.

XXIX.

Славянское возрожденіе и его причины.

Основы славянскаго возрожденія коренятся въ концѣ XVIII столѣтія. Ходъ постепеннаго развитія возрожденія неодинаковъ у различныхъ славянскихъ народовъ; даже одні и тѣ же идеи встрѣчаютъ различное воспріятіе и проведеніе въ жизнь. Но если отдѣльные славянскіе народы и пробуждались къ національному самосознанію различными способами, то само по себѣ это возрожденіе имѣетъ ясныя признаки обще славянскаго движенія.

Такъ какъ въ польской литературѣ выдающіеся писатели встрѣчаются уже въ XVIII столѣтіи, то начало XIX столѣтія проявляется у нихъ иначе, чѣмъ у другихъ славянъ.

Въ политическомъ отношеніи народъ былъ раздавленъ; литература явилась объединяющимъ національнымъ элементомъ. Поляки были особенно воспримчивы къ французскому вліянію, такъ какъ произведенія французской литературы были легко доступны имъ вслѣдствіе знакомства съ языкомъ. Мало-помалу они начинаютъ знакомиться и съ нѣмецкой литературой.

Совсѣмъ иначе формируется эпоха возрожденія у чеховъ. Чешскій національный духъ продолжалъ жить среди сельскаго населенія, такъ что правительство было вынуждено обратить вниманіе на это провинціальное нарѣчіе. Получившая нѣмецкое образованіе интеллигенція вспомнила о тѣхъ временахъ, когда въ Богеміи въ большомъ ходу былъ родной языкъ. Въ рядахъ ихъ проявляется самолюбивое стремленіе снова поднять національное самосознаніе въ Богеміи, и это происходитъ съ такой готовностью къ самопожертвованію, какъ нигдѣ въ другомъ мѣстѣ.

Совершенно также обстояло дѣло и въ Кroatіи, гдѣ интеллигенція тоже получила нѣмецкое образо-

ваніе; здѣсь сознаніе будилось волнами политическихъ страстей; съ одной стороны, неводъ представляло возоженіе вещей въ возстановленномъ королевствѣ Иллиріи, съ другой — сношенія съ венграми.

Но совершенно иначе обстояло дѣло въ Сербіи и Болгаріи, куда не могли проникнуть новыя западноевропейскія идеи, такъ какъ эти страны находились слишкомъ далеко отъ Франціи и Германіи, а турецкое господство не примирилось бы съ ними; да и православная церковь не создавала, разумѣется, для нихъ благопріятной почвы. Затѣмъ, оба эти народа должны были сначала вырваться изъ оковъ церковнославянскаго языка и обратиться къ своему природному народному.

Почва для славянскаго возрожденія создавалась внѣшними и внутренними причинами. Сначала явилось на сцену такое движеніе въ цѣляхъ просвѣщенія, которое заставило вѣнское правительство хотѣть на время не сковывать хода естественнаго развитія отдѣльныхъ славянскихъ народностей. Южнымъ славянамъ извѣстное облегченіе пришло временное господство французовъ.

Поляки непосредственно ознакомились съ принципами энциклопедистовъ, тогда какъ остальные западные славяне восприняли ихъ при нѣмецкомъ посредничествѣ. Нѣсколько гигантскихъ баловъ, вздохавшихъ въ то время литературную плоскость, взбудоражили все умы. Это были нѣсни Оссиана, напомнившія славянамъ ихъ національныя нѣсни, подражанія твореніямъ нѣмецкихъ бардовъ, вызвавшія тѣмъ бардовъ славянскихъ, все направленіе, созданное Руссо, требовавшее возвращенія къ природѣ и имѣвшее особенно сильное вліяніе на польскія идиллическія стихотворенія; проявившійся у нѣмцевъ интересъ къ прошлому и среднимъ вѣкамъ, великое національное движеніе у нѣмцевъ и романтизмъ имѣли для славянъ реакціонное значеніе. Все

эти идеи встрѣтили отголосокъ у поляковъ, чеховъ, словенцевъ и кроатовъ: однако, и въ русской литературѣ романтизмъ тоже оставилъ глубокіе слѣды.

Тѣмъ не менѣе, западноевропейскія идеи воспринимались славянами не прямо, а въ приспособленномъ къ славянскимъ обстоятельствамъ видѣ; это можно видѣть хотя бы потому, насколько различнымъ было вліяніе романтизма на славянскія литературы.

Романтизмъ. Русскіе восприняли духовный міръ романтизма въ томъ отношеніи, что переводили произведенія этой школы и старались продолжать творить въ этомъ же направленіи; слѣдовательно, въ отношеніи пути развитія идеи романтизмъ русскихъ почти не отличается отъ нѣмецкаго. Наоборотъ, въ Польшѣ и Богеміи онъ былъ толчкомъ къ новымъ мыслямъ. И поскольку романтизмъ развивалъ пристрастіе къ изученію средневѣковья и любви къ національному прошлому, онъ представлялъ изъ себя для этихъ народовъ особенную притягательную силу, такъ какъ въ прошломъ они находили мотивы и обоснованіе своей національной гордости.

Романтизмъ воодушевлялъ къ патриотизму и вызывалъ передъ глазами читателей образы героевъ, казавшихся тогда достойными подражанія прототипами. Но къ этому, подъ флагомъ романтизма, стремилась не только изящная словесность, а и строгая наука: Шафарикъ, Лелевель, Палацкій (въ первомъ періодѣ) были романтиками въ томъ же смыслѣ, какъ таковыми называютъ Грима и Савиньи; кляймо романтизма на нихъ накладываютъ въ особенности ихъ взгляды на національную самобытность.

Противовѣсомъ ложноклассицизму романтизмъ былъ только у поляковъ, но не у чеховъ, такъ какъ періода ложноклассицизма не было ни у чеховъ, ни у южныхъ славянъ. Но и поляки, и чехи обязаны

романтизму своимъ вступленіемъ на путь національнаго самосознанія, такъ какъ онъ обратилъ ихъ вниманіе на прошлое, въ которомъ они почерпнули основы національнаго самоуваженія.

Байронъ. Подобно маяку возвышается надъ всей славянской литературой образъ лорда Байрона, передового бойца за идею свободы, въ появленіи котораго для славянъ было много очарованія. Достаточно было нѣсколькихъ строчекъ Байрона, чтобы привязать къ нему славянъ, — такъ соответствовали его идеи ихъ желаніямъ, надеждамъ и обстоятельствамъ.

Но самое сильное вліяніе онъ оказалъ на русскихъ. Первые русскіе поэты — Пушкинъ и Лермонтовъ — становятся вначалѣ на почву байронизма, и молодой несчастный Лермонтовъ не сумѣлъ избавиться отъ этого вліянія, тогда какъ Пушкинъ въ концѣ-концовъ обрѣлъ свою истинную русскую сущность.

У поляковъ Байронъ тоже встрѣтилъ дружественный приѣмъ. Вліяніе его сказывается въ двухъ отношеніяхъ: съ одной стороны, его произведенія переводятся, какъ напримѣръ — „Гяуръ“, переведенный Мицкевичемъ; съ другой — онъ указалъ польской поэзіи новые пути. Самъ Байронъ въ „Мазепѣ“ показалъ свои симпатіи къ славянскому міру; на эту тему его натолкнулъ въ Венеціи несчастный авторъ „Маріи“ — Малчевскій. По своей сущности Мицкевичъ не былъ байронистомъ, но въ молодости онъ тоже не избѣжалъ вліянія господствовавшей моды. Нѣчто подобное мы можемъ установить у Святополка Чеха, которому пришлось пройти черезъ ту же школу жизни. Вначалѣ Мицкевичъ былъ почитателемъ Гёте (Вертеръ), но уже на „Конрадъ Валленродъ“ наблюдается печать байронизма. У поляковъ къ тому же примѣшиваются національные интересы. Позднѣе Мицкевичъ освободился отъ этого вліянія; хотя Конрадъ въ „Дзяды“

в напоминает Кайна, но польская критика доказывает, что въ индивидуальномъ отношеніи онъ полякъ чистой воды. Красинскій тоже выросъ въ сферѣ байронизма; поэтому можно было бы предположить, что его революціонеры дѣйствуютъ по байроновскимъ принципамъ, но, на самомъ дѣлѣ, это не такъ: непосредственное вліяніе Байрона на Красинскаго было очень незначительнымъ.

Но тѣмъ ближе былъ Байронъ Словацкому. Этотъ высокочтимый поэтъ молодого поколѣнія, ставшій впоследствии самодовѣющей художественной личностью, былъ въ прежнее время очень восприимчивъ къ вліянію Шекспира, Байрона и Кальдерона. Вначалѣ его герои создавались изъ байроновской плоти и крови, являя собой мятежниковъ, борющихся противъ существующаго строя, вѣроломныхъ измѣнниковъ, поднимающихъ мечъ свой противъ родины. Въ „Арабѣ“ Словацкій даже перещеголялъ Байрона причудливостью. У Словацкаго ясно сказывается еще и то обстоятельство, что его юморъ и иронія — явно байроническаго происхожденія. И въ пристрастіи къ сильнымъ, сверхчеловѣческимъ характерамъ Словацкій тоже очень приближается къ Байрону.

На поэтовъ второго разряда вліяніе Байрона было еще замѣтнѣе; приведу хотя бы Корсака, Влывицкаго, Корценковскаго въ „Панѣ Фортунатѣ“ п, въ особенности, — Гарчинскаго въ „Вацлавѣ“; нѣкоторыя большія поэмы Байрона были переводимы по 4—5 разъ на польскій языкъ.

Словно молнія, сверкнулъ байронизмъ въ чешской литературѣ. Длительнаго вліянія онъ не имѣлъ; но въ безвременно погибшемъ Карлѣ Гивекѣ Машѣ (1810—1836 гг.), который воспользовался въ „Маѣ“ даже байроновской планировкой, онъ нашелъ свое воплощеніе. Новыя, великія идеи, воспріятыя молодымъ поэтомъ изъ польской литературы, пролизывали его мозгъ; онъ былъ рожденъ

Поэтомъ, но писатели и критики того времени не почувствовали полета его поэзіи; застывшіе чешскіе патриоты не могли понять этого боевого романтика, выбравшаго для своихъ „Цыганъ“ совершенно необычный сюжетъ.

Маша не была признана, и скоро его забыли; только неоромантизмъ второй половины пятидесятихъ годовъ отиѣтилъ его значеніе. Тогда образовался цѣлый культъ личности Маша. Романтики склоняются къ героямъ байроновскаго типа, облюбовываютъ сверхчеловѣковъ, резонеровъ, старое города, подземелья, политическихъ заключенныхъ и цыганъ и изображаютъ романтическія страсти и любовныя перипетіи. Этотъ родъ романтизма получилъ распространеніе и у кроатовъ.

Вальтеръ Скоттъ. Наряду съ Байрономъ среди славянъ пользовался большою популярностью историческій романъ Вальтера Скотта. Историческое прошлое шотландцевъ, войны съ Англіей, потеря самостоятельности давали полякамъ и чехамъ богатый матеріалъ для сравненія съ ихъ собственнымъ прошлымъ. Романы Вальтера Скотта переводились на русскій, польскій и чешскій языки и дали толчекъ къ развитію самостоятельной исторической литературы въ славянскомъ сѣверѣ. Перечень всѣхъ тѣхъ историческихъ романовъ, въ которыхъ съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ пробовали счастья разные писатели, занялъ бы слишкомъ большое мѣсто. Въ Богеміи историческій романъ явился мощнымъ пособникомъ развитія національнаго самосознанія.

Сто лѣтъ тому назадъ вліяніе нѣмецкой литературы и культуры на славянъ и, особенно, на чеховъ, было очень большимъ; около конца пятидесятихъ годовъ вліяніе юной Германіи сказывалось особенно сильно на Богеміи. Кроме того, черезъ посредство нѣмецкой литературы чехи знакомились съ господствующими теченіями міровой ли-

тературы. И кроатское общество, особенно лучшая часть его, не могло вплоть до самаго недавняго времени порвать связь съ нѣмецкими литературными формами.

Большое сочувствіе встрѣчала пастушеская поэзія, какъ переводная—съ нѣмецкаго и латинскаго, такъ и подражательная. Идилліи Гейснера служили образцами—въ особенности поэтамъ изъ духовнаго званія, не смѣвшимъ касаться эротическихъ струнъ.

Нѣмецкіе классики. Клопштока любили въ Богеміи, главнымъ образомъ, за то, что въ своихъ произведеніяхъ онъ давалъ мѣсто выраженію національнаго чувства. Послѣ нѣмецкихъ подражаній пѣснямъ бардовъ между славянами объявились и свои „барды“, воодушевленные патриотическими идеями. Гёте положительно обоготворяли, классически настроенные умы восхищались балладами Шпллера, баснями Лессинга, но наибольшее вліяніе на объединеніе славянъ оказали гуманныя идеи Гердера и позднѣе — произведенія пѣвцовъ свободы, боевые кличи которыхъ, казалось, были вырваны изъ самой души чеховъ, поляковъ, словенцевъ и кроатовъ.

Шиллеръ былъ близокъ чехамъ хотя бы уже потому, что занимался исторіей тридцатилѣтней войны и Валленштейномъ, и посѣтилъ Прагу. Произведенія его читались повсемѣстно по-нѣмецки, и выраженные въ нихъ освободительныя мысли встрѣчали сочувствіе во всей Богеміи; переводились его баллады и романсы; кромѣ другихъ, переводчикомъ Шиллера былъ знаменитый профессоръ бреславльскаго университета Пуркинье. Но его произведенія, какъ и вообще нѣмецкая поэзія, служили импульсомъ для созданія чисто чешскихъ поэтическихъ произведеній, для которыхъ брались чисто національные сюжеты („Прыжокъ Гориміры“).

Гёте, прожившій средѣ чеховъ болѣе 3-хъ лѣтъ, съ симпатіей слѣдилъ за славянскимъ развитіемъ и

и въ отдѣльныхъ случаяхъ имѣлъ на нихъ громадное благотѣльное вліяніе. Лучшимъ другомъ корнфея въмецкой поэзіи былъ графъ Штерибергъ, знаменитый минералогъ, сдѣлавшій колоссально много для созданія чешскаго музея и стоявшій во главѣ патріотически настроеннаго чешскаго дворянства.

Славянскіе писатели, пріѣзжавшіе въ Германію, считали своей обязанностью выразить Гёте свое обожаніе, какъ человѣку, проявившему столь необычный интересъ къ южно-славянскимъ народнымъ пѣснямъ и Краледворской Рукописи. Въ интеллигентныхъ кружкахъ служило лучшей рекомендаціей Краледворской Рукописи то, что Гёте собственноручно взялъ изъ нея нѣсколько пѣсень въ въмецкой обработкѣ. На поляковъ Мицкевича и Одинца онъ не произвелъ особенно глубокого впечатлѣнія; только его „Вертеръ“ и идиллическій эпосъ „Германъ и Доротея“ оставили въ польской литературѣ послѣ себя замѣтные слѣды въ „Вьеславѣ“ Бродзинскаго и „Панѣ Тадеушѣ“ Мицкевича.

Бродзинскій, пламенный почитатель Гёте, какъ и чехъ Челаковскій, перевелъ въ 1821 году на польскій языкъ „Вертера“. Вообще, страданія молодого Вертера нашли въ польской литературѣ много подражателей, прежде всего—въ Витвицкомъ; иногда появлялись и пародіи на него.

Добрую четверть вѣка вертеризмъ красной нитью проходилъ сквозь польскую литературу, но въ ней онъ лишился пріеушаго ему отпечатка міровой скорби; подобное философское направленіе было противно польской натурѣ; ей ближе было страданіе безнадежной любви.

Вертеръ подготовлялъ почву байронизму; зачистую оба теченія уживались рядомъ другъ съ другомъ.

Въ Богеміи это вертеровское умопомраченіе па-

ступило гораздо позже и то благодаря женской литературѣ.

Чехамъ Гёте былъ гораздо ближе, чѣмъ полякамъ; въ пражскомъ университетѣ читалъ лекціи профессоръ Мейнертъ, поддерживавшій отношенія съ нѣмецкими писателями и развивавшій въ обществѣ интересъ къ нимъ.

Весьма плодотворнымъ было вліяніе Гёте на Коллара, котораго онъ поддержалъ въ мысли собрать словакскія народныя пѣсни и перевести ихъ на нѣмецкій языкъ. Въ художественномъ отношеніи вліяніе Гёте сказалось особенно сильно на Челиковскомъ.

Лессингъ. Затѣмъ переводились басни Лессинга; но еще значительнѣе для возрожденія національнаго самосознанія, главнымъ образомъ, чеховъ, былъ Гердеръ.

Гердеръ бралъ изъ славянской литературы примѣры для своего „Гласъ народа въ пѣсняхъ“; но еще болѣе симпатіи славянъ привлекало въ немъ то, что онъ высказывалъ очень гуманные взгляды о мягкости характера славянъ и ихъ будущности. Относящіяся къ этому слова Гердера были благословенными для славянъ, которые хвалились ими и долгое время повторяли ихъ. Слѣдующему поколѣнію Гердеръ казался славянскимъ патріархомъ.

Такимъ образомъ, Гердеръ для славянской литературы былъ необыкновенно важнымъ явленіемъ, пожалуй, самымъ важнымъ послѣ Коллара въ то время. Такъ, напримѣръ, Бродзянскій любилъ его, какъ друга, и воспринялъ отъ него большую часть его принциповъ (поэзія должна соответствовать характеру народа) для написаннаго имъ въ романтическомъ духѣ труда: „О классицизмъ и романтизмъ“.

Превращенія, которымъ подвергались поэтическія произведенія нѣмецкихъ пѣвцовъ свободы у

поляковъ, чеховъ и словенцевъ, были очень своеобразны.

И въ цы свободы. Насколько пристрастіе романтиковъ къ археологін и санскритскому вызвало въ славянахъ стремленіе разбираться въ своемъ прошломъ, настолько же бурныя, написанныя противъ французскаго господства стихи пробудили въ нихъ сознаніе своего положенія. Они достаточно хорошо понимали горечь сознанія чужеземнаго господства, стремленіе сбросить съ себя это ярмо, и изъ этихъ пламенныхъ пѣсень они воссали одушевленіе къ стремленію бороться за личную независимость—читая по-нѣмецки, они чувствовали по-славянски и думали о своихъ врагахъ.

Такимъ образомъ, эта поэзія содѣйствовала пробужденію въ нихъ патріотическихъ чувствъ, которыя находили себѣ исходъ во вдохновенныхъ гимнахъ, творившихъ просто чудеса среди населенія.

Исторія славянскій литературы дастъ нѣсколько поразительныхъ примѣровъ тому, что общечеловѣческіе вопросы не связаны съ какимъ-либо языкомъ; такъ, напримѣръ, патріотическія пѣсни Коллина нравились всѣмъ славянамъ. Это былъ побѣдоносный, воодушевленный идеей свободы духъ, который встрѣчалъ повсемѣстный откликъ.

Полякъ Бродзинскій перевелъ пѣсни Коллина и привелъ ими въ восхищеніе рѣшительно всѣхъ, но никто въ Польшѣ и не думалъ представлять себѣ во врагъ француза.

Тѣ же самыя пѣсни переводилъ и словенецъ Водникъ, послѣдніе годы жизни котораго, благодаря его франкофильству, протекали далеко не на рогахъ...

Лучшее доказательство дастъ Янъ Колларъ, который пріѣхалъ учиться въ Іену и принималъ въ 1817 году участіе въ нѣмецкомъ Вартбургскомъ празднествѣ. И въ немъ, какъ и въ другихъ участникахъ, мощной волной вздымаются патріотическія

чувства, но неавипись его обращается противъ враговъ его отечества, его народа.

Такимъ образомъ, въ Вартбургъ была укрѣплена славянскій романтизмъ, и у Коллара является идея объединенія славянъ, которую онъ развилъ и систематизировалъ.

Объединеніе славянъ. Уже въ XVII и XVIII столѣтіяхъ южные и сѣверные славяне чувствовали свое родство; въ южной Сербіи и въ западной Польше и въ области древне-славянской литературы поддерживали это чувство общности.

Славянское объединеніе тѣсно связано съ нѣмецкимъ гуманизмомъ и космополитизмомъ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, у славянъ на сцену выступили и нѣвыя требованія, убѣжденія и потребности. У Коллара къ его пристрастію къ прошлому присоединилась также извѣстная любовь ко всемъ славянскимъ народностямъ, которая старалась все примирить и оставляла мало мѣста для критическаго отношенія къ дѣйствительности, а обѣщала объединенному славянству блестящую будущность, если только оно вернется къ своимъ самобытнымъ, хорошимъ свойствамъ.

Фраза о голубиной кротости славянъ считалась повсемѣстно неопровержимой истиной; кромѣ того, восхваляли несравненное славянское гостепріимство и ихъ миролюбіе, которое не мѣшало имъ, однако, мужественно защищать свое достоинство; съ другой стороны, указывалось на то, сколько несчастій принесло съ собой отсутствіе единодушія у славянъ. „О вы, лишешные единодушія славяне!“ — восклицаетъ при всякомъ удобномъ случаѣ Колларъ, приводя примѣры изъ исторіи. Предполагалось, что Чехъ, Лехъ (полякъ) и Русь были братьями, переселившимися изъ бѣло-кرواتскихъ областей; другіе, впрочемъ, видѣли въ Словакии ту страну, изъ которой потомъ разошлись во все стороны славяне.

Колларъ издалъ основы своихъ изысканій въ 1836 году по нѣмецки и словацки. Онъ требовалъ отъ всѣхъ образованныхъ славянъ знанія всѣхъ славянскихъ нарѣчій, литературъ и ихъ исторіи, взаимной любви, единодушія и терпимости. Само собою разумѣется, что въ практической жизни евангеліе Коллара не получило никакого значенія. Но въ литературѣ и въ возбужденной эпохѣ возрожденія славянская идея производила истинныя чудеса, въ особенности у чеховъ и южныхъ славянъ (за исключеніемъ болгаръ) она образуетъ ту золотую нить, что проходитъ черезъ всю литературную ткань.

Только у поляковъ сѣмя Коллара попало на бесплодную почву; сложившееся политическое положеніе поставило поляковъ особнякомъ отъ общеславянскихъ стремленій. Время, когда поляки относились съ самымъ теплымъ чувствомъ къ научнымъ славянскимъ изысканіямъ (въ 1815—1830 годахъ), теперь уже прошло, только представители украинно-фильской школы, съ Залѣскимъ во главѣ, занимались жизнью малороссійскаго крестьянина и бозачествомъ. Послѣ возстанія 1830 года, когда полякамъ пришлось поплатиться всѣми, имъ доселѣ предоставленными правами, измѣнилось ихъ отношеніе ко всѣмъ прочимъ славянамъ. Въ Польшѣ развилось враждебное отношеніе къ „москалямъ“, и холодность, съ которой была встрѣчена славянская идея, получившая съ теченіемъ времени извѣстныя политическія кулисы, была совершенно понятна. То тутъ, то тамъ являлись отдѣльныя личности, поддерживавшія отношенія съ другими славянскими народностями, какъ чехами, лужицко-вендами и крoатами, но это стремленіе къ славянскому объединенію не имѣло успѣха.

Такъ, на примѣръ, послѣ смерти Бронислава Грабовскаго, поляки еще недавно выражали удивленіе по поводу всего того, что онъ сдѣлалъ въ этой об-

ласти. Яшевскій со своимъ „Славянникомъ“ и Дубровскій съ русско-польскимъ „Ютрженка“, или Росцишевскій образуютъ собою достославное исключе- ние изъ эпохи сороковыхъ годовъ.

У чеховъ же, наоборотъ, историкъ литературы долженъ поставить особенное удареніе на воодушевленіи, съ которымъ была принята идея славянскаго объединенія.

На основаніи научныхъ изысканій Дуррха и, въ особенности Добровскаго, который лично ѣздилъ въ научное путешествіе по Россіи, была признана родственная связь между языками, использованная практически чешскими писателями, какъ, напр., — Юнгманомъ и проч., причемъ прославянскія выраженія принимались въ основу образованія новыхъ словъ.

Чехи стали учиться русскому языку, въ особен- ности, во время наполеоновскихъ войнъ, когда русскіе вступили въ Богемію, завязали въ Прагѣ сношенія съ чешскими патриотами и обратили внима- ніе на ихъ литературу. Когда счастье всемогущаго Наполеона разбилося о стѣны Москвы, чешская лира зазвенѣла въ честь русскаго царя.

Психологически вполне понятно, что слабый поднимаетъ глаза свои къ сильнѣйшему, въ особен- ности, когда ему приходится туго, какъ славян- скимъ народамъ въ эпоху меттерниховской реакціи въ Австріи.

Затѣмъ, славянскую литературу вернула къ жиз- ни та внутренняя теплота и любовь, съ которой въ Богеміи слѣдили за каждымъ выдающимся проп- шествіемъ изъ славянской жизни, обоюдный обмѣнъ письмами и изученіе литературы прочихъ странъ. Мало-по-малу изъ туманныхъ картинъ ихъ фанта- зій у чеховъ вырисовался опредѣленный образъ матери Славян. Словакскій протестантъ Колларъ сталъ жрецомъ этой богини, къ нему примкнули Юнгманъ, Марекъ, католическій священникъ, а в

нимъ присоединялись и всѣ прочіе, одноплаково думающіе писатели, особенно послѣ того, какъ раздался его мощныя слова:

„О, остановись пога, ибо святы мѣста, куда ты хочешь ступить!“

Колларъ въслѣдствіи самъ защищается противъ обвиненія, будто бы его идея объединенія преслѣдуется политическія цѣли; подобное камѣреніе ему, панслависту, совершенно несправедливо приписали въ Венгріи.

Разумѣется, съ теченіемъ времени его идеи въ различныхъ странахъ получили политическую окраску.

Наибольшее движеніе возбудили они въ русской литературѣ, гдѣ споръ вокругъ объясненія этого понятія послужилъ причиною къ возникновенію партій славянофиловъ и западниковъ.

Русскіе славянофилы, въ противорѣчіе Коллару, указывали на то, что византійское православіе представляетъ пзъ себя славянское явленіе; они искали неспорченное славянское зерно въ народѣ, въ народныхъ обычаяхъ и пѣсняхъ и въ нѣкоторыхъ устарѣлыхъ институтахъ.

Русскому славянофильству пришлось пройти черезъ петербургскую и московскую школу; со временемъ славянофилы стали относиться терпимѣе къ западнымъ славянамъ и католицизму.

Славянская идея выполнила въ большинствѣ литературъ свою великую задачу, и до сихъ поръ еще многіе поэты, какъ, напримѣръ, — Святополкъ Чехъ, Гейдукъ, Ашерскъ, Базовъ заливаются вдохновенными славянскими пѣснями, какъ нѣкогда Колларъ или генералъ Прерадовичъ.

Значенію этого движенія или силѣ вліянія патриотическихъ гимновъ нельзя отводить слишкомъ маленькое мѣсто.

Благодаря шествующему по стопамъ Коллара кресту Гаю были пробуждены къ жизни илларианы,

который объединилъ бразтовъ и сербовъ, да и долженъ былъ связать ихъ даже съ словенцами; но у послѣднихъ возникло два теченія: Станко Враць примкнулъ къ пларизму, тогда какъ Прешернь пошелъ противъ него.

„Возрожденіе“ пробило себѣ у каждаго славянскаго народа другой путь, такъ какъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ ему пришлось считаться съ разными мѣстными условіями; поэтому то и слѣдуетъ вернуться къ этому явленію въ отдѣльности по отношенію къ каждой изъ славянскихъ литературъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр
Введеніе. Историческій очеркъ	3
Древнѣйшая славянская литература. — Кирпаль и Меодій.	5
Развитіе церковнославянской литературы у болгаръ.	10
Старо-сербская литература	15
„Богомилы“	19
Древняя кроатская литература	21
Сѣверо-западные славянскія литературы	28
Древнѣйшая чешская литература	30
Библия	37
Іоаннъ Гусъ (1369—1415)	42
Гуссизмъ и XV столѣтіе въ Богеміи	44
Петръ Хельщинскій	47
Богемское (чехавское) братство	50
Золотой вѣкъ	54
Іоаннъ Амосъ Коменскій	60
Начатки польской литературы	63
Рей изъ Наглемницъ	67
Янъ Кохановскій (1530—1584)	70
Петръ Скарга (1536—1612)	73
Современники и подомки Кохановскаго	74
Драматическая литература. — Гагуза	78
Ж. Фр. Гундулицъ (1588—1638)	83
Чешскій, польскій и кроатскій театр	90
Упадкъ польской литературы (1600—1750)	97
Вторая половина XVIII столѣтія у поляковъ	102
Сарматизмъ, Нѣмцевичъ	106
Нѣмцевичъ	107
Народная пѣсня	109
Древность и развитіе Богатырскаго эпоса	115
Подраздѣленіе эпическихъ произведеній	117
Королевичъ Марко	120
Общая характеристика славянской литературы	126
Драматическая литература	142
Славянское возрожденіе и его причины	145

9 году

СЧИНИ

ВѢДОМОСТЕЙ

ИЗДАНИЕ,

ГАЗЕТЫ, ПОЛУЧАТЬ

ршено бесплатно

ЖУРНАЛЪ

и общественной жизни

СЛОВО

жественно-литературный

ЛЮСТРАЦІЯ

альнаго журнала „Новая Иллюстрація“ и „Сиржевыхъ Вѣдомостяхъ—изданіе“ въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ помещались **зведенія выдающихся русскихъ писателей.**

журналъ „Новая Иллюстрація“ явится и въ 1907 году **рированнымъ обзоріемъ всѣхъ событій года** и недѣи. Въ живыхъ наброскахъ художниковъ, но кома дируемыхъ на мѣста событій въ художественныхъ снимкахъ цѣлаго штата фотографовъ „Новая Иллюстрація“ дастъ немедленный откликъ на всѣ крупныя **енія мировой жизни.**

журналъ „Новая Иллюстрація“ будутъ помещать и **и описанія дамскихъ и дѣтскихъ нарядовъ** и средняго достатка.

теченіе года читатели получатъ возможность изъ **ровъ „Новой Иллюстрація“ составитъ**

ольшой богато-иллюстрированный томъ

съ лишнимъ страницъ обычнаго формата еженедѣльных **журналовъ, могущій служить украшеніемъ любой би-**

ная цѣна на

ости — Второе Изданіе

и **БЪ ЗПЛАТНЫМЪ приложеніемъ** 30“ и „НОВАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ“:

На полгода . . 2 р. 60 к.

лца . . 1 р. 35 к.

зданій С. М. Проппера:

ная ул., собств. домъ, № 40

„ЗДРАВІЕ СЕМЬИ“

ПОПУЛЯРНО-МЕДИЦИНСКІЙ
ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

издаваемый С. М. Пропперомъ,
подъ редакціей д-ра мед. Е. Г. Ландсберга
и при участіи извѣстныхъ спеціалистовъ
медицинской науки.

≈ VIII-й ГОДЪ ИЗДАВІЯ. ≈

**Цѣль журнала: сохраненіе здоровья
и предупрежденіе болѣзней.**

Въ журналѣ „ЗДРАВІЕ СЕМЬИ“ помѣщаются
статьи по вопросамъ практической медицины,
общей и личной гигиены, о новѣйшихъ лечеб-
ныхъ средствахъ и способахъ леченія, практи-
ческіе совѣты на случай внезапнаго заболѣва-
нія и указаніе мѣръ, которыми слѣдуетъ поль-
зоваться до прибытія врача, подробные отвѣты
на вопросы читателей.

Въ 1909 году
всѣ годовые подписчики полу-
чаютъ бесплатно

ТРИ МЕДИЦИНСКИХЪ КНИГИ

(въ общемъ 240 стр. текста).

Подписная цѣна на журналъ „Здравіе Семьи“
со всеми приложен. и съ перес. въ Россіи
ОДИНЪ руб. въ годъ.

Главная Контора изданій С. М. ПРОППЕРЪ
СПБ. Галерная ул., собств. домъ, № 40.

462

50

ГОРІЯ

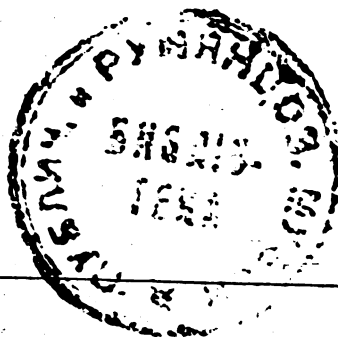
СЛАВЯНСКИХЪ

ЛИТЕРАТУРЪ

Проф. Іосифа Карасека.

Часть II.

Девятнадцатый Бѣкъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

въ типографіи С. М. Проппера, Галерная ул., № 40
1908.

— ВЪ 1909 году —

ПОДПИСЧИКИ

„Биржевыхъ Вѣдомос

— ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ —

КРОМЪ ЕЖЕДНЕВНОЙ ГАЗЕТЫ, ПОЛУЧА
совершенно безп

большой ежемѣсячный журналъ литературы, искусства и общественной жизни „НОВОЕ СЛОВО“ стриванный художественно-литературный ежемѣсячный журналъ „НОВАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ“.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЬ

«НОВОЕ СЛОВО»

будетъ выходить въ первыхъ числахъ каждаго хорошо сброшюрованными книгами, въ обложкѣ, д обычного типа толстыхъ рус.кихъ журналовъ, раз 160 страницъ большого формата, напечатанныхъ с убористымъ шрифтомъ наборныхъ машинъ (около строкъ ежемѣсячно).

Къ сотрудничеству въ „Новомъ Словѣ“, подъ редакцированіемъ І. І. Ясинскаго, привлечены выда сны Россіи и Запада.

Журналъ „НОВОЕ СЛОВО“ будетъ издаваться по сл щей программѣ:

- 1) Изящная литература,
- 2) Художественное т ство.
- 3) Исторія.
- 4) Знаніе.
- 5) Книги.
- 6) Вопросы и поведенія.
- 7) Картины общественной жизни Россіи.
- 8) Открытія и изобрѣтенія.
- 9) Попул дицина и гигиена.
- 10) Анкеты.
- 11) Афоризмы и ц

сѣ новинки иностранной литературы
будутъ себѣ мѣсто на страницахъ журнала „Новое С

лкая книга журнала „НОВОЕ СЛОВО“ состав законченное цѣлое.

Подписная цѣна на

„Биржевыя Вѣдомости — Второе Изда

пересылкой въ Россіи и **БЕЗПЛАТНЫМЪ** приложе рналовъ „НОВОЕ СЛОВО“ и „НОВАЯ ИЛЛЮСТРА

а годъ . . . 5 р. 0 На полгода . . . 2 р. 0

На три мѣсяца . . . 1 р. 35 к.

лавная Контора изданій С. М. Пропг
Петербургъ, Галерная ул., собств. домъ, .

462

50

**Исторія
славянскихъ
литературъ**

Проф. Юсифа Карасека.

Часть II.

Девятнадцатый вѣкъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Издание и типографія С. М. Проппера, Галерная ул., № 40
1908.

Девятнадцатый вѣкъ.

I.

Возрожденіе польской литературы.

Европа пережила великую революцію; выскочка вознесся до трона всемогущаго императора. Разорванная на три части Польша на вѣкоторое время обновилась въ своемъ сердцѣ. И хотя герцогство варшавское снова было упразднено, но подъ русскимъ господствомъ полякамъ, въ отношеніи ихъ національной самобытности, жилось хорошо. Но „Ученое общество“, состоявшее изъ просвѣщенныхъ людей, не могло оказать нужнаго противодѣйствія опаснымъ узко-теоретическимъ измышленіямъ возбужденныхъ головъ, которыя сводили на вѣтъ всѣ хорошія начинанія русскаго царя.

Псевдоклассицизмъ находился при послѣднемъ издыханіи, погоня за варваризмами доживала послѣдніе дни.

Польскіе легіоны, сражавшіеся по всей Европѣ, знакомились вмѣстѣ съ тѣмъ съ новыми людьми и новыми культурными условіями жизни. Польская знать должна была перевоспитаться для болѣе терпимаго отношенія къ демократическимъ формамъ. Закостенѣвшій классицизмъ смѣнялся и

романтизмомъ, и нѣмецкій идеализмъ получилъ доступъ въ католическую Польшу.

И въ драмѣ поляки стремились совершенно выйти изъ подъ вліянія Мольера и французовъ, хотя это и не удалось имъ въ полной мѣрѣ; графъ Фредро вызвалъ къ жизни цѣлый рядъ типовъ (1793—1876 гг.), которые не исчезли съ польской сцены.

Въ литературѣ начинаетъ замѣчаться демократическій элементъ, который вводитъ въ ея жилы свѣжую кровь; герои байроновской складки уже не смѣютъ патетически расхаживать взадъ и впередъ, воспѣвая торжествующее господство могущественной знати.

По необыкновенно счастливому совпаденію обстоятельствъ случилось такъ, что XIX вѣкъ въ 20-ыхъ годахъ былъ богатъ отдѣльными талантами, къ которымъ скоро присоединились и гении.

Наряду съ Бродзинскимъ и Мальчевскимъ въ литературѣ появляется украинская школа съ Залѣскимъ, Гощинскимъ и пр., а на сѣверѣ возникаетъ литовская школа съ Адамомъ Мицкевичемъ во главѣ.

Казиміръ Бродзинскій (1791—1835), происходитъ изъ австрійской Польши, — окъ родился недалеко отъ Кракова и пережилъ печальную юность. Его учитель — нѣмецъ страшно мучилъ его нѣмецкой литературой, но, благодаря этому, онъ основательно изучилъ ее, что имѣло слѣдствіемъ переводъ Бродзинскимъ стихотвореній Коллинза и „Страданій молодого Вертера“. Когда онъ былъ назначенъ профессоромъ критической исторіи польской литературы въ варшавскомъ университетѣ, то началась лучшая пора его жизни. Для него литература являлась „кормилицей и зеркаломъ національности“, она не должна быть „эхомъ иностранца“. Въ 1820 году онъ написалъ необыкновенно звучную и пронизанную непосредственнымъ ароматомъ народной поэзіи идиллію „Веславъ“, простую, безыскусственную сва-

дебную картинку изъ окрестностей Бракова, въ которой онъ изображаетъ счастье, любовь и доброту простаго человѣка, который не становится на ходули для выраженія своихъ чувствъ и черпаетъ изъ природы источникъ своихъ радостей. Это было самой практической и плодотворной попыткой отказатья отъ всего неестественнаго, ужаснаго, причудливаго романтизма.

Въ качествѣ ученаго, онъ неизмѣнно выказывалъ врожденный тактъ, слѣдилъ за прогрессомъ науки, не забывая отдавать должное дѣятельности прошлаго поколѣнія, умѣя при этомъ пролагать пути новымъ идеямъ. Хотя онъ и былъ ревностнымъ польскимъ патриотомъ, но умѣлъ согласовать свои взгляды съ основными принципами славянофиловъ.

По его мнѣнію поляки являлись народомъ, имѣющимъ много своеобразныхъ особенностей: по своему быстрому развитію и свободѣ („liberum deto“) они стоятъ въ Европѣ совершенно особнякомъ. Задача поляковъ—продолжать развиваться въ мирѣ, въ нравственной чистотѣ и національномъ достоинствѣ. Онъ совѣтуетъ имъ брать отъ иностранцевъ все хорошее, чтобы пересаживать потомъ на польскую почву, переработавъ въ польскомъ духѣ. Польская книга тогда соответствуетъ своему назначенію, если проникаетъ подъ крышу послѣдняго поденщика. Научные труды должны принимать въ расчетъ духовные запросы всего народа.

Бродзинскій неоднократно доказывалъ пользу, принесенную польской литературой: писалъ о романтизмѣ, о классицизмѣ—темы, которыми въ Гогемин занимался Юнгманъ.

Пропишествія 1830 года самымъ глубокимъ образомъ захватили впечатлительнаго Бродзинскаго: всею существомъ своимъ прильпился тогда польскіе патриоты къ судьбамъ своего отечества. Несчаствіе Польши очень сильно и пагубно повліяло на Бродзинскаго.

И этот ясный дух по существу своему столь трезваго Бродзинскаго заразился польскою болѣзью — мессіаниззмомъ, затемнившимъ собой столько душъ, якобы открывая имъ глаза на будущее.

Бродзинскій скончался въ Дрезденѣ въ 1835 году. Длительный успѣхъ въ польской литературѣ имѣла украинская школа, которая ввела въ нее національный элементъ. На безконечно раскинувшихся степяхъ Украйны, напоенныхъ ароматомъ травъ, среди предзакатныхъ отблесковъ вечера звучали народныя Думки, въ которыхъ народъ, еще не разучившійся жить общей съ природой жизнью, мечталъ о временахъ славянскаго рыцарства, цвѣтомъ котораго было казачество.

Здѣсь, въ Украйнѣ, гдѣ польскій и русскій народы входили въ соприкосновеніе, старый романтизмъ сливался съ новымъ и творилъ героизмъ, близкій по духу байроновскимъ.

Антонъ Мальчевскій (1793—1826) прославился только послѣ смерти своимъ единственнымъ стихотвореніемъ „Марія“, въ которомъ онъ являлъ первый идеальный образъ польской поэзіи. По сущности и жизни своей Мальчевскій былъ байронистомъ: аристократъ, несчастливый любовникъ, умирающій съ голоду и болѣзни. При жизни его поэма не была признана, что его сильно огорчало. Его личное несчастіе въ жизни, горечь и страданіе переплелись въ этой комѣ съ романтической манерой и криминалистическою подоплекой; но народная форма обезпечила поэту впоследствии очень большую популярность.

„Вьеславъ“ и „Марія“ издавались несчетное число разъ и сохраняли свое очарованіе и въ славянскихъ переводахъ (изоборотъ — остальные переводы оказались неспособными передать непосредственную прелесть поэмы). Обѣ поэмы

представляют собой перлы польской литературы.

Литературнымъ вожакомъ Украины былъ вѣчно-недовольный Северинъ Гоциньскій (1876), представлявшій собою яркій типъ истиннаго революціонера, который способенъ умереть съ голоду, но никогда не отдастъ политическимъ мечтаніямъ, дѣйствуя только согласно своему крайнему убѣжденію; прочими представителями этого направленія были: Залѣскій (1802—1886), извѣстный подъ именемъ „украинскаго соловья“, выразитель украинскыхъ настроеній и теченій; Михаилъ Грабовскій (1805—1863), писавшій рассказы въ духѣ Вальтера Скотта, какъ его предшественникъ—Нѣмцевичъ и преемники: Бронниковскій и Берзатовичъ. Грабовскій (у поляковъ встрѣчается много писателей носящихъ эту фамилію) писалъ, между прочимъ, статьи для московскаго „Дня“ Аксакова и былъ выдающимся критикомъ, искавшимъ прозелетій истинно-польскаго духа и осуждавшимъ съ точки зрѣнія почитателя украинской школы, галломанію. Онъ великодушнo охарактеризовалъ слѣдующимъ образомъ украинофиловъ: Мальчевскій изображалъ дворянскую, Залѣскій—казацкую, а Гоциньскій гайдаманскую Украину.

Въ историческихъ романахъ онъ показалъ себя скорѣе истерикомъ и псевдодателемъ старинны, чѣмъ поэтомъ, такъ какъ въ затруднительныхъ положеніяхъ творческая фантазія очень часто оставляла его совершенно безпомощнымъ.

Наиболѣе непосредственнымъ украинистомъ былъ Северинъ Гоциньскій, „Замокъ Канѣвъ“ котораго (1828 г.) былъ переведенъ на многіе языки. Онъ принадлежалъ къ числу вожаковъ польскаго возстанія 1830 года и былъ среди тѣхъ повстанцевъ, которые напали 29-го ноября на Великаго Князя Константина въ замкѣ Бельведерѣ; онъ былъ изъ

тѣхъ „трехъ поэтовъ, трехъ офицеровъ и пяти студентовъ“, которые вызвали революцію 1830 года.

„Замокъ Канювъ“ представляетъ собой самое трагическое изліяніе мятежника, душу котораго раздраютъ впечатлѣнія отъ происшедшаго несчастія и мощныя политическія страсти. Особенное впечатлѣніе на читателей производили тѣ сцены, изъ которыхъ такъ и несетса кровавый туманъ и кипучая любовная страсть. Въ исключительно-драматической группировкѣ встаютъ изъ этого произведенія картины ужаса; мрачный колоритъ, возстаніе, страшная смерть—освѣщаются жуткимъ адскимъ пламенемъ. Байронъ и романтизмъ (образъ Ксенія) праздновали здѣсь свою полную побѣду, хотя сфера дѣйствія и взята изъ временъ гайдамачества.

Гоциньскій переносится во времена гайдамацкаго возстанія 1768 года. Современное французское литературное теченіе, обожающее ужасъ и отвращеніе, осталось бы довольно той сценой, когда Орликъ бѣжитъ, оставляя вездѣ слѣды своихъ залитыхъ кровью рукъ. Послѣ того, какъ Небаба попадаетъ въ руки поляковъ, которые сажаютъ его на колъ, къ нему устремляется сумасбродная Ксенія и запечатлѣваетъ на его искривленныхъ предсмертными конвульсіями губахъ страстный поцѣлуй.

Это былъ тотъ же романтизмъ, который въ шестидесятихъ годахъ нашелъ такой откликъ у чеховъ.

Хотя впоследствии нервы Гоциньскаго и успокоились, но зато духъ его подиалъ несчастному тованізму, въ духъ котораго написаны его „Письма въ Польшу“ 1856 года.

Съ совершенно другой стороны разсматривалъ Украину Богданъ Залѣсскій; его гибкій умъ, его пѣвночувствующая лирическая душа утопала въ ароматъ украинской природы и жила въ самой тѣсной дружбѣ съ дѣвировскими русалками. Даже и тогда, когда онъ жилъ во Франціи, онъ не

могъ забыть напоенную ароматами тразъ степь, по-прежнему видѣль онъ передъ собой раскинувшіяся бѣленькія хатки, передъ которыми рѣютъ милья дѣвичьи тѣни, слышалъ пѣнье птицъ и меланхолическій рокоть бандуры. Старше агамазы и казаки снова оживали подъ его поэтической обрисовкой, но при этомъ они являлись чисто-лирическими героями.

Лучше всего ему удавались полныя настроенія картинки украинской степи; все поетъ и сверкаетъ яркими красками въ этихъ картинахъ, словно у чеха Гайдука, съ которымъ у него много общаго.

Въ Римѣ, даже въ Палестинѣ, гдѣ онъ написалъ свое „Святое семейство“, онъ не забываетъ о своемъ народѣ. Вездѣ въ своемъ воображеніи онъ видѣль возлюбленную Украину. „Духъ степей“ долженъ былъ бы стать извѣстнаго рода эпопеей всего человѣчества, но на философскія концепціи Залѣскаго не хватало. Несравненный миниатюристъ, онъ былъ неизмѣнно мелодиченъ въ лирическихъ, полныхъ настроенія пѣсняхъ. Но его лирика—не широкаго захвата; поэтому ее надо вкушать маленькими дозами, чтобы сладость ея не пріѣдалась.

Во Франціи онъ былъ въ самой близкой дружбѣ съ Мяцкевичемъ, тоже впалъ въ тованнизмъ, но потомъ вернулся изъ этого угара къ трезвой дѣйствительности.

Наиболѣе популярными стихотвореніями его были малорусскія „Думки“, которымъ онъ обезнечилъ дружественный пріемъ и у прочихъ славянъ. Онъ ввелъ въ моду кургабы, гусяровъ, казаковъ, русалокъ и прочіе поэтическіе образы Малороссіи.

Залѣскій былъ отцомъ украинской школы; по его слѣдамъ сотни жаворонковъ залились поэтической трелью пѣсенъ, воспѣвающихъ неисчерпаемую красоту безконечныхъ степей. Нѣкоторые даже пользовались малороссійской народной формой.

II.

Періодъ польскихъ геніевъ. Мицкевичъ,
Словацкій, Красиньскій.

Въ то время, какъ русская литература достигла вершины своего расцвѣта въ лицѣ Пушкина, на польскомъ Парнасѣ появляется его другъ Адамъ Мицкевичъ, по рожденію—литовецъ, но по сердцу и перу—истинный полякъ. Было время, когда оба эти геніальные поэты понимали другъ друга, о чемъ свидѣлствуютъ стихотворенія, написанныя при видѣ статуи Петра Великаго, но послѣ 1830 года взгляды ихъ, разумѣется, должны были разойтись въ разныя стороны.

Наряду съ Мицкевичемъ, творцомъ національнаго художественнаго эпоса, на литературномъ горизонтѣ появляется его соперникъ — Юлій Словацкій, подъ перомъ котораго языкъ превращается въ оркестровую музыку, сверкая всѣми радужными цвѣтами. Третьимъ корифеемъ былъ аристократъ Зигмундъ Красиньскій, поэтъ-философъ, духъ котораго возносился на высоты сверхъестественныхъ идей. Всѣхъ тропѣхъ связываетъ общее несчастье—мессіаниззмъ.

Мессіаниззмъ. Эта эпоха жизни геніальныхъ поэтовъ особенно замѣчательна въ томъ отношеніи, что послѣ 1830 года очагъ литературы переносится почти исключительно за предѣлы Польши, большею частью—въ Парижъ, благодаря чему и становится понятнымъ многое противуестественное и ходульное въ этой эмигрантской литературѣ.

Еще разъ возсіяло для Польши многообѣщающее весеннее солнце въ то время, которое такъ воодушевленно воспѣваетъ Мицкевичъ, а именно—въ 1812 году, когда Наполеонъ, а вмѣстѣ съ нимъ и польскіе легіоны, явился въ Польшу и Литву и по

всей странѣ прозвучалъ могучій кличъ: „Еще Польша не пропала“.

Но, словно морозъ на пышный расцвѣтъ весенней красы, несчастливый исходъ кампаніи подѣйствовалъ на свѣтлыя надежды всѣхъ польскихъ сердець. Но они все еще не хотѣли сложить руки передъ несчастіемъ. Среди молодежи вскидываютъ повстанія, лихорадочное движеніе охватываетъ всю Польшу, учреждаются тайные союзы, предоставляющіе себя къ услугамъ національной идеи.

Союзы эти занимаютъ частью литературой, частью политикой и скорѣе напоминаютъ нѣмецкій Тугендбундъ, чѣмъ русскихъ декабристовъ. Преслѣдованія со стороны русской бюрократіи еще тѣснѣе скрѣпляютъ узы между сочленами.

Центральнымъ пунктомъ патріотическаго движенія является виленскій университетъ, закрытый послѣ возстанія 1832 года. Европейскія литературныя теченія встрѣчаютъ самый радостный пріемъ въ Польшѣ. Патріотическія пѣсни нѣмецкихъ борцовъ за свободу встрѣчаютъ живѣйшее сочувствіе. Герои Байрона находятъ въ Польшѣ горячій пріемъ, такъ же какъ и романтизмъ, католическая окраска котораго дѣлала его словно бы специально созданнымъ для поляковъ.—

И вотъ—разразилось несчастіе, которое повлекло за собой возстаніе 1830 г. взбудоражившее всѣ умы и заставившее лучшихъ сыновъ Польши волею или неволею эмигрировать за границу. Оттѣненіе овладѣло польскими бѣглецами, и самый выдающійся среди нихъ, Мицкевичъ, принялся писать свои „Книги народа и польскаго паломничества“ въ формѣ пророчанія будущаго:

„Въ Польшѣ всегда господствовали идеальная свобода и католицизмъ; такъ какъ идолу полезности не воздавалось должное, то Польша погибла. Теперь она раздавлена и унижена; поэтики должны принять это, какъ Божью волю; вѣдь когда-то и Опъ“

Самъ возжелалъ быть распятымъ. Но когда придетъ для Польши моментъ воскресенія, то несчастное королевство въ царской роскоши проснется для новой жизни, очищенное пережитыми страданіями. Какъ только возстанетъ польское королевство, такъ сейчасъ же прекратятся войны; Польша страдаетъ не только са себѣ, но и за всю Европу. Бѣглецы являются Божьими вѣстниками, которыхъ Всемогущій разсылѣтъ на всѣ четыре стороны, чтобы они словомъ и дѣломъ возвращали бы Ему заблудшихъ.—Муза скрылась въ одежду средневѣковаго рыцаря, который, каясь отправляется въ паломничество ко святымъ мѣстамъ“.

Въ это время среди эмигрантовъ объявился релігіозный мечтатель Товіанскій, человекъ малообразованный, который выработалъ себѣ родъ ученія о невидимомъ мірѣ и переселеніи душъ. Товіанскій сталъ демономъ эмиграціи, особенно съ тѣхъ поръ, какъ ему удалось исцѣлить душевно-больную жену Мицкевича. Эмигранты тѣмъ сильнѣе чувствовали несчастіе своего отечества, что видѣли по собственнымъ семействамъ, насколько тѣ денационализировались; склонныя къ вѣрѣ въ чудеса и фатализмъ, онѣ нашли укрѣпленіе и утѣшеніе въ ученіи мечтателя.

Такъ случилось, что духъ лучшихъ сыновъ Польши затемнился облакомъ рока и толкнулся на кривые пути. Товіанскій требовалъ отъ своихъ послѣдователей, чтобы они прекратили всякую литературную работу, чего онъ и въ самомъ дѣлѣ добился отъ Мицкевича. Тридцати шести лѣтъ отъ роду, находясь въ цвѣтѣ лѣтъ и силъ, Мицкевичъ отложилъ въ сторону свое перо, чтобы навсегда отказаться отъ искусства. Правда, онъ писалъ исторію славянскихъ литературъ, которая интересна только по личности ея автора—литературнаго панслависта, но не имѣетъ ни малѣйшаго научнаго значенія и цѣнности.

И Словацкій, еще болѣе склонный къ вѣрѣ въ духовъ, кинулся въ лоно Товіанскаго; Красинскій долше всѣхъ боролся противъ этого течения, но, въ концѣ концовъ, сдался и онъ, такъ какъ у него были физическія основанія для этого.

Конечной цѣлью мессіанизма, оплакивавшаго развалины Польши, было—вдохновить все человечество идеей истиннаго христіанства; зерномъ должно было явиться славянство. Идеаломъ ихъ было образованіе родственной общины. Въ экстазѣ и бредовыхъ видѣніяхъ имъ рисовались картины лучшаго будущаго. Благодаря своимъ взглядамъ, пропзывавшимъ также его политическія убѣжденія, Мицкевичъ, въ концѣ концовъ, разошелся съ католицизмомъ.

Адамъ Мицкевичъ (1798—1855) родился подъ Рождество 1798 года въ дорогѣ около Новогрудка, слѣдовательно подобно Врхлицкому — во время путешествія. Съ послѣднимъ и Пушкинымъ онъ образуетъ трилистникъ величайшихъ славянскихъ поэтовъ. Во время слушанія имъ университетскихъ лекцій въ Вильнѣ на его впечатлительную натуру особенно сильное вліяніе имѣлъ его другъ Занъ; романтизмъ соответствовалъ его преданному католицизму духу. Онъ писалъ баллады и знаменитую „Оду къ юности“, которая для его друзей стала марсельезой. Въ „Гражинѣ“ и „Конрадѣ Валленродѣ“ онъ отдался своимъ патріотическимъ чувствамъ. Сюжетъ для этихъ произведеній онъ почерпнулъ изъ эпохи борьбы литовцевъ и поляковъ съ нѣмецкими рыцарскими орденами. Въ этихъ произведеніяхъ Мицкевичъ очистилъ свой духъ—они являются для него выразителями его „Stigma und Drang“ періода.

Тутъ онъ былъ сосланъ Новосильцевымъ въ Россію. Здѣсь появляются его пламенные „Крымскіе советы“, полные восточной яркости красокъ. Петербургское и московское общество, въ особенно-

сти литераторы и знать, отнеслись къ нему очень радушно; онъ сталъ всеобщимъ любимцемъ. Въ 1829 году ему было разрѣшено выѣхать изъ Кронштадта за границу; онъ побѣжалъ черезъ Дрезденъ въ Италію; его другъ Одинецъ описалъ это путешествіе.

Во время послѣдняго онъ посѣтилъ также Гете въ Веймарѣ. Въ Карлсбадѣ онъ поддерживалъ отношенія съ семействомъ знаменитой піанистки Шимановской, на дочери которой впослѣдствіи женился. Въ это же время устанавливаются его отношенія къ Гапкѣ и чехамъ.

Въ Римѣ онъ испыталъ несчастливое влеченіе къ дочери гордаго графа Анкельна Скарбека, котораго впослѣдствіи онъ увѣковѣчилъ въ несимпатичномъ образѣ Горешко въ Панѣ Тадеушѣ.

Въ польскомъ возстаніи, котораго онъ совершенно не одобрялъ, Мицкевичъ не принималъ никакого участія; тѣмъ не менѣе это событіе глубоко врѣзалось въ его жизнь. На возвратномъ пути домой онъ узналъ, что возстаніе подавлено.

Теперь начинается вторая часть его жизни, время изгнанія. Въ Дрезденѣ онъ встрѣтилъ разрозненное польское общество, члены котораго взывали другъ на друга вину и отвѣтственность за неудавшееся испроверженіе русскаго правительства. Въ то время и появились „Книги польскаго народа и его паломничество“, написанныя совершенно въ духѣ ветхозавѣтныхъ пророчаній.

Большимъ произведеніемъ Мицкевича являются его „Дядя“ (предки), которое онъ писалъ нѣсколько лѣтъ; вслѣдствіе этого черезъ все произведеніе проходятъ разныя наслоенія не только различныхъ настроеній, но и различныхъ философскихъ взглядовъ поэта; третья часть его „Импровизацій“ уже обнаруживаетъ въ немъ будущаго то-відниста.

Названіе „Дядя“ происходитъ отъ литовскаго

обычая чтить своихъ предковъ. Для уясненія себѣ этого стихотворенія необходимо совершенно погрузиться въ духовную жизнь поляковъ, звать и вѣрно понимать эту эпоху жизни Польши.

Героизмъ его является Густавъ, переживающій въ тюрьмѣ жестокия душевныя муки. Это Прометей, судьба котораго скована съ судьбами Польши. Добрые и злые духи витають вокругъ его чела, гордо поднимающагося противъ всѣхъ высшихъ силъ.

Безконечныя абстрактныя сверхчуждественныя понятія, которыми пересыпана вся поэма, дѣлають ее трудно понимаемой для не-поляка.

У заключеннаго сильнѣе всего развито патриотическое чувство. Въ этой поэмѣ Мицкевича лучше всего сказывается, насколько у поляковъ всякая общечеловѣческая идея становится узко-польской.

Благословенный Богомъ поэтъ считалъ это произведение лучшимъ твореніемъ своего духа, но онъ ошибся въ этомъ. Лучшимъ перломъ польской литературы является несравненный „Панъ Тадеушъ“, классически ясное и несложное произведение художественнаго эпоса.

Это было въ февралѣ 1834 года, когда Мицкевичъ сообщилъ своему другу Одипцу, что только что окончилъ своего „Пана Тадеуша“ въ двѣнадцати пѣсняхъ. Два года проработалъ онъ надъ этимъ произведеніемъ въ такомъ блаженномъ душевномъ равновѣсїи, котораго у него уже больше никогда не было. Сначала онъ хотѣлъ написать польскую идиллію по образцу „Германа и Доротен“, но вмѣсто этого самостоятельное вдохновеніе вышло въ лучшемъ эпосѣ, пронизанномъ національнымъ духомъ, гдѣ, словно въ зеркалѣ, отразилась польская жизнь начала XIX столѣтія.

Въ то время замирали послѣдніе аккорды польской свободы; еще свѣжо въ памяти было воспоминаніе о Тарговицѣ, о раздѣлѣ Польши; надежды на

возстановленіе королевства польскаго снова зацвѣтали въ народныхъ сердцахъ.

Страданіе, тоска, патріотическія чувства, проявляющіяся въ „Пань Тадеушъ“, имѣютъ специфически польскій характеръ; ко всему этому присоединяется рядъ картинокъ природы. Польскіе лѣса, сады, поля и доли правдиво и жизненно встаютъ изъ-подъ вдохновеннаго пера художника.

Здѣсь Мицкевичъ является поэтическимъ реалистомъ, что чувствовалъ я самъ поэтъ, когда писалъ, что лучшими мѣстами этой поэмы являются картины природы, затѣмъ—эскизы родныхъ градовъ и весей.

Затѣмъ онъ далъ картину жизни гостепріимнаго польскаго дворянства, которое поддерживало порядокъ въ странѣ безъ всякой полиціи, жило между собой въ вѣчныхъ раздорахъ, но уже при одномъ крикѣ „отечество“ забывало всѣ междоусобицы.

„Пань Тадеушъ“, котораго надо читать въ оригиналѣ, чтобы почувствовать всѣ его красоты, принадлежитъ къ числу величайшихъ эпическихъ произведеній. Для современнаго историка литературы значеніе его заключается въ томъ, что „Паномъ Тадеушемъ“ Мицкевичъ создалъ національный эпосъ, имѣющійся изъ всѣхъ славянъ только у русскихъ въ „Евгеніи Онѣгинѣ“. Но въ немъ больше чувства, больше тоски, а въ обрисовкѣ общества (того важнаго времени) поэтъ является мастеромъ реалистической манеры. Отъ подобныхъ литературныхъ явленій „Пань Тадеушъ“ отличается тонкимъ, приятнымъ юморомъ и мирными сценами (на охотѣ, во время спора объ охотничьихъ собакахъ, праздничныхъ паршествъ и т. п.). Какъ остроумно замѣтилъ Красновскій, здѣсь самымъ неподражаемымъ образомъ „Донъ Кихотъ“ сплавляется вмѣстѣ съ „Илиадой“. Только женскіе характеры по сравненію съ мужскими обрисовываются здѣсь не такъ тонко.

Содержаніе „Пана Тадеуша“ вертится вокругъ

вражды семьи Горешко (Оржешко) къ семейству Соулицы.

Гіацинтъ (Янекъ) Соулица проситъ руки дочери гордаго магната Горешко, но получаетъ отказъ. Изъ мести Соулица застрѣлялъ его во время москальскаго набѣга и уничтожилъ такимъ образомъ послѣдній мужской отпрыскъ фамиліи Горешко.

Гіацинтъ кается и исчезаетъ. Сынъ его Тадеушъ воспитывается дядей, который заботится также объ образованіи дочери Горешко. Послѣдняя, Зоса, довѣряется кокетливой Телименѣ, которая сама съ радостью привязала бы къ себѣ неопытнаго Тадеуша, проводящаго праздники дома. Графъ, вступившій во владѣніе наслѣдствомъ Горешко, подпадаетъ вліянію мятежнаго слуги покойнаго и подъ его уговорами поднимаетъ прежнюю вражду противъ Соулицы. Опъ осаждаетъ замокъ брата Гіацинта, въ чемъ ему помогаетъ мелкая шляхта. Осаждающіе опьяняются легкой побѣдой, тогда приближаются русскіе, чтобы освободить замокъ; но русскіе снова терпятъ пораженіе отъ польской знати, во главѣ которой становится монахъ Робакъ. Неукротимая ненависть между поляками и русскими находитъ тоже отголосокъ въ этой поэмѣ.

Таинственной личностью является бернардинецъ Робакъ, оказывающійся въ сущности французскимъ эмиссаромъ, подготавливающимъ среди шляхты почву для возстанія противъ русскихъ. Оказывается, что монахъ, который съ такой самоотверженностью работаетъ на пользу отечества — Гіацинтъ Соулица, отецъ Тадеуша. Смертью опъ искупаетъ вину; прошлое его забыто, и Наполеонъ посылаетъ на его могилу орденъ Почетнаго Легіона. Тадеушъ сражается за чужбинѣ; когда наступаетъ чреватый надеждами 1812 годъ, опъ возвращается съ Домбровскимъ на родину, гдѣ и празднуется его обрученіе съ Зосей, благодаря чему кончается вражда между

обонми слугами враждовавшихъ домовъ—Гервазіемъ и Прстасомъ.

Въ общій рисунокъ разсказа вплетается масса лицъ, носящихъ на себѣ отпечатокъ современнаго шляхетства.

Послѣдніе 20 лѣтъ жизни Мицкевича являются лѣтью горя и несчастій; даже пужда стучалась въ дверь къ величайшему сыну Польши, предоставленному на милость чужеземцевъ. Онъ жилъ въ Парижѣ и Женевѣ, пока не сталъ въ 1840 году профессоромъ „Collège de France“—по кафедрѣ славянскихъ языковъ; но черезъ 4 года онъ долженъ былъ оставить эту кафедру, такъ какъ не хотѣлъ порвать съ тованизмомъ. Онъ былъ большимъ почитателемъ Наполеона III, несмотря на пропшествіе 2-го декабря 1848 года; въ 1855 году онъ отправился съ политической миссіей въ Константинополь, гдѣ его и встала смерть. Онъ былъ похороненъ въ Парижѣ на Монморанси— послѣднемъ прибѣжищѣ польскихъ бѣглецовъ; въ 1890 году останки его были перевезены въ Краковъ.

Мицкевичъ былъ основателемъ литовской школы; вокругъ него вращался кружокъ меньшихъ талантовъ. Онъ самъ представлялъ изъ себя предметъ объемистыхъ изслѣдованій и является гордостью польской литературы. „Панъ Тадеушъ“ былъ переведенъ на всѣ европейскіе языки, а на нѣмецкій даже 3 раза. Кроме того, политическіе взгляды Мицкевича были въ ходу еще долго послѣ его смерти, вплоть до 1863 года.

Его желаніе проникнуть подъ крышу послѣдней польской книжны дажно уже исполнилось; отдѣльныя изданія сочиненій Мицкевича выдерживаютъ по сто тысячъ экземпляровъ. Лучшей иллюстраціей его популярности является трогательный разсказъ Сенкевича: сторожъ одного изъ американскихъ маяковъ, прирожденный полякъ, черезъ много лѣтъ жизни на чужбинѣ получаетъ въ руки

книгу „Панъ Тадеушъ“; онъ читаетъ ее, читаетъ— и забываетъ все на свѣтѣ, себя, окружающихъ, свои обязанности. Первый разъ въ жизни онъ забываетъ зажечь огонь на маякѣ

Юлій Словацкій (1809 — 1849), соперникъ Мицкевича, умеръ, къ сожалѣнію, слишкомъ рано. Его отчима—Беку—Мицкевичъ увѣковѣчилъ въ неблагопріятномъ свѣтѣ, что повело къ длительной антипатіи между обоими поэтами. Кроме того, Словацкій съ самой ранней юности своей былъ недюжинно образованъ, самоувѣренъ, полонъ идеальныхъ стремленій и первоистинности. Не безъ основанія его сравнивали съ павлиномъ.

Главнѣйшей особенностью его поэзіи является огненная фантазія; но пестрая красочность картинъ и сила впечатлѣній очень часто затемняютъ ясность основного мотива, такъ что трактовка сюжета зачастую кажется недостаточно логически проведенной и обоснованной. Это особенно справедливо по отношенію къ тѣмъ произведеніямъ, которыя написаны въ драматической формѣ; тѣмъ не менѣе Брикнеръ причисляетъ его къ первымъ славянскимъ драматургамъ. Его богатая, полная движенія фантазія работаетъ зачастую за счетъ дѣйствительности. Въ любви онъ подобенъ мимозѣ, боится узы и наслажденія любви. Все, даже чужія мысли давали ему импульсъ къ творчеству, чѣмъ онъ напоминаетъ Врхлицкаго, но по сочности поэтическихъ красокъ онъ болѣе близокъ Святополку Чеху.

Вовремя его юношества процвѣталъ романтизмъ; это вполне соответствовало природнымъ даннымъ Словацкаго, который всегда считалъ себя особеннымъ талантомъ, стоящимъ много выше всѣхъ. Въ 1830 году онъ далъ выходъ своимъ антирусскимъ чувствамъ, благодаря чему долженъ былъ вступить на тернистый путь эмиграціи. Блаженнымъ періодомъ его жизни было время, проведенное въ Женевѣ (1833—1836), гдѣ онъ служилъ музамъ въ

отелъ госпожи Патей подъ Монъ Блапомъ; только ревность хозяйской дочки мѣшала этой дѣятельности.

Въ годы его юности Байронъ больше всего соотвѣтствовалъ его безпокойному духу. Герои его — романтическіе люди, демоны, сражающіеся со всемъ міромъ, переметывающіеся во вражескій лагерь, чтобы отомстить за свою оскорбленную честь. Сюжетъ онъ бралъ охотнѣе изъ страны востока, изъ татарской жизни, чѣмъ изъ болѣе ему близкой обстановки. Подобный характеръ имѣеть, напри- мѣръ, „Миндова“: великій литовскій князь принимаетъ изъ политическихъ побужденій христіанство, за что его проклинаетъ родная мать. Большой интересъ возбуждаетъ его „Марія Стюартъ“, трагедія, которая производитъ болѣе драматическое впечатлѣніе, чѣмъ одноименное произведеніе Шиллера.

Въ этой трагедіи Марія рисуется прекраснѣйшей женщиной, очаровывающей всѣхъ; хвастливому юношѣ Рицци любовь стоитъ жизни. Оскорбленная Марія влюбляется въ Ботвеля; Дарилей взрываютъ на воздухъ; Ботвель съ сообщниками спасается бѣгствомъ, когда народъ уже готовъ возстать.

Новую эпоху въ литературной дѣятельности Словацкаго образуетъ его „Кордіанъ“, рисующій польскаго патріота тридцатыхъ годовъ. Изъ этого стихотворенія и происходитъ крылатое слово: „Польша это Вилкельридь народовъ“.

Важнымъ моментомъ жизни Словацкаго была его дружба съ Красиньскимъ и путешествіе на востокъ, въ Палестину и Египетъ. Съ того времени онъ началъ писать произведенія, полныя символизма и страданія. Полнымъ стчаяніемъ произведеніемъ польской литературы является его „Ангель“, наполняющій сердце читателя безумной болью; встрѣчающіеся въ немъ картины Сибири напоминаютъ жертвы Нерона и разстраиваютъ читателю нервы.

Къ болѣе здоровымъ произведеніямъ его отно-

сится „Въ Швейцаріи“, гдѣ поэтъ пережилъ дни своей любви среди альпійскихъ гигантовъ. Тутъ все правдиво и естественно. Наиболее художественно законченнымъ является его „Отецъ зачумленнаго“, картина восточной покорности волѣ Аллаха. Для нѣкоторыхъ драматическихъ произведеній Словацкій пользовался сюжетомъ изъ повитой легендами польской старины. Тутъ лучше всего могла развиться его способность изображенія личностей и эпохъ и богатый полетъ творческой фантазіи.

„Лила Венеда“ является собственно психологическимъ изслѣдованіемъ цѣлыхъ народовъ; при этомъ Словацкій воспользовался и античнымъ хоромъ.

Венды—доброе, мирное племя, правителями котораго являются цѣвцы—чисто романтически-славянское представленіе. На нихъ нападаютъ чужеземцы-ляхи подобно тому, какъ русскіе славяне подвергались набѣгамъ варяго-русовъ. Къ концу приведено стихотвореніе: „Къ гробу Агамемнона“, гдѣ поэтъ приводитъ слѣдующія слова: „Не будьте павлинами среди народовъ“.

Менѣе удалась ему поэма „Мазепа“, приключенія котораго описывалъ уже Пасекъ.

Насколько великъ былъ кругозоръ поэта, доказываетъ его романъ „Беньовскій“, и, хотя въ то время многіе большіе романы трактовали ту же тему, но произведеніе Словацкаго встрѣтило большое возбужденіе среди поляковъ.

Беньовскій былъ авантюристомъ, вейгерскимъ магнатомъ, сражавшимся съ конфедератами, имѣвшимъ сношенія съ татарами, но пойманнымъ русскими и сосланнымъ ими въ Камчатку.

Тамъ онъ поднялъ знамя возстанія и убѣжалъ на Мадагаскаръ, туземцами котораго былъ избранъ королемъ и въ 1786 году убитъ по подстрекательству французовъ. По другой версіи онъ самъ бросился въ какой-то кратеръ.

Въ 1840 году Словацкій встрѣтился съ Мицкеви-

чемъ. Тогда имѣла мѣсто та достопамятная импровизація, послѣ которой оба поэта слились въ братскомъ объятіи. Тѣмъ не менѣе, безтактность друзей поселила между ними нелады. Въ это время духъ Словацкаго сталъ затемняться товіанизмомъ, которому, въ концѣ-концовъ, онъ окончательно подпалъ.

Чувство и фантазія всегда имѣли у Словацкаго перевѣсъ надъ критикой и философской выработкой духа. Это особенно сказывается въ его наиболѣе значительной поэмѣ: „Круль-Духъ“.

Словацкій началъ вѣрить въ возможность непосредственнаго общенія съ Богомъ, тогда какъ прежде, въ качествѣ художника, онъ являлся богоульникомъ. По его мнѣнію, его соотечественники должны были обновиться духомъ, то есть, отъ мала до велика перевоспитаться. Въ то же время онъ увѣровалъ въ спиритизмъ и переселеніе душъ; послѣдняя мысль позднѣе пришла по сердцу также кроату Прерадовичу.

„Круль-Духъ“ (1847 г.; 1-ая рапсодія) неудобопонятенъ для пноземца, хотя и современнымъ Словацкому полякамъ онъ тоже показался непонятнымъ. Это въ высшей степени оригинальная работа, которую больше нигдѣ не встрѣтишь. Ужасный, плавающий въ крови Попель (подобіе Ивана Грознаго) уничтожаетъ всю округу; въ хвастливомъ самомяніи онъ даже вызываетъ на единоборство божество. Но появится комета, предсказывающая гибель тирана.

Дружба между Краспильскимъ и Словацкимъ послѣ 1848-го года нѣсколько ослабла, а впоследствии даже превратилась въ совершенно обратное чувство. Хотя, ставъ присерженцемъ Товіанскаго, Словацкій и смягчился характеромъ, но отъ своей экзальтированности, когда онъ пренебрегалъ всякими внѣшними формами, онъ отдѣлаться не могъ. Въ 1849 году

онъ умеръ въ Парижѣ на рукахъ будущаго архієпископа варшавскаго—Феликса Фелиньскаго.

За исключеніемъ Красицкаго, Словацкій при жизни не встрѣтилъ ни въ комъ ни полного пониманія, ни признанія. Только въ послѣднее время молодое поколѣніе признало его предтечей модернизма и въ качествѣ такового возвело его въ свой идеаль. И въ научныхъ кругахъ тоже возгорѣлся жестокой споръ по поводу признанія его литературнаго значенія.

Словацкій стоитъ дальше отъ своего народа, чѣмъ Мицкевичъ, хотя бы по сюжетамъ, мистицизму и склонности къ абстракціи. Мицкевичъ, и какъ поэтъ, является полякомъ, Словацкій же—космополитъ, романтикъ, спиритъ, хозяинъ въ сверхчувственныхъ сферахъ, но при этомъ—ярко выраженная личность и великій художникъ.

Словацкій обогатилъ польскую литературу большимъ количествомъ женскихъ типовъ, которые до того времени не находили въ польской литературѣ своего отраженія; даже герои ея зачастую отличаются чисто женской неврвною.

Графъ Зигмундъ Красицкій (1812—1859). Аристократъ въ польской литературѣ, аристократъ по рожденію и духу, довольно несчастливая, но симпатичная личность, философъ въ польской литературѣ: вотъ Зигмундъ Красицкій.

Это было его глубочайшимъ убѣжденіемъ, когда онъ писалъ, что истинно-геройскій духъ надо искать не у юристовъ, купцовъ или рабочихъ, а только у дворянства и простого народа; ему принадлежитъ извѣстное изреченіе: „Съ польской шляхтой, польскій народъ“.

Красицкій—оригинальнѣйшее явленіе не только въ польской, но и въ міровой литературѣ. Въ его лицѣ воплотились всѣ высшія стремленія и принципы поляковъ послѣ ноябрьской революціи.

Онъ чувствовалъ за свое несчастное отечество и глядѣлъ вмѣсто него въ будущее. Его душа содргается въ псалмахъ и молитъ Всевышняго въ раздирающихъ душу молитвахъ о помощи и освобожденіи. Дыханіе мистицизма сказывается въ его поэзіи. Для дѣйствительности и природы у него нѣтъ чутья. Ни пѣсни настроенія, ни картины чувственной любви не выходили изъ-подъ его пера, занятаго сверхчувственнымъ познаваніемъ и высшими идеалами. Поэтому онъ малодоступенъ широкимъ массамъ. Его персонажамъ, посетителямъ этихъ высокихъ мыслей не хватаетъ плоти и крови, жизни естественности; очень вѣрнымъ является сравненіе ихъ съ античными статуями. Отдѣльными мѣста его твореній производятъ впечатлѣніе колоссальной картины изъ дворца дождей въ Венеціи: въ серединѣ сидитъ Богъ—Судьба, взирающій на ходъ развитія и боренія человѣчества. Одна изъ этихъ картинъ представляетъ кровавую исторію Польши; въ то же время въ нихъ имѣются общечеловѣческія черты.

Красинскій происходилъ изъ родовитой семьи, состоявшей въ родствѣ съ королевскими родами. Въ 1830—1831 гг. онъ былъ въ Италіи съ Мицкевичемъ, на слѣдующую зиму—съ Ржевусскимъ. Весьма характерной чертой его творчества была болѣзненность, именно—унаслѣдованное отъ матери (Радзивиллъ) разстройство нервовъ. Сорока трехъ лѣтъ отъ роду онъ уже выглядѣлъ старикомъ. Неоднократно въ его жизнь врывались несчастливья любовныя приключенія и разница во взглядахъ съ отцомъ.

Самымъ извѣстнымъ изъ его произведеній является „Небожественная комедія“, написанная имъ на двадцать первомъ году своей жизни. Тѣмъ не менѣе, это вполне зрѣлое произведеніе; на поэтическую арену Красинскій выступаетъ уже сформированной личностью. Онъ сразу сталъ въ ряды вы-

дающихся поэтовъ, но съ теченіемъ времени у него не замѣчается совершенствованія, да и муза его была не изъ многостороннихъ; онъ оставался вѣрнымъ проторопнымъ путемъ: можно даже сказать, что послѣ пятидесятихъ годовъ творческая сила его ослабѣваетъ.

Въ „Небожественной комедіи“ въ сильныхъ картинахъ выводится революція и борьба двухъ великихъ идей, являемыхъ съ одной стороны—графомъ Генрихомъ (снабженнымъ личными чертами характера автора), аристократомъ и поэтомъ, который сражается вмѣстѣ съ остатками шляхты, духовенства и народа; съ другой—Панкратіемъ, вожакомъ демократіи. Последний, честолюбивый человекъ съ жѣлзнымъ характеромъ и трезвымъ умомъ, жаждетъ почетной сдачи врага. Генрихъ умираетъ, но Панкратій тоже сраженъ и, умирая, видитъ въ облакахъ бѣлое видѣніе съ крестомъ въ рукахъ. Съ крикомъ: „Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!“ онъ испу- скаетъ духъ.

Въ описаніи боя чувствуется ясная печать романтизма; читателю вспоминается средневѣковая осада крѣпостей. Объясненіе этой драматической поэмы, въ особенности характеровъ обонхъ героевъ, представляетъ изъ себя большія трудности для профессиональных критиковъ. Впечатленіе отъ общаго совершенно неизгладимо; читатель испытываетъ такое же томительное чувство и возбужденіе, какъ и послѣ чтенія романовъ Достоевскаго.

Национальная ненависть, надъ которой торжествуетъ крестъ и очарованіе классическаго и христіанскаго Рима, анализируется въ „Прридіопъ“.

Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является грекъ, воспитанный во времена Геліогабала въ степи въ ненависти къ римлянамъ. При этомъ христіанство и только что появившійся въ немъ разладъ играютъ большую роль. Здѣсь появляется также дьявольскій

образъ античнаго Мефистофеля—Массиниссы, которому Ирридіонъ продаетъ свою душу.

Въ тридцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія Массинисса снова пробуждаетъ Ирридіона къ жизни и ведетъ его по *via sacra* въ Римъ, гдѣ теперь форумъ весь засыпанъ соромъ и развалинами, въ Коллизеѣ — пыль и зола, а Капитолій весь загаженъ. На форумѣ ситъ двое нищихъ—остатки римскаго народа. Такимъ образомъ, здѣсь все такъ же раздавлено и принежено, какъ и въ его Элладѣ, но, все-таки, спасено въ вѣчности. Ирридіонъ освобождается изъ подъ власти Массиниссы, но долженъ начинать жить сначала, и посылается въ страну гробовъ и крестовъ—Польшу.

Пристрастіе Красивскаго къ символизму стало въплоть все значительнѣе. „Легенды“ живописуютъ польскихъ пилигримовъ въ Римѣ, которымъ молодой кардиналъ возвѣщаетъ рожденіе Бога. Кардиналъ становится святымъ Іозисомъ, церковь начинаетъ разваливаться; въ ней остаются исключительно папа и поляки, которые держатъ надъ главою папы облаженныя мечи, чтобы защитить его, „такъ какъ,—говорятъ они,—намъ не приличествуетъ оставить старца одного“. Церковь превращается въ развалины, но святой Іоаннъ Логофетъ отвѣчаетъ на вопросъ поэта тѣмъ, что Богъ зачтетъ мертвымъ оказаніе ими послѣдней почести старцу. И въ этой поэмѣ тоже встрѣчаются картины увлекательной мощи и красоты.

Послѣ сороковыхъ годовъ на Красивскомъ начинаетъ замѣчаться вліяніе любви и гегелевской философіи.

Когда пѣвецъ воспѣвалъ „Предзакатныя часы“, онъ былъ уже почти во власти мессіанизма. Идеальность по натурѣ, онъ смотрѣлъ на прошлое Польши именно съ этой точки зрѣнія. И на небо онъ хотѣлъ взойти благороднымъ дворяниномъ. Польша, всегда всѣхъ народовъ, должна сначала внутренно

очиститься и обновиться, отбросивъ отъ себя все нехристіанское, безчеловѣчное, послѣ чего въ будущемъ она получитъ свободу безъ всякаго кровопролитія. Но не только Европа—все челоѳчество должно воспринять истинно христіанскій духъ. Раздѣломъ Польши прегрѣшили противъ основныхъ принциповъ христіанства.

Въ концѣ концовъ, Красинскій становится псалмонѣвнѣемъ своего народа. Онъ предсказываетъ имъ, къ чему поведетъ подготовляемый государственный переворотъ. И странное дѣло! Словацкій, его бывшій единомышленникъ, отвѣчаетъ автору „Трехъ псалмовъ“, представителю шляхетства, ѳдимимъ замѣчаніямъ.

Послѣ „Псалма добраго желанія“, 1848 года и „Неоконченнаго стихотворенія“, 1851 г., Красинскій написалъ очень мало; его слабое тѣло не могло выдержать тѣхъ сверхчеловѣческихъ чувствъ, которыя обуревали его во время творчества.

Возвышенные принципы, плавный стиль и философскій духъ Красинскаго дѣлаютъ его необыкновеннымъ явленіемъ въ поэзіи, которая, по его взглядамъ, должна обнимать собой все челоѳчество. Какъ и у русскихъ романистовъ, въ особенности у философа Толстого, у котораго выше всего ставится дѣятельная любовь, по явкакъ не ненависть.

Когда Массинисса требуетъ грека Прридіона къ себѣ, такъ какъ онъ жилъ въ пустынѣ и ненавидѣлъ Римъ, то ангель отвѣчаетъ ему: „О, господниъ, онъ мой, такъ какъ онъ любилъ Грецію. Возстанъ, о сынъ Греціи, и внидь! По свидѣтельству Корнелии, по молитвѣ Корнелии ты спасенъ, такъ какъ любилъ Грецію. Въ полночь иди во имя Христова—иди и не останавливайся, пока не придешь въ страну моголь и крестовъ“.

По взглядамъ Миакевича, Польша явилась невинной искупительницей чужихъ грѣховъ, почему народъ могъ сказать себѣ: „Мы ни въ чемъ не пре-

грѣшили, и намъ нечего исправлять“. Но Красинскій неходитъ изъ другого принципа: „обеспеченіе будущаго счастья заключается во взаимной любви и старательной работѣ, во имя Христова!“

Интересъ къ польскимъ дѣламъ въ Европѣ. Мало по малу въ Европѣ и славянскомъ мірѣ стали обращать вниманіе на польскую литературу; поводомъ къ этому было возстаніе 1830 года, которому симпатизировали всѣ передовые умы запада.

Во власти русской бюрократіи они видѣли воиложеніе тиранніи и реакціи, подъ гнетомъ которой они сами стонали въ Германіи, Италиі и Франціи. Въ Германіи принимали такое горячее участіе въ польскихъ дѣлахъ, что даже самъ Мицкевичъ посвятилъ „Книги паломничества благородному нѣмецкому народу“.

Нѣкоторые нѣмецкіе писатели рѣшительно встали на сторону Польши. Глубокій Ленау пѣлъ „Польскія пѣсни“; Платенъ былъ имъ преданъ душой и тѣломъ; Генрихъ Лаубе писалъ „Новое столѣтіе“, Мозель черпалъ сюжеты для своей поэмы „Послѣдній десятокъ изъ четвертаго полка“ изъ польской жизни.

Французы въ усмиреніи Польши видѣли паденіе политической свободы; эмигранты лично споспѣшествовали Виктору Гюго, Беранже, Лапраномъ, Жоржъ Завдъ, Ламенэ, который даже заимствовалъ у эмигрантовъ форму мистическаго воодушевленія и прославлялъ Польшу въ гимназахъ; Монталамберъ перевелъ „Книги польскаго паломничества“ на французскій языкъ.

Такъ же, какъ „молодая Германія“, поколѣніе юныхъ чешскихъ поэтовъ было въ тридцатыхъ годахъ всей душой на сторонѣ поляковъ. Среди чеховъ много лично знали Галицію, какъ Цапъ (его жена была полячка), Риттерсбергъ и Кубекъ. Въ Словакии среди кружка поэта Штура польская революція вызвала такое возбужденіе, что самый вы-

дающійся словацкій поэтъ Само Халупка всталъ добровольцемъ въ ряды повстанцевъ, причемъ былъ раненъ.

Но когда появилось „Объединеніе“ Коллара, чехи въ сороковыхъ годахъ вернулись къ „загери Славін“. На славянскомъ конгрессѣ 1848 года принимали участіе также и поляки.

Цеоромантики шестидесятыхъ годовъ снова встали на сторону поляковъ, и даже въ 1863 году мнѣнія о польскомъ возстаніи были главнымъ причинами, раздѣлившими богемцевъ на два политическихъ лагеря. Старо-чехи по многимъ основаніямъ не одобряли возстанія, тогда какъ младочехи въ „Народни листи“, такъ же, какъ и студенчество, боготворили эмигрантовъ.

Даже на славянскомъ югѣ замѣтно вліяніе польской эмиграціи. Нѣкоторые изъ членовъ тайнаго союза были послѣ 1830 года сосланы въ Лайбахъ, гдѣ они обратили вниманіе Премьера на Мицкевича. Тотъ даже писалъ Врану, что отъ него можно было бы ждать лучшаго перевода твореній великаго польскаго поэта. Сильный полякъ Корытко отблагодарилъ словенцевъ тѣмъ, что собралъ ихъ народныя пѣсни.

Въ Россіи даже Пушкинъ перевелъ нѣкоторыя изъ стихотвореній Мицкевича. Но когда въ 1831 г. появился „Бородинскій бой“, самовольное, задорное стихотвореніе „Клеветникамъ Россіи“ и направленное противъ поляковъ „Хвастливый полякъ и вѣрный россиянинъ“, огорченный Мицкевичъ въ предисловіи къ третьей части „Дядювъ“ разразился упреками по адресу „московскихъ друзей“ и задѣлъ Пушкина, который „продалъ свою душу за любовь царя“. Пушкинъ отвѣтилъ почти пророческимъ предвѣдѣніемъ грядущаго душевнаго разстройства своего бывшего друга:

„О, Боже, возврати миръ его разстроеной душѣ“!

III.

Возрожденіе чешской письменности.

Въ „возрожденіи“ чешскаго народа принимали участіе, кромѣ тѣхъ принциповъ и обстоятельствъ, которые обновили польское общество и оказали воздѣйствіе на литературу, еще и многія другія условія.

30-лѣтняя война въ концѣ подорвала какъ матеріальное благосостояніе, такъ и культуру чеховъ; лучшіе и богатѣйшіе сыны этого народа должны были спастись бѣгствомъ на чужбину; новое дворянство не было въ странѣ своимъ; католицизмъ, за немногими исключеніями, не имѣлъ никакого вліянія на народное образованіе, правительство старалось его германизировать, а одинъ изъ прибудившихъ съ чужбины дворянчиковъ, незнакомый съ историческими традиціями народа, даже закрылъ въ 1749 году богемо-австрійскую канцелярію.

Народъ стоялъ подъ жестокимъ игомъ, по чешскій языкъ продолжалъ жить въ деревнѣ, среди крестьянъ и той части интеллигенціи, которая произошла отъ нихъ. Города были нѣмецкими, хотя и существовала разница между тѣми, которые находились въ нѣмецкихъ мѣстностяхъ, и находившимся въ мѣстностяхъ богемскихъ.

Гнетъ германизации вызвалъ сопротивленіе; реформы императора Іосифа II повлекли за собой большую свободу религіозной совѣсти и гражданственности; изъ Франціи доносились отголоски новыхъ идей.

Мало по малу и въ Австріи тоже сознавали важность второго провинціального нарѣчія для Богеміи и Моравіи. Ищутся сочиненія, защищающія право богемскихъ нарѣчій на самобытность, указывается на ихъ практическую важность, вспоминается литературное ихъ прошлое.

Количество сочинений подобного рода все увеличивалось; даже военные и дворянские круги признавали важность богемских наречий. Разумеется, за небольшим исключением, дворянство стояло в стороне от литературы, но в 1790 году, потом в сороковых и в конце шестидесятых годов дворянство, по крайней мере в своей консервативной части, связало свои интересы с судьбами богемцев, и стало им моральной опорой.

Нельзя обойти молчанием влияние церкви и школы. Чешское духовенство проповедовало в церквях на народном языке. В конце XVIII столетия текст библии был пересмотрен, и изучение его положено начало славистикѣ.

Чешские патриоты, в особенности духовенство, были классически образованы и хорошо знали немецкий язык; они тщательно выбирали ту литературную прозаическую, которая могла обеспечить народу полезное чтение. Перепечатывались книги „Золотого Вѣка“ (хроника, географическія описанія); кроме того, патриоты заботились также и о культурѣ, народного языка, писали грамматики, альманахи и драматическія произведенія. Каждое слово, каждое стихотвореніе, хотя бы для пониманія его и требовался немецкій пересказъ, встрѣчались съ большимъ сочувствіемъ.

„Королевское ученое общество“ стало научнымъ центромъ; въ эту эпоху оно было самымъ знаменитымъ обществомъ средней Европы; чехи и немцы, связанные общимъ стремленіемъ къ распространенію и насажденію образованія, братски подали здѣсь руки другъ другу. Многие члены принадлежали къ числу бывшихъ иезуитовъ.

Очень большое значеніе имѣла, кроме того, школа. Дѣло австрійскаго народного образованія было упорядочено прусскимъ выходцемъ—Фельдгеромъ. Хотя богемское правительство охотно сдѣлало бы школы орудіемъ германизациі, но исти-

ныя потребности поумѣшали проведенію этого плана въ жизнь. Въ народныхъ школахъ чешскій учитель долженъ былъ преподавать по-чешски, а въ эпоху наполеоновскихъ войнъ у правительства не было времени заняться преслѣдованіемъ языка и литературы своихъ подданныхъ.

Эпоха богемскаго возрожденія поспѣла на себѣ ученыи характеръ. Многие писали по-нѣмецки, но занимались дѣлами богемской короны. Какъ только чехи почувствовали, что давленіе сверху нѣсколько поослабло они ревностно принялись за свой родной языкъ.

Съ 1793 года въ университетѣ открывається кафедра чешскаго языка; по счастью, ученые находились въ хорошихъ отношеніяхъ съ знатію, на которую вліяли благотворно.

Между учеными того времени выдается фигура экс-іезуита, аббата Добровскаго, критическаго отца славистики, челоуѣка высокообразованнаго, уважаемаго выдающимсяъ умами Европы.

Его произведенія являются неистощимымъ кладомъ для исторіи славистики. Любимецъ аристократическихъ кружковъ, аббатъ сдѣлалъ старославянской языкъ объектомъ своего изученія, слѣдствіемъ чего явились знаменитыя „Institutiones“. Добровскій былъ знатокомъ славистики во всемъ ея тогдашнемъ объемѣ; вездѣ онъ брался за первоисточники и прежде всего принялся изслѣдовать чешскій языкъ. Его грамматика сдѣлалась образцовой для грамматикъ прочихъ странъ, такъ какъ, благодаря ревностной пропагандѣ Гапки, она была переведена и на другіе языки. Добровскій написалъ классическое произведеніе „Исторія богемской литературы“, составилъ словарь, издавалъ всевозможныя періодическія изданія, изслѣдовалъ и опубликовалъ старыя чешскія легенды.

Къ концу XVIII столѣтія изученіе чешскихъ хроникъ, древностей, библиографій и проч. давало

поводъ къ частымъ спорамъ. Добровскій былъ выдающимся явленіемъ, истиннымъ патриотомъ, хотя онъ никогда не писалъ по чешски и даже не въриль въ чешскую будущность. Онъ тоже принималъ участіе въ спорѣ по поводу чешскаго стихосложенія, вызвавшемъ большое движеніе среди патриотовъ, подобно возгорѣвшемуся въ 20-хъ годахъ сраженію за „у“ и „і“, напоминающему, въ свою очередь, борьбу сербскаго новатора Вука съ приверженцами старой школы, или разногласіе среди польскаго общества по поводу классицизма и романтизма.

Подобные споры хоть и обостряли иногда отношенія, но зато сосредоточивали на себѣ общее вниманіе и влекли за собой болѣе глубокое изученіе предмета.

При разрѣшеніи спорныхъ вопросовъ Добровскій являлся компетентнымъ лицомъ, такъ какъ дѣйствительно обладалъ яснымъ взглядомъ; онъ основалъ свою собственную школу. Ганка старался провести въ жизнь Богеміи его принципы; но къ критическому духу Добровскаго ближе стоялъ болѣе энергичный, хотя и задорный Копитаръ въ Вѣнѣ, руководившій младшимъ поколѣніемъ славистовъ.

Копитаръ сдѣлалъ въ 30-хъ годахъ Вѣну (гдѣ еще раньше появился цѣнный журналъ Громадько) важнымъ центромъ славистики.

Копитаръ имѣлъ громаднѣйшее вліяніе на Добровскаго и Вука Караджича. Онъ занимался по преимуществу написанными глаголицей памятниками письменности (которыхъ Добровскій не зналъ) и высказалъ предположеніе, что церковно-славянскій языкъ былъ языкомъ древнихъ словенцевъ. Но когда онъ заподозрилъ подлинность браледворской и веленогорской рукописей, то между нимъ, Палацкимъ и Шафаржикомъ возгорѣлся жестокій споръ.

Тѣмъ временемъ въ Богеміи распѣла плеяда

Исторія славянск. литературы, ч. II.

2

поэтовъ и прозаиковъ, которые были важнѣе чужающему міру, чѣмъ четырехтомная грамматика. Сначала приходилось бороться съ ужасными трудностями; языкъ былъ особенно неприспособленъ для версификаціи, но и эта звуковая грубость уступила нѣкъ настоящему труду надъ языкомъ. Появились талантливые люди, подобно Пухмайеру, басни и стихотворенія котораго удержались въ народной памяти цѣлыхъ сто лѣтъ.

Рядомъ съ нимъ на сцену выступили другіе гранлышки языка, которые обоудно называли другъ друга Гераціемъ, Овидіемъ, Пиндаромъ или Виргиліемъ, читали произведенія другъ друга, хвалили и восторгались всѣмъ чешскимъ.

Нѣкоторыя стихотворенія читались съ истиннымъ воодушевленіемъ по всей Богеміи; ихъ списывали, декламировали, чѣмъ повсемѣстно разбрасывались искры патріотическаго чувства.

Многіе изъ этихъ, въ сущности довольно незначительныхъ, поэтовъ знали польскую литературу; въ большинствѣ случаевъ это были священники, которые вдохновлялись идеями славизма. Объ имѣющихъ длительное значеніе художественныхъ произведеніяхъ того времени не можетъ быть, разумѣется, и рѣчи. Но для развитія литературы они имѣли громадное значеніе.

Достопримѣчательнымъ литературнымъ явленіемъ двадцатыхъ годовъ былъ генераль Здиразъ Полякъ, написавшій въ молодости большое стихотвореніе о „Величіи природы“, въ которомъ впервые живописалъ и возвеличивалъ природу, по примѣру нѣмецкаго поэта Клейста и англійскаго Галлера. Онъ—утилитаристъ; его поэтическій талантъ еще болѣе проявляется въ описаніи Италіи, откуда онъ писалъ подъ шумъ битвы и барабанный бой очень интересныя письма своему почитателю Циглеру.

Кромѣ поэзіи, интересъ къ чешской литературѣ

удили также и прозаическія произведенія, которыя съ жадностью глотались народомъ. На первомъ мѣстѣ въ этомъ отношеніи стоитъ Крамерій, одержатель тиннографіи. О немъ можно сказать, что онъ явился во время и вполне выполнилъ свое предназначеніе. Издаваемую имъ газету онъ по большей части наполнялъ пѣликомъ самъ; кромѣ того, онъ составлялъ календари, всевозможныя практическія книги, а также и всевозможныя разсказы съ страшнымъ содержаніемъ, рыцарскіе романы, разбойничьи и любовныя приключенія, которыя онъ обыкновенно передѣлывалъ или переводилъ съ нѣмецкаго. Его календари съ разсказами „на случай“ были дѣятельнѣйшими распространителями патріотической общности въ самыхъ отдаленныхъ богемскихъ мѣстностяхъ. При этомъ онъ пользовался образцовымъ языкомъ, такъ что его стиль вошелъ въ поговорку и служилъ для позднѣйшихъ поколѣній образцомъ. Его книги перепечатываются и по сіе время и пользуются въ народѣ большою популярностью.

Прозаическая литература имѣетъ всегда серьезный, поучительный характеръ, но неизмѣнно патріотична.

Но и о чешской сценѣ мы не можемъ не упомянуть здѣсь.

Если театральныя представленія чеховъ и не имѣютъ художественнаго значенія, то въ то время они во всякомъ случаѣ отвѣчали своей задачѣ. Изъ нѣмецкихъ драматурговъ большое одобреніе вызывалъ Коцебу и Иффландъ; кромѣ того, переводили также и классиковъ. Для пражцевъ было особенно важно хотя бы ужъ то, что вообще играли на ихъ національномъ языкѣ. Актеры и зрители составляли ядро чешскаго общества, имѣвшаго, кромѣ того, и вообще литературное чутье. На протяженіи всего XIX столѣтія сцена сохраняетъ для сельскаго населенія свое громадное національное значеніе.

Въ это время перваго расцвѣта національной поэзіи громадное значеніе имѣло открытіе рукописей старыхъ поэмъ. Въ 1818 году Гавка обнаружилъ Краледворскую рукопись; въ это же время какими-то тайными путями въ Прагу попала Зеленогорская рукопись, сдѣлавшаяся достояніемъ только что учрежденнаго въ то время подъ эгидой графа Штернберга чешскаго музея.

Въ то время средневѣковыя и народныя поэмы вошли въ большую моду, и содержаніе обѣихъ рукописей, заключающихъ въ себѣ много эпическихъ стихотвореній и пѣсень, отвѣчало этому теченію.

Онѣ относились къ древней исторіи Богеміи, и отзвуки легендарныхъ сказаній смѣшивались въ нихъ съ историческими фактами, имѣвшими мѣсто въ Оттавѣ и Хруба Скала; въ особенности подробно трактуется побѣда Ярослава Штернберга надъ татарами у Гоштейна, о чемъ исторія совершенно молчитъ. Что въ этой рукописи такъ возвеличивается членъ могущественной въ то время фамиліи Штернберговъ, совершенно неудивительно, особенно если припомнить, что открылъ эту рукопись будущій бібліотекаръ музея—Гавка, совершившій цѣлый рядъ поддѣлокъ и даже поставившій чехамъ старыхъ боговъ. Относительно графовъ Штернберговъ въ то время была пѣляя литература.

Кромѣ того, въ Краледворской рукописи было много лирическихъ стихотвореній въ народномъ духѣ.

Картину еще болѣе древняго времени являетъ Зеленогорская рукопись, — истинный памятникъ древне-славянскаго права. Легендарная княгиня Богеміи—Либужа, разсуживаетъ спорящихъ братьевъ, но, будучи опозоренной старшимъ изъ нихъ, отказывается отъ трона.

Такимъ образомъ, у чеховъ вдругъ оказались такія литературныя произведенія, которыя говорили о свободной, высокоразвитой культурѣ, и которыя

они смѣло могли поставить рядомъ съ пѣснями Пибелунговъ, Словомъ о полку Игоревъ, Киршой Данпловымъ и сербскимъ богатырскимъ эпосомъ. Это пренебрегло сердца ихъ гордостью, такъ какъ даже Гете высказалъ интересъ къ этимъ пѣснямъ, адмиралъ Шишковъ, президентъ Императорской академіи наукъ перевелъ ихъ на русскій языкъ, и въ самомъ непродолжительномъ времени онѣ были переведены на всѣ языки. Но старинному складу и необычной формѣ эти „рукописи“ напоминали сербскія пѣсни или русскія былины. Онѣ стали святынями древне-чешской письменности и образовали собой родъ Палладіума и лексикона древнечешской науки.

Литература, языкъ, культура — все брало ихъ своей исходной точкой; историческія изысканія прямо опирались на нихъ; для науки изъ этого образовалось нѣчто вроде „Circulus vitiosus“, изъ котораго она смогла вырваться не ранѣе восьмидесятихъ годовъ.

Образованный богемецъ притѣплялся сердцемъ своимъ къ этимъ пергаментнымъ свиткамъ, къ этому святому наслѣдію отцовъ, національному евангелію, и общенародный гнѣвъ грозилъ тому, кто дерзалъ усумниться въ подлинности этихъ „Рукописей“.

Добровскій немедленно же высказался противъ Зеленогорской рукописи — но только черезъ полстолѣтіе послѣ его смерти это было зачтено ему въ заслугу. Копитаръ оставилъ послѣ себя до сихъ поръ плохую память, такъ же какъ и преждевременно скончавшійся геціальный Фейфаликъ, а когда въ восьмидесятихъ годахъ профессоръ Гебауеръ въ компаніи съ Мазурикомъ подняли голоса противъ подлинности „Рукописей“, то старое поколѣніе, разумѣется, не могло такъ сразу отдѣлаться отъ всосавшагося въ плоть и кровь убѣжденія.

Автора рукописей нельзя, разумеется, определить съ математической точностью; но едва-ли ошибается тотъ, кто назоветъ имъ Гавку. Мнѣ лично удалось установить, что рукопись попала къ Гавкѣ черезъ одного изъ свидѣтелей на его свадьбѣ.

Но, несмотря на поддѣлку, авторъ „рукописей“ и тотъ, кто ихъ „открылъ“, оказали большую услугу національному самосознанію Богеміи, такъ какъ онѣ произвели такое глубокое впечатлѣніе, съ которымъ можетъ сравниться развѣ революція 1848 г. Защитники подлинности „рукописей“ увидѣли себя вынужденными заняться тщательнымъ изслѣдованіемъ прошлаго, такъ что „рукописи“ и съ этой стороны дали хорошіе плоды.

Въ силу этого, для оцѣнки добраго намѣренія автора этихъ рукописей необходимо принять во вниманіе самые благодатные результаты; онѣ хорошо выполнили свою задачу.

Научная литература того времени можетъ, за исключеніемъ уже перечисленныхъ именъ, похвастаться еще нѣсколькими личностями, значительность которыхъ встрѣтила всеобщее признаніе. Въ другихъ литературахъ научная письменность строго разграничивается съ художественной, но въ чешской и сербо-кroatской и ученые находят свое вполнѣ заслуженное мѣсто въ качествѣ проводниковъ новыхъ руководящихъ идей, оплодотворявшихъ письменность, и людей, имѣвшихъ выдающееся значеніе для возрожденія народа.

Въ Богеміи бывали образованные люди, которые въ юности сами проходили чрезъ горнило поэтическаго вдохновенія, а потомъ вступали въ число борцовъ за стихосложеніе и переводили иностранныхъ поэтовъ. Это можно сказать, главнымъ образомъ, о знаменитой троицѣ: Юнгманъ, „тихомъ гевіи“; Фр. Палацкомъ, „отцѣ чешскаго народа“, и прославленномъ изслѣдователѣ старины—Шафаржикъ. Въ нимъ присоединились и другіе, какъ, напри-

мѣръ, Ганка, „открывшій“ Краледворскую рукопись и основательный знатокъ средневѣковой старины—Небесскій.

Іосифъ Юнгманъ былъ сначала профессоромъ въ Лейтмерицѣ, потомъ—директоромъ академической гимназіи въ Прагѣ. Своими переводами изъ Шатобриана, Мильтона и нѣмецкихъ поэтовъ онъ обратилъ вниманіе чеховъ на всевозможныя теченія въ западной литературѣ. Кроме того, онъ былъ хорошо знакомъ съ славянской и, особенно, съ русской письменностью.

Какъ неутомимый работникъ съ желѣзнымъ терпѣніемъ и выдержкой, онъ лично укрѣпилъ куполь чешскаго возрожденія многими капитальными колоннами. Его онтологія съ правилами искусства стихосложенія имѣла для того времени громадное значеніе, а значеніе его исторіи литературы и связанной съ нею библиографіи сохраняется и по сіе время. (Изъ послѣдователей его особенно выдается Іосифъ Гпречекъ). Но нерукотворный памятникъ воздвигъ себѣ Юнгманъ своимъ колоссальнымъ словаремъ, къ которому приложены примѣры изъ всей литературы, чѣмъ онъ положилъ прочное основаніе новому литературному языку, только-только выкристаллизовавшемуся въ то время. Что въ другихъ мѣстахъ дѣлалось въ теченіе десятковъ лѣтъ цѣлыми академіями, то здѣсь являлось результатомъ работы одного человѣка, заслужившаго себѣ этимъ къ концу своей жизни всеобщее уваженіе.

Что касается вліянія, то въ этомъ отношеніи на недостигаемой высотѣ стоитъ моравскій протестантъ Францъ Палацкій. По желанію богемской аристократіи, съ которой онъ находился въ наилучшихъ отношеніяхъ, онъ написалъ исторію Богеміи, которую довелъ вплоть до 1526 года, то есть—до начала Габсбургской династіи.

Первоначально исторія эта была написана по-нѣмецки, но потомъ переведена имъ самимъ на

чешскій языкъ. Въ ней онъ открылъ Богемію ея прошлое; нѣкоторыя частей ея, напримѣръ, древнѣйшаго періода, онъ вообще коснулся впервые; любимой эпохой его былъ гусспзмъ съ Іоанномъ Гусомъ во главѣ, къ которому онъ возвращался неоднократно колпчество разъ.

Палацкій былъ тонкой, эстетически-развитой натурой съ широкимъ кругозоромъ, критическимъ изслѣдователемъ, глядящимъ въ будущее, имѣвшимъ истинное представление о дѣйствительныхъ потребностяхъ и запросахъ своего народа. Онъ сталъ во главѣ чешскаго возрожденія, такъ какъ Богемія ожила для политической жизни; но въ этомъ отношеніи ему не посчастливилось. Онъ редактировалъ „Журналь Музея“, основалъ чешскую Матицу (общество для изданія научныхъ трудовъ), поддерживалъ своего зятя Ригера при изданіи имъ большаго словаря, положилъ основаніе союзу „Святоборъ“, поставившему себѣ задачей помогать бѣднымъ писателямъ и даже заботился о національномъ театрѣ; несмотря на многостороннюю самоотверженную дѣятельность, онъ нерѣдко бывалъ жертвой черной неблагодарности.

Наряду со своей большой исторіей, Палацкій писалъ рядъ монографій изъ чешской исторіи, издавалъ важнѣйшіе памятники чешской и латинской письменности, занимался разрѣшеніемъ этическихъ и философскихъ задачъ и оставилъ міру также свой дневникъ. Такъ какъ онъ воспитался на лучшихъ произведеніяхъ богемской литературы, то писалъ яснымъ классическимъ стилемъ, столь же привлекательнымъ, какъ и его четкій, прекрасный почеркъ, напоминавшій литографію.

Его всеобъемлющая, всесторонняя и плодотворная дѣятельность можетъ быть сравнена только съ дѣятельностью крота Рачки, который, благодаря своимъ историческимъ трудамъ является родственной Палацкому душой.

Палацкій никогда не былъ профессоромъ университета; однимъ изъ его сотрудниковъ былъ знаменитый Вацлавъ Влаливой Томекъ, Несторъ чешскихъ историковъ, написавшій такую исторію города Праги, подобной которой можетъ похвастаться еще развѣ только Римъ. Переводы историческихъ трудовъ Палацкаго дѣлались частью Томекомъ, частью — министромъ Резекомъ. Основателемъ новой исторической школы былъ профессоръ Голль.

Слѣдующей внушающей уваженіе личностью за Палацкимъ можно поставить словака Шафаржика, который въ своей юности отдавался поэтическому вдохновенію и былъ друженъ съ Палацкимъ. Онъ учился въ Іенѣ и былъ директоромъ гимназіи въ Неузацѣ (Венгрія), гдѣ познакомился съ южно-славянской литературой, принялся изучать ее и собирать различныя рукописи; въ слѣдствіе этого онъ основательно познакомился съ южно-славянской письменностью.

Когда почва въ Неузацѣ стала для него слишкомъ горячей, то онъ послѣдовалъ приглашенію Палацкаго и переехалъ въ Прагу, не имѣя, однако, въ виду какого-либо хлѣбнаго мѣста.

Сдѣлавшимъ эпоху трудомъ Шафаржика являются его „Славянскія древности“, произведеніе повсемѣстно признанное очель важнымъ и переведенное на русскій, польскій и нѣмецкій языки.

Въ Прагѣ Шафаржикъ занимался, главнымъ образомъ, чешской литературой и грамматикой. Такъ какъ онъ подумывалъ о диссертацин, то написалъ „Славянскую этнографію“ и организовалъ кафедры славистики въ Берлинѣ и Бреславлѣ. Въ Германіи для этой отрасли науки кафедру учредили раше Австріи.

Шафаржикъ и Палацкій были въ числѣ первыхъ сочленовъ Императорской академіи наукъ въ Вѣнѣ; первому изъ нихъ грамматика Миклошича обязана своимъ появленіемъ въ печати. Въ послѣднее время

онъ занимался древней славянской литературой, ея родиной и вопросомъ о происхожденіи глаголицы и кириллицы. Такимъ образомъ, онъ отчасти служилъ чехамъ, а отчасти—сербамъ, и все-таки въ сущности—всему славянству. Своей жизнью и идеальной дѣятельностью Шафаржикъ даетъ истинный образъ благороднаго патриота, жертвующаго даже насущнымъ хлѣбомъ за дѣло своей совѣсти; несмотря на неопредѣленность матеріальнаго положенія, ожидавшую его и его больную супругу въ Прагѣ, онъ посвятилъ себя наукѣ съ такой любовью и преданностью, на которую могли быть способны только люди, отдавшіеся во времена возрожденія служенію великой идеѣ. Такъ работали изъ однихъ моральныхъ побужденій эти „пробудители“ національнаго самосознанія надъ подъемомъ духовной жизни ихъ народа.

Къ людямъ, которымъ пришлось поплатиться злѣйшей вуждой за свою преданность общеславянской идеѣ, по которымъ, тѣмъ не менѣе, неуклонно шли къ намѣченной цѣли, принадлежитъ первый истинный поэтъ Богеміи—Ярославъ Челяковскій.

Нѣкоторое время онъ былъ профессоромъ бреславльскаго университета; по натурѣ онъ былъ очень воспріимчивъ къ литературнымъ теченіямъ и остроощувствъ, хотя и подходилъ къ нимъ съ критическимъ чутьемъ. Въ позднѣйшее время онъ углубился въ изученіе славистики, хотя еще ранѣе погружался въ красоты славянской поэзіи.

Челяковскій переводилъ изъ Гете („Сестры“) и одѣвалъ русскія или сербскія пѣсни въ чешскія одежды, причемъ не стиралъ переводомъ аромата ихъ поэзіи, первоначальный характеръ, стиль. По его балладамъ и стихотвореніямъ можно узнать въ немъ поэта Божьей милостью: онъ былъ переложены также на музыку и раздавался по всей Богеміи тамъ, гдѣ проснулось національное чувство. Бѣдкія эпиграммы Лессинга побуждали его самого къ самостоятель-

ными шуточными стихами, въ которыхъ онъ проявляется во всей своей самобытности, и которыя иногда достигаютъ высочайшаго сарказма; съ равной ѣдкостью послѣ него самогъ писать только Карлъ Гавалччекъ, который въ слѣдствіе непримиримой оппозиціи противъ системы Баха былъ сосланъ въ концѣ концовъ въ Бриксенъ (Тироль). Плодомъ этой ссылки были тирольскія элегіи, которыя извѣстны такъ же, какъ и его „Крещеніе святаго Владимира“.

Лучшимъ произведеніемъ Челяковскаго является сборникъ его стихотвореній „Цвѣтнѣцъ“, въ сущности поэтическіе пейзажи, въ которыхъ жизнь отражается съ всевозможными точками зрѣнія и на которомъ „Westöstliche Divan“ оставилъ замѣтный слѣдъ.

Челяковскій собралъ цѣлую массу славянскихъ поговорокъ, въ которыхъ тогда усматривали самобытную народную мудрость.

И Челяковскаго тоже преслѣдовала въ жизни злой рокъ. Пламенный поклонникъ Россіи, онъ мечталъ посѣтить „Святую Русь“; его совсѣмъ уже было назначили въ профессора университета плп, но крайней мѣрѣ, въ библіотекари академіи наукъ, когда его, въ качествѣ редактора правительственной газеты въ Прагѣ, постигла неудача, явившаяся слѣдствіемъ неосторожности: онъ раскритиковалъ отвѣтъ Царя польскимъ выборнымъ. Въ слѣдствіе представленія русскаго посланника въ Вѣнѣ его смѣстили, и онъ съ семьей впалъ въ жестокую бѣдность. Только послѣ сороковыхъ годовъ его положеніе облегчилось, когда онъ получилъ приглашеніе въ бреславльскій университетъ, гдѣ работалъ также и Пуркиней.

Метеоромъ засверкалъ на славянскомъ поэтическомъ небосводѣ тридцатыхъ годовъ Гинскъ Маха, который слѣшкомъ рано умеръ. Это былъ романтикъ чистой воды, воспѣвавшій старія крѣпости, под-

земелья, луну и любовь. Онъ является представителемъ чешскаго байронизма, при этомъ — пламеннымъ поклонникомъ польской литературы, Гримальпарнера и Шиллера.

Положительно паразитическій усиѣлъ и необыкновенное вліяніе на литературу, какъ ни одна поэтъ до или послѣ него, имѣлъ Янъ Колларъ со своей философско-историческо-политическо-славянскою эпопеей „Дочь Славян“, поэтическое предисловіе которой въ двадцатыхъ годахъ очаровало и захватило рѣшительно всѣхъ.

Извѣстный инициаторъ „славянскаго объединенія“, словакскій протестантскій пасторъ въ Будапештѣ, загнулъ въ первыхъ трехъ пѣсняхъ неслыханныя до него струны.

Но хотя отдѣльные соеты и имѣютъ длительную цѣнность, и если эта объемистая работа по своему выдающемуся значенію и достойна особо-почетнаго мѣста, все же нельзя не замѣтить, что Коллару трудно было владѣть литературнымъ языкомъ. Не музы, а феи (вилы) и русалки стояли у его колыбели.

Первыя три пѣсни, къ которымъ Колларъ позднѣе, къ сожалѣнію, присоединилъ еще двѣ, останутся, во всякомъ случаѣ, большимъ національнымъ памятникомъ, хотя авторъ мѣстами и впадаетъ въ высокопарный, поучительный проповѣдническій тонъ и преслѣдуетъ идейныя цѣли за счетъ чистохудожественныхъ. Колларъ нагромождаетъ здѣсь столько учености, что позднѣе самъ видитъ себя вынужденнымъ написать въ объясненіе объемистую книгу, полную научныхъ примѣровъ.

Все произведеніе, образцомъ которому служила „Божественная Комедія“ Данте, раздѣляется на предисловіе, написанное гекзаметромъ, и пять пѣсень, составленныхъ изъ цикловыхъ соетовъ. Какъ Беатриче Данте, такъ и Милка, дочь пастора въ Лодѣ ведетъ поэта въ тѣ мѣстности Германіи, гдѣ

когда-то жили славяне. Взглядъ на жизнь славянъ въ мѣстахъ прежняго жительства на Эльбѣ, Заалѣ, Молдавѣ, Рейнѣ и Дунаѣ—сообразно чему озаглавлены первыя три пѣсни — вдохновляетъ автора на настоящее прославленіе славянской братской любви и миролюбія въ противоположность воинственности задорныхъ нѣмцевъ.

Милка ведетъ его на славянское небо—Лету, гдѣ царитъ мать Славія со своими дочерьми. Здѣсь онъ привѣтствуетъ всѣхъ выдающихся славянскихъ талантовъ и даже людей другихъ національностей, которые хорошо относились къ славянамъ, какъ: Гриммъ, Гердера, Аделунга, Шлецера, Гёте и пр. На „Ахеронѣ“ онъ ссылаетъ всѣхъ враговъ и представителей-сыновъ Славіи.

Выходъ въ свѣтъ этого произведенія былъ встрѣченъ взрывомъ восторга по всему славянскому міру.

Если Колларъ и не былъ прирожденнымъ поэтомъ, то онъ былъ зато замѣчательнымъ ораторомъ, что доказываетъ издавленное собраніе его проповѣдей.

Кромѣ того, онъ занимался также собираніемъ народныхъ пѣсень; какъ этнографъ, такъ же, какъ и педагогъ, онъ до сихъ поръ еще не оцѣненъ по достоинству.

Наоборотъ, въ качествѣ изслѣдователя старинны онъ совершилъ крупную ошибку, отыскивая происхожденіе „Славіи“ въ Индіи и относя мѣстожителство славянъ къ Италиі. Онъ даже предпринялъ поѣздку съ научной цѣлью по Италиі, плодомъ которой была „Древнеславянская Италія“, опубликованная вѣнской академіей, и, тѣмъ не мѣе, ошибочная, какъ и его археологическія открытія. Онъ сдѣлался основателемъ собственной школы историковъ, которые искали славянъ по ту сторону Рейна, въ Швейцаріи и Италиі.

Несмотря на тяжелыя условія, Колларъ без-

страшно дѣйствовалъ въ качествѣ вождя словаковъ въ Пештѣ; онъ умѣлъ заступаться съ перомъ въ рукахъ за свои убѣжденія и хотѣлъ улучшить положеніе словаковъ сообразно своимъ основнымъ взглядамъ, которые высказалъ въ 1849 году, когда былъ вызванъ въ Вѣну въ качествѣ уполномоченнаго правительствомъ лица по словацкимъ дѣламъ.

Еще до сихъ поръ вѣнецъ славы окружаетъ чело автора „Дочери Славян“, который личнымъ и литературнымъ воздѣйствіемъ проложилъ дорогу славянской идеѣ и объединенію.

Больше всего его вліяніе сказалось у словаковъ и чеховъ.

IV.

Начатки словенской литературы.

Реформація распространяла свои основоположенія на народномъ языкѣ; противники реформаціи сжигали эти книги и были вынуждены дать что-либо взамѣнъ.

Такимъ образомъ, появились нѣкоторыя книженки религіознаго содержанія, но мы можемъ совершенно безошибочно сказать, что въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, собственно говоря, еще не было словенской литературы. Только въ концѣ XVIII и у колыбели XIX вѣка начинаетъ зарождаться словенская литература, связанная съ именами Водника и Прешерна.

Въ особенности у Водника было громадное чутье къ тому, какихъ именно книгъ не хватало простымъ людямъ. Это былъ прежде всего практикъ, переведшій на словенскій языкъ даже поваренную книгу и руководство для повивальныхъ бабокъ. Наряду съ грамматикой онъ посвятилъ себя поэзіи; въ народной пѣснѣ онъ видѣлъ идеалъ поэзіи. Хотя онъ съ самаго начала впалъ въ ошибку, усмотрѣвъ въ четверостишіи, бышемъ въ Оберкрайцѣ въ ходу

по нѣмецкому образцу, природный размѣръ народной поэзіи, но вовсякомъ случаѣ ясно, что для словенской поэзіи это оказалось болѣе подходящимъ, чѣмъ древнеклассическій размѣръ.

Онъ умѣлъ усвоить себѣ не только народную форму, но и духъ народныхъ пѣсень. Первое собраніе его стихотвореній появилось въ 1806 году, но лучшія его стихотворенія приходятся на послѣдующее время, когда угрожавшая со стороны французовъ опасность вызвала его, въ подражаніе Коллинзу, на рядъ воинственныхъ пѣсень.

Когда французы заняли Крайну и обезпечили словенцамъ пзвѣстную свободу, а Водника назначили главнымъ инспекторомъ словенскихъ школъ, то онъ примирился съ французскимъ господствомъ и написалъ въ 1811 году на словенскомъ и латинскомъ языкѣ „*Illugia rediviva*“, гдѣ воспѣвалъ свою родину и Наполеона.

Но эта симпатія къ французамъ дорого стоила Воднику. Когда Иллирія была снова присоединена къ Австріи, то Водника уволили въ отставку съ нѣсколькими гульденами пенсіи, которой не было достаточно даже на его необходимѣйшія житейскія потребности; ударъ освободилъ его въ 1819 году отъ жизни полной горя и нужды.

Водникъ пользовался для своихъ произведеній въ большинствѣ случаевъ сюжетами изъ окружающаго его узкаго быта его отечества; онъ воспѣвалъ радости и страданія жизни, которыя постигаютъ всякаго человѣка, и проявлялъ при этомъ жизне-радостный юморъ, не покидавшій его даже тогда, когда его давила бѣдность.

Хотя Водникъ и облекалъ свои мысли въ стихотворную форму, но при этомъ онъ не обладалъ ни художественнымъ подъемомъ, ни искрящейся красочностью рѣчи. За нимъ остается та заслуга, что онъ былъ первымъ словенскимъ поэтомъ, давшимъ стихъ въ народномъ духѣ.

Мало по малу словенцы выросли до національнаго самосознанія. Извѣстный литературный центръ образовалъ баронъ Мига Соизъ (Зейзъ), бывшій въ дружбѣ съ Водникомъ и Копитаромъ, написавшій въ 1808 году свою грамматику и пославшій полное чрезвычайнаго значенія письмо Добровскому.

Грамматки писались у словенцевъ одна за другою, но истинная литература находилась еще въ періодѣ дѣтства; къ-тому же и правописаніе было въ ужасающемъ состояніи, чего не испытывали грамматисты.

Филологически правильно установилъ нормы языка вѣнскій славистъ Копитаръ, вызвавшій этимъ жестокою азбучною войну. Его теорія, что церковнославянскій языкъ былъ предтечей теперешняго словенскаго, долгое время наполняла сердца интеллигенціи гордымъ самосознаніемъ, которое еще усилилось послѣ Лайбахскаго конгресса 1821 года, когда пышность и могущество русскаго царя и его свиты явился имъ во всемъ своемъ великолѣпіи.

Послѣ смерти Водника въ литературѣ наступила десятилѣтняя пауза; только въ тридцатыхъ годахъ была сдѣлана робкая попытка издать небольшой „Альманахъ музъ“, для котораго нѣсколько словенскихъ энтузіастовъ доставили статьи. Главное мѣсто въ этомъ альманахѣ занялъ Францъ Прешернь (1800—1849), первый истинный поэтъ словенцевъ. Первые стихотворенія его были вызваны юной, но несчастливою любовью къ Юліи Примиць, его ученицѣ. Въ ней Прешернь нашелъ свою Лауру, которую воспѣлъ въ сладкихъ тонахъ. Вѣнецъ его сонетовъ принадлежитъ къ числу лучшихъ украшеній словенской литературы. Бурно вздымавшіеся валы этой любви не изгладились и въ позднѣйшія времена.

Въ Прешернѣ мѣстная патриотическая школа нашла своего вожака, тогда какъ другіе, обучав-

шіеся въ Грацкомъ университетѣ, стояли за идею иллиризма. Онъ оставался вѣрнымъ всему народу, хотя ему и приходилось бороться съ величайшими трудностями, въ особенности, что касалось языка, мало приспособленнаго въ то время для поэтической выразительности. Но его истинно поэтическій духъ поборелъ все препоны; онъ разорвалъ узкія рамки утилитаризма, сковывавшаго до сихъ поръ свободный полетъ фантазіи, раздвинулъ горизонты творчества, въ то время обыкновенно не считавшагося съ иностранными вліяніями и ограничивавшагося подражаніемъ народной пѣснѣ. Альманахъ „Чбеллица“ (Пчела) впервые имѣлъ въ виду образованную часть населенія и вознесся надъ прежнимъ уровнемъ, ограничивавшемся служеніемъ полезному.

Юные мечтатели работали также и по-нѣмецки; такъ же, какъ и въ письменныхъ сношеніяхъ другъ съ другомъ, они пользовались нѣмецкимъ языкомъ, а иногда даже самъ Прешернъ прилагалъ къ своимъ стихотвореніямъ ихъ нѣмецкій переводъ. Вполнѣ естественно, слѣдовательно, что къ началу эпохи своей дѣятельности онъ находился подъ особеннымъ нѣмецкимъ вліяніемъ. Онъ переводилъ Бюргера, Кернера. Въ нѣкоторыхъ балладахъ и романсахъ онъ отдавался современному романтическому теченію. Нѣсколько особнякомъ стоитъ его лирико-эпическое стихотвореніе „Крещеніе на Савицѣ“, посвященное его талантливому другу Чопу, утопнувшему въ Савѣ. Въ остальномъ же Прешернъ является ярко выраженнымъ лирикомъ.

Это былъ человекъ, шедшій впередъ своего вѣка и стоявшій много выше послѣдняго по своему духовному кругозору. Мелкія житейскія дѣлишки, недостатокъ счастья, борьба за существованіе затерли этого человека, духъ котораго былъ созданъ для великихъ дѣлъ. Его родная деревенька Врба была той свѣтлой точкой, къ которой страстно тянуло

переносившаго жестока испытанія поэта, и которую онъ постоянно воспѣвалъ.

Но кромѣ прозаическихъ глубокимъ чувствомъ стихотвореній, онъ выдается также своими боевыми эпиграммами, по которымъ можно судить, насколько болѣзненно и какъ проникновенно Прешернъ оцѣнивалъ ограниченность его времени. Онъ не пощадилъ въ нихъ и всемогущаго цензора—грамматика Копитара; иллирійское движеніе никогда не встрѣчало въ немъ приверженца.

Хотя значеніе его въ полной мѣрѣ долго не было оцѣнено по достоинству, но еще при жизни онъ былъ признанъ Челяковскимъ, внимательно слѣдившимъ за его дѣятельностью. Только въ 1866 году онъ былъ критически и этически освѣщенъ и оцѣненъ въ изданномъ Стритаромъ собраніи его сочиненій.

Стихотворенія его были переведены на русскій, чешскій и неоднократно на нѣмецкій языки. Другомъ и ученикомъ его былъ Анастасій Грюнцъ.

Для словенцевъ Прешернъ важенъ во многихъ отношеніяхъ. Не только потому, что онъ первый нашелъ истинную поэтическую форму для выраженія своихъ мыслей и чувствъ, но и потому, что онъ первый показалъ путь къ всевозможнымъ поэтическимъ формамъ, чѣмъ открылъ дорогу послѣдующимъ поколѣніямъ.

Столѣтній юбилей его былъ блестяще отпразднованъ. Но и до сихъ поръ словенцы не ходятъ въ поэзіи отъ Прешерна и несмотря на нѣкоторыя отклоненія, въ концѣ концовъ, неизмѣнно возвращаются къ тому духу, который съ такой наглядностью отражается въ его стихотвореніяхъ.

V.

Иллиризмъ.

Кроаты съ древнихъ временъ занимались литературой на Кварнерійскихъ островахъ и прилежащихъ

береговыхъ полосахъ, пользуясь для письма глаголицей. На ряду съ этимъ для прославленія Бога и святыхъ Его они пользовались латинскими письменами, и даже провинціальнымъ діалектомъ.

Зачатки новой кроатской литературы приходятся только на 1835—1836 годы, но пробужденіе славянскаго самосознанія достигаетъ у нихъ уже конца XVIII столѣтія; вся эволюція указываетъ на сходства съ возрожденіемъ Богеміи.

И здѣсь тоже мощными пружинами развитію народнаго самосознанія были западныя идеи свободы и политическія обстоятельства, такъ какъ кроаты составляли самостоятельную часть короны св. Стефана. Какъ и у чеховъ, германизационныя попытки Юсифа II натолкнулись у мадяровъ на сопротивленіе. Мадьяры защищали свое національное „status quo“ противъ исходящихъ изъ Вѣны стремленій къ централизациі и германизациі, но на кроатовъ они производили такое же давленіе, которое испытывали сами изъ Вѣны. Это вызвало въ Кроатіи національное движеніе.

Вначалѣ дворянство стояло за то, чтобы официальнымъ языкомъ былъ латинскій, такъ какъ боялись потери своихъ правъ и перехода власти въ руки народа; но позднѣе графъ Дражковичъ (1770—1856) бывшій въ Парижѣ свидѣтелемъ зарожденія новыхъ идей, всталъ во главѣ національнаго движенія.

Кроатское общество получало вѣмецкое образованіе, но оно не могло такъ легко приспособить иностранныя произведенія къ своему духу, какъ это имѣло мѣсто въ Богеміи. То тутъ, то тамъ встрѣчались дословные переводы съ иностранныхъ литературъ, но самыя сильныя теченія (Оссіанъ, Байронъ, вѣмецкіе классики) не встрѣтили въ кроатской литературѣ такого отраженія, какъ у богемцевъ или поляковъ; даже въ сборникахъ народныхъ дѣсейъ кроаты не могли идти въ сравненіе съ сербами. Въ

нѣмецкихъ классикахъ они видѣли скорѣе романтиковъ.

Зарождавшаяся національная жизнь получила сознательное определенное направленіе только благодаря Людовику Гаю. Въ качествѣ ученика Коллара онъ изъ Пешта внесъ знакомство съ методою чешскихъ патриотовъ и ученьями Вука.

Докторъ Людовикъ Гай (1809—1872), бывшій официальнымъ агентомъ Меттерниха и впоследствии состоявшій на мадьярской службѣ, не былъ плодовитымъ писателемъ самъ, но являлся великодушнымъ организаторомъ въ духѣ илиризма, поддерживаемаго графомъ Дражковичемъ.

Типографія Гая была великодушнѣйшимъ средствомъ для распространенія его взглядовъ. Когда Гай получилъ отъ меттерниховскаго правительства разрѣшеніе на изданіе газеты, то въ 1835 году онъ сталъ печатать „Новине Хорвацке“ и „Давнице Хорвацка, Славонска и Далматинска“; въ нихъ онъ обслуживаетъ своихъ единоплеменниковъ, кроатовъ. Литературное приложение указывало на подражаніе пражскимъ образцамъ. Но уже въ слѣдующемъ году онъ измѣнилъ заголовокъ на „Иллирске народни новине“, съ приложеніемъ—„Давница иллирска“.

Здѣсь впервые всплываетъ официально имя „иллирійскій“, которое прилагается затѣмъ къ самому движенію.

Оно происходило отъ древняго народа иллирійцевъ, которые въ свое время жили въ этой мѣстности, нынѣ заселенной южными славянами. Школа Коллара видѣла въ нихъ славянъ. Такимъ образомъ было воспринято прежнее стремленіе къ литературному объединенію южныхъ славянъ, которое отказывалось отъ мѣстныхъ нарѣчій для литературнаго языка, которымъ избрали звучное, развѣтное южное нарѣчіе, введенное въ литературу Вукомъ. Это кладеть браеугольный камень въ

исторію южнославянскихъ литературъ. Съ объединеннымъ именемъ „иллирійскій народъ“ и „иллирійскій языкъ“, южные славяне объединила и взаимная любовь въ духѣ Коллара. Иллиризмъ былъ сроднымъ звеномъ, связывавшимъ кроатовъ, сербовъ и даже словенцовъ, а послѣ усвоеніи аналогичнаго чешскому правописанія, они стали ближе и доступнѣе другъ другу.

Самъ Шафарикъ одобрялъ въ 1838 году въ своемъ „Западъ и востокъ“ это движеніе; онъ надѣялся, что изъ кроатскомъ и вендекомъ (словенскомъ) нарѣчіяхъ можно будетъ издавать книги для народа, но все-таки стоялъ за объединеніе различныхъ иллирійскихъ развѣтвленій общимъ литературнымъ языкомъ.

Въ 1843 году названіе „иллирійскій“ было запрещено австрійскимъ правительствомъ; но этимъ нельзя было подавить господствовавшего движенія. Въмѣсто названія „иллирійскій“ было введено „южно-славянскій“; позднѣе академія и университеты пользовались этимъ названіемъ.

Такимъ образомъ, „южные славяне“ стали наследниками „иллирійцевъ“. Но введеніе новаго объединеннаго языка шло не безъ столкновеній и насмѣшекъ. Кроаты, говорившіе на кайкавскомъ діалектѣ, должны были сначала научиться благозвучному южному нарѣчію; стиль и языкъ доставляли аграмцамъ немало трудностей; но и сербы вѣскольکو, хотя и незначительно, удалились отъ своего гармоничнаго діалекта и стали въ извѣстномъ смыслѣ провинціалами; къ тому же сначала сербы не хотѣли соглашаться на то, чтобы кроаты пользовались ихъ языкомъ.

Главной побудительной силой кроатскаго возрожденія была общеславянская идея, сношенія съ другими славянскими народами, которая особенно культивировала словенець Станко Вращъ (1810—1851). Его „Коло“ образовало собой научный и

художественный центръ для новыхъ вѣяній. Важнымъ моментомъ этого періода было основаніе „Матица илirsка“ въ 1842 году, процвѣтающая и до сихъ поръ и съ 1864 по 1867 годъ издававшая интересней журналъ „Клижевникъ“, и что вродѣ журнала-музея, которому наследовала южно-славянская академія своими журналами „Радъ“, „Старине“ и „Монумента“.

Литературное движеніе имѣло большую поддержку въ сельскохозяйственныхъ союзахъ, основанныхъ словакомъ епископомъ Гавликомъ, и въ „читальныхъ залахъ“, выписывавшихъ славянскія повременныя изданія. Въ своихъ клубахъ южные славяне пользовались роднымъ языкомъ.

Колларъ разразился градомъ похвалъ, когда по дорогѣ въ Италію зашелъ въ „Читальницу“.

Кромѣ того, женщины - патриотки образовали союзъ, и самъ графъ Дражковичъ написалъ въ 1838 году „Слово къ мужественнымъ дочерямъ Иллиріи, по поводу древней исторіи и регенераціи ихъ отечества“. Хотя это произведеніе и было написано по-нѣмецки, но въ самомъ непродолжительномъ времени его перевели на чешскій языкъ.

Съ начала сороковыхъ годовъ систематическая работа ведется на всѣхъ фронтахъ, какъ журналистическимъ, такъ и политическимъ путемъ. Раздались воодушевленные національные гимны, направленные противъ мадьяръ, готовились событія 1848 года, въ которыхъ такую замѣтную роль сыграли Елачичъ и Кукулевичъ. Иллирійское движеніе выиграло въ политической остротѣ, когда позднѣе литература стала ближе къ политикѣ.

Подобно Богеміи, и на югѣ ученые сыграли выдающуюся роль въ регенераціи народа. Нѣкоторые изъ нихъ выдающимся образомъ работали въ пользу этой идеи, какъ напримѣръ, Кукулевичъ-Сакцинскій, такъ что въ исторіи кроатской литературы ихъ нельзя обойти молчаніемъ.

Илиризмъ былъ національнымъ движеніемъ, а слѣдовательно—дѣломъ чувства, почему онъ и оставилъ самыя замѣтныя слѣды въ лирикѣ. „Илирійцы“—типическое названіе для тѣхъ патриотовъ, которые пережили сороковые годы—основали родъ своей школы съ яснымъ славянскимъ отпечаткомъ, къ которой причислялись также и лучшіе кроатскіе поэты, какъ Мажураничъ и Прерадовичъ; послѣдній между ними Трискій, Фра-Гро Мартичъ умеръ во время солнечнаго затменія 1905 года; докторъ Ильяшевичъ умеръ весьма недавно въ глубокой старости. Будучи девяностолѣтнимъ старикомъ послѣдній еще издалъ собраніе стихотвореній патриотическаго и сатирическаго содержанія; главной чертой илирійцевъ была пламенная любовь къ отечеству, которая проявлялась съ южной пылкостью и искала путей въ сатирическихъ или правоучительныхъ поэммахъ.

Иванъ фонъ-Трискій, теперь президентъ кроатскаго союза писателей, родился въ 1819 году; онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые уже съ тридцатыхъ годовъ дѣйствовали въ духѣ Гая; временами высокочтимый старецъ беретъ и теперь за перо и пишетъ стихотворенія. Онъ долженъ быть признанъ первымъ явнымъ талантомъ того времени. По рожденію—словакъ, онъ освободилъ поэтическій языкъ отъ всѣхъ прежнихъ грубостей. Онъ былъ и для Прерадовича стилистическимъ авторитетомъ и исправлялъ его стихотворенія въ этомъ отношеніи. Онъ заслуженный эклектикъ; его эластическій умъ умѣлъ избрать изъ иностранныхъ литературъ лучшіе плоды для перевода; такъ перевелъ онъ, между прочимъ, „Евгенія Онегина“ и „Колоколъ“ Шпллера.

Въ лирикѣ онъ любилъ пользоваться народными мотивами, чему онъ отчасти обязанъ своей популярностью. Въ послѣднее время его лира звучала

на каждый важный случай, какъ напримѣръ, къ четырехсотлѣтнему юбилею Марко Марулича.

Иванъ Мажураичъ (1813—1890) былъ классически образованнымъ человекомъ, имѣвшимъ тонкое чутье къ народной поэзи. Изъ его интереса къ этому роду поэзи протекла его эпическая поэма „Смерть Смацлага Ченгичъ“, переведенная на всевозможные языки и даже изданная глаголицей. Это произведеніе, въ которомъ прославляется геройскій духъ Рай и которое базируется на главной мысли: „Войся того, кто привыкъ идти на смерть безстрашно“, обеспечиваетъ ему долгую славу, хотя въ общемъ Мажураичъ не плодотворенъ. Сюжетъ для этой, написанной въ духѣ эпическихъ богатырскихъ пѣсень, поэмы, взятъ изъ черногорской исторіи и опирается на историческій фактъ. Въ 1836 г. Ченгичъ-Ага заманилъ въ засаду триста молодыхъ черногорцевъ, за что соплеменники послѣднихъ отомстили ему, когда Ага задумалъ увеличить налоги.

Поэма раздѣляется на пять пѣсень, среди которыхъ особенно выдѣляется третья красотой языка и мѣткостью характеристикъ. Въ Агваніи поэтъ изображаетъ, какъ застигнутые врасплохъ морачане, заманенные Смацль-Агой въ засаду, безстрашно идутъ на вѣрную смерть. Турокъ Дуракъ, который тоже обрекается имъ на смерть, предостерегаетъ предателя-Агу отъ мести черногорцевъ. Сынъ Дурака, Новица, во второй части отиравляется въ Цетинье и возбуждаетъ черногорцевъ къ мести Ченгичъ-Агѣ. Кучка храбрыхъ черногорцевъ предлагаетъ ему свою помощь, выступаетъ и доходитъ до Морача, гдѣ они располагаются лагеремъ для отдыха. Сѣдой пастухъ-священникъ ободряетъ ихъ въ предпріятіи, утѣшаетъ и напоминаетъ, что въ бой надо идти съ чистой совѣстью. Между ними появляется Новица, который принимаетъ святое крещеніе. Всѣ готовятся къ бою, причащаясь. Въ четвертой пѣснѣ поэтъ

набрасываетъ картину страданій, испытываемыхъ раѣями, на которыхъ Смаиль Ага накладываетъ непомѣрную дань. Его пламенное желаніе быть восшѣтымъ получаетъ довольно вѣлюбное осуществленіе, когда Баукъ высмѣиваетъ его въ пѣснѣ. Вдругъ на Смаиль Агу нападаютъ черногорцы, и въ этомъ бою падаетъ сраженнымъ на смерть какъ Ага, такъ и Новица. Но наказаніе Смаиль Аги еще не кончилось. Въ послѣдней части рисуетъ участь мертвого Аги, который отдается на народное позорище.

Въ 1844 году Мажураничъ докопалъ „Османа“ Гундулича двумя пѣснями, въ 1848 году онъ написалъ достопримѣчательную брошюру „Кроаты мадьярамъ“.

Цѣлыхъ семь лѣтъ онъ былъ кроатскимъ баномъ.

Его односельчанинъ изъ Себеницо, Николо Томасео, тоже южно-славянскій поэтъ и авторъ „Искрице“, былъ въ 1848—1849 годахъ товарищемъ послѣдняго дожа, Маннина, и въ качествѣ полнисторика, въ особенностяхъ же—эстета и историка литературы, заслужилъ большую пзвѣстность.

Онъ совершенно отдавался итальянской поэзіи, проявляя въ ней большую дѣятельность, но и славянамъ онъ оказалъ услугу своими „Canti popolari Slavi“ (1842 г.). Онъ, Ленартовичъ и Конте Поцца служили посредниками между итальянцами и славянскимъ міромъ, а Поцца (Пуцпчъ) стоялъ во главѣ славянско-иллирійскаго движенія, перебросившагося даже и на Рагузу.

Томасео чувствовалъ вмѣстѣ съ славянами, онъ самъ создавалъ, что его мать говорила по-славянски, и изъ всѣхъ его произведеній видно, что онъ былъ на сторонѣ иллюрійскихъ идей. Въ Италіи славянскіе языки изучали въ особенности далматскіе итальянцы, занимавшіеся переводами съ этихъ языковъ. Кромѣ того, польская интеллигенція въ Римѣ заботилась о переводахъ съ польскаго языка;

самое дешевое изданіе сочиненій Сенкевича появилось на итальянскомъ языкѣ.

Петръ Прерадовичъ (1818—1872 г.) происходилъ изъ семьи военныхъ и посвятилъ себя военному дѣлу, причѣмъ почти забылъ кроатскій языкъ. Еще находясь въ военной академіи, онъ уже писалъ стихи, но на нѣмецкомъ языкѣ. Гарнизонъ его находился по преимуществу въ Италіи, но въ своемъ полку онъ снова научился родному языку, такъ что въ 1844 году, когда въ рангѣ оберъ-лейтенанта онъ прибылъ въ Зару, онъ могъ уже редактировать газету „Зоря Далматинска“ и напечатать вдохновенное стихотвореніе: „Уже блещитъ заря, день близокъ“.

Въ исторіи австрійской военщины онъ представляетъ изъ себя исключительное явленіе. Хотя Прерадовичъ и былъ непредвидѣнно переведенъ въ Пештъ, но всю свою жизнь онъ оставался явнымъ кроатомъ. Онъ умеръ въ 1872 году въ геперальскомъ чинѣ, а въ 1879 году останки его были перевезены въ Аграмъ, гдѣ онъ и опочилъ, согласно своему желанію, въ родной землѣ.

Подъ солдатскимъ мундиромъ у него билось настоящее поэтическое сердце; Прерадовичъ умѣлъ поднять духъ своихъ соотечественниковъ, такъ что среди нихъ онъ до сихъ поръ считается величайшимъ поэтомъ.

Въ его патриотическихъ пѣсняхъ звучитъ тоска по родинѣ, что особенно выразилось въ пламенныхъ словахъ его оды къ отечеству. На всѣхъ стихотвореніяхъ его лежитъ далекій отъ ходульной позы отпечатокъ искренняго страданія чловѣка, принужденнаго жить на чужбинѣ, вдалекѣ отъ своего отечества. Какъ и свое отечество, Прерадовичъ любилъ всѣхъ славянъ; на груди у Славянъ достаточно мѣста для всѣхъ дѣтей. Въ благородномъ соревнованіи съ Колларомъ онъ написалъ захватывающую оду къ славянству (1865). Прерадовичъ однако являет-

ся болѣе значительнымъ поэтомъ, чѣмъ философствующій Колларъ, оплакивающій кладбище славянства. Но есть у нихъ общая черта—это та гуманность, которая обезпечитъ славянамъ міровую будущность, если они вырвутъ изъ сердець свое не-единодушіе.

„Твой геній преодолеваетъ послѣднія чары сна, чтобы скоро проснуться и взглянуть въ лицо чудному дню, которому вмѣсто солнца свѣтитъ любовь“, — пророчески воскликнулъ Прерадовичъ.

И здѣсь, слѣдовательно, выражается покорность судьбѣ и надежда на будущее, что настанетъ то время, когда славянство объединится въ одно царство, въ которомъ будетъ царить одна только любовь; царство, предсказанное Святѣмъ Писаніемъ.

Мысль, что любовью на землѣ насадится рай, отражается въ одѣ „Любовь“, украшеніи кроатской литературы. Изъ нея видно, насколько Прерадовичъ вѣрнѣе французскому спиритизму, который училъ, что тѣло уничтожается, но душа, освобожденная отъ воспоминаній о прошломъ, продолжаетъ жить вѣчно. Въ этомъ стихотвореніи, какъ и въ одѣ „Къ Богу“, гдѣ онъ мѣряется силой съ Державнымъ, да и въ „Смерти“, „Старый каменьщикъ“, сказывается глубокой философской умъ Прерадовича, воспитанный на пѣмечкой мудрости и въ умѣренномъ пафосѣ парящій надъ повседневностью.

Наряду съ этимъ, онъ неоднократно обращался и къ восточному міру, чтобы, напримѣръ, въ „Муэдзинъ“ высказать старую истину „вѣчно только измѣненіе“. Но больше всего удастся Прерадовичу творчество въ духѣ южно-славянскихъ пѣсенъ.

Насколько очаровательное впечатлѣніе производятъ его подраженія народнымъ пѣснямъ, написанныя цѣлыми стихами, можно судить изъ слѣдующаго примѣра:

Средь ливны плещетъ плычка,
Средь ливны у сина-моря,

Синя-моря, океана:

„Вотъ летѣть мнѣ черезъ море

„Цѣлыхъ три дня и три ночи,

„Гдѣ же это мнѣ осилить?“

А дѣвица слышитъ щебетъ,

Слышитъ щебетъ и поетъ ей:

„Ой, останься здѣсь ты, птичка,

„Птичка, маленькая птаха!“

„Вѣдь не встрѣтишь ни сучечка

„На далекомъ синемъ морѣ.

„Слишкомъ слабы твои крылья,

„Чтобъ три дня и всѣ три ночи

„Пролетѣть не отдыхая!“

Птичка слышитъ пѣснь дѣвицы,

И дѣвицѣ отвѣчаетъ:

„Иль не видишь небосводъ ты,

„Что повисъ надъ синимъ моремъ?“

„Коль любви устанутъ крылья,

„Для нея опора—небо!“

Марко Кралевичъ то же привлекалъ его къ драматической обработкѣ. Очень удалась ему его эпическія поэмы. Въ прежнее время его поэзія встрѣчала отголосокъ и у поляковъ, которые хотѣли видѣть въ немъ приверженца мессіанскихъ идей.

Во всякомъ случаѣ Прерадовичъ принадлежитъ въ славянской литературѣ къ звѣздамъ второй величины, почти какъ Прешернъ и Цейлеръ, но въ кroatской литературѣ ему принадлежитъ первое мѣсто.

Почетное мѣсто въ кругу пллирійцевъ занимаетъ также и Станко Враць (1810—1851), прирожденный словенецъ. Онъ былъ родомъ изъ окрестностей Луттепбурга, откуда происходили выдающіеся слависты Миклошичъ и Ягичъ.

Станко Враць былъ въ перепискѣ со многими славянскими учеными и позднѣе инеалъ на великолѣпномъ чешскомъ языкѣ обзорнія южно-славян-

скихъ литературъ для „Вѣстника Музея“. Онъ находился подъ большимъ вліяніемъ хоть и болѣе молодого годами, но болѣе зрѣлаго духомъ Миклошича. Поэта въ немъ разбудилъ Людовитъ Гай, который сумѣлъ настолько воспламенить его къ иллиризму, что въ 1838 году Враць переселился изъ Граца въ Аграмъ, гдѣ посвятилъ себя одной только литературѣ. Вообще, весь грацскій кружокъ питалъ симпатіи къ иллирійскому движенію, которое укрѣпляло самосознаніе объединенныхъ славянъ, тогда какъ украинцы издавна были сепаратистами.

Словенцы обязаны ему собраніемъ изъ народныхъ пѣсень (1839), которыя онъ собралъ изъ всѣхъ концовъ Словеніи и издалъ въ качествѣ первой книги, написанной по новому чешско-кroatскому правописанію. Въ Богеміи онъ встрѣтилъ откликъ у Челяковского; кромѣ того, онъ написалъ стихотвореніе къ эрцгерцогу Іоанну.

Стяко Враць старался, кромѣ того, увлечь словенца Прешерна идеей иллиризма, но это ему не удалось.

Въ отношеніи поэтическаго вдохновенія и плодovitости онъ могъ бы, пожалуй, перещеголять самого Прерадовича, если бы далъ развиваться своему таланту, такъ какъ онъ былъ прирожденнымъ поэтомъ.

Словенецъ Станко Враць былъ въ духовномъ отношеніи самымъ живымъ послѣдователемъ иллиризма.

Иллиризмъ внесъ новыя идеи въ кроатскую литературу, но еще больше сдѣлалъ онъ въ національномъ и политическомъ отношеніяхъ. У словенцевъ же онъ, наоборотъ, вызвалъ литературный застой.

VI.

Словенская литература послѣ Прешерна.

Прошло вѣскольکو десятковъ лѣтъ, прежде чѣмъ словенская литература смогла дать такого поэта,

котораго можно было бы поставить рядомъ съ Прешерномъ. Въ послѣднее время письменность ихъ развивается самымъ отраднымъ образомъ, и въ этомъ отношеніи словенцы опередили кроатовъ.

Важной исходной точкой для литературы сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ была „Новице“, издававшаяся съ 1843 года въ Лайбахѣ подъ редакціей „отца націи“ доктора И. Блейвейса (1808—1881).

Посвященная первоначально потребностямъ сельскаго населенія, затѣмъ—образовательная, газета эта тѣмъ болѣе стала отвѣчать своей задачѣ, когда Блейвейсъ догадался пригласить въ сотрудники поэтовъ. Первымъ поэтомъ этого времени былъ Везель Козескій (1798 — 1884); онъ былъ очень плодovitъ и умѣлъ патріотическими пѣснями дѣйствовать на народное самосознаніе. Будучи очень популярнымъ въ свое время, онъ пользовался преувеличенной славой.

Свѣжее дыханье, пронизавшее въ 1848 году національную и политическую жизнь словенцевъ, кроатовъ и чеховъ, вызвало у словенцевъ появленіе многихъ періодическихъ изданій, которыя тѣмъ не менѣе, долго не удержались.

Истиннымъ пробудителемъ народнаго самосознанія былъ епископъ А. М. Сломжекъ (1800—1862), который принималъ самыя подходящія средства, чтобы поднять свой народъ. Великолѣпный проповѣдникъ и разсказчикъ, онъ старался, какъ истинный народный писатель, дѣйствовать на народъ нравственными и поучительными произведеніями. Онъ проявилъ себя великолѣпнѣйшимъ педагогомъ и прославился основаніемъ союза святого Гермагора, писанія котораго находили доступъ подъ кровлею самаго послѣдняго изъ словенцевъ.

Совершенно въ сторонѣ отъ національнаго дви-

женія дѣйствовалъ Фр. Миклошичъ, профессоръ славистики вънскаго университета, европейски-извѣстный ученый.

Кромѣ четырехтомной славянской грамматики и важныхъ словарей, онъ издалъ въ свѣтъ важныя паньонскія легенды и памятники древнеславянской письменности.

Въ силу необычайной широты его духовнаго кругозора, было очень трудно провѣрять его изслѣдованія, но каждая отдѣльная фраза являлась плодомъ долголѣтняго размысленія. Миклошичъ не допускалъ перерывовъ въ своей литературной работѣ ради полемики или привлеченія учениковъ; онъ былъ до глубины души кабинетнымъ ученымъ—славистомъ, который однако въ своихъ научныхъ изысканіяхъ не избѣгалъ и мадьяровъ, румыновъ, грековъ и албанцевъ.

Въ шестидесятыхъ годахъ Клагенфуртъ—былъ важнымъ поэтическимъ центромъ. Тамъ Янежичъ (1825—1869) объединилъ въ своемъ изданіи старое и молодое поколѣніе поэтовъ. Среди его сотрудниковъ особенно выдѣлялся острый критическимъ чутьемъ Фр. Левстикъ (1831—1887), названный словенскимъ Леснигомъ; строгій къ другимъ, какъ и къ самому себѣ, онъ своей тонкой прозой, а порой и сарказмами наводилъ литераторовъ на правильный путь. Большое сочувствіе вызвало изданіе имъ своихъ дѣтскихъ пѣсенокъ, а своимъ рассказомъ „Мартинъ Крпанъ“ онъ вызвалъ новое направленіе въ литературѣ, такъ какъ писатели стали теперь пользоваться для своихъ произведеній сюжетами изъ сельской жизни и жизни провинціальныя городковъ.

Въ этомъ отношеніи выдается И. Юрчичъ (1844—1881), создавшій типъ мужика, воспроизведенный имъ естественно и сильно. Его читали очень охотно; онъ обладалъ такимъ даромъ живого

изображенія, что два его романа были недавно инсценированы и съ успѣхомъ исполнены на сценѣ.

Среди послѣдующихъ дѣятелей выдаются Керзникъ (1852—1897) и докторъ Тавчаръ (1851).

Новымъ сборнымъ пунктомъ въ семидесятыхъ годахъ стала Вѣна, гдѣ профессоръ Стритаръ издавалъ газету „Звонъ“, которая теперь уже давно выходитъ въ свѣтъ въ Лайбахѣ. Воспитанный на западно-европейской литературѣ, Стритаръ извѣстенъ, какъ почитатель нѣмецкой философіи. Свою литературную карьеру онъ началъ съ критико-эстетическаго этюда о значеніи Прешерна, имя котораго въ шестидесятыхъ годахъ было почти забыто словенцами. Своей газетѣ Стритаръ отдавался съ образцовой энергіей; онъ писалъ діалоги, философскія статьи, критическіе очерки и помѣщалъ въ ней стихи, отличающіеся такимъ же прекраснымъ языкомъ, какимъ отмѣчена и его проза. Тоской, даже, пожалуй, міровой скорбью, вѣетъ отъ его стихотвореній и путевыхъ картинокъ. Клерикалы—соплеменники Стритара не могли понять его либеральныхъ и глубокихъ взглядовъ, почему они и попрекали его шопенгауэрствомъ.

Истинными жертвами этой нетерпимости, ограниченности и злобности были два лучшихъ современныхъ поэтовъ, а именно—Симонъ Грегорчичъ (1844) и Антонъ Ашкерсъ (1856), оба изъ духовнаго сословія. Собраніе лирическихъ стихотвореній Грегорчича (1882—1888) возбудили большое воодушевленіе, и словенцы узнали въ нѣжныхъ, порою скорбныхъ звукахъ—соловья своихъ дѣвственныхъ лѣсовъ. Тѣмъ не менѣе его братья по сословію обрушились на него съ такимъ ожесточеніемъ, что Грегорчичъ замолчалъ на цѣлыхъ 15 лѣтъ и только въ 1902 году выступилъ съ третьимъ сборникомъ, въ которомъ онъ на всевозможные лады рассматри-

ваетъ вопросъ о смерти. Грегорчичъ нашелъ рядъ послѣдователей, изъ которыхъ, однако, ни одинъ не дотянулся до него.

То значеніе, которое имѣетъ Грегорчичъ въ чистой лирикѣ, принадлежитъ Ашкерцу въ области эпоса. Обоихъ ихъ объединяетъ любовь къ матери Славіи.

Славу Ашкерцу создали его баллады и романсы, переведенныя на всѣ языки и даже—на шведскій. Сюжеты онъ черпалъ или изъ временъ крестьянскихъ войнъ, или изъ современной эпохи, изъ происшествій на Балканскомъ полуостровѣ, изъ бурской войны. Его здравый смыслъ, сказавшійся въ оцѣнкѣ дѣйствительности, поставилъ его въ ряды передовыхъ бойцовъ за реализмъ.

Онъ совершалъ путешествія въ Россію и на Балканы, что оставило въ его впечатлительной душѣ много глубокихъ и прекрасныхъ впечатлѣній. Тяжелая борьба за существованіе, которую ему пришлось испытать, и склонность къ реализму, вызвали въ немъ стремленіе къ трактовкѣ социальныхъ темъ. Подробному обзору его вдохновенной нузы удѣлялось уже мѣсто и въ нѣмецкой наукѣ. Въ „Златорогъ“ онъ соперничаетъ съ нѣмецкимъ поэтомъ Баумбахомъ. Ашкерцъ долженъ быть категорически признанъ первымъ словенскимъ поэтомъ настоящаго времени.

Словенское духовенство приписываетъ значительное участіе въ литературной дѣятельности, проявляющейся въ рассказахъ, имѣющихъ, главнымъ образомъ, релігіозное, поучительное содержаніе, но лишенныхъ какого-либо намёка на художественную цѣнность, такъ какъ они предназначены для сельскаго населенія.

Въ научномъ отношеніи еще не могло быть много сдѣлано. Но образцовое собраніе словенскихъ народныхъ пѣсенъ, издавныя Штрекелемъ, заслуживаетъ быть упомянутымъ съ большою похвалою.

VII.

Сербская литература.

Сербская литература вплоть до начала XIX столѣтя носила на себѣ церковный отпечатокъ; писалась она на противоестественной смѣси языковъ церковно-славянскаго и русскаго, представлявшей изъ себя такое варѣчье, которое еще годилось для историческихъ произведеній, но ужь никакъ не для поэзій. Этимъ и долженъ быть объясненъ недостатокъ художественной поэзій въ Сербіи, который съ другой стороны надо приписать также долговѣчному пребыванію сербовъ подъ турецкимъ игомъ и тому обстоятельству, что насадителями литературы долгое время были попы.

Но и здѣсь долженъ былъ совершиться переворотъ; природа должна была пробить свои собственные здоровые пути. Разумѣется, дѣло не могло обойтись безъ борьбы, такъ какъ до сего времени литературный языкъ былъ въ то же время и богослужебнымъ; къ тому же слѣдуетъ замѣтить, что существенную часть населенія составляли и составляютъ православные; слѣдовательно, надо было изгладить слѣды этого разслоенія.

Изыщной словесности сербовъ едва 100 лѣтъ отъ роду, такъ какъ борьба за литературный языкъ была окончена Вукомъ, или вѣрнѣе, — его ученикомъ Давичичемъ, только въ концѣ сороковыхъ годовъ.

Досифей Обрадовичъ (1744—1811) былъ человекомъ, одареннымъ судьбой Одиссея, который первый среди всѣхъ южныхъ славянъ понялъ важность народнаго языка. Онъ охватилъ современныя ему западныя идеи во всемъ ихъ объемѣ, былъ другомъ просвѣщенія и умѣлъ найти подходящія средства для подъема національнаго самосознанія своего народа. Его, стремящійся къ знаніямъ и образованію, духъ былъ полонъ неугасимой тоски по чужбымъ странамъ и постоянно гналъ его вдалѣ. Ко-

нецъ его жизни приходится на то бурное время, когда подъ предводительствомъ Карагеоргія сербы сбросили съ себя турецкое иго.

Начало сербской литературы тѣсно связано съ Лейпцигомъ и Вѣной. Первые сербскія книги были отпечатаны (въ силу цензурныхъ и практическихъ соображеній, такъ какъ у Врейтколфа былъ наборъ и для кириллицы) въ Лейпцигѣ; первая сербскія газеты и произведенія Букъ шла изъ вѣнскихъ типографій.

Въ 1783 году Досифей Обрадовичъ издалъ въ Лейпцигѣ описаніе своей богатой приключеніями жизни.

Досифей былъ родомъ изъ Бизанте; одинъ изъ родственникововъ принялъ участіе въ сиротѣ, который читалъ много и съ громадвой озаотою, но мальчикъ хотѣлъ убѣжать отъ него въ пустыню. Ремесло тоже не удовлетворило его, и онъ убѣжалъ въ Фрушку Гору. Въ одномъ изъ тамошнихъ монастырей онъ лучше читалъ Писаніе, чѣмъ игуменъ. Досифей сталъ монахомъ, но тайно оставилъ монастырь, гонимый тоской по неизвѣданнымъ далямъ. Онъ отправился въ Аграмъ, гдѣ научился латинскому языку; затѣмъ онъ отправился въ Далмацію. Здѣсь онъ занялся переводомъ Іоанна Хризостома на сербскій языкъ. Онъ хотѣлъ добраться до Афонскаго монастыря, но судьба завела его въ Смирну, гдѣ онъ слушалъ грека Геротеоса, ученикомъ котораго былъ три года. Во времени русско-турецкой войны онъ долженъ былъ снастись бѣгствомъ въ Албанію, гдѣ научился албанскому языку и даже писалъ кириллицей. Оттуда онъ уѣхалъ въ Вѣну, гдѣ въ продолженіи шести лѣтъ обучалъ сербскую и греческую молодежь. Послѣ этого онъ отправился черезъ Италію въ Константинополь, но чума прогнала его оттуда черезъ Молдавію и Лембергъ въ Лейпцигъ и Галле, гдѣ онъ сорокалѣтнимъ воспитателемъ слушалъ вмѣстѣ со своими питомцами въ университетѣ-

тѣ лекціи профессора Борна. Послѣ этого онъ жилъ въ Англіи, Вѣнѣ, а въ 1788 году—въ Россіи.

Въ 1788 году Обрадовичъ издалъ въ свѣтъ въ Вѣнѣ Эзопа, къ которому приложилъ 27 басенъ Лессинга. Изъ Лессинга онъ перевелъ, кромѣ того, „Дамонъ, или истинная дружба“. Точно также онъ издалъ тамъ же въ 1794 году „Совѣты здраваго разума“. Онъ писалъ также оды на взятіе Бѣлграда и сербское возстаніе. Съ 1802 года поэтъ жилъ въ Венеціи, гдѣ пользовался, главнымъ образомъ, поддержкой патриотически-настроенныхъ сербскихъ купцовъ, чтобы получить возможность заниматься литературой. Въ 1807 году онъ былъ приглашенъ воспитателемъ дѣтей Карагеоргія и умеръ въ Бѣлградѣ въ 1811 году.

Обрадовичъ былъ основателемъ сербской литературы; онъ, правда, еще не писалъ на чистомъ народномъ языкѣ, но уже высказывалъ необходимость пользоваться имъ; онъ первый ввелъ книгу въ народное обращеніе. Уже Обрадовичъ имѣлъ изъ-за этого враговъ, но также—и—почитателей и послѣдователей, которые съ большимъ или меньшимъ счастьемъ пошли по его стопамъ.

Но истиннымъ создателемъ сербской литературы былъ Вукъ Караджичъ.

Вукъ Стефановичъ Караджичъ (1787—1864). На этомъ человѣкѣ въ полной мѣрѣ сказалась мудрость пословицы, что „Никто не пророкъ въ своемъ отечествѣ“. Это былъ сильный волею интеллектъ, который не боялся борьбы за свои убѣжденія, прилежный работникъ, который никогда не уставалъ и не боялся никакихъ трудностей, хотя ему частенько приходилось терпѣть холодъ и голодъ въ Вѣнѣ. Его здравое чутье истинныхъ потребностей своего народа привело къ составленію грамматики, хотя онъ и не былъ филологически образованъ для этого. Самымъ выдающимся явленіемъ на славянскомъ конгрессѣ въ Прагѣ 1848 года былъ

Вукъ въ фескѣ и съ деревяшкой вмѣсто ноги, на которой онъ исходилъ вдоль и поперекъ все южно-славянскія земли, собиравъ тѣ знаменитыя цѣсни, о которыхъ рѣчь ведется въ другомъ мѣстѣ.

Самой значительной заслугой его было то, что онъ окончательно помогъ прекрасному, звучному народному языку стать литературнымъ, тогда какъ въ другихъ странахъ литературный языкъ является плодомъ теоретическихъ изысканій и въ дѣйствительности не живетъ въ народѣ. Только теперь сербы могли изъясняться вполне естественно, отъ всего сердца; ихъ невѣдѣніе и изыщная словесность могла теперь взвѣстись къверху.

Далѣе, заслугой Вука является упорядоченіе правописанія. До того времени, даже дѣлая пробы съ народнымъ языкомъ пользовались церковно-русской орфографіей, не вполне соответствовавшей выговору. По совѣту Копитара, Вукъ держался правила: „Пиши, какъ слышишь, не обращая вниманія на этимологию и историческія традиціи. Кромѣ того онъ принялъ изъ латинскаго алфавита „J“—камень преткновенія для консервативныхъ оппонентовъ его, усмотрѣвшихъ въ этомъ католическую тенденцію—и ввелъ чисто сербскіе знаки для „dz“ и „o“, взятые имъ изъ древнихъ памятниковъ сербской письменности.

Вукъ Караджичъ умѣлъ практически обосновать свои принципы грамматикой—къ нѣмецкому изданію ея Гриммъ написалъ предисловіе—и издалъ также для этой цѣли тройной словарь (Вольфа Стефансона, Сербско-нѣмецко-латинскій словарь). Этимъ Вукъ Караджичъ становится на одну ступень съ русскимъ Далемъ; ученикъ и другъ Вука, Данчичъ, довершилъ этотъ трудъ изданіемъ историческаго словаря. Но наибольшую извѣстность Вуку Караджичу обезпечило то, что онъ открылъ Европѣ сокровищницу сербской народной поэзіи и при этомъ какъ разъ въ эпоху романтизма, когда

проявлялся особенный интерес къ этому. Вуковское собраніе сербскихъ (и болгарскихъ) народныхъ пѣсень, богатырскихъ и женскихъ, поговорокъ, сказокъ и разсказовъ вызвало и другихъ изъ подобныя же труды.

Вукъ умѣлъ работать для своего народа: онъ писалъ статьи по исторіи и статистикѣ и составилъ нѣчто вродѣ „Вадемекума“ для сербовъ, въ которомъ были собраны необходимыя свѣдѣнія изъ различныхъ отраслей знанія.

Вукъ, бывшій выдающимся сербскимъ этнографомъ, долженъ былъ перенести тяжелую борьбу, пока ему удалось одержать побѣду. Враждебное отношеніе къ нему дошло до такой степени страстности, что его сочиненія были даже запрещены въ Сербіи.

Запретъ этотъ былъ снятъ только въ 1860 году, а въ 1868 году, то есть, всего только черезъ четыре года послѣ его смерти, его языкъ былъ официально введенъ въ сербскую литературу.

Мало-по-малу сербы стали заботиться также и о своихъ культурныхъ потребностяхъ, т. е. — объ учебникахъ и книгахъ для народа. Литература культивировалась, главнымъ образомъ, въ газетахъ и журналахъ. Важнымъ литературнымъ сборнымъ пунктомъ являлась Вѣна, гдѣ уже съ 1791 года выходили въ свѣтъ сербскія газеты, извѣстныя особенно по 1813—1822 годамъ. Позднѣе, многое печаталось въ Пештѣ; и здѣсь сказывалось благотворное вліяніе Коллара. Съ признательностью надо вспомнить также и то мѣсто, гдѣ дѣйствовала Шафаржикъ — Цеузаць, гдѣ съ 1825 года стала издаваться до сихъ поръ самая главная газета: „Лѣтописъ Матице сербске“, по образцу которой въ славянскомъ мѣрѣ возникали и другія „Матице“.

Сербскія повременныя изданія выходили въ свѣтъ также и въ Сербіи и въ Зарѣ, но въ 1842 г. Станко Врадъ горько жалуется, что онъ не можетъ

получить въ Кромпчн книгу, отпечатанныхъ въ Далмаціи. Кромѣ того, большой любовью пользовались альманахи.

Преню много времени, пока сербы стали писать на своемъ природномъ языкѣ: долгое время пользовались чѣмъ-то вродѣ переходнаго языка. Писатели были обыкновенно классически образованными, а, кромѣ того, многіе изъ нихъ знали также и нѣмецкую литературу; русская литература въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ не имѣла доступа на югъ. Многіе сербскіе писатели были пламенными поклонниками идеи славянства, въ особенности урожденные рагузине, и многіе изъ нихъ находились въ письменныхъ сношеніяхъ съ юнославянскими писателями.

Удивительно то, что сербы, этотъ отъ природы одаренный поэтической натурой народъ, такъ долго не выдѣляли изъ себя истиннаго, Божьей милостью, поэта.

Развитіе сербской поэзіи приходится только на вторую половину XIX столѣтія.

Самыми извѣстными поэтами первой половины XIX столѣтія являются: авторъ „Сербянки“ Симъ Милутиновичъ; свѣтлѣйшій поэтъ Петръ II Негошъ, авторъ знаменитаго „Горнаго вѣнка“, и безвременно скончавшійся Вранко Радичевичъ.

Симъ Милутиновичъ (1791—1847), названный по мѣсторожденью — Сарасво-Саранльей, издавъ въ 1826 году въ Вѣпѣ лирико-эпическій циклъ стихотвореній (въ четырехъ частяхъ), названный „Сербянка“.

Въ немъ онъ воспѣваетъ освобожденіе сербовъ въ 1804 и 1815 годахъ подъ предводительствомъ Карагеоргія и Милоша Обреновича.

Въ этихъ стихотвореніяхъ автору создали славу живость описаній, изящество изображеній и патриотизмъ; книга эта вызвала большое сочувствіе въ образованныхъ кругахъ, но для широкихъ на-

родныхъ массъ она не была доступной, такъ какъ содержаніе ея пересыпано мисологіей, варваризмами и вѣмецкой философій.

Ученикомъ Милютиневича былъ Петръ II Петровичъ Негошъ (1813—1851).

Черногорія, прежде Зета, издавна слыла славянской Спартой, высокія скалы которой герои-орлы умѣли отстоять; властителями ея были епископы; только въ послѣднее время скипетръ находится въ свѣтскихъ рукахъ.

Раде (это имя было дано ему при крещеніи) вступилъ на престолъ уже на 17-мъ году своей жизни и отнесся къ своему званію съ образцовой заботливостью и сознательностью; страшное переутомленіе и тоска по образованію довели его до гроба.

Въ его литературной дѣятельности замѣтны слѣды вліянія со стороны его воспитателя Милютиневича и народной поэзіи, что должно быть зачтено ему скорѣе въ заслугу.

Свѣтлѣйшій поэтъ хорошо сознавалъ отвѣтственность своего званія и отдалъ свою музу на службу народу, о поднятій котораго онъ заботился всѣми доступными ему способами.

Только послѣ его смерти вышла въ свѣтъ его „Слободьяда“, юношеское стихотвореніе, въ которомъ онъ воспѣвалъ сраженія между турками и червогорцами; кромѣ того, онъ написалъ нѣсколько героическихъ и патріотическихъ пѣсень, какъ напримѣръ — оду саблѣ безсмертнаго воеводы Кара Георгія: „О, святое оружіе, осіянное славой!“, и драматическую исторію „Ижепаръ Стефанъ Младшій“ (1766—1773). Но самымъ знаменитымъ произведеніемъ его является „Горный Бѣнокъ“, выдержавшее уже 14 изданій. Оно представляетъ собой рядъ драматически сгруппированныхъ сценъ, изображающихъ сраженія съ турками, заговоры, военные совѣты, картины изъ черногорской жизни того

времени, когда храбрые горцы предлагали дорогу къ свободѣ.

Новымъ духомъ и благотворной свѣжестью повѣло отъ сербской поэзи, когда на литературное поприще выступилъ молодой Бранко Радичевичъ (1824—1853), отецъ котораго перевелъ Вильгельма Теля Шиллера.

Подъ благоприятными предзнаменованіями развивалась его лирическая душа: естественность, чувство, воспримчивость, молодость, жизнерадостность и жажда любви были основными чертами его характера; въ лирическихъ стихотвореніяхъ его заложено также извѣстное элическое зерно. Только въ последнее время его жизни въ его поэзи проглядываетъ какой-то скорбный, болѣзненный тонъ.

Радичевичъ выдержалъ наибольшее изъ всѣхъ сербскихъ поэтовъ количество пзданій; многія изъ его стихотвореній были положены на музыку, повсюду извѣстны и вездѣ поются. Ихъ переводилъ также на нѣмецкій языкъ.

Среди прочихъ писателей слѣдуетъ упомянуть еще доктора Јована Суботича (1817—1866), работавшаго также на грамматическомъ, педагогическомъ, поэтическомъ и политическомъ поприщахъ. Уже семнадцатилѣтнимъ юношей онъ печаталъ свои стихотворенія, а также—переводы нѣкоторыхъ нѣмецкихъ поэтовъ. Суботичъ, оставившій полныя захватывающаго интереса мемуары, былъ заслуженнымъ патриотомъ.

Среди народа большою популярностью пользовался Любомиръ Ненадовичъ (1823—1895), сербскій патриотъ, который охотно владелъ въ поучительный тонъ, такъ какъ разсудокъ у него перевѣшивалъ чувство.

Къ группѣ иллирицевъ принадлежалъ Утьеженевичъ, написавшій (1843) „Повѣсть Сербія изъ Кroatія“.

VIII.

Новѣйшая сербская литература.

Сербская и болгарская литературы находятся еще въ стадіи первоначальнаго развитія. Сербская относительно старше. Обѣ выказываютъ самобытность и нѣкоторое взаимоотношеніе съ народной жизнью, которая представляетъ и по сіе время богатое поле для изслѣдованій не только для этнографовъ, но и для писателей. Именно въ этомъ и скъзывается самобытность сербской письменности, и при этомъ не только по содержанію, но и по формѣ. Но и то и другое доступно иностранцамъ. Въ переводахъ пропадаютъ своеобразныя синтаксическія детали, пластичность, пристраііе къ повтореніямъ, къ красивымъ характернымъ сравненіямъ, которыя накладываютъ на сербскій языкъ своеобразный отпечатокъ.

Чтобы оцѣнить по достоинству подобныя литературныя проявленія, необходимо хорошо знать деревенскую жизнь сербовъ, и въ особенности — сербскаго крестьянина, все богатство котораго составляютъ стада. У пастуховъ имѣется своя собственная по вія; богатое сербское купечество тоже образуетъ свое литературное сословіе. Въ свое время большую роль игралъ гайдукъ, боровшійся за сербскую самостоятельность. Православная церковь съ ея попами во главѣ и своими обычаями накладываютъ на сербское общество своеобразный отпечатокъ. Пубризмъ даетъ романтическую окраску дружбѣ: преобладающее у сербовъ міровоззрѣніе требуетъ покоя и философской покорности судьбѣ.

На протяжении цѣлыхъ десятилѣтій сраженія съ турками давали неисчерпаемый матеріалъ для литературы. Матеріалъ этотъ давала освободительная эпоха шестидесятихъ годовъ, когда происходили сраженія черногорцевъ на Грачевомъ полѣ. Это бы-

ли славныя времена, которыя папоминали о далекомъ прошломъ.

Наряду съ турецкими сраженіями, литераторы занимались также изученіемъ народной жизни, въ которую глубоко проникали и которую передавали съ мельчайшими отгѣнками—пристрастіе къ описанію дѣйствительной жизни проявляется здѣсь съ особенной силой—часто для этого выбираются, какъ у чеховъ, опредѣленныя мѣстности. Разумѣется, рассказы, взятые изъ жизни сербскаго королевства существенно отличаются отъ тѣхъ, которые взяты изъ жизни банства Зарин, Босніи или Герцеговины; совершенно особый отпечатокъ лежитъ на рассказахъ изъ приморскихъ мѣстностей, гдѣ они подобны кроатскимъ, а тѣ, которые касаются Черногоріи, въ свою очередь отличаются отъ послѣднихъ.

Но на художественную лѣвку произведеній въ Сербіи обращается еще слишкомъ мало вниманія; имъ нехватаетъ продуманности построенія. Романъ культивируется очень слабо, и литературныя проявленія этого рода далеко еще не удовлетворительны. Центръ тяжести романа возлагается обыкновенно на сюжетъ, въ которомъ можно встрѣтить много вдороваго и новаго, но необработанность и тяжеловѣсныя остроты производятъ непріятное впечатлѣніе.

Какъ бы то ни было, по этотъ родъ письма кажется намъ гораздо симпатичнѣе, чѣмъ излюбленная теперь въ западной Европѣ рафинированная вышощенность, не соответствующая истинному духу народнаго языка.

Природный черногорецъ, обращающійся съ женой по турецкому обычаю, но своей личности является болѣе первобытнымъ, чѣмъ сербъ изъ Вѣлграда, который охотно пускается въ политиканство. Проза ближе поэзіи житейскому взгляду сербовъ: послѣдняя является наиболѣе захватываю-

щей тамъ, гдѣ за образецъ берется народная пѣсня и дается выходъ патриотическимъ чувствамъ. Въ двадцатомъ вѣкѣ едва-ли болѣе десяти писателей заслужать вѣнецъ безсмертія.

Проза.

Старое поколѣніе, познакомившееся во время учебныхъ годовъ въ Вѣнѣ съ романтическимъ теченіемъ, не могло избѣжать его вліянія. Къ романтизму ихъ влекло всей сербской жизнью, съ ея турецкими сраженіями, проявленіями народнаго героизма, гайдуками; нѣкоторымъ писателямъ удалось счастливой рукой пересадить основоположенія западнаго романтизма на сербскую почву.

Сербскіе романтики въ большинствѣ случаевъ были родомъ изъ банства. Нѣкоторые изъ нихъ создали рядъ произведеній и приохотили сербовъ къ чтенію, какъ Видаковичъ (1780—1841), который писалъ нѣчто вродѣ рыцарскихъ романовъ безъ мѣстнаго колорита, ватѣмъ—Богобой Афанасковичъ (1826—1858), который исколесилъ въ качествѣ переселенца всю Европу и написалъ романъ „Два идола“, въ которомъ отразилась современная ему жизнь, хотя мѣстами и проступаетъ явная сентиментальность. Яковъ Игњатовичъ (1824—1889) былъ столько же романтикомъ, сколько и реалистомъ. Къ сожалѣнію, онъ писалъ слишкомъ поспѣшно. Истиннымъ поэтомъ въ рассказѣ былъ также Дюра Якичъ (1832—1878), который черезчуръ идеализировалъ народъ. Весьма плодотворной была литературная дѣятельность управляющаго бѣлградскимъ театромъ, драматурга Милорада Шапчанина (1842—1895), который особенно симпатизировалъ Богумиламъ и былъ особенно силенъ въ эпосѣ. Его „Деревенскіе рассказы“ очень охотно читались въ Сербіи.

И въ области историческаго романа пробовали свои силы нѣкоторые писатели, какъ напримѣръ—

соціологъ, знатокъ Константинополя и сербскій посланникъ въ Лондонъ—Чода Міатовичъ и профессоръ Андра Гавриловичъ, извѣстный, какъ хорошій историкъ литературы и знатокъ славянскихъ теченій начала XIX столѣтія.

Съ наимыгоднѣйшей стороны является сербская литература въ повѣствовательной формѣ, когда черпаетъ матеріалъ изъ народной жизни, имѣя въ виду читателя изъ народа. Лучшими писателями этого рода являются бывшій лекарь-медикъ короля Милана Лаза Лазаревичъ, изучавшій медицину въ Берлинѣ, и Сима Матавулій.

Лаза Лазаревичъ (1851—1891) лучше всего писалъ тогда, когда оставался вѣрнымъ отечественной почвѣ; онъ особенно хорошо былъ знакомъ съ жизнью маленькихъ сербскихъ провинціальныхъ городовъ, существенно отличающейся отъ чешской и польской. Съ Сербіи представителями королевства является кулечество; остальное населеніе состоитъ изъ крестьянъ. И въ Сербіи начинается замѣчаться переходъ къ западной культурѣ, хотя на югѣ еще можно встрѣтить минареты. Политика портитъ естественный здравый смыслъ и сербскіе крестьяне становятся заправскими адвокатами. Лаза былъ реалистомъ, которому особенно удалось изображеніе отдѣльныхъ фигуръ. Къ сожалѣнію, онъ писалъ мало и рано умеръ. Тургеневъ и Гете съ своимъ „Вертеромъ“ имѣли на него большое вліяніе. Разказы его были переведены также и на нѣмецкій языкъ.

Лучшимъ и наиболѣе плодовитымъ писателемъ является Матавулій, родившійся въ Каттарской бухтѣ и въ настоящее время посвятившій свою жизнь въ Бѣлградѣ исключительно литературной дѣятельности. Онъ прожилъ очень бурную жизнь.

Матавулій является истиннымъ художникомъ и реалистомъ, истиннымъ самородкомъ сербской по-

вѣствованія и романа. Онъ является вѣрнымъ изобразителемъ сербской жизни.

Своими рассказами изъ Бокка-ди-Катаро прославился Стефанъ Любичъ (1824 — 1878). Среди болѣе молодыхъ поколѣній крупное имя заслужилъ Николъ Вазелиновичъ. Онъ является признаннымъ знатокомъ крестьянской жизни, умѣющимъ выбрать изъ жизни повседневности крестьянъ захватывающіе ваше вниманіе типы (еще недавно онъ взялъ подъ свою защиту „тещу“). Но онъ нерѣдко впадаетъ въ прикрасы; въ изображеніи отдѣльных деталей онъ несравненно искуснѣе, чѣмъ въ общей концепціи.

Охотнѣе всего онъ описываетъ крестьянина изъ Мачева, деревеньки, находящейся между Дриной и Савой. Здѣсь онъ умеръ въ 1905 году.

Среди старѣйшихъ писателей лучшимъ знатокомъ крестьянства является дѣятельный этнографъ Миланъ Милезичъ (1831).

Черногорію и близкую Албанію увѣковѣчилъ въ сводѣхъ рассказовъ безвременно скончавшійся Вукчичъ (1893). Изъ болѣе молодого поколѣнія слѣдуетъ назвать профессора Стевана Сремака (Чича Јорданъ), у котораго сказывается здравое чутье къ природѣ и дѣятельности; кромѣ того, ему нельзя отказать въ сатирической жилкѣ и необыкновенно спокойномъ настроеніи его произведеній.

Боснія можетъ похвастаться Митой Живковичемъ; Герцеговинну спасалъ Св. Корсичъ, Протичъ и Грчичъ Бѣлокосичъ; разлѣченное отношеніе со стороны критики встрѣтилъ Миланъ Вудиславлевичъ (Карловичъ); знатоками Далмаціи являются поэтъ Јосифъ Берза и Марко Каръ, фельетонистъ и пропагандистъ сербской литературы въ Италіи; Бориславъ Стяковичъ изображаетъ борьбу старыхъ обычаевъ съ цивилизаціей на границѣ Македоніи.

Наука сосредоточивается въ бѣлградской акаде-

ми, въ университетѣ и въ „Лѣтописи Матице Србске“, редакторъ коей докторъ Савичъ ознакомилъ вѣнцевъ и мадьяръ съ сербскою литературой.

Въ Сараевѣ особенно усердно занимаются археологіей. Южно-славянская академія въ Аграмѣ тоже занимается исторіей и литературой сербовъ.

Сербская поэзія.

Сербская художественная поэзія—очень педагогическаго происхожденія. Истиннымъ прикомъ былъ Бранко. Поэты періода отъ шестидесятыхъ до девяностыхъ годовъ охотно выбирали типическіе мотивы, въ большинствѣ случаевъ взятые изъ народной жизни, при чемъ удачѣе всего у нихъ выходило тогда, когда они оперялись на народную пѣсню.

Наоборотъ, позднѣйшіе поэты очень богаты сюжетами, которые они претворяютъ сообразно своей художественной индивидуальности. Они хорошо знакомы съ современною, особенно нѣмецкою и французскою, поэзіей, но благодаря этому поэзія потеряла свою дѣйственную красоту и превратилась въ модернизированную куклу.

Рядъ поэтовъ второй половины XIX столѣтія открываетъ собой Дьюра Якшичъ (1832—1878), проведшій очень бурную жизнь. Это была въ высшей степени самобытная, замкнутая личность, безыскусственный поэтъ съ глубокимъ чувствомъ и сердечнымъ тономъ, не подражающій ничему иностранному. Ни одному изъ сербскихъ поэтовъ не удалось достигнуть его темперамента и его творческой силы и выразительности.

Отличаясь бурнымъ, страстнымъ характеромъ, легко поддавался переому впечатлѣнію, Якшичъ не остался въ сторонѣ и отъ патриотическаго движенія. Онъ отличается своеобразнымъ стилемъ, своеобразною манерою воспроизведенія картинъ. На ряду съ Змаемъ онъ былъ лучшимъ лирикомъ, несравненно болѣе значительнымъ, чѣмъ романи-

стоит, отличаясь склонностью къ идеализированію.

Змай, или собственно — Іованъ Іовановичъ (1883—1904) былъ величайшимъ сербскимъ поэтомъ, хотя на склоны дѣтъ ему и дѣлались частые упреки, будто онъ уже исполнился, и въ поэзіи его преобладаетъ одна форма. Змай въ совершенствѣ владѣлъ языкомъ; творчество давалось ему очень легко, при чемъ онъ великолѣпно подражалъ народной пѣснѣ. Вѣчную славу онъ заслужилъ своими пѣснями любви, отъ которыхъ вѣетъ чистой, спокойной и постоянной любовью.

Змай былъ докторомъ медицины, хотя сначала онъ и изучалъ правовѣдѣніе; онъ работалъ во многихъ мѣстностяхъ, между прочимъ и въ Вѣнѣ. Поэзія его охватывала всю Сербію; онъ былъ однимъ изъ немногихъ людей, братски настроенныхъ къ кроатамъ. Вместе со всемъ народомъ Змай внимательно слѣдилъ за возстаніемъ босняковъ и черногорцевъ и даже самъ сражался съ ними. Онъ явился добрымъ гениемъ народу въ своихъ народныхъ пѣсняхъ; иногда онъ бывалъ и сатирикомъ, въ особенности, когда въ своей газетѣ „Змай (драконъ)“ — отъ которой я взялъ свой псевдонимъ — бичевалъ сербскихъ мѣщанъ и ихъ политическое хамелеонство. Нѣсколько разъ изъ подъ пера его выходили также и чисто политическія пѣсни (къ Мадзани и Гарцбальди). Змай-Іовановичъ писалъ также прелестныя, вѣжныя стихотворенія для дѣтей, отличающіяся такой звучностью и такимъ мягкимъ юморомъ, что ихъ трудно сравнить съ чѣмъ либо другимъ въ прочихъ литературахъ. Въ эпосѣ онъ себя не пробовалъ. Смерть его означаетъ собою для сербскаго народа большую потерю.

До извѣстной степени на противоположномъ полюсѣ поэзіи стоятъ Лаза Костичъ, самый выдающійся сербскій драматургъ, переведшій Шекспира.

Какъ лирика, критика разбирала его очень раз-

лично. Одни впа́ли въ немъ генія, другіе—обыкновеннаго стихокропателя, заносищагося въ туманныя сферы. Если бы въ Сербіи существовалъ „модернизмъ“, то его сдѣлали бы главой импрессионистическаго символизма. Любовь его—изъ области сонныхъ грезъ; онъ никогда не можетъ достигнуть ея, благодаря чему чувствуетъ себя несчастливымъ—воспѣваніемъ этой противуестественной любви онъ и отличается отъ Змай. Къ тому же его стихотворенія искусственны; онъ напоминаетъ французскихъ декадентовъ. Костиць извѣстенъ и во Франціи. Это человѣкъ съ необычнымъ кругозоромъ, который идетъ другими путями, чѣмъ тѣ, что приняты въ Сербіи. Его иъжная, зачастую нервно настроенная поэтическая лира не бряцаетъ акордами народнаго пѣвца; въ немъ сказывается уже много общечеловѣческаго. „Самсонъ и Далла“—это модернизированная легенда. Лаза Костиць занимаетъ совершенно опредѣленное мѣсто въ сербской литературѣ; онъ субъективнѣйшій сербскій лирикъ.

Глубокочувствующимъ поэтомъ былъ Стефанъ Качанскій (1830—1890), который написалъ хотя и мало, но за то его произведенія образцовы по стилю и содержанію; патриотъ даже въ любви, онъ явился сербскимъ бардомъ въ истинномъ значеніи этого слова; тѣмъ не менѣе онъ никогда не ударялся въ высокопарность. Онъ и Владиміръ Вазичъ, рано умершій солдатъ, сербскій Кернеръ, являются лучшими патриотическими пѣвцами Сербіи.

Громкимъ именемъ пользуется семейство Ильичъ. Отецъ, Јово Ильичъ (1823—1901), является лучшимъ представителемъ сербскаго интеллекта, нетронутымъ культурой героемъ, думающимъ и чувствующимъ вполне естественно поэтомъ, который умѣетъ по-сербски, мужественно обойтись съ своими чувствами.

Вольшую часть своихъ стихотвореній онъ написалъ въ народномъ духѣ; они кажутся читателю

такими же поэтическими, какъ и истинныя народныя пѣсни. Апогеемъ его поэтическаго творчества является „Медрина Дѣвоиче“, которая доступна только тѣмъ, кто знаетъ боснійско-магометанскія условія жизни. Стихотвореніе: „Пастухи“ является до извѣстной степени сочетаніемъ художественной и народной поэзіи; здѣсь въ слову вплетены нѣкоторыя черточки народной жизни, обычая и суевѣрія. Јово Ильичъ, бывшій сербскій инпистръ, образуетъ какъ бы сколокъ съ Бана Мажуранича, хотя послѣдній и былъ классически образованъ. Кроме того, Ильичъ написалъ сербскую „Кавгу пѣсенъ“. Высшей своеобразностью отличаются его восточныя пѣсни, съ которыми даже нельзя сравнить Воденштедовскаго „Мирза Шаффи“. Уже благодаря поэтическому языку, сохранившему много турецкихъ выраженій, восточная окраска ихъ больше соблюдена, тѣмъ это возможно по-нѣмецки. И струящаяся изъ нихъ житейская философія, стремленіе къ покою, покорность судьбѣ—все въ совершенствѣ соотвѣтствуетъ восточному міровоззрѣнію, такъ что выведенныя въ этихъ стихотвореніяхъ лица не являются наряженными въ восточныя платья фигурами, а истинными турками въ глоткѣ и крови.

Јово Ильичъ самый общенародный и лучшій поэтъ для той части читателей, которые любятъ встрѣчать въ поэтѣ частичку національнаго духа. Онъ тѣломъ и душой сербъ, и при томъ еще—благословенный Богомъ поэтъ. И онъ гораздо цѣннѣе тамъ, гдѣ является сербомъ, чѣмъ тогда, когда пускается въ различныя мнѣологическія, классическія или славянскія поэмы.

Јово былъ извѣстенъ какъ столь же счастливый, сколь и несчастливый отецъ. Его сыновья Милутинъ, Драгутинъ и Войславъ были тоже сербскими поэтами, но отецъ переехалъ Милутина (1892) и Войслава.

Войславъ Ильичъ (1862—1894) былъ признанъ къ концу своей жизни самымъ талантливымъ и образованнымъ сербскимъ поэтомъ. Онъ былъ Веніаминомъ среди братьевъ, любимцемъ Музы. Онъ былъ очень воспріимчивъ къ классицизму; глазами художника смотрѣлъ онъ на Божій міръ, но красоты его воспринималъ сквозь призму пессимизма. Поэтому у него вездѣ проскальзываетъ скорбный тонъ, хотя порою и онъ бывалъ въ творествѣ живерадостнымъ и насмѣшливымъ. Послѣ его смерти всѣ сербскіе писатели соединились и vzdali въ его честь альманахъ подъ редакціей д-ра Г. Джорджовича.

Съ судьбами Черногоріи связываются имена Ювана Сунчетича (1825—1900) и нынѣ царствующаго князя Николая (1841).

Сунчетичъ былъ редакторомъ многихъ повременныхъ изданий; онъ выступалъ защитникомъ объединенія сербовъ и кроатовъ; стихотворенія его доказываютъ богатую фантазію, картины которой онъ граціозно изображаетъ на своемъ „миломъ, родномъ языкѣ“.

Князь Николай I Петровичъ Негошъ, разсудительный правитель, подъ управленіемъ котораго Черногорія получила современныя своды законовъ (трудъ профессора мивчотра Богичича), принадлежитъ къ числу лучшихъ сербскихъ поэтовъ. Большой патриотъ, раздѣляющій со своими героями труды и славу, онъ воссвѣщаетъ дѣянья народа, черпая сюжеты изъ національной жизни, потому что онъ чувствуетъ вѣстѣ съ народомъ, съ нимъ радуется, съ нимъ и горе дѣлать. При этомъ онъ вѣрный отецъ, посвящающій дѣтямъ прочувствованныя стихотворенія. Его стихотвореніе: „Туда, туда, за тѣ горы“ стало сербскимъ гимномъ и повсемѣстно поется.

Князь писалъ также патриотическія драмы, изъ которыхъ „Балканская царица“, написанная на

сюжетъ изъ XV столѣтія, переведена на многіе языки.

Въ послѣднее время на сербской литературѣ тоже сказывается вліяніе западныхъ теченій. Среди модныхъ писателей вапботѣ многообѣщающими талантамъ являются Свѣтославъ Стефановичъ, Дулячь и Жданчичъ.

Общіе выводы можно сдѣлать слѣдующимъ образомъ:

Ни одна славянская литература не является столь демократичной, какъ сербская, поскольку послѣдняя является отраженіемъ народной жизни и только что перенесенной борьбы за свободу. Она является эхомъ естественнаго, простаго быта и незагнаннаго въ узкія рамки міровоззрѣнія. Наряду съ этимъ начинаетъ проступать вліяніе западно-европейскихъ теченій, хотя въ болгарской литературѣ оно сказывается еще сильнѣе. Но особенностью этой демократической сербской литературы, въ особенности прозы, является то, что въ выраженіяхъ своихъ она поражаетъ изяществомъ. Къ сожалѣнію эта особенность не поддается переводу. Народная пѣсня оказала благотворное вліяніе на поэзію.

IX.

Болгарская литература.

Для ново-болгарской литературы только-только еще занялась зря.

Вполнѣ понятно, что главную окраску этой литературѣ дали столѣтнее турецкое иго и сраженія за освобожденіе, такъ что на первое мѣсто выдвинулись патріотическія чувства. Болгарія была въ сторонѣ отъ западно-европейскихъ обычаевъ и теченій, но въ послѣднее время замѣчается мощный культурный прогрессъ. Поэзія не нашла себѣ въ трезвой балканской странѣ блестящаго двorca; она

играла служебную роль при отечествѣ и его борьбѣ, и въ большинствѣ случаевъ сквозь все красной нитью проходитъ патріотическій вопль или патріотическій подъемъ.

Наоборотъ, проза, достигшая въ Иванѣ Вазовѣ своего апогея, заключаетъ въ себѣ много оригинальнаго, взятаго изъ жизни Балканъ, изъ долинь розъ, изъ тѣхъ наносимыхъ кровью хѣтностей, гдѣ гайдукамъ съ наваіетомъ Гитовымъ во главѣ приходилось бороться съ невѣроятными трудностями.

Гитовъ тоже описалъ свои страствованія по Старой Планинѣ. Онастоящей техникѣ письма, о такомъ построеніи разсказа, чтобы онъ произвелъ свое дѣйствіе, еще не можетъ быть и рѣчи. Новѣстовательному искусству болгаръ все еще не хватаетъ продуманности и утонченности; сюжетъ зачастую звѣрски грубъ.

Два зла тяжелой пятой придавили Балканы: турецкое правительство, съ ея вошедшимъ въ поговорку безпорядкомъ, и греческое духовенство. Къ тому же старѣйшее поколѣніе получило, въ большинствѣ случаевъ, греческое образованіе; большинство македонцевъ знаютъ греческій языкъ.

Уже въ XVIII столѣтіи раздались голоса патріотически настроенныхъ монаховъ, которые требовали отъ своихъ соплеменниковъ горделиваго національнаго самосознанія и писали на смѣсь церковнославянскаго и болгарскаго народныхъ языковъ.

О турецкомъ хозяйничаньи въ Болгаріи Европа узнала изъ путевыхъ описаній нѣкоторыхъ изслѣдователей; среди нихъ особенно важенъ профессоръ Григоровичъ, такъ какъ онъ извлекъ изъ тьмы забвенія и пыли временъ очень важные церковнославянскіе памятники на Афонѣ. Большой интересъ у русскихъ возбудила дѣятельность русскаго венгерца Георга Венелина (1802—1839), который энергично взялся за болгарскую литературу и обратилъ на нее вниманіе славянскаго міра. Болгары помя-

нули Венелпна добромъ бо дню столѣтія его рожденія.

У себя на родинѣ болгары не смѣли заниматься своимъ роднымъ языкомъ. Отсюда понятно, почему болгарская литература должна была по преимуществу культивироваться за границей. Первая изданная на болгарскомъ языкѣ газета вышла въ Смирнѣ въ 1845 году, подъ редакціей учителя Фотинова, а въ томъ же году въ Парижѣ сербъ Огняковичъ издалъ болгарскій альманахъ. Начиная съ того времени появляются болгарскія книги и повременныя изданія въ Лейпцигѣ, Прагѣ и Вѣнѣ; патриоты Априловъ и Палауцовъ, живя въ Одессѣ, основали тамъ болгарскую школу; въ Москвѣ позднѣе дѣйствовало Живзифовъ. Тургеневъ увѣковѣчилъ въ Инсаровѣ болгарина и тѣмъ обратилъ вниманіе на болгарь.

Интересъ къ языку все возрасталъ, когда въ 1852 году Цанковъ издалъ болгарскую грамматику на латинскомъ алфавитѣ, а Миклошичъ включилъ болгарскій языкъ въ свою „Фонетику“; немало содѣйствовало этому интересу также и появленіе „Собранія болгарскихъ пѣсень“ извѣстныхъ своей несчастной судьбой братьевъ Миладиновыхъ. (Аграмъ. 1861).

Въ шестидесятихъ годахъ возникла бурная эмигрантская литература; пребывавшіе на чужбинѣ болгары требовали для своего народа гуманнаго отношенія и боролись всѣмъ доступнымъ имъ оружіемъ противъ султана и греческаго духовенства. И болгары изъ Стамбула, которые во всякомъ случаѣ должны были видѣть въ султана „заботливѣйшаго отца“, писали противъ греческаго духовенства въ очень обостренномъ тонѣ, который удержался въ журналистикѣ вплоть до стамбуловскихъ временъ.

Эмигранты, которымъ дома грозили висѣлицы, объявила Портъ борьбу не на жизнь, а на смерть.

Сборными пунктами ихъ были Бѣлградъ и Бухарестъ; съ сверхчеловѣческимъ самоотверженіемъ и самопожертвованіемъ они отдали себя на службу отечеству. Среди этихъ людей выдавались: Георгъ Раковскій (1818—1868), Христо Ботевъ и герой Левскій, котораго повѣсили во время возстанія; а между прочими—особенно Любенъ Каравеловъ и Петко Славейковъ.

Всѣ вышеупомянутые были патриотическими поэтами и журналистами, воспитателями народа въ истинномъ значеніи этого слова, а оба послѣдніе вдобавокъ еще и талантливыми писателями, хотя у нихъ не хватало времени для литературной обработки своихъ произведеній. Шутливый Славейковъ издавалъ газету въ турецкой Болгаріи и заботился также и о македонскомъ крестьянствѣ. Македонскій вопросъ въ послѣднее время снова вызвалъ обильную спеціальную литературу.

Въ 1872 году болгарская церковь получила самостоятельность. Экзархатъ отдѣлился отъ патриархата, что имѣло особенное значеніе уже въ виду того, что экзарху были подчинены болгарскія школы. Экзархату принадлежитъ важная роль въ дѣлѣ подъема болгарскаго самосознанія, и еще вышѣ онъ образуетъ собой громадную поддержку для македонскихъ болгаръ.

Начинается новый періодъ: возстаніе сербовъ и болгаръ, турецкія убійства въ Батакѣ и звѣрства башибузуковъ вызываютъ протестъ Гладстона; царь Александръ II жертвуетъ кровью своего народа, чтобы освободить болгаръ. Болгарская литература вступаетъ въ новую фазу. Эмигранты добились своей цѣли и возвращаются обратно въ свое отечество; въ своемъ воодушевленіи они пьютъ воды Дуная, дѣлуютъ болгарскую почву, поютъ пѣсни въ честь великаго князя и воспѣваютъ въ одахъ царя и его войско.

Старая Болгарія превратилась въ освобожденную, но надежды большинства не оправдались на нового князь. Въ 1885 году Болгарія соединяется съ Румелией, въ слѣдующемъ году между нею и Сербіей завязывается война. Битва при Сливницѣ хотя и оставила слѣды въ поэзіи, но только послѣдней было не по себѣ подъ управленіемъ министра Стамбулова.

Наконецъ, наступаетъ успокоеніе; наука идетъ впередъ, въ періодической печати начинается скапливаться славянофильская струя, основывается университетъ.

Самымъ значительнымъ писателемъ этого послѣдняго періода является Иванъ Вазовъ, произведенія котораго, въ особенности романы „Подъ промъ“, переведены на многіе европейскіе языки. Онъ первый проложилъ болгарской литературѣ дорогу въ Европу; кромѣ того, и самъ онъ много переводилъ на болгарскій языкъ.

Вазовъ—поэтъ и прозаическій писатель, причемъ онъ лучший болгарскій стилистъ. Онъ поэтъ возстанія, хотя и не принималъ лично участія въ немъ; позднѣе его поэтическая душа страдала отъ мысли, что онъ могъ воспѣвать братоубійственную войну между сербами и болгарами. Толстой и русская литература являются для него великими образами. Онъ любитъ свою родину и ея природу, видитъ въ крестьяннѣ истинную опору молодого княжества.

Въ юности онъ былъ весь полонъ патріотической идеи освобожденія отечества. Но и принужденный скрыться изъ Болгаріи, живя въ Одессѣ или путешествуя по Италіи, вездѣ онъ оставался истиннымъ болгаряномъ, который, подобно Мацкевичу, страстно мечталъ о своей родинѣ. Среди пальмовыхъ и апельсиновыхъ рощъ онъ услышалъ возгласъ какого-то англичанина: „Но вѣдь это истинный рай!“, на что онъ успѣшилъ отвѣтить: „Серь.

я знаю рай еще болѣе прекрасный!" — онъ вспомнилъ о долинахъ розъ въ Болгаріи.

Во время его эмиграціи въ Россію его духъ нѣсколько успокоился, и муза его запылась воспроизведеніемъ болѣе общечеловѣческихъ мотивовъ.

Драмы его не имѣютъ большой художественной цѣнности, хотя и отражаютъ собой картины извѣстныхъ эпохъ. Наоборотъ, его проза останется будущимъ поколѣніемъ вѣрной картиной его молодости и „Дедакаловъ“ — учителей, образованныхъ по гречески и русски — затѣмъ — время возстанія, неистовствъ турецкихъ солдатъ, убившихъ его отца. Вазовъ изображалъ также первые годы свободы; менѣе посчастливилось ему въ новѣйшемъ романѣ „Казаларска царца“, хотя и въ этомъ произведеніи попадаются очень удачные типы изъ современной дѣйствительности.

Вазову не хватаетъ художественности формы, сноровки, разсчитанности, но его естественность и непосредственность привлекаютъ читателя къ нему. Онъ является характернѣйшимъ писателемъ Болгаріи, который умѣетъ отразить народную душу, природу и, создавшееся на балканскомъ полуостровѣ эпоху, время освобожденія. Въ дышащихъ жизненной теплотой картинахъ лежитъ его сила. „Хаджи-Ахилъ“ и „Гайдукъ Славчо“ являются прекрасными памятниками болгарской письменности и прежнихъ условій жизни.

Тамъ, гдѣ болгары остались на родной почвѣ, они дали рядъ наиболее удачныхъ произведеній: ароматы розъ, жеманная одежда народа, восточная простота и честность, самобытность нравовъ въ поэтическомъ изображеніи несравненно почетнѣе для нихъ, чѣмъ обезьяничанье запада.

Среди молодыхъ надо упомянуть еще о Кирялѣ Христовѣ; выдающимися славистами являются: Милетичъ, Н. Шишмановъ, Теодоровъ, Коневъ; воодушевленнымъ македонциномъ былъ Матовъ.

X.

Новая кроатская литература.

Отрадное развитіе кроатской литературы приходѣтся на послѣдніе двадцать пять лѣтъ XIX столѣтія. Во второй половинѣ прошлаго вѣка она можетъ похвастаться такими же явленіями, какъ и чешская литература.

Уже эпоха Гаа и основаніе „Матлицы“ 1842 года въ Богеміи встрѣтило выраженія симпатіи. 1849 годъ разбудилъ въ обонхъ народахъ большія надежды; бая Елачичъ былъ и для чеховъ славянскимъ героемъ, Кукулевичъ, его правая рука, взялъ подъ свое покровительство Коллара, когда ему нельзя было оставаться жить въ Пештѣ. Но во времена Баховской реакціи въ обѣихъ литературахъ наступила пауза. Въ обѣихъ литературахъ ученые принимали значительное участіе въ національной работѣ. Обѣ литературы ожили въ въ пятидесятыхъ годахъ, и притомъ—на почвѣ романтики. Самый выдающійся кроатскій писатель-романистъ Шеноа учился въ Прагѣ, гдѣ онъ вращался въ кружкѣ Галека-Неруды. Поколѣніе шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ, которому пришлось вести борьбу за равенство съ одной стороны, съ Вѣной, съ другой — съ Пештою, было настроено очень патріотически. Затѣмъ дороги ихъ разошлись; въ Богеміи литература мало по малу достигла своего расцвѣта; въ Кроатіи въ 80-хъ годахъ на литературное поле вышло новое поколѣніе съ Шандоромъ Гьялскимъ во главѣ; поколѣніе, которое внимательно наблюдало народъ и склонялось къ реализму и натурализму. Въ Кроатіи начинаютъ приниматься за изученіе народа, который такъ различенъ въ разныхъ областяхъ — въ окрестностяхъ Аграма, въ Славонской долинѣ, въ каменистой Истрии и недавно занятой Босніи. Кроатамъ приходилось бороться съ одной стороны.

съ мадырами, съ другою—съ итальянцами; морскіе берега издавна заключали въ себѣ для кроата, такъ же какъ и для серба, поэтическую притягательную силу. Тамъ, недалеко отъ литературнаго центра, Гьлскій пашель кроатское мелкопомѣстное дворянство, которое симпатизировало иллирійцамъ и играло важную политическую роль. Помѣстья этихъ дворянъ, давшихъ народу „*Illustrissimos, prae-illustres ac generosos viros*“, доставили кроатамъ благодарный матеріалъ, въ обработкѣ котораго было много общечеловѣческихъ характерныхъ черточекъ; эти рассказы можно было, измѣнивъ имена, пересадить на любую западно-европейскую почву—такъ мало чисто кроатскаго найдется въ нихъ. На художественную форму и обработку кроаты обращаютъ больше вниманія, чѣмъ сербы; рассказы ихъ читаются съ болѣе напряженнымъ любопытствомъ, чѣмъ сербскіе, но зато послѣдніе являются болѣе искусными стилистами.

Проза находится у кроатовъ на большей высотѣ, чѣмъ поэзія; драма появляется только въ послѣднее время. Въ концѣ прошлаго вѣка молодые писатели, импрессионисты, возстали противъ стараго направленія традиціоналистовъ, подобно тому, какъ въ Богеміи модернисты и декаденты ополчились на Врхлицкаго.

Борьба эта еще далеко не кончилась.

Въ кроатской, какъ и богемской литературѣ, много переводится, въ особенности—съ русскаго языка, который освѣжилъ объ литературы.

Кроатскіе ученые.

Какъ поколѣніе ученыхъ, начиная съ Шафр-жика и кончая Палацкимъ оставило глубокіе слѣды на чешской литературѣ, такъ и кроатскіе ученые въ продолженіе двухъ-трехъ десятковъ лѣтъ вліяли на развитіе кроатской литературы. Объединяющимъ центромъ являлась южно-славянская академія и

основанный достопочтеннымъ меценатомъ епископомъ Штросмайеромъ университетъ въ Аграмѣ.

Южные славяне, среди которыхъ особенно выдѣлились историкъ и филологъ, занявшіеся также и исторіей южнославянскихъ литературъ, приняли наследство и традиціи иллирійцевъ и объединили сообразно съ новѣйшими воззрѣніями кроатовъ, сербовъ, словенцевъ и болгаръ литературнымъ трудомъ. Такимъ путемъ становится понятнымъ, что сербскій филологъ Дюра Данчичъ въ Аграмѣ редактировалъ академическій словарь. Онъ является первымъ сербскимъ филологомъ, вышедшимъ изъ школы Миклошича. Р. фонъ-Режетаръ работаетъ въ Вѣнѣ.

Далеко не случайностью было то, что всѣ эти люди работали и на политическомъ поприщѣ. Самой уважаемой личностью былъ будущій вице-баль Иванъ Кукулевичъ, первый, который пользовался въ кроатскомъ сеймѣ роднымъ языкомъ; написавшій уже въ 1837 году первую штокаво-кроатскую драму, но особенно извѣстный, какъ основатель „Архива южно-славянскихъ историческихъ изслѣдованій“, въ которомъ онъ самъ издавалъ глаголическія письма и вообще выступалъ въ качествѣ историка.

По его стопамъ шелъ нумизматъ Любачъ (1822—1896) и ученый историкъ Рачки, человекъ, работавшій съ научнымъ спокойствіемъ, писавшій о святыхъ братьяхъ Кириллѣ и Меодіи и изслѣдовавшій древнюю кроатскую исторію. Затѣмъ, не считая другихъ, назовемъ еще Смичикласа, Мельчетича, Маретича, Жренела († 1905).

Къ старѣйшему поколѣнію принадлежатъ также профессоръ славистики въискскаго университета Ва трославъ Ягичъ (род. 1838 г.), котораго судьба кидала то въ Одессу, то въ Бѣлградъ, то въ Петербургъ, гдѣ онъ всюду оставлялъ учениковъ. Теперь онъ является общепризнаннымъ корифеемъ славянской

науки. Его „Архивъ славянской филологіи“ уже пережилъ цѣлыя четверть вѣка.

Ягичъ издалъ древніе церковно-славянскіе памятники, чѣмъ положилъ славистикѣ прочное основаніе. Древній періодъ и стоящая въ связи съ нимъ дѣятельность учениковъ святыхъ братьевъ въ Македоніи и Болгаріи наша въ немъ пропикновеннаго изслѣдователя. Родную церковно-славянскую литературу онъ ищетъ на востокъ отъ Салоникъ. Онъ считается специалистомъ въ вопросѣ о дѣятельности Кирилла и Меодія; также и въ изслѣдованіи глаголицы и кириллицы онъ принималъ участіе и являлся представителемъ взгляда, что глаголица—болѣе древняго происхожденія. Онъ опубликовалъ свои изслѣдованія о древнихъ глаголическихъ кроатскихъ, сербскихъ, русскихъ и рагузскихъ памятникахъ, освѣтилъ періодъ болгарскаго возрожденія во времена Константина Философа. Изслѣдованія этого ученаго о древне-русской литературѣ вызвали даже въ Россіи движеніе; онъ великолѣпно знаетъ литературныя произведенія этой страны въ XVIII столѣтіи, а также слѣдитъ и за новыми проявленіями этой необъятной литературы. Ягичъ обнимаетъ своимъ гениальнымъ духомъ всѣ отрасли славистики, въ которыя его острый и пытливый умъ проникаетъ всесторонне и критически. Его мѣткія и остроумныя сужденія доказываютъ, что онъ выдающійся этнографъ съ тонкимъ чутьемъ, великолѣпный археологъ и лучшій знатокъ славистики. Последнее доказываютъ его предисловія къ сборникамъ писемъ Добровскаго, Кошитаря и прочихъ славистовъ.

Что особенно вызываетъ удивленіе, такъ это необыкновенная плодовитость Ягича, а также способность постоянно оставаться въ курсѣ всѣхъ событій славянскаго міра и въ области сравнительнаго языковѣдѣнія. Онъ пишетъ на нѣсколькихъ языкахъ, принадлежитъ къ величайшимъ ученымъ

Европы и состоитъ членомъ самыхъ внаменитыхъ академій.

Кроатская беллетристика.

Августъ Шенца (1838 — 1881) уже тѣмъ заслужилъ свою славу, что онъ создалъ читателя произведеній на кроатскомъ языкѣ, тогда какъ до шестидесятихъ годовъ кроаты читали исключительно по нѣмецки. Онъ писалъ, главнымъ образомъ, историческіе романы, среди которыхъ самый извѣстный — „Золото ювелира“, картинка изъ цеховой жизни, затѣмъ — рассказы изъ незадолго до этого окончившейся эпохи увлеченія иллиризмомъ. Кроме того, онъ углублялся въ аграрскую жизнь и писалъ занимательные рассказы изъ былого и современнаго крестьянскаго, мѣщанскаго и дворянскаго быта, порою полные неподдѣльнаго юмора; заботился о подъемѣ сцены и неоднократно редактировалъ различныя временныя изданія. Въ кроатской литературѣ Шенца имѣетъ неоспоримое значеніе. Его міровоззрѣніе было идеалистическимъ. Его сынъ является тоже писателемъ.

Общественный и историческій романъ культивировалъ также Томичъ (1843), давшій нѣсколько картинокъ жизни Босніи; небольшіе сюжеты удавались ему лучше, чѣмъ объемистые психологическіе романы. Бедичъ (1844) особенно идеализировалъ жизнь пограничныхъ мѣстностей, тогда какъ Кумичичъ-Сесольскій (1850—1904) — политикъ въ романтизмъ и романтикъ въ политикѣ — любилъ и воспѣвалъ, въ качествѣ истріянина берега голубой Адриатики; кроме того, онъ стремился пересадить французскій реализмъ на кроатскую почву.

Многообъщающимъ талантомъ является Чипико. Национальную борьбу въ исторіи изображаетъ и воспѣваетъ темпераментный Эмиль Каръ. Среди широкой публики особенной популярностью пользуется В. Новакъ (1859—1905).

Самымъ выдающимся прозаикомъ послѣдняго времени безъ сомнѣнiя является Шандоръ Гьяльскій (Любоміръ Бабичъ), род. 1854 г., который уже два десятка лѣтъ работаетъ на литературномъ поприщѣ. Его называютъ кроатскимъ Тургеневымъ; слѣдовательно, онъ является реалистомъ, изображающимъ своимъ соплеменникамъ жизнь мелкопомѣстнаго дворянства изъ Загорья и временъ Гаая.

Но и въ рассказахъ изъ дѣйствительности, въ которыхъ онъ изображаетъ жизнь интеллигенціи и крестьянъ, онъ является мастеромъ въ дѣлѣ изображенія душевныхъ переживаній и аналитикомъ даннаго положенія. Недавно еще онъ руководилъ редактированіемъ „Вьенац“. Какимъ уваженіемъ онъ пользуется, доказала его пятидесятилѣтній юбилей.

Наряду съ нимъ наиболее яркой индивидуальностью обладаетъ Іосифъ Козарацъ (1858). Стличный знатокъ Славоніи, онъ живописуетъ природу этой плодородной страны, съ густыми лѣсами которой живетъ общей жизнью, такъ какъ онъ является лѣсничимъ по призванію. Онъ видитъ, какъ чужеземцы высасываютъ все соки изъ его родины, какъ варварски, изъ коммерческихъ соображеній, они уничтожаютъ дивные лѣса и при этомъ вытягиваютъ изъ сельскаго населенія податъ, дѣйствуя, кромѣ того, развращающимъ образомъ на женскую его часть. Его рассказы зачастую преслѣдуютъ цѣли очищенія нравовъ. Козарацъ живописуетъ позорность общераспространенныхъ взглядовъ на бракъ, рассказывая, какъ изъ пустыковъ женщины бросаются на шею постороннимъ мужчинамъ. Тамъ, гдѣ Козарацъ остается честнымъ славонцемъ, онъ производитъ лучшее впечатлѣніе, чѣмъ когда онъ прячется за даревновскую теорію или хватается за высокія матеріи, хотя и въ этомъ случаѣ ему нельзя отказать въ психологической разработкѣ матеріала.

Въ качествѣ хорошаго изобразителя душевной

жизни, слѣдуетъ назвать далѣе симпатичнаго Янко Лесковара, меланхолика, открывающаго полное теплое сердце навстрѣчу бѣднѣйшимъ изъ народа; произведенія его возбуждаютъ всеобщее вниманіе.

И Боснія тоже можетъ похвастаться собственной литературой и при этомъ столь же съ кроатской, какъ и съ сербской стороны. Среди всѣхъ прочихъ особенно популярное имя стижалъ себѣ Иванъ Лепуижичъ.

Прозанческая жизнь крестьянъ не является у кроатовъ такой излюбленной темой для разсказовъ, какъ у чеховъ или сербовъ.

Въ кроатской литературѣ наилучшее развитіе получили разсказы и новеллы; у молодыхъ писателей наблюдается субъективизмъ и старательная, до мельчайшихъ деталей, обработка сюжета.

Новѣйшая кроатская поэзія.

Не на такой же высотѣ, какъ кроатская проза, стоитъ кроатская поэзія, которая до сихъ поръ не можетъ похвастаться такимъ явленіемъ, какъ Врхлицкій у чеховъ, Мидкевичъ и Ыраскискій у поляковъ, и которая гораздо космополитичнѣе сербской.

Тѣмъ не менѣе и у кроатовъ нѣются таланты, какъ Арнольдъ, Гранчловичъ, Гарамбажичъ. Лирика культивируется несравненно больше эпоса, представителемъ котораго является Назоръ (Славянскія легенды), и потомъ—скрывшійся за псевдонимомъ „Подравскій“—поэтъ, любящій дравскія мѣстности.

Въ лирикѣ пламенно воспѣвается отечество, любовь къ вѣщу и женщинамъ. Молодые литераторы расширили свое міровоззрѣніе вѣмецкой, французской и итальянской поэзіей; они воспринимаютъ чужія идеи, но до сихъ поръ еще не переработали ихъ. Стремленіе къ модернизму сказывается и здѣсь, но ни сербу, ни кроату это не во спасеніе; только

изображеніе рафинированныхъ ощущенийъ находить, благодаря этому, доступъ въ литературу.

Разумѣется, романисты, какъ Томичъ, и драматурги, какъ Трезичъ-Павичичъ, тоже ищутъ стихотворенія.

Въ восьмидесятихъ годахъ особенно выдвинулся покойный Гуго Бадаличъ (1851—1900), главнымъ образомъ благодаря своему циклу „У Адриѣ“. Благодаря своему либретто „Зрини“ онъ заслужилъ всеобщую популяриность такъ же, какъ онъ заслуживаетъ быть упомянутымъ въ качествѣ переводчика Пушкина. Изъ оставшихся послѣ него бумагъ его сынъ издалъ первую часть Фауста.

Очень тонкимъ умомъ и большой образованностью отличается Дьюро Арнольдъ (1851), лучший поэтъ романсовъ и балладъ. Въ своихъ произведеніяхъ онъ проявляетъ себя философомъ, такъ какъ въ каждомъ выдвигаетъ определенную догму. Онъ былъ вожакомъ традиціоналистовъ и лучшимъ поэтомъ восьмидесятихъ годовъ. Изъ массы стихотвореній его слѣдуетъ упомянуть — „У Ширее“, „Подъ липами“.

Истиннымъ гениемъ красоты кроатской литературы является профессоръ Франжо Марковичъ (1845), писавшій также драмы и въ качествѣ эстетика-критика, напоминающаго чеха Юсифа Дурди-ка. Онъ и Жренель имѣли значительное вліяніе на вкусъ кроатскихъ литераторовъ.

Весьма замѣтнымъ явленіемъ на югѣ былъ Јованъ Гранчловичъ, прежній редакторъ „Вьенац“, идеалистъ и патриотъ, при этомъ благородный и вдохновленный на все хорошее человекъ, который всегда выступалъ на защиту объединенія сербовъ и кроатовъ. Какъ знатокъ русской, польской и нѣмецкой литературы, онъ работаетъ также и въ области критики.

Весьма похожъ на него самый излюбленный послѣ восьмидесятихъ годовъ поэтъ д-ръ Августъ Га-

рамбампекъ, посаженный въ тюрьму за свой политическій радикализмъ. Легкость, съ которой онъ пишетъ стихи, заставляла въ прежнее время зачастую обращаться къ нему въ тѣхъ случаяхъ, когда надо было написать прологъ для національнаго торжества, хотя это и привело его къ пустой версификаціи. Патриотическое воодушевленіе, глубокое чувство и любовь звучать въ его многочисленныхъ стихотвореніяхъ, между которыми лучшими являются сборникъ и „Ружмаринке“ и „Слободарке“. Онъ и Иза Великановичъ переводили лучшія произведенія графа Толстого, Пушкина, Сенкевича и Шевченки.

Въ девяностыхъ годахъ выдѣлился Тугомиръ Алауповичъ, первый боснійскій докторъ славистики своими неустанными статьями въ „Вьенац“. Стихотворенія его выдѣляются ясностью мысли, благородной манерой письма и теплымъ патриотизмомъ.

Въ Босніи слѣдуетъ отмѣтить поэта Крапъжевича, главнаго сотрудника прекратившей свое существованіе „Нада“. На него молодое поколѣніе глядитъ съ большимъ уваженіемъ и считаетъ его первымъ среди модернистовъ. Онъ старается выказать себя усталымъ душой, пессимистомъ, скептикомъ, несчастнымъ отъ ничтожества этого міра; мысли его облекаются въ туманную форму, иногда совершенно неясны, зато форма всегда великолѣпна. При этомъ онъ высказываетъ всегда необыкновенные случаи и картины.

Среди молодыхъ писателей приведу трехъ братьевъ Остойичъ, выступившихъ на литературное поприще въ 1900 году, и Каталиничъ-Перстова, котораго хвалятъ особенно за картинность выражений и за тѣ стихотворенія, которыя написаны имъ въ Парижѣ и Лондонѣ.

Въ кроатской литературѣ встрѣчаются такіе индивидуумы, которымъ мѣстная жизнь и ея условія кажутся слишкомъ тѣсными и узкими. Такъ, кроаты имѣютъ невращенка Михалевича; космо-

полита Сабича, который только и дѣлаетъ, что философствуетъ о вселенной и человечествѣ; почитателя романской литературы, поклонника шелка и позъ Беговича; затѣмъ Петравича, который съ большой силой набрасываетъ картины прошлаго и предпочитаетъ Кардуччи всемъ остальнымъ поэтамъ. Писатели, родомъ изъ Далмаціи, лучше всего знаютъ итальянскую литературу.

Среди молодыхъ слѣдуетъ назвать еще д-ра Дежелича. Сонеты его доказываютъ живую фантазію, богатое воображеніе и любовь къ жизненной правдѣ. Д-ръ Дежманъ, который велъ „молодыхъ“ въ бой, писалъ рассказы и историческіе романы. Наряду съ нимъ кроатами очень цѣнятся Мичаэль Николчъ, лучший поэтъ среди „молодыхъ“.

Въ общемъ—поколѣніе восьмидесятниковъ глубже, яснѣе и естественнѣе, чѣмъ новѣйшее—первое, витающее съ полусознанныхъ снахъ. Но все-таки кажется, что это—только переходная эпоха.

XI.

Обновленная богемская литература.

Достопамятный 1848 годъ, принесшій съ собою чехамъ не только гражданскую и національную свободу, но и новый кругъ идей, ознаменовался въ литературѣ окончаніемъ сумеречнаго періода.

Въ безплодные пятидесятые годы одна только личность выдѣляется изъ сѣрости безвременья—это Карлъ Эрбенъ (1811—1870) со своимъ сборникомъ стихотвореній „Цвѣточный букетъ“; написанныя въ народномъ духѣ баллады поражали краткостью и силой выраженій и драматической обработкой сюжета, какъ, напримѣръ, стихотвореніе „Свадебная рубашка“, написанное на ту же тему, что и „Ленора“ Бюргера, но только съ мѣстнымъ отгѣвкомъ.

Эрбенъ, архиваріусъ города Праги, былъ по существу историкомъ и славянофиломъ, который издалъ лѣтопись Нестора и сказки на всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ; онъ собиралъ народныя пѣсни и пословицы, чѣмъ сталъ для чеховъ Букомъ Караджичемъ.

Его дальнѣйшей заслугой является опубликованіе имъ важныхъ древнихъ памятниковъ чешской письменности, — такъ, напримѣръ, произведеній Гусса, Томаса фонъ-Штитней и т. п. Его красивые, звучные стихи возбуждали восторгъ молодежи шестидесятыхъ годовъ, а „Цвѣточный букетъ“ находить и по сіе время откликъ въ Богеміи. Послѣ смерти Шафаржника взоры всѣхъ славянскихъ ученыхъ обратились на Эрбена и Іосифа Пречека.

Краеугольнымъ камнемъ, отмѣчающимъ собой начало новой эпохи въ области литературы, является изданіе альманаха „Лада Шюла“ и „Май“, а также появленіе въ свѣтъ произведенія Божены Нѣмцовой „Баблчка“ (бабушка).

Любимцами молодыхъ писателей въ то время являлись современныя имъ представители „Молодой Германіи“, въ особенности же Гейне и Берне, а также лордъ Байронъ, произведенія которыхъ такъ же приходились по сердцу ихъ юной издерганности и міровой скорби, какъ и мистическое мессіанство Польши.

Нѣмецкія произведенія, воспѣвавшія чешское прошлое, и романы Вальтеръ Скота встрѣчали большое сочувствіе у молодого, задорнаго поколѣнія; отдѣльные поэты „Майскаго кружка“ подражали русскимъ или французамъ. Но мало по малу національная самобытность проступала все рельефнѣе, литература во всѣхъ отрасляхъ шла въ ширь, и все совершеннѣе и совершеннѣе становилась форма.

Самымъ популярнымъ въ народѣ явленіемъ, появившимъ въ то же время на себѣ національную печать, былъ рассказъ „Баблчка“, съ которымъ Го-

жена Нѣмцова выступила на литературное поприще въ качествѣ первой натуралистки чешской литературы. Она набрасываетъ въ этомъ разсказѣ законченную картину образа жизни и мыслей богемскаго крестьянина, непринужденно влетаетъ въ общую нить разсказа правды и обычая, такъ что быть чешскаго народа встаетъ ясно и согласно съ дѣйствительностью передъ читателемъ. Простое, но тѣмъ не менѣе мастерское произведеніе это обнажаетъ свѣтотѣнь богемской сельской жизни и привлекаетъ къ себѣ читателя, словно стройная пригожая дѣвка въ національномъ костюмѣ, которой любуются взоры всѣхъ встрѣчныхъ и поперечныхъ.

„Бабичка“ скоро завоевала всѣ сердца и была переведена на всѣ европейскіе языки. Кромѣ того, Воженъ Нѣмцовой очень удалась ея сказки и разсказы изъ жизни Богеміи и Словакіи, куда ее завлекло судьбой; вездѣ писательница проявляетъ большую наблюдательность.

Если Вожена Нѣмцова стала образцовой писательницей благодаря своей прозѣ, то среди поэтовъ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ слѣдуетъ назвать, какъ самаго популярнаго, Витѣслава Галекъ (1835—1874). Воспріимчивый ко всему прекрасному его нѣжный талантъ въ изящныхъ тонахъ воспроизводилъ все то, что задѣвало его чувства. Всегда глубоко искренній въ своихъ чувствахъ, нѣжный въ отгѣнкахъ настроенія, Галекъ создавалъ стихотворенія, заставлявшія вспоминать о „Книгѣ Пѣсень“. Его „Вечернія пѣсни“ и „На лонѣ природы“ доказываютъ его глубокое чутье къ природѣ, въ то время какъ звучность стили и сердечность обезпечиваютъ ему любовь и позднѣйшихъ поколѣній.

Даже при обработкѣ ряда эпическихъ сюжетовъ, взятыхъ изъ Словакіи, изъ южно-славянскаго жизни и чешской исторіи, его душа не можетъ отказать отъ лиризма, и въявіе романтизма обвѣваетъ его болѣе длинныя стихотворенія, въ которыхъ въ то

же время сказывается пристрастие къ Байрону и пропитанной скорбью польской литературѣ.

Галекъ пробовать свои силы также и въ драмѣ, но его лирическая натура оказалась и здѣсь безсильной создать человека во плоти и крови суровой дѣйствительности.

Отношеніе Галека къ деревенскому населенію, которое онъ выводитъ и въ до сихнѣ популярныхъ многочисленныхъ разказахъ, соответствовало его романтическому духу, но онъ умѣлъ возбудить въ читателѣ любовь и сочувствіе къ изображаемымъ въ нихъ личностямъ. Онъ является создателемъ легкой литературы (эскизовъ, арабесокъ, новеллъ), расцвѣтшей въ Богеміи въ восьмидесятихъ и девяностыхъ годахъ.

Его путешествіе по южно-славянскимъ землямъ дало ему матеріаль для ряда фельетоновъ; такимъ образомъ, этотъ плодовитый писатель работалъ во всѣхъ отрасляхъ литературы и поднялъ чешскую литературу на замѣтную для того времени ступень.

Точно также во власти романтическихъ тенденцій и вначалѣ подъ влияніемъ Байрона былъ Моравскій (1833—1875), который первый сдѣлалъ шаги на пути къ чешскому реалистическому роману. Политическое и гражданское положеніе богемскаго народа вызывало его на рѣшеніе національныхъ и социальныхъ вопросовъ, что онъ облекалъ въ форму романа. Такимъ образомъ, его надо считать основателемъ социальнаго романа изъ жизни чешскихъ рабочихъ и фабричныхъ. Если писагда, какъ, напри- мѣръ, въ „Изъ маленькаго міра“ или „Потерянная жизнь“, онъ и напоминаетъ Шпильгагена въ романѣ „Загадочныя натуры“ и употребляетъ романтическія вспомогательныя средства, то это дѣлается имъ для того, чтобы достигнуть болѣе захватывающаго интереса и шумнаго успѣха, но при этомъ онъ остается въ предѣлахъ чешской дѣйствитель-

ности, въ особенноти въ изображеніи жизни рабочаго люда.

Моравскій писалъ и другіе романы, въ которыхъ выносили свой приговоръ бюрократизму, перебъжничеству и политическому равнодушію; по вездѣ любовь является мощной двигательной силой, которая рѣшающимъ образомъ вліяетъ на ходъ событій. Въ „Панѣ Выжвинскомъ“ автору образцомъ служилъ „Евгеній Онегинъ“ Пушкина, въ чемъ онъ, одязко, не хотѣлъ признаться.

Въ шестидесятыхъ годахъ литература растетъ въ количественномъ отношеніи и становится всестороннѣе; можно было бы назвать много въ свое время громкихъ именъ, которыя, однако, не имѣли вліянія на дальнѣйшее развитіе литературы, почему ихъ и слѣдуетъ обойти молчаніемъ.

Я хочу только упомянуть здѣсь объ одной ярко выраженной личности—Карлѣ Сабинѣ (1813—1877), который сначала былъ посаженъ въ тюрьму за политическій радикализмъ, но впослѣдствіи сталъ полицейскимъ агентомъ. Не говоря уже о его объемистой исторіи литературы, о немъ слѣдуетъ упомянуть какъ о романтистѣ, который старался вызвать сочувствіе къ богемскимъ дѣламъ своими произведеніями и умѣлъ защищать національную идею съ воодушевленіемъ и бурной убѣдительностью.

Окрашенный романтизмомъ міръ политики былъ тѣмъ полемъ, на которомъ онъ оперировалъ всего удачнѣе. Его романъ „Оживленные гробы“ имѣли въ тридцатыхъ годахъ положительно рѣдкій успѣхъ. И въ области историческаго романа онъ былъ какъ дома. Необыкновенное знаніе европейской литературы дѣлало его способнымъ къ остроумнѣйшей критикѣ. Извѣстно также среди его либретто „Проданная невѣста“, написанное имъ для Сметаны.

Съ именемъ Сабинны долгое время связывалось проклятіе измѣннику родинѣ; въ послѣднее время

дѣлалась попытка къ его литературному оправданію.

Йоганнъ (Янъ) Черуда (1834—1891). Среди кружка поэтовъ, группировавшихся вокругъ „Лады Ніола“, І. Черуда скоро занялъ первенствующее положеніе. Его личность выдается надъ всеми современниками, словно художественно обточенная гранитная глыба, да и до сихъ поръ онъ остается въ чешской литературѣ непревзойденнымъ.

Въ немъ соединялась творческая изобрѣтательность съ проникновеннымъ умомъ и чутьемъ къ злободневнымъ вопросамъ, которые онъ умѣлъ освѣтить совершенно своеобразно въ видѣ остроумныхъ фельетоновъ, благодаря чему взгляды его дѣлались доступными широкимъ массамъ. Такимъ образомъ онъ непосредственно брался за разрѣшеніе важныхъ національныхъ вопросовъ, на которое имѣлъ большое вліяніе, такъ какъ его остроумному слову придавали въ Богеміи большой вѣсъ, и его воскресные фельетоны въ „Народни Листы“ вызывали всеобщій восторгъ своимъ каскадомъ остроумья.

Несравненный, говорящій о правдѣ жизни юморъ струился изъ его сердца, полный любви къ народу и скрывающій безримныя слезы. Этотъ юморъ проявляется, однако, не только въ его фельетонахъ, путевыхъ картинкахъ и разсказахъ, но и въ поэтическихъ произведеніяхъ.

Трудно найти въ этомъ драгоценномъ камнѣ какой-нибудь дефектъ, потому что поэтъ умѣетъ сочетать необыкновенную ясность и неподражаемую гладкость формы съ поэтически-художественной выразительностью. Его философскій умъ, воспитанный на нѣмецкихъ образцахъ, проявляется не только въ критикѣ нѣвшихся на лицо условій жизни, но и въ оцѣнкѣ собственнаго творчества. Поэтому каждое изъ его стихотвореній является законченнымъ художественнымъ произведеніемъ. Его наблюдательность, которая часто возвращается къ собственной

своей сути и контролируется разсудкомъ, выражается характерной для него горечью, которая часто вырастаетъ до сарказма.

Въ то время, какъ его „Благодѣшскіе пѣвѣты“ (1858) выдають душевную эволюціонную борьбу юноши, въ „Книгѣ стиховъ“ (1867) Неруда является передъ нами уже зрѣлымъ поэтомъ, художественный языкъ котораго исполняетъ нашу душу удивленіемъ. Къ величайшимъ литературнымъ сокровищамъ принадлежать его „Баллады и романсы“, написанныя въ народной формѣ, но въ обще-человѣческомъ духѣ.

Вѣчные законы природы, какими они проявляются во всей вселенной, даютъ ему въ „Космическихъ пѣсняхъ“ матеріаль для сравненій съ человекомъ и его отношеніями ко всѣмъ житейскимъ условіямъ, отечеству, жизни и смерти.

Наряду съ этими капитальными столпами чешской литературы, Неруда создалъ еще особый родъ разсказовъ, въ которыхъ выводилъ типъ мелкаго пражскаго мѣщанства съ присущимъ ему здоровымъ юморомъ. Эти плоды творчества Неруды понравились также и нѣмцамъ, такъ что почти всѣ разсказы были переведены. Геніальный реалистъ изображалъ, какъ и его другъ Галекъ, тужеземныя страны, которыя онъ объѣзжалъ, съ естественной свѣжестью и живостью; приправлялъ свои выводы аттической солью, такъ что „Остроуміе Неруды“ стало поговоркой въ Богеміи.

Неруда былъ въ высшей степени дѣятельнымъ и при этомъ сознательнымъ вожакомъ чешской литературы, съ одной стороны, какъ геніальный фельетонистъ нѣкоторыхъ газетъ, съ другой стороны, какъ редакторъ „Поэтичске сесѣды“, собранія книжечекъ, для котораго поэты восьмидесятихъ годовъ доставляли матеріаль; противъ него ничего не могли сказать даже и „молодые“.

Адольфъ Гейдукъ (1835). Однимъ изъ чле-

новъ „Мая“, кружка, стремившагося къ выработкѣ самостоятельной индивидуальности, былъ Адольфъ Гейдукъ, старѣйшій изъ живущихъ въ настоящее время чешскихъ писателей.

По своей индивидуальности и искренности Гейдукъ является много родственнаго съ Галлекомъ. И его пѣсни тоже проникнуты романтизмомъ; проза отъ него очень далека. Даже эпическіе сюжеты складываются для него въ образъ пѣсни. Невозмутимо течетъ свѣтлый ручеекъ его поэзіи, пѣжа слухъ своимъ мягкимъ журчаньемъ. Только однажды его поэзію всколыхнула скорбь по потерѣ единственной дочурки.

Ближе всего стоитъ онъ къ чешскому духу и сердцу въ чудныхъ сагахъ, сказкахъ, басняхъ и побасенкахъ, изъ которыхъ такъ и струится прятный ароматъ цвѣтовъ и лѣсовъ его родины, и въ патристическихъ пѣсняхъ.

За все долгое время своей дѣятельности Гейдукъ оставался вѣрнымъ себѣ—о какой-либо эволюціи у него не можетъ быть и рѣчи. „Богемскій лѣсной соловей“ сразу захватываетъ читателя искренностью своего тона.

Богемскіе лѣса съ чудной природой и своеобразностью народа доставляли ему богатый источникъ поэзіи; кромѣ того, его талантъ охотно проскальзываетъ въ уголокъ „прядильной горницы“, гдѣ и вплетаетъ золотыя нити въ пѣжныя пѣсенки и стихотворенія типа балладъ. И въ области идилліи онъ тоже бродилъ; самой извѣстной является его баллада „Ольдрикъ и Божена“, разыгрывающаяся на богемскомъ тронѣ, и глубоко поэтическое „Завѣщаніе дѣда“.

Въ послѣднее время онъ выбираетъ библейскіе сюжеты, которые даютъ ему возможность наблюдать за человѣчествомъ.

Фантазія уносила его и въ область Словакіи, но онъ восинчался не только словацкимъ народомъ,

но и величіемъ природы и безшабашностью цыганскихъ цѣсепъ.

Недавно еще поэзія завела его даже на Кавказъ. Въ послѣднемъ сборникѣ его стихотвореній „Изъ дневника бродячаго цѣвца“ поэтъ являетсѣ словно помолодѣвшимъ и временами даетъ мощные аккорды страсти и самосознанія.

XII.

Неожиданный расцвѣтъ чешской литературы.

Чехъ, Врхлицкій, Зейеръ.

Борьба за политическія домогательства въ семидесятихъ годахъ вызвала у чеховъ не только національній, но и литературный подъемъ.

Исходной точкой литературнаго движенія, коренившася въ стремленіи къ разграниченію духовнаго развитія, образовалъ альманахъ „Рухъ“ 1868 года, вокругъ котораго сгруппировался рой молодыхъ мечтателей.

Этотъ кружокъ поэтовъ обращалъ особенное вниманіе на форму; на немъ неоднократно проявлялись слѣды вліянія иностранныхъ литературъ, въ особенности же французской и польской.

Молодое поколѣніе ученыхъ, изъ котораго вышло нѣсколько профессоровъ университета, проявляло въ обществѣ „Славія“ многообѣщающую дѣятельность. Основаніе чешскаго университета въ восьмидесятихъ годахъ сыграло рѣшающую роль въ культивированіи научной литературы. Когда къ тому же, благодаря чешскому меценату Іосифу Главкѣ, была основана богемская академія искусствъ и наукъ, то наука получала въ ней новую опору. Многочисленныя повременныя изданія распространяли въ народѣ просвѣщеніе, а предприимчивые издатели шли рука объ руку съ этими стремленіями.

Цѣлый переворотъ произвела въ то же время

борьба за подлинность Краледворской рукописи; борьба, въ которой политическая и литературная жизнь тѣсно сопрякоснулись другъ съ другомъ. Быть можетъ въ стремленіи дознаться истины тогда зашла даже слишкомъ далеко, но зато эта гроза очистила воздухъ и подѣйствовала освѣжающимъ образомъ на всю чешскую литературу. Теперь и русскій реализмъ встрѣтилъ отзвукъ въ Богеміи; образовалась особая политическая партія, поставившая своей задачей культуру литературы; благодаря удачнымъ переводамъ философская литература была обогащена на славу. Въ чешской литературѣ наблюдается подъемъ, какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніяхъ. Истинные поэты работаютъ по всѣмъ отраслямъ литературы; и романъ тоже встрѣчаетъ своихъ адептовъ.

Святополкъ Чехъ (1846). Въ восьмидесятихъ и девяностыхъ годахъ Святополкъ Чехъ заслужилъ величайшую симпатію, которой онъ обязанъ содержаніемъ и духомъ своихъ стихотвореній и новелль. Въ немъ видѣли духовнаго пастыря, непосредственнаго переводчика-истолкователя чешской души, потому что онъ умѣлъ высказать то, что всѣхъ угнетало, такъ что онъ всѣхъ наэлектризовывалъ, увлекалъ за собой, какъ только открывалъ плавной рѣчью свое сердце. Благодаря богатой, пышной фантазій, ослѣпительной красочности изображенія, мѣткости сравненій Чехъ стяжалъ поэтическіе лавры.

Наряду съ громаднымъ подъемомъ во всѣхъ его произведеніяхъ насъ поражаетъ рѣдкая искренность и глубина чувства; въ началѣ своей поэтической карьеры онъ охотно брался за патриотическіе сюжеты съ романтической окраской, но вездѣ чувствовалось глубочайшее внутреннее убѣжденіе поэта. Ни малѣйшаго пустоозвонства, ни чего взвизгивающаго—что кишитъ въ его груди, то и находитъ себѣ выходъ въ его поэтической рѣчи. Только также

и политическія пѣсни его явились плодомъ глубокаго убѣжденія; если онѣ и не достигаютъ высоты художественнаго значенія „Утреннихъ пѣсней“ или „Новыхъ пѣсней“, то во всякомъ случаѣ тысячи людей были выведены ими изъ своей неподвижности. „Пѣсни раба“ произвели шумный успѣхъ и выдержали двадцать восемь изданій.

Богемскою исторіей Чехъ пользовался неоднократно для эпическихъ стихотвореній. Его „Адамты“, романтико-эпическая поэма, изображающая жизнь этого религіознаго мечтателя, обезпечили Чеху послѣ своего появленія въ свѣтъ почетное мѣсто въ чешской литературѣ. Очень хорошо его стихотвореніе „Дагмара“, представляющее судьбу дочери Оттокара, обрученной съ датскимъ королемъ. Ея путешествіе на новую родину даетъ поэту возможность изобразить несчастливую судьбу Ободриговъ, населявшихъ когда-то островъ Рюгенъ. „Вацлавъ з Михаловиць“ даетъ намъ возможность бросить взглядъ на самый печальный періодъ чешской исторіи во время послѣдовавшее за битвой у Бѣлой Горы. Въ „Жижкѣ“ онъ воспѣваетъ чешскаго героя, тогда какъ въ „Рогачъ Сіона“ и другихъ мелкихъ стихотвореніяхъ онъ проявляетъ свою любовь къ эпохѣ Гуса.

Среди его лиро-эпическихъ стихотвореній особенно выдается „Въ тѣни лицъ“; пронизаны великими идеями его „Европа“ и „Славія“.

Иногда въ поэзіи Чеха звучатъ также и соціальныя струны, какъ, напримѣръ, въ его „Кузнецъ изъ Лежетина“, стихотвореніи, которое обошло страну въ тысячахъ списковъ, было положено на музыку и повсюду пѣлось.

Чистая лирика Чеха въ началѣ его поэтической барьеры даетъ извѣстное основаніе уподобить его стчасти Лермонтову. Позднѣе онъ выдвинулся въ „Молитвахъ Небѣдомому“, „Утреннихъ пѣсняхъ“ и

„Новыхъ пѣсняхъ“ своей силой и самоодолѣвающей индивидуальностью.

И сатира, и юморъ играютъ немалую роль въ его поэзи. Такъ, въ „Гануманъ“ онъ создалъ животный эпосъ, а въ „Небесномъ ключкѣ“ обработалъ сказочную тему, анализируя шаткое понятіе „счастье“. Въ „Великанъ Великановичъ“, а также въ другихъ стихотвореніяхъ, въ особенности же — въ „Бручкіадахъ“ и „Живописныя поѣздки по Богеміи“ онъ бичуетъ слабыя стороны національной жизни.

Кромѣ того, Святополкъ Чехъ выдвинулся и въ качествѣ прозаика, причемъ ему особенно удавалась легкая литература, какъ рассказы, новеллы, арабески и фельетоны. Сюжеты онъ выбираетъ обыкновенно изъ дѣйствительной жизни, хотя въ обработкѣ его и не пользуется чисто реалистической манерой. Для чешской прозы онъ былъ тѣмъ же, чѣмъ былъ Пушкинъ для русской. Стиль его безукоризненъ; его также слѣдуетъ назвать мастеромъ рими. Въ „Вацлавъ Живза“ онъ обогатилъ чешскую поэзію гекзаметромъ, приспособленнымъ къ чешскому языку.

Если мы говорили про Неруду, что онъ направлялъ общественное мнѣніе, то про Чеха можемъ сказать, что онъ является выразителемъ чешскаго сердца. Это незамѣнимый человѣкъ, который говоритъ во имя своего народа слово утѣшенія, когда горе и уныніе тѣнятъ его сердце и скорбь готова презраться въ отчаяніе. И объ этомъ рѣдкомъ человѣкѣ можно сказать: тысячи людей облагородилъ и поднялъ онъ, но не испортилъ — ни одного.

Ярославъ Врхлицкій (17-го февраля 1853). Среди солидныхъ журналовъ, возникшихъ въ семидесятыхъ годахъ подъ вліяніемъ охватившей всѣхъ жажды насажденія просвѣщенія, самымъ значительнымъ былъ „Lumin“ такъ какъ къ нему при-

мый выдающійся чешскій поэтъ—Ярославъ Врхлицкій, настояще имя котораго было Эмиль Фрида.

Онъ родился 17-го февраля 1853 года на дорогѣ между Лауномъ и Шланомъ (подобный же случай съ неопредѣленностью мѣсторожденія мы встрѣчаемъ въ біографіяхъ Мицкевича и Торвальдсена). Послѣ того, какъ онъ побывалъ во многихъ богемскихъ гимназіяхъ, Фрида поступилъ въ семинарію, но обратился къ изученію философіи (1873—1875). Въ качествѣ воспитателя графа Монтекукколи онъ пробылъ годъ въ Италіи. На ясную и чистую натуру поэта годъ пребыванія въ классической странѣ произвелъ значительное впечатлѣніе; здѣсь старыя божества облеклись новой жизнью, здѣсь на его воспримчивую душу дѣйствовали произведенія искусства: онъ основательнѣе забрался въ средне-вѣковую и современную итальянскую литературу и искусство и явилъ глубокое чутье къ романскимъ литературамъ.

По возвращеніи въ Богемію онъ сталъ важнѣйшей опорой Луміровскаго кружка.

Съ 1892 года, когда Врхлицкій былъ избранъ докторомъ „*hominis causa*“ и профессоромъ современной литературы чешскаго университета, онъ работаетъ и въ качествѣ критика и историка литературы. Какъ секретарь IV класса чешской академіи наукъ онъ редактируетъ важный сборникъ переводовъ и въ качествѣ поэта, писателя и редактора проявляетъ кипучую дѣятельность; за это на его долю выпала почетный призывъ въ австрійскую палату господъ.

Въ настоящее время Ярославъ Врхлицкій является самымъ плодовитымъ и универсальнымъ поэтомъ, лирикомъ и эпикомъ, съ которымъ не идетъ въ сравненіе ни одинъ изъ современныхъ поэтовъ. Его поэтическая сфера не знаетъ земныхъ границъ, гевій его обнимаетъ исторію всего человѣчества. Онъ возносится въ Хаосъ, сливается чувствомъ съ

ангеломъ, не могущимъ испытать человѣческой любви къ женщинѣ, испытываетъ дьявольскія муки, переносится на индійскія поля, чтобы впитать въ себя буддійскую мудрость, сибиритъ перенестись черезъ персидскіе сады розъ въ страну возлюбленной древности, боговъ и классическаго искусства, которые онъ оживляетъ однимъ дыханьемъ, и погружается въ таинственную тьму чешскаго прошлаго.

Вся эпопея человечества съ Христомъ во главѣ влечетъ его воспѣть ее; дѣвственные лѣса, пальмовыя рощи юга и дивныя поля Богеміи навѣваютъ на него свои чары.

Вскорѣ онъ погружается въ сѣверную сагу, затѣмъ тутъ же всхлинываетъ и разражается криками восторга вмѣстѣ съ пастухами, переноситъ насъ во времена трубадуровъ, вызываетъ къ жизни Сида, Роанда, вводитъ насъ въ кругъ мысли и чувства выдающихся поэтовъ всѣхъ великихъ литературъ и здравымъ разсудкомъ охватываетъ всѣ жизненныя обстоятельства; въ своей гуманности онъ все можетъ понять и все прощаетъ. Его богатая, пышная фантазія пронизываетъ все и все покрываетъ золотомъ своихъ чаръ; но въ особенностяхъ же лучезарнымъ вѣнцемъ одѣваетъ онъ любовь къ женщинѣ. Въ молодости любовь была для него важнымъ импульсомъ его жизнерадостности и есслости; только позднѣе свѣтящіяся краски сливаются въ „сѣрость“, и въ послѣднее время порою звучитъ въ его поэзіи нѣжный тонъ покорности и горечи житейскаго опыта.

Такъ шагаетъ Верхлицкій, словно герой, все впередъ и впередъ, не обращая вниманія на вражескія нападки, и фигура его вырастаетъ до безконечности. Но сердце его охотно дастся къ преданному существу; то онъ любитъ и лобзаетъ съ здоровой, естественной чувственностью, то философствуетъ какъ ученый, рѣшаетъ важныя вопросы, черпаетъ мудрость изъ источниковъ жизни, вѣры и философіи, то погружается духомъ въ таинствен-

ность старыхъ легендъ, живетъ со старыми классиками, чувствуетъ съ художниками, братается съ Данте, Петраркой. Все, даже самое маленькое впечатлѣніе вызываетъ въ его душѣ поэтическій откликъ; лучшимъ доказательствомъ эластичности его генія являются его „Ночныя пѣсни“. Врхлицкій является поэтомъ, жаждущая душа котораго тоскуетъ „объ океанѣ красоты, который можно было бы выпить“, какъ онъ самъ говоритъ о себѣ; „Бурю и миръ, кипень и грезы, радость и горе, адъ и рай, блаженство и холодъ“—все, что несла съ собой жизнь, онъ отразилъ въ своихъ стихотвореніяхъ, и когда волшебница-ночь принимается прясть ткань мысли, онъ пытается охватить сущность жизни.

По своей натурѣ Врхлицкій космополитъ, хотя онъ и пользовался чешскимъ матеріаломъ для своихъ произведеній. Но въ поэмахъ изъ узкаго круга родины онъ не проявляетъ своего истиннаго „я“. Его любовь къ греческому и римскому классицизму и романскимъ литературамъ, а также его влеченіе къ міру еврейства оставило глубокіе слѣды на его поэзіи. Поэтому, для того, чтобы воспринять его творчество съ наслажденіемъ и пониманіемъ, необходимо страстно любить чистоту и ясность античнаго классицизма. Но лирическія стихотворенія являются у него плодомъ его внутренняго настроенія. По разнообразію и богатству фантазій Врхлицкій приближается къ боготворимому имъ Виктору Гюго, по спокойствію и ясности—къ Гете.

Многочисленные сборники лирическихъ стихотвореній, вышедшіе въ свѣтъ подъ самыми причудливѣйшими заглавіями, содержатъ въ себѣ чистѣйшіе перлы поэзіи. Къ нимъ присоединяются эпическія стихотворенія большого и малаго размѣра, легенды и мѣлы, въ которыхъ онъ платитъ свою дань также и чешскому духу. Такъ, напримѣръ, въ „Легендѣ о святомъ Прокофій“ онъ сумѣлъ соединить національный вопросъ съ религіозностью и нѣжной

любовью. Въ романтическомъ эпосѣ „Марка“ отражается часть міра чешскихъ преданій, въ которомъ чешскія амазонки не сумѣли противустоять очарованію любви.

Въ балладахъ Врхлицкій замѣстилъ теперь Неруду: онъ пишется имъ вполнѣ въ чешскомъ духѣ.

Картины еврейской философіи даетъ драматическій эпосъ „Баръ-Кохба“ и другія стихотворенія, такъ же, какъ и драма „Мудрость раввина“. И въ области драмы проявляется необыкновенная сила творчества Врхлицкаго.

Онъ написалъ около тридцати драмъ, для которыхъ выбралъ сюжеты изъ жизни античныхъ, чешскихъ и иностранныхъ народностей. Въ „Ночи на Карлштейнѣ“ Врхлицкій далъ образецъ классической чешской драмы, переведенной даже на нѣмецкій языкъ.

Выдающееся значеніе имѣла его дѣятельность въ качествѣ переводчика. Онъ внесъ въ чешскую литературу величайшія сокровища по крайней мѣрѣ десятка иностранныхъ литературъ, открылъ своимъ соплеменникамъ кладези лучшей поэзіи германской, романской и славянской литературъ. При этомъ онъ умѣетъ передать иностранное произведеніе совершенно въ его духѣ, съ природнымъ колоритомъ и въ размѣрѣ оригинала.

Что касается формальной стороны его творчества, то ни рима ни размѣръ не представляютъ для него ни малѣйшихъ затрудненій. Его бѣглость, дажо ~~мастерство во владѣніи языкомъ~~ достойно удивленія. Стихи на чужомъ языкѣ онъ можетъ тутъ же передавать по-чешски. Кромѣ того, онъ обезпечилъ за всѣми стихотворными размѣрами право гражданства въ чешскомъ языкѣ.

Врхлицкій является также и искуснымъ стилистомъ-прозаикомъ: онъ написалъ собраніе маленькихъ рассказовъ подъ общимъ заглавіемъ „Цвѣтныя

черепки“, которое было переведено и на нѣмецкій языкъ.

Особенно важными являются его историко-литературныя работы, которыя касались въ большинствѣ случаевъ оцѣнки иностранныхъ, а иногда и чешскихъ произведеній. Научная эрудиція большинства его этюдовъ доставила его мнѣнію въ этой области большой вѣсъ.

Юлій Зейеръ (1841—1901) былъ однимъ изъ выдающихся членовъ Лумірскаго кружка.

Онъ представляетъ изъ себя одного изъ индивидуальнѣйшихъ поэтовъ Чехіи, самообытный, настолько отличающійся собственнымъ колоритомъ таланта, что сравненіе его съ кѣмъ бы то ни было оказалось бы неподходящимъ. Его поэтическая душа, отражающаяся въ его произведеніяхъ, возвышается надъ повседневностью, его стихотворенія возносятъ духъ читателя въ тѣ области, въ которыя не проникаетъ пошлая дѣйствительность. Зейеръ колоссально богатъ поэтическими грезами, онъ всегда правдивъ въ изображеніи своихъ чувствъ, чистъ и является страшнымъ идеалстомъ и законченнымъ художникомъ.

Какъ поэтъ Зейеръ эпикъ, по содержаніе его произведеній отличается мягкой, лирической обработкой; развитіе сюжета проводится съ напряженнымъ интересомъ. Его фантазія уноситъ его во всѣ страны, во всѣ времена. Онъ оживляетъ средневѣковый образъ Карла Великаго и его палладиновъ, его духъ витаетъ во временахъ германцевъ, приноситъ сокровищницы сѣверныхъ сагъ, витаетъ въ Ирландіи, Литвѣ и чаруетъ нашъ глазъ пламенной пышностью востока. Зейеръ снялъ со своихъ героев грубые солдатскіе доспѣхи и превратилъ ихъ въ доступныхъ самымъ глубокимъ чувствамъ личностей, свѣточамъ которыхъ являются свята вѣра, христіанская любовь и любовь къ женщинѣ, но

Женщина представляет изъ себя для него воплощенную любовь. Это идеальное отношеніе къ женщинѣ и его глубокое, истинно религіозное убѣжденіе возбуждаютъ въ читателѣ къ нему высокое уваженіе.

Онъ является образцомъ благороднаго рыцарскаго пѣвца изъ эпохи среднихъ вѣковъ, выступившаго на защиту высокихъ принциповъ. Его въ послѣднее время усилившаяся религіозность, дошедшая до таинственной вѣры въ чудеса и обожествленія Маріи-Дѣвы, привела его къ тѣсному общенію съ современной католической школой.

Зейеръ несравнимъ въ своей „Эпопее Каролинговъ“ и въ тѣхъ эпикахъ, гдѣ онъ пользовался сюжетами изъ древнихъ богемскихъ сказаній.

Зейеръ писалъ и прозой, которая у него представляла изъ себя нѣчто вроде бѣлыхъ стиховъ; въ своихъ поэтическихъ произведеніяхъ Зейеръ страшно рѣдко пользуется римой. Въ многочисленныхъ разказахъ его извѣстное впечатлѣніе достигается роскошью красокъ и пристрастіемъ къ иноземнымъ сюжетамъ. Его усѣянный цвѣтами истиной поэзи стиль выглаженъ на славу, разсыпанный повсюду сравненія—поразительны, рѣчь течетъ мощнымъ плавнымъ потокомъ.

И въ драмѣ Зейеръ тоже выказалъ себя поэтомъ въ лучшемъ значеніи этого слова.

Несмотря на это, только послѣ своей смерти онъ былъ вполне признанъ; при жизни только немногіе могли понять возвышенность его натуры.

XIII.

Друзья и послѣдователи Врхлицкаго.

Врхлицкій и его друзья, сгруппировавшіеся, главнымъ образомъ, вокругъ издаваемаго профессоромъ Сладекомъ „Луміра“, образовали собой высшую

Главной заслугой ихъ является совершенство и гладкость формы и звучность рѣчи, съ которой Врхлицкій „игралъ словно съ змѣей“, и особенно — расширение горизонтовъ поэзи, въ особенности относительно нѣмецкаго и ромацкаго міра.

Юсифъ Сладекъ заслужилъ всеобщее уваженіе, такъ какъ писалъ просто, отъ сердца, въ духѣ народныхъ пѣсень; въ особенности цѣнны его переводы съ англійскаго и польскаго. Какъ переводчикъ съ польскаго извѣстенъ далѣе Отокаръ Мокрый, тоже довольно популярный писатель.

Пламенной славянкой является Эльза Красногорская, которая особенно любитъ Богемскій лѣсъ и славянскій югъ и очень остро критикуетъ претенціозность молодого поколѣнія. Красногорская мастерски перевела „Папа Тадеуша“ и двѣ книги стихотвореній Пушкина. „Небожественную комедию“ и многія стихотворенія Асныка перевелъ на чешскій языкъ Франць Квапиль; онъ — авторъ „Князьихъ пѣсень“, сюжетъ для которыхъ взялъ изъ русскихъ быль. Между прочимъ, онъ написалъ также большую статью о Мицкевичѣ; вмѣстѣ съ профессоромъ Зибртомъ онъ редактируетъ извѣстія Чешскаго Музея.

Его однофамилецъ — Ярославъ Квапиль состоитъ редакторомъ „Злата Прага“ и воспѣваетъ въ тонко прочувствованныхъ стихотвореніяхъ женщинъ и ихъ чары, красное какъ кровь солнце, тихія моря, падающія звѣзды и розовые кусты. Временами онъ впадаетъ въ пысканность и изображаетъ скорѣе напускное, чѣмъ пережитое. При этомъ онъ счастливый драматургъ, вліятельный руководитель чешской литературы и почитатель Врхлицкаго, подобно Антону Клажтерскому, богемскому Франсуа Коппэ, лирику съ яснымъ взоромъ и теплымъ сердцемъ, выбравшимъ тихую жизнь для изображенія въ своемъ творчествѣ. Поѣздка въ Италію дала ему случай издать сборникъ стихотвореній, въ которыхъ

все время звучит тоска по родинѣ; очень красивы его легенды о Христѣ и національныхъ святыхъ.

Въ чешской литературѣ послѣдней четверти вѣка съ одной стороны, ясно выражается космополитическое теченіе съ Врхлицкемъ и Зейеромъ во главѣ, съ другой, — национально-патріотическое теченіе съ тяготѣніемъ къ славянству и злобѣ дня. Признанной главой послѣдняго является пользующійся повсемѣстной популярностью Святополкъ Чехъ, хотя самъ онъ и держится вдали отъ общественной жизни, затѣмъ — Мужикъ, Эмиль фонъ-Ченковъ, Каминскій, изображающій чешскихъ салонныхъ львовъ и Фр. Прохазка, сборникъ стихотвореній котораго выдержалъ много изданій.

Замѣтнымъ, пѣщнымъ явленіемъ была серафическая муза Ад. Черпи, писавшаго подъ псевдонимомъ Янъ Ракита. Его бѣлые идеальные образы и цвѣты лотоса напоминаютъ классическія статуи; въ послѣднее время онъ идетъ „по стопамъ Христа“ и возвѣщаетъ то истинное христіанство безъ формальностей, которое мы видимъ у Хельчицкаго; то христіанство, которое не терпитъ шовинизма, а требуетъ дѣятельной любви.

І. С. Махаръ (1864) является представителемъ реализма, какъ въ политикѣ, такъ и въ психологій, хотя нѣкоторыя стихотворенія изъ временъ его юности и выдаютъ склонность къ романтизму.

Задорный, критиканъ и зачастую впадающій въ личности Махаръ напоминаетъ въ извѣстномъ отношеніи Гейне. Изъ „Тристіумъ Виндобога“, сборника стихотвореній, къ намъ доносится тоска по родинѣ одинокаго Ведетты на Дунаѣ, но уже здѣсь онъ возстаетъ противъ исторически устанавливаемыхъ правъ и ссылается на естественныя права чешскаго народа. Какъ врагъ фразерства и напыщеннаго патріотизма Махаръ, очертя голову, ударилъ на пражскія дѣлишки, чѣмъ и приобрѣлъ многихъ враговъ. Но по сущности своимъ Махаръ былъ бодрѣе и

нялся бичевать всѣхъ непорядки; молодая генерація признала его своимъ духовнымъ вождемъ.

Апогеемъ его поэтического потенціала явились нѣкоторыя сборники стихотвореній, въ которыхъ еще не выступаетъ политико-сатирическое направленіе послѣднихъ лѣтъ: „1893—1896“, „Гдѣ должны бы цвѣсти розы“, „Голгоза“ и отдѣльныя стихотворенія, въ которыхъ онъ вызываетъ передъ нами духомъ различныхъ личностей древности.

Весьма характерной для него является непосредственность его выраженій, законченность формы стихотвореній, почти всегда таящихъ въ себѣ зерно мысли. Благодаря продуманному выбору словъ и мастерскому примѣненію ихъ на надлежащихъ мѣстахъ, а также благодаря ѣдкости своихъ остротъ, Махаръ производитъ своими произведеніями большое впечатлѣніе.

Какъ умѣлъ Махаръ изображать социальныя отношенія выяснилось лучше всего въ его „Магдалнѣ“, произведеніи, которое выросло изъ женскаго вопроса, и которое великолепно изображаетъ безвкусную, пошлую жизнь сплетничающаго провинціального города, съ его предрасудками и безнравственностью.

Махаръ работалъ также и въ качествѣ прозаика, но критика ставитъ его, какъ поэта, много выше, пока онъ не отклоняется отъ чисто художественныхъ задачъ и не бросается въ политическую или классовую борьбу.

А н т о н у С о в ѣ пришлось пройти цѣлую лѣстницу эволюціоннаго развитія; въ настоящее время онъ принадлежитъ къ послѣдователямъ реалистическаго направленія, хотя въ его поэзіи и сказываются отголоски фантастическаго, сверхчувственнаго элемента; иногда кажется, будто онъ не можетъ отдѣлаться отъ какого то болѣзненнаго призрака. Подобно Махару онъ тоже является аналитикомъ чешскаго общества, которое, благодаря своимъ фи-

листерскимъ взглядамъ, являетъ собой малоблагопріятную почву для самостоятельно думающихъ людей.

Сова писалъ также и прозой; обыкновенно его эскизы содержатъ въ себѣ глубокую мысль; его герои ищутъ твердой почвы въ жизни, которая, однако, ускользаетъ отъ нихъ. „Хоть бы когда нибудь отдохнуть отъ самого себя!“ Какой болью звучитъ этотъ возгласъ поэта!

Много было говорено о „Романѣ Иво“, въ которомъ Сова изобразилъ любовь мечтателя къ сильной волей женщиной, преслѣдующей высокія цѣли. Сова (псевдонимъ: Плья Георговъ) возбуждаетъ въ послѣднее время особенное вниманіе литературнаго міра.

Всѣмъ этимъ еще далеко не законченъ рядъ чешскихъ поэтовъ, среди которыхъ самые молодые работаютъ около 15 лѣтъ и проявляютъ опредѣленную литературную фязіономію. Большинство названныхъ поэтовъ, за исключеніемъ двухъ послѣднихъ, смотрятъ на Врхлицкаго, какъ на своего учителя.

XIV.

Чешская проза въ послѣдніа десятилѣтіа.

Въ послѣдніа десятилѣтіа особенной любовью пользуются новеллы, жанровая проза и рассказы, въ самое послѣднее время культивируется бытовая и историческій романъ. Фельетонъ получилъ совершенно опредѣленную форму; въ немъ, по заведенному творцемъ его, Перудой, обычаю, трактуются злободневные вопросы и разсматриваются произведенія литературы и искусства. Талантовъ имѣется большое количество, пишется очень много, а выдающіеся писатели объединились въ союзъ, опубликовывающій произведенія своихъ сочленовъ въ издаваемомъ при немъ журналѣ.

И въ прозѣ тоже наблюдается два теченія: чешское--мѣстно-патріотическое, и обще-человѣческое--чисто художественное.

Большинство писателей стараются удовлетворить читательской горячкѣ публики, которая проявляетъ наибольшій интересъ къ бытовому роману изъ жизни высшего общества. Главной пружиной послѣдняго является любовь, съ которой сплетается національная идея. Въ этой области тоже видно быстрое развитіе маленькаго, полного стремленій народа.

Во главѣ этого рода литературы, стоитъ заслуженный издатель „Освѣты“, В. Влчекъ, который написалъ цѣлый рядъ подобныхъ и историческихъ романовъ, изъ которыхъ одинъ посвященъ нападенію прусаковъ на Богемію въ 1866 году; теперь онъ издаетъ свои мемуары.

Рядомъ съ нимъ можно назвать Фердинанда Шульца († 1905 г.), прежняго редактора „Злата Прага“, который въ свое время былъ знаменитъ романами изъ аристократическихъ круговъ. Появившіеся въ 1904 году листки его Шимбурскихъ воспоминаній даютъ интересную картину изъ жизни сороковыхъ годовъ, когда чешскіе города начали мало-по-малу раскрѣпляться отъ нѣмецкаго вліянія.

Политическую борьбу семидесятихъ годовъ между старо-и младо-чехами изображалъ плодовитый писатель Ф. Х. Свобода, писавшій также и бытовые романы. Его супруга Роза считается выдающейся писательницей. Самъ онъ тоже принадлежитъ къ лучшимъ драматургамъ.

Самобытнѣе всего оказываются тѣ авторы, которые пытались отразить народную душу различныхъ мѣстностей; подобные рассказы натуралистическаго характера, напоминающіе произведенія нашей народнической литературы, имѣютъ большую цѣнность.

На первое мѣсто надо поставить картинки изъ сѣверной Богеміи, написанныя Карломъ Райсомъ, великолѣпнымъ знатокомъ Ничинской мѣстности. Райсъ отлично знаетъ деревенскую жизнь и понимаетъ сердце народа до мельчайшихъ деталей. Популярнѣе всего у него тѣ произведенія, въ которыхъ онъ выводитъ уже вымирающій типъ стараго учителя-органиста и того священника-патріота, который вынесъ на своихъ плечахъ всю работу по возрожденію чешскаго народа.

Сѣверные уголки Богеміи дали также и Аватолію Стражекку благодарный матеріалъ для его „Мечтателей нашихъ горъ“, въ которыхъ онъ выводитъ типы спиритовъ. Это новое ученіе очень распространено среди обитателей Семпля и Рохштадта и дѣйствуетъ благотворно на нравственность ея послѣдователей.

Стражеккъ отличный знатокъ польской литературы.

Какъ разъ противоположную сторону Богеміи, а именно—Богемскій лѣсъ, описываетъ Карлъ Клостерманъ, изъ подъ пера котораго всегда выходятъ интересныя произведенія, за какой бы сюжетъ онъ ни брался.

Излюбленными имъ типами являются дровосѣки и стекловары; но и въ описаніи самого лѣса онъ является такимъ же мастеромъ, какъ и русскій Мельниковъ (Печерскій). Клостерманъ знатокъ не только богемскаго, но и нѣмецкаго населенія лѣсовъ, и съ одинаковой любовью относится къ обѣимъ народностямъ. Кроме того, онъ написалъ нѣсколько рассказовъ и большой романъ изъ жизни вѣнскихъ чеховъ.

Чешскую особенность составляетъ полная сплетень жизни провинціальныхъ городковъ, въ которыхъ жители взаимно знаютъ другъ друга, собираются по вечерамъ за пивомъ, политиканствуютъ, играютъ въ карты, тогда какъ женская часть населенія собираетъ новости, которыя и выкладываетъ

знать даже визитная карточка на двери, при этомъ философъ, который вмѣстѣ со своими героями взвѣшиваетъ всѣ жизненные обстоятельства и высказываетъ свое мнѣніе.

Хотя онъ рассказываетъ спокойно и безстрастно, но умѣетъ такъ же увлечь читателя, какъ это удавалось русскимъ классикамъ-романистамъ, съ которыми его связываетъ также великая идея любви и всепрощенья. Въ особенноти мастерски удается ему жизнь служащихъ и рабочихъ на сахарныхъ заводахъ.

Въ своемъ большомъ романѣ „Отблески прошлаго“, надъ которымъ онъ проработалъ нѣсколько лѣтъ, онъ анализируетъ взгляды врача, находящагося подъ влияніемъ своей чувственной природы, и его внутреннюю борьбу; онъ чувствуетъ свою слабость къ женщинѣ, негодуетъ на самого себя, копается въ малѣйшей мысли и дѣйствіи, но не можетъ заставить себя проявить сильную волю, хотя и сознаетъ свою слабость. Нерѣшительность характера удерживаетъ его отъ какой-либо плодотворной работы, хотя онъ и проявляетъ писательскія способности; наконецъ, благодаря сильной душевной борьбѣ, онъ вырабатываетъ соотвѣтствующую его природѣ философію и въ качествѣ деревенскаго врача отдается удовлетворяющей его дѣятельности рядомъ съ любимой чувственной любовью женой. И женскіе характеры здѣсь превосходно проведены. Отъ первоначальнаго плана Шимачекъ не отстываетъ ни на волосъ, что видно также и въ его драмахъ. Какъ драматургъ онъ занимаетъ почетное мѣсто и является лучшимъ аналитикомъ среди всѣхъ чешскихъ писателей.

Нѣчто общее съ нимъ имѣетъ Іосифъ Шлейяръ. И онъ знаетъ, главнымъ образомъ, бытъ сахарныхъ заводовъ и является, подобно Шимачеку, хорошимъ психологомъ. О немъ можно даже сказать, что онъ скорѣе психопатологъ, который доходитъ до край-

искусный стиль и большой жизненный опыт в своих произведениях, что следует приписать той журналистической школе, которую им пришлось пройти.

Жизнь и взгляды сельского населения Моравии являются собой много самобытного, что дало богатый материал обоим братьям Мржтичъ, лучшим чешским реалистам и отлпчным знатокам студенческой пицеты. Вильгельм Мржтичъ выступил передовым бойцом и защитником русскаго реализма и французскаго натурализма; онъ перевелъ „Войну и миръ“.

Въ „Санта Лючiа“ онъ изображаетъ тяжелую борьбу за существованiе, выпадающую на долю студенту чешскаго университета, который, въ концѣ концовъ, не выдерживаетъ и попадаетъ въ больницу. Книга вызываетъ большой интересъ среди литераторовъ, студентовъ и врачей. Вильгельм Мржтичъ пишетъ также сообща съ братомъ Алоизомъ, — авторомъ „Года въ деревнѣ“, литературнаго произведения перваго ранга, въ которомъ онъ глубоко проникъ въ чешскую народную душу.

Алоизъ и Вильгельм Мржтичъ принадлежать къ числу лучшихъ чешскихъ художниковъ; въ нихъ сказывается что-то общее съ Тургеневымъ.

Кромѣ этого, чешская литература можетъ похвастаться длиннымъ рядомъ писателей и писательницъ, знаменитыхъ своимъ знанiемъ опредѣленныхъ мѣстностей; даже Шлезия нашла своего Сламу.

Въ совершенно своеобразномъ направленiи идутъ два реалиста-писателя — Шимачекъ и Шлейяръ.

М. Шимачекъ, прежнiй редакторъ „Свѣтозора“, теперь редакторъ „Звона“, является чешскимъ Гончаровымъ.

Это спокойная, глубокая художественная натура, которая не спускаетъ до личнаго участiя къ изображаемымъ ею личностямъ: внимательный наблюдатель, отъ остраго взгляда котораго не усколь-

я выдѣлю только Габріэль Прейсъ, писавшую словацкіе рассказы и совершенно натуралистическія драмы.

Любимымъ чтеніемъ въ Богеміи является историческій романъ, который усиленно культивировался нѣкоторыми писателями. Богемскій народъ гордится гусситскими войнами. Карломъ IV, отцемъ націи, и съ грустью думаетъ о послѣдствіяхъ несчастной тридцатилѣтней войны и католической реакціи, уничтожившихъ его ямобытность. Историческіе книги и рассказы издавна пользовались въ Богеміи популярностью; благодаря покойному Вацлаву Бенешу Тжебизскому и Алонзу Пиразеку любовь эта не ослабла и въ настоящее время.

Вацлавъ Бенешъ Тжебизскій былъ католическимъ священникомъ, но его патриотическимъ чувствамъ пришлось очень по душѣ среднечешское время гуссизма. Онъ любилъ „соломенные крыши“ и умѣлъ читать въ душахъ тѣхъ, кто жилъ подъ ними. Съ истекающимъ кровью сердцемъ писалъ онъ элегіи изъ тридцатилѣтней войны. Въ Богеміи въ свое время онъ былъ популярнѣйшимъ писателемъ. Сюжеты онъ выбиралъ почти исключительно изъ чешской исторіи; только однажды онъ воспользовался матеріаломъ изъ казачьей и болгарской жизни. Иноземецъ едва-ли можетъ понять выразительность и полетъ его рѣчи. Иногда онъ позволяетъ своимъ чувствамъ увлечь его за счетъ художественности.

Въ настоящее время въ Богеміи изъ всѣхъ писателей читаютъ больше всего Алонза Пиразека, который наряду съ Врхлицкимъ является самымъ плодовитымъ авторомъ. Какъ историкъ по призванію онъ много сдержаннѣе Тжебизскаго; его эскизы и рассказы носятъ на себѣ культурно-историческій и лингвистическій отпечатокъ того времени, которое они изображаютъ. Онъ проникъ во все времена чешскаго прошлаго, которое и описалъ съ присущей

ему пластичностью. Разказы его подобны мастерскимъ историческимъ картинамъ; по реалистической манерѣ и образной фантазїи онъ можетъ быть приравленъ къ Сенкевичу. Было бы трудно передать вкратцѣ содержаніе 30 томовъ его сочиненій, особенно часто попадающихся въ рукахъ учителей и интеллигенціи.

Изразекъ умѣетъ переноситься также и въ древнюю сказочную эпоху; онъ обработалъ цѣлую серію сюжетовъ пѣв времени люксембургскихъ и гусситскихъ войнъ, когда чехи разсѣялись по всей средней Европѣ. Съ художественной точки зрѣнія больше всего цѣпять его „Собачья голова“, въ которыхъ онъ воздвигъ безсмертный памятникъ ходскому крестьянину Сладкому; послѣдній всталъ во главѣ крестьянъ, чтобы бороться противъ гнета помещиковъ. Изразекъ снова вызвалъ къ жизни времена чешскаго возрожденія въ „Фр. Л. Вѣкъ“ и въ новѣйшей хроникѣ „У насъ“, въ которой вывелъ всѣхъ тѣхъ друзей отечества, которые содѣйствовали великому національному перевороту. Заслуги Изразека уже признапы критикой. Изразекъ писалъ также и драмы, въ которыхъ выказалъ себя эпикомъ; безпартійный реализмъ выказываютъ его романы, тогда какъ драмы даютъ историческія картинки.

Среди прочихъ писателей, пользовавшихся историческими сюжетами, слѣдуетъ назвать Зигмунда Винтера, основательнаго историка культуры, которому удавалось воспроизводить колоритъ и говоръ изображаемой эпохи. При этомъ онъ оставался занимательнымъ юмористомъ.

Самостоятельную группу образуютъ писатели-славянофилы, которые съ особенной любовью освѣщаютъ жизнь и культурныя стремленія отдельныхъ славянскихъ народностей. Среди чешскихъ славянофиловъ вниманіе на себѣ въ послѣднее время останавливаетъ Гавласса, который любитъ чудовищныя

страсти и романтическія совпаденія, хотя и выказываетъ при этомъ сильный талантъ.

До извѣстной степени консуломъ лужицано-вендовъ является Адольфъ Черни, занявшій мѣсто покойнаго Эдуарда Келишека. И Россія нашла своего чешскаго живописателя въ докторѣ Серванюсѣ Геллерѣ, романы котораго изъ русской жизни по-настоящему плотались въ Богеміи въ двадцатыхъ годахъ. Эти романы изъ жизни русскихъ стеной, изъ области русскаго пинглизма и смысла стяжали ему большую популярность, чѣмъ его романы изъ пражской жизни.

Дальнѣйшую рубрику образуютъ въ чешской литературѣ рассказы изъ жизни южныхъ славянъ. Въ нихъ было много романтической самобытности, вслѣдствіе чего они встрѣтили въ Богеміи живѣйшій откликъ. Сюжетомъ имъ служатъ обыкновенно занятіе Босніи, возстаніе въ Герцеговинѣ и время, когда славянскіе братья не чувствовали ни малѣйшей общности съ австрійскими славянами-солдатами. Изъ сѣтелей этой отрасли литературы слѣдуетъ въ особенности упомянуть о покойномъ Игнатіи Хожичѣ, Раужарѣ и Голечекѣ.

Игнатій Хожича зналъ чуть-ли не каждый камень въ Катарской бухтѣ; онъ участвовалъ въ возстаніи на югѣ и въ качествѣ хорошаго наблюдателя позналъ положеніе босняковъ. Для того, чтобы познать особенности этого народа, необходимо имѣть историческія и этнографическія знанія, на которыя опирался Хожича. Онъ былъ искуснымъ рассказчикомъ, который умѣлъ возбудить любопытство читателя своими эскизами изъ жизни военныхъ. Кроме того, онъ написалъ также нѣсколько историческихъ романовъ, когда его постигла въ Марсельѣ скоростная смерть.

Совершенно своеобразнымъ явленіемъ въ чешской литературѣ оказался Юсифъ Голечекъ, редакторъ „Народни Листы“, извѣстный какъ другъ сер-

бовъ и русскихъ, такъ же какъ и почитатель Черногоріи. Ни у одного славянскаго народа нѣтъ такихъ детальныѣхъ свѣдѣній о черногорскомъ жптьѣ-бытьѣ какъ у чеховъ, благодаря Голечеку; да и про будущее время можно сказать съ увѣренностью, что старая Черногорія и вымирающее поколѣніе черногорскихъ героевъ падуть въ Голечекъ лучшаго бытописателя. Онъ освѣщаетъ и настоящее положеніе вещей—но вмѣстѣ со старымъ, неумѣвшимъ писать министромъ мало по малу вымираетъ и древняя славянская Сирта съ ея славными обичаями. О Россіи Голечекъ написалъ достойный вниманія этюдъ; эти работы возбуждлн вниманіе и въ русской литературѣ.

Очень интересенъ его взглядъ на чешскую душу. По примѣру русскихъ славянофиловъ онъ ищетъ въ народѣ здоровое славянское ядро, изъ его теперешнихъ особенностей выводитъ объясненія его историческаго прошлаго и находитъ въ крестьянствѣ такія черты, которыхъ до него не видѣлъ никто. Голечекъ выступаетъ съ опредѣленной системой и потомъ объясняетъ ея все, что онъ утверждаетъ и предполагаетъ. Это—философъ, глубокій умъ, умѣющій подыскать убѣдительные доводы для своихъ доказательствъ. Хотя Голечекъ написалъ много разсказовъ и перевелъ финскую „Калевалу“, но его славу обезнечить за нимъ какъ разъ объективное изслѣдованіе чешскаго народа, которому онъ предавался послѣднее время.

Къ лучшимъ талантамъ принадлежитъ Яковъ Арбесъ, создатель оригинальной художественной формы, а именно—романетю. Содержаніе ихъ всегда необычайно, чрезвычайно ново, въ большинствѣ случаевъ романтично, обработка—своеобразна; нервы читателя напрягаются до послѣдней степени, утонченность разработки положительно поражаетъ. Его разсказы и романы подобны роскошному калейдоскопу, въ которомъ каждый поворотъ являетъ

новья очаровательныя картины, сходящіяся въ известной точкѣ. Все у него хорошо взвѣшено, а въ подходящий моментъ является и развязка узла интриги. Изъ его ромаеттъ вѣтъ известной нервозности, которая замадѣваетъ также и личность читателя, какъ это имѣетъ мѣсто при чтеніи рассказовъ Мопассана. Самый большой романъ Арбеса — „Мессія“ — разыгрывается частью на американской почвѣ во время войны за освобожденіе негровъ.

Арбесь написалъ также рядъ привлекательныхъ картинокъ изъ жизни чешскихъ художниковъ, нашихъ признаніе за четрой своей родины, и занимался подробнымъ жизнеописаніемъ несчастнаго Гинска Махи.

Фантазія и даръ неисчерпаемаго воображенія приравниваютъ Арбеса къ самымъ интереснымъ славянскимъ писателямъ; по своему содержанію его произведенія, также какъ и Зейера и Клостермана, были особенно доступны иностранцамъ.

Кромѣ вышеназванныхъ, длинный рядъ писателей заботится о духовной пищѣ широкихъ круговъ населенія.

Результаты чешской литературы начала XX столѣтія въ общемъ благоприятны. Чехи могутъ похвастать плодовитѣйшимъ и универсальнѣйшимъ писателемъ Врляцкимъ и обладаютъ подлѣ него подающей надежды порослью молодыхъ прозаиковъ и поэтовъ. Пишется необыкновенно много. Развитіе чешской литературы отъ эпохи возрожденія національнаго самосознанія вплоть до нашихъ временъ, слѣдовательно, отъ почти незримыхъ ростковъ до теперешняго ея апогея, шло съ поразительной быстротой, такъ что подобное явленіе не находитъ себѣ мѣста въ какой-либо другой европейской литературѣ.

XV.

МѢСТНАЯ ПОЛЬСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ПОСЛѢ 1830 ГОДА.
Романтизмъ.

Польская литература XIX столѣтія ярче всего возсіяла въ созвѣдін Милкевича, Словацкаго и Красинскаго. Эмигрантская литература беретъ верхъ надъ мѣстной по самообытности и подъему, такъ какъ литературѣ въ Россіи (въ Царствѣ Польскомъ) приходилось бороться съ неблагоприятными обстоятельствами. Въ общемъ лучше всего привилась литература въ Галиціи.

Въ количественномъ отношеніи литература теперь находится въ большемъ подъемѣ, въ особенности проза. Ея главной особенностью является патріотизмъ, всосавшійся поляку въ плоть и кровь и являющійся для него такимъ убѣдительнымъ импульсомъ, что полякъ готовъ во имя его на всякія жертвы.

Поляки любятъ идеализировать въ романахъ прошлое своего отечества, этого „образца свободы“. Часто въ этихъ романахъ замѣтны слѣды гегелевской философіи.

Въ узкихъ рамкахъ этого труда я могу назвать только самую значительную имена этого періода времени.

Въ большой чести былъ въ свое время графъ Генрихъ Ржевусскій, рожденный въ знаменательное третье мая 1791 года и скончавшійся въ 1866 году въ сѣмьсидесять лѣтъ. На литературное поприще онъ вступилъ благодаря Милкевичу; славу свою утвердилъ „Мемюарамъ паня Солинда Сопаица“, личность котораго Милкевичъ увѣковѣчилъ въ „Панѣ Тадеушѣ“.

Солинда былъ барскимъ конфедератомъ, находившимся въ услуженіи у Карла Радивилла. Ржевусскій изобразилъ въ данномъ случаѣ живущую

въ пышности и довольствѣ шляхту, но въ послѣдствіи сталъ реакціонеромъ, обскурантомъ и клерикаломъ, съ которымъ, однако, не могло ужиться даже и католическое духовенство.

Романтизмъ новеюду былъ въ полномъ цвѣту.

Послѣднимъ романтикомъ Галиціи былъ искренній другъ народа Ужейскій, авторъ польскаго національнаго гимна „Съ дымомъ пожаровъ“, поэтъ съ большимъ духовнымъ подъемомъ, написавшій „Плачь Іереміи“ и переработку изъ Ветхаго Завета.

Его произведенія встрѣчали въ Польшѣ воодушевленный пріемъ, подобно „Пѣснямъ Януша“ Винцента Поля.

Поль былъ наполеоновъ и ѣмцемъ, издавшимъ поѣмки „Польскія народныя пѣсни“ (1833 г.); какъ политическій изгнанникъ, онъ велъ очень неструю жизнь и, въ концѣ-концовъ, оказался приверженцемъ старыхъ воззрѣній и врагомъ тѣхъ самыхъ народныхъ слоевъ, которые прежде казались ему идеаломъ. Уланъ Янушъ воспѣваетъ въ этихъ пѣняхъ скорбь и страданія повстанцевъ, которымъ приходилось глотать порохъ, биться, подставлять грудь подъ выстрѣлы и таскать кантаны изъ огня для дипломатической знати, заведшей переговоры съ русскими.

Стихотвореніе это вполне соответствовало задорному и мятежному настроенію того времени, теперь же оно почти забыто. Поль былъ также знакомъ съ основными принципами гегелевской философіи и писалъ стихи, въ которыхъ воспѣвалъ красоты карпатской природы, здоровье и силу ихъ обитателей и славу своей родины. Онъ и Семенскій, будущій фельетонистъ „Часа“, были единственными поэтами Польши, которые съ воодушевленіемъ привѣтствовали славянскій конгрессъ въ Прагѣ 1848 года (Семенскій любилъ извѣстность какъ переводчикъ „Краледворской рукописи“ и „Слова о

полку Игоревѣ“ и какъ авторъ „Вечера подъ липами“). Полю написалъ къ открытію конгресса стихотвореніе, въ которомъ мечтаетъ о соединеніи всѣхъ славянъ въ лошѣ римско-католической церкви, мысль, которая кажется совершенно чуждой патріархальнымъ православнымъ славянамъ.

При закатѣ своей жизни Вишневскій Полю вызвалъ жестокую критику со стороны модернистовъ.

Противоположность названному поэту составлялъ Кондратовичъ-Сырокомля, польскій Бёрнсъ, послѣдній представитель литовской школы, изъ которой вышли Мицкевичъ и его другъ Одиевецъ. Судьба преслѣдовала этого удивительнаго знатока средне-польско-латвиской литературы, этого инокровителя бѣдныхъ, этого простого, сердечнаго пѣвца. „Я не склоню ни пѣсни, ни главы своей ни передъ кѣмъ на свѣтѣ и гордо, съ лирою въ рукѣ умру пѣвцомъ мужицкимъ“—было его девизомъ.

Въ Галиціи таланты росли, какъ грибы послѣ дождя; но это были писатели второго разбора, которые обыкновенно предпочитали братья за историческій романъ.

Въ качествѣ автора историческихъ романовъ выдвигается Сигизмундъ Качковскій (1826 г.), который былъ когда-то приговоренъ къ смерти черезъ повѣшеніе, но въ тюрьмѣ измѣнившій свои взгляды на консервативные. Въ пятидесятыхъ годахъ онъ наводнялъ книжный рынокъ своими романами, написанными на историческіе сюжеты, и на темы, взятые изъ галиційской жизни.

Товарищемъ по призванію его былъ Захаревичъ, которому больше удавались романы изъ быта высшей аристократіи, чѣмъ историческіе. Такъ какъ онъ умѣлъ вылетать въ остоу изъ волоки любовной интриги, то былъ любимцемъ женщинъ-читательницъ. Еще въ дѣтскихъ годахъ онъ написалъ веселую исторію „Fin de siècle“. Наконецъ, слѣдуетъ замѣтить, что этотъ авторъ занимался от-

ношеніями между поляками и рутенцами и ихъ положеніемъ въ Позенѣ.

Въ Галиціи работала также Шайноха (1818 — 1868 гг.), историкъ и романистъ, который, будучи чехомъ по рожденію, разбудилъ въ полякахъ любовь къ историческимъ описаніямъ. Когда въ 1857 году онъ ослѣпъ, то приказывалъ читать себѣ историческія сочиненія и диктовалъ историческіе романы, а также — стихотворенія, изъ памяти.

Въ Пруссіи особенно предвѣтала научная литература. Во главѣ этого умственного движенія стояли рачинскій и дзялыцкій институты. Въ пятидесятыхъ годахъ наступилъ застои. Въ Шлезвигѣ Мерка работала на пользу національнаго возрожденія.

Среди кашубовъ развился собственный мѣстный патриотизмъ, и докторъ Ценова старался вызвать къ жизни мѣстную литературу; по попытки эти не дали результатовъ. Въ послѣднее время, послѣ того, какъ Рамульцъ издалъ кашубскій словарь, замѣчается оживленный интересъ къ этому нарѣчію и его отношенію къ польскому языку.

Въ Россіи долгое время чувствовались послѣдствія 1830 года; приниженная интеллигенція была разсѣяна по блѣ-свѣту, университеты виленскій и варшавскій, также какъ и „общество ревнителей науки“ — упразднены, а большія библіотеки переведены въ Петербургъ. Важнымъ литературнымъ объединяющимъ центромъ была и по днесь выходящая въ Варшавѣ „Библіотека Варшавска“, которую основалъ въ 1840 году Войцѣцкій; послѣдній, историкъ литературы, ревностно занимался также исторіей варшавской культуры и писалъ для широкихъ массъ населенія.

Пронесло изъ Австріи, по долгое время работала въ Варшавѣ „польскій Вальзакъ“ — Юзефъ Корзеніевскій (1797—1863 гг.), авторъ многихъ комедій и драмъ, бравшій матеріалъ изъ современныхъ ему обстоятельствъ, основательный знатокъ

варшавскаго життя-быття, который позднѣе писалъ основательно продуманные романы; для этого онъ обыкновенно выбиралъ фигуру изъ мелкой шляхты.

Къ варшавскому кружку принадлежитъ также художникъ и поэтъ Ленартовичъ, который обезпечилъ славянской поэзи извѣстность и любовь итальянцевъ. По рожденію онъ былъ магуромъ; онъ хорошо зналъ и умѣлъ съ настоящей стороны выставить деревенскую жизнь. Въ „Гладиаторахъ“ онъ занялся вопросомъ объ отсутствіи единодушія у славянъ, тогда какъ въ „Сраженіи у Рацлавицы“ воспѣлъ достославнѣйшій эпизодъ изъ возстанія Костюшко.

Самой выдающейся личностью этого періода былъ Іосифъ Крашевскій (1812—1887 гг.), извѣстный въ Германіи по своему тюремному заключенію въ Магдебургѣ. Брюкнеръ называетъ его „титаномъ умственнаго труда“, такъ какъ онъ одинъ написалъ дѣльную литературу и принадлежитъ къ плодовитѣйшимъ писателямъ міра. Когда въ 1879 году праздновали его пятидесятилѣтній юбилей литературной дѣятельности, то уже тогда выяснилось, что имъ къ тому времени было написано 444 тома. Крашевскій былъ всесторонне образованнымъ умомъ, столь же неисчерпаемымъ, какъ и Врхлицкій, который занимался самыми разнообразными вопросами. Онъ былъ археологомъ, историкомъ литературы и культуры, знатокомъ искусствъ, публицистомъ, романистомъ и эпикомъ. Въ романахъ онъ старался проводить опредѣленные взгляды, въ особенности — патріотическіе. Какъ романистъ, онъ охотнѣе всего изображалъ идеалистовъ, которые вступаютъ въ противорѣчіе съ дѣйствительной жизнью. Онъ любилъ, такимъ образомъ, сверхъ-человѣковъ, и его манера напоминаетъ нѣмецкихъ писателей. Крашевскій былъ мастеромъ стиля и развитія интриги и умѣлъ переманить читателя на

сторону своихъ взглядовъ. Польскую жизнь онъ зналъ хорошо, и въ области музъ онъ обладалъ болѣе широкимъ кругозоромъ, чѣмъ въ области Цереры. Онъ выступалъ защитникомъ свободы совѣсти, развитія духа въ христіанскомъ смыслѣ, уравненія сословій, человечности безъ космополитизма. Послѣ 1868 года онъ писалъ въ Дрезденѣ подъ псевдонимомъ „Болеславита“ ядовитыя статьи, направленные противъ господства русской бюрократіи. За двадцатилѣтнюю земледѣльческую дѣятельность онъ имѣлъ возможность подробно ознакомиться съ хорошими и дурными свойствами польской шляхты и народной нищеты. Послѣ 1849 г. онъ на короткое время заразился ретроградными взглядами, но поѣздка на востокъ, по счастью, скоро излѣчила его отъ этого сумасшествія.

Хотя Крашевскій и не написалъ какого-нибудь первокласснаго произведенія непреложной цѣнности, а значеніе его въ данное время уже далеко не то, что было десятокъ лѣтъ тому назадъ, но за нимъ остается та заслуга, что онъ разбудилъ въ полякахъ охоту къ чтенію, и что его книги нашли доступъ даже въ шляхетскіе салоны, гдѣ до тѣхъ поръ господствовали одни только французскій языкъ. Благодаря его произведеніямъ, переведеннымъ на всѣ западно-европейскіе языки, за границей въ 1863 году пробудилось участіе къ польскимъ дѣламъ.

Ип въ одной литературѣ женщинамъ не было открытъ такой легкой доступъ, какъ въ польской. Разсказы эти обыкновенно живописуютъ отношенія между нмъ“ и „ею“, развитіе ихъ любви, а въ концѣ — объясненіе въ любви или свадьбу. При этомъ интересъ увеличивается романтической судьбой героевъ, добровольныхъ или недобровольныхъ эмигрантовъ или политическихъ преступниковъ; причемъ обыкновенно приводится разладъ между сознаніемъ патріотическихъ обязанностей и чувства-

ми. Какъ и въ женской литературѣ другихъ народовъ, подробное описаніе „душевныхъ переживаній“ занимаетъ здѣсь широкое мѣсто. Самой значительной писательницей была Жмаховская.

Т. Т. Ежъ (Милковскій) 1825 г., подобно Зеверу, только очень поздно вступилъ на литературное поприще; въ 1883 году былъ очень шумно отпразднованъ двадцатипятилѣтній юбилей его литературной дѣятельности. Онъ прославился своими романами изъ жизни южныхъ славянъ. Кромѣ того, онъ писалъ также романы изъ польской жизни, въ которыхъ высказываетъ суровую правду о ловеласахъ и обѣднхъ гувернанткахъ, приводитъ свои наблюденія надъ разговорами аристократической молодежи.

Ежъ своеобразенъ какъ по манерѣ рассказывать, такъ и по міровоззрѣнію; онъ любитъ давать фотографически точныя изображенія, особенно тамъ, гдѣ описываетъ народъ, и любитъ сгущать краски. Эта яркость красокъ проявляется особенно въ его южно-славянскихъ разсказахъ, которые удались ему больше, чѣмъ разказы изъ польскаго прошлаго.

XVI.

Новѣйшая польская литература (Сенкевичъ, Пруссъ).

Исторически достопамятный 1863 годъ былъ для литературы не столь важнымъ, какъ 1830. Эта революція повліяла очень печально на развитіе польской литературы, въ особенности же въ Россіи, гдѣ правительство прибѣгло къ репрессіямъ по отношенію польскаго народа. Въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій здѣсь царилъ полная призрачность. Наоборотъ, въ Австріи замѣчается громадный національный подъемъ; въ 1860 году польскій языкъ

находить доступъ въ университетъ, послѣ чего краковское шляхетство приобретаетъ большее вліяніе на мѣстѣ и въ Вѣнѣ.

Послѣ послѣдняго повстанія въ литературѣ не замѣчается, подобно тридцатымъ годамъ, никакого раскола. Большинство изъ вышеупомянутыхъ писателей — Пель (1872 г.), Крашевскій (1887 г.), Левартовичъ (1893 г.) и Ежъ еще были въ живыхъ въ то время. Истинный расцвѣтъ новѣйшей польской литературы приходится на середину семидесятыхъ годовъ, то есть какъ разъ на то же время, какъ и у чеховъ. Важный центръ обрѣтаетъ наука въ краковской академіи и въ университетахъ; въ издѣльной словесности пальму первенства и руководящую роль захватила Варшава, съ которой соперничали Краковъ и Львовъ.

Эта литература заботится, согласно принципу „pro bene publico“, о духовномъ развитіи всѣхъ слоевъ населенія. Она продолжаетъ выносить новые таланты, растетъ количественно и качественно. И въ художественномъ отношеніи она стоитъ на значительной высокой ступени. То обстоятельство, что польскій народъ принадлежитъ къ тремъ царствамъ, даетъ себя знать и въ литературѣ.

Послѣ 1864 года и за границей образуются пріюты для польской литературы, такъ, напримѣръ, — въ Дрезденѣ и въ Швейцаріи (Раппершвидль), гдѣ находится эмигрантскій музей.

У себя на мѣстѣ все больше и больше прививается литература, относящаяся съ участіемъ къ рабочему, крестьянству и женской эмансипаціи. Соціальные вопросы проникаютъ во всея своей обостренности въ газеты и журналы. Взгляды на различныя литературныя произведенія встрѣчаютъ различную оцѣнку у консерваторовъ, неоконсерваторовъ и прогрессистовъ. Отсюда — обостренный обмѣнъ мѣнѣями. Подъ лозунгомъ „позитивизмъ“ возвышается трезвость и народное благосостоя-

ніе — во главѣ этого движенія стоять Александръ Свентоховскій, Гомулицій и Пруссь.

Сильнѣе всего разыгралась эта борьба въ 1874 году (Атенеумъ), такъ какъ въ данномъ случаѣ рѣчь шла о взаимноположеніи „старыхъ“ и „молодыхъ“ относительно романтизма. Все это вызвало живѣйшій интересъ къ литературному самоопредѣленію.

Исторія польской литературы сдѣлала гигантскій шагъ впередъ. Въ началѣ этого столѣтія появляются солидные труды у русскихъ, поляковъ и чеховъ. Правда, у поляковъ уже давно былъ ихъ Вишневецкій, но исторія литературы, написанная имъ, доходила только до 1650 года.

Въ послѣднее время появились три исторіи польской литературы: графа Тарновскаго, покойнаго Хмеловскаго и профессора берлинскаго университета Александра Брюкнера, издавнаго свой трудъ въ нѣмецкой переработкѣ. Все трое еще раньше выпустили цѣлый рядъ монографій. Трудъ Тарновскаго восходитъ только до середины XIX столѣтія. Тарновскій является великолѣпнымъ эстетомъ, художникомъ, который вездѣ даетъ чувствовать свое шляхетское міросозерцаніе польскаго аристократа.

Талантливый профессоръ Брюкнеръ представляетъ изъ себя человѣка съ широкимъ кругозоромъ, который не боится высказать самостоятельное мнѣніе, поражающее своей увѣренностью, хотя временами онъ впадаетъ даже и въ экстравагантность. Онъ разбираетъ этнографическую литературу и мифологию славянъ и литовцевъ, является отличнымъ знатокомъ старо-польской и чешской литературъ, ученымъ невѣроятной образованности, котораго глубоко уважаютъ даже и за границей. Брюкнеръ, спеціальность исторіи старѣйшаго періода и XVII столѣтія, ошеломляетъ своимъ знаніемъ новѣйшихъ литературъ. Это — острый критическій умъ.

Недавно скончавшійся Хмеловскій былъ опас-

нымъ аналитикомъ, который положительно анатомировалъ писателей острой своего критическаго, но далеко не эстетическаго чутья. Временами онъ впадалъ въ страстный тонъ, но никогда не забывался. Онъ мастерски разбирается въ отдельныхъ партіяхъ, къ нему не хватало способности схватить все общей концепціей.

Не задолго до своей смерти Хмеловскій ударился въ полемику съ профессоромъ Трегьякомъ, который издалъ основательное изслѣдованіе творчества поэта Словацкаго и занимался отношеніями между Мицкевичемъ и Пушкинымъ. Профессоръ Черингъ занимался изслѣдованіемъ вліянія древне-богемской литературы на древне-польскіе памятники письменности; Калпа изучалъ полабскій словарь Шульца и средневѣковые памятники болгарской письменности. Будущій историкъ литературы назоветъ также съ уваженіемъ имя Владимира Спасовича, мастера въ адвокатурѣ и въ литературѣ, который слѣдитъ изъ Петербурга за теченіями въ польской и русской литературахъ. Спасовичъ — ученый большого полета, проникновенно взирающій въ будущее.

Въ общемъ, необходимо признать, что поляки въ научномъ отношеніи очень внимательно занялись изслѣдованіемъ древняго и новѣйшаго періода. Они могутъ похвастаться рядомъ монографій, такъ что въ этомъ отношеніи чехи далеко отстали отъ нихъ, а о другихъ славянахъ, за исключеніемъ русскихъ, не можетъ быть и рѣчи.

Генрихъ Сеякевичъ (1846 г.) является въ настоящее время самымъ извѣстнымъ въ Европѣ и самымъ знаменитымъ польскимъ писателемъ; въ особенности въ Италіи и Богеміи онъ пользуется популярностью среди народа; то же и въ Россіи — его произведенія продаются даже на желѣзнодорожныхъ станціяхъ, а въ переводахъ они извѣстны нѣмцамъ, французамъ и англичанамъ.

У себя дома его положительно боготворять. Его литературный юбилей превратился въ національное торжество; самъ графъ Тарновскій передалъ ему письмо Юліана Клячко; благодарная нація поднесла ему имѣніе Обленгрэекъ.

Сенкевичъ въ высшей степени плодовитый и эластичный писатель, такъ что его соплеменники могли даже ожидать отъ него романа изъ бурской войны. Онъ творитъ очень легко, является мастеромъ стиля, потомъ настроенія, гениальнымъ наблюдателемъ чужбины и признаннымъ художникомъ историческихъ картинъ.

Его объемистую литературную дѣятельность можно разбить на 1) историческіе романы, 2) бытовые романы изъ дѣйствительной жизни, 3) путевыя картинки и 4) мелкіе очерки.

Въ историческихъ романахъ его проявляется богатая, ясная сила воображенія, вызывающая мощныя картины, и скульпторная дѣлка, дающая возможность видѣть дѣйствующихъ лицъ во плоти и крови, а сцены—словно въ панорамѣ. Сюжетъ для своей извѣстной трилогіи: „Огнемъ и мечемъ“, „Потопъ“, „Крестоносцы“, онъ взялъ изъ исторіи Литвы и казачества, затѣмъ—изъ эпохи борьбы поляковъ съ нѣмецкими крестоносцами. Въ новѣйшемъ романѣ „На полѣ славы“, Сенкевичъ воспѣваетъ національнаго героя Іоанна Собѣскаго и набрасываетъ блестящую картину его двора.

„Quo vadis?“ способствовало упроченію его славы по всему свѣту. Въ этомъ романѣ Сенкевичъ сравнялся съ величайшими писателями міра, которые изображали борьбу между гибнущимъ классическимъ Римомъ и восходящимъ свѣтломъ героически страдающаго христіанства.

Среди мощно написанныхъ сценъ незабвенной останется, разумѣется, та, гдѣ Петръ и Назарій идутъ по *via Appia*, оставляя своихъ собратій по вѣрѣ на мучительство палачей Рима.

Когда Петръ увидѣлъ въ солнечномъ сіяніи какой-то образъ, хотя и не слыхалъ никакихъ шаговъ, и листья деревьевъ задрожали въ сіяніи, посохъ вынулъ изъ его рукъ, онъ упалъ на колѣни, поднялъ вверхъ руки и воскликнулъ:

— Христось! Христось!

И склонилъ главу свою къ землѣ, какъ будто цѣлуя чья-то ноги.

Долго длилось молчаніе, пока, наконецъ, въ тишинѣ не раздался задыхающийся отъ рыданій голосъ старца:

— Quo vadis, Domine?..

Назарій не слыхалъ отвѣта, но Петръ внялъ печальному, но сладкому голосу, который говорилъ:

— Если ты оставишь народъ мой, то я иду въ Римъ, чтобы они снова распяли меня.

И Петръ вернулся всиать. И на всѣ вопросы отвѣчалъ спокойно и радостно:

— Я видѣлъ Господа.

Подобную сцену мѡгъ написать только глубоко-вѣрующій человекъ. Немудрено, если „Quo vadis?“ было передѣлано въ драму и обошло съ невѣроятнымъ успѣхомъ всѣ сцены.

Сенкевичъ всегда отличался наклоностью къ вѣрѣ въ таинственныя чудеса, такъ какъ еще мальчикомъ погружался въ чтеніе легендъ Скарги и ревностно изучалъ польскую литературу XVI и XVII столѣтій.

Въ историческомъ романѣ онъ даетъ широкій просторъ своимъ патриотическимъ чувствамъ.

Въ „Безъ догмата“, романѣ изъ жизни современнаго общества, онъ рисуетъ человека съ чрезвычайно чувствительными, даже болѣзненными нервами, который слишкомъ отдается во власть настроенію и съ трудомъ считается съ дѣйствительностью. Герой этого романа находится въ состояніи вѣчнаго самоанализа и доходитъ въ своей пытливости до геркулесовыхъ столбовъ; изъ лабиринта

мучительнаго сомнѣнія для него не остается иного выхода, кромѣ—пули. И любящая женщина изображена въ этомъ романѣ съ неподражаемой точностью.

Какъ противозѣлъ Плошовскому, Сенкевичъ вывелъ въ „Семьѣ Полонецкихъ“ здоровыхъ, предприимчивыхъ людей съ сильной волей, людей труда, которые забываютъ объ удовлетвореніи сердца.

Въ романахъ изъ дѣйствительной жизни Сенкевичъ стоитъ выше всего; современная психологія празднуетъ въ нихъ свой истинный триумфъ.

Сенкевичъ живетъ обыкновенно—въ Италіи на Ривьерѣ, въ Бретани, объѣздилъ часть Африки, Египетъ и Занзибаръ, былъ также и въ Калифорніи и вывелъ изъ всѣхъ этихъ мѣстностей самыя разнообразныя впечатлѣнія.

Необыкновеннымъ мастеромъ стила является Сенкевичъ въ мелкихъ разсказахъ; въ особенности, когда онъ пишетъ безъ перерыва въ одномъ настроеніи, изъ подъ пера его выходятъ истинныя сокровища. Во всѣхъ областяхъ онъ является специалистомъ—пишетъ-ли о деревенскихъ обитателяхъ (жизнь которыхъ изображаетъ очень реально), переноситъ-ли насъ въ Индію или разсказываетъ объ олимпійскихъ богахъ, даетъ-ли исходъ своему юмору, или со слезами на глазахъ разсказываетъ про Бартека-побѣдителя;—вездѣ онъ находитъ сочувствіе, въ поэмѣ-ли страданія, какъ „Янко музыкантъ“, или въ описаніяхъ природы, лѣса или чистой любви. Въ этихъ разсказахъ онъ слѣдуетъ двумъ путеводнымъ звѣздамъ, какъ выразился однажды самъ Сенкевичъ: „Душа народа пишетъ тепло—это—свѣтъ и любовь, это—правда!“

Сенкевичъ написалъ, кромѣ того, кучу эскизовъ и этюдовъ; его критика Золя еще у всѣхъ въ памяти. Его „Эскизы углемъ“ сами говорятъ за себя своей правдивостью и живостью.

Сенкевичъ писалъ подъ псевдонимомъ „Литвошъ“

въ „Газетѣ Польской“; онъ одинъ написалъ цѣлую литературу. Если онъ и не является глубочайшимъ польскимъ писателемъ, то наряду съ Пруссомъ его можно считать самымъ популярнымъ.

Болеславъ Пруссъ (Александръ Гловацкій) является самымъ выдающимся представителемъ позитивизма; въ Варшавѣ особенно памятны его фельетоны, такъ какъ въ нихъ онъ говорилъ отъ имени народной души, какъ Перуда у чеховъ. Но для литературы важнѣе всего являются его тенденціозные романы изъ девятыхъ годовъ: „Лялька“ (1891 г.), „Эмансипированныя“ (1894 г.) и „Фараонъ“), переведенный даже на чешскій языкъ. Съ художественной точки зрѣнія они непогрѣшимы, такъ какъ обнимаютъ собой рядъ бытовыхъ картинокъ, продуманныхъ въ малѣйшихъ деталяхъ, но страдающихъ отсутствіемъ стройности общей концепціи. Въ „Лялкѣ“ онъ рисуетъ жестокую борьбу выдающейся личности съ окружающей средой. „Эмансипированныя“ являются собою картину изъ жизни эпохи, когда впередъ всего горѣлъ лозунгъ „Эмансипація женщинъ“. Въ „Фараонѣ“ онъ соперничаетъ съ Эберсомъ и развертываетъ гениальную картину древне-египетской культуры, причемъ главнымъ мотивомъ является не любовь, тогда какъ у Сенкевича она всегда играетъ главную роль. И въ этомъ отношеніи оба писателя отличаются другъ отъ друга.

У Прусса больше воображенія, больше глубины и разнообразности сюжета; онъ больше философъ, чѣмъ Сенкевичъ. Но послѣдній болѣе совершенный стилистъ и художникъ, чѣмъ Пруссъ. Оба писателя взаимно дополняютъ другъ друга. Для Прусса жизнь является загадкой, которую онъ старается разрѣшить, тогда какъ Сенкевичъ видитъ въ жизни мощный аккордъ красокъ, личностей и движеній.

И въ ихъ взглядахъ на сверхчувственное замѣ-

чается существенная разногласица; Сенкевичъ до-вольствуется тѣмъ, что вѣрить. Во взглядахъ на любовь они тоже расходятся; для Сенкевича любовь и „вѣчно-женственное“ является той силой, кото-рая двигаетъ міромъ, тогда какъ Пруссъ видитъ въ ней чудовищную силу природы и не забываетъ основныхъ чертъ человѣческой любви — страданія и горя.

Наряду съ большими романами Пруссъ написалъ также полные юмора рассказы изъ жизни дѣтей и животныхъ, въ которыхъ словно живыя встаютъ природа и ея созданія. Кроме того, Пруссъ взялъ нѣсколько картинокъ изъ жизни крестьянъ, какъ, напримѣръ, чисто-славянскій типъ „Слняка“ („Улитка“) и типы полудиотовъ, живущихъ въ природѣ и съ природой. Подобно Сенкевичу и Прус-су лучше всего удаются маленькіе рассказы и но-веллы, писанные съ одного раза. Для произведеній Прусса очень характернымъ является слѣдующая его фраза: „Пусть мы бродимъ по землѣ, но необ-ходимо, чтобы головой мы касались неба“.

Вообщѣ, — это являлось лозунгомъ позитиви-стовъ, во главѣ которыхъ стоитъ Александръ Свен-тоховскій, который цѣлую четверть вѣка редакци-руетъ газету „Правда“. Свои статьи „Libertin veto“ онъ подписываетъ „Вѣстникъ правды“. Къ той же генераціи принадлежитъ Михаилъ Балуцкій, авторъ лучшихъ польскихъ комедій, живая драма ко-торого кончилась, однако, трагической развязкой.

Почетное мѣсто въ новой польской литературѣ занимаютъ писательницы Элиза Ожешко и Марія Конопницкая. До сихъ поръ Ожешко преслѣдо-вала въ своихъ произведеніяхъ исключительно блз-городища цѣли; но въ раннемъ періодѣ творчества она отдавалась служенію чистаго искусства. Еще въ семидесятыхъ годахъ она занялась женскимъ во-просомъ, освѣтила жизнь женщины, какъ матеря, и пригомъ такъ, что объ этомъ заговорила вся Поль-

ша. Въ началѣ своей литературной карьеры она прошла школу жепской сантиментальности по опредѣленнымъ шаблонамъ. Языкъ въ этихъ произведеніяхъ отличается высокопарной напыщенностью. Мало-по-малу она обратила вниманіе на окружающую ее дѣйствительность, изъ евреевъ и мужиковъ изъ припильманскихъ областей, изъ Литвы и Бѣлоруссіи. При этомъ ея плодовитый умъ не обходитъ также и современнаго общества, въ которомъ замѣтными валами подымались дозуги: „реализмъ, позитивизмъ, пессимизмъ, космополитизмъ, нигилизмъ“. Видно, что лавры Тургенева не давали ей спать, но хотя она и не достигла величины этого писателя, она все-таки занимаетъ положеніе большой писательницы. Романы ея были переведены почти на всѣ языки.

Изъ плеяды женщинъ-писательницъ я назову только литвинку Родзевичъ, любящую изображать любовныя бури, затѣмъ — Остою, пишущую очень живо и интересно, Гайоту, произведенія которой полны боли и страданій. Польскимъ Зола является Габриель Запольская; но это направленіе не встрѣтило сочувствія не только у поляковъ, но и, вообще, — у всѣхъ славянъ. Запольская писала также драмы и предавалась опасаніямъ „хрупкой души“.

Всѣ эти писательницы большею частью принадлежатъ уже къ новому времени.

XVII.

Новѣйшая польская проза.

Поколѣніе девяностыхъ годовъ уже не стоитъ подъ флагомъ натурализма, но обратилось къ отечеству; нѣкоторые истинные таланты развиваются вполнѣ естественнымъ путемъ; другіе, среди которыхъ много поэтовъ, такъ называемые „модернисты“, присягаютъ дозугу: „Искусство для искусства“

Къ самымъ выдающимся представителямъ молодого поколѣнія принадлежатъ Реймонтъ, Жеромскій, Сьреневскій; пока еще трудно было бы рѣшительно выскзаться относительно молодого поколѣнія, изъ котораго вышатъ также Вацлавъ Берентъ, писатель, изобразитель душевныхъ мукъ; его произведение „Шыль“, разыгрывающееся въ художественныхъ и писательскихъ кружкахъ Мюнхена, является особенно выдающимся.

Владиславъ Ст. Реймонтъ (1868 г.) въ ранній періодъ литературной дѣятельности былъ излишне-субъективенъ и пускался въ чрезмѣрно философствованіе; теперь онъ сталъ реалистичнѣе и развивается съ поразительной быстротой.

И прежде въ польской литературѣ занимались изображеніемъ варшавской жизни: въ Краковѣ мѣстными описаніями занимался Галуцкій; въ Лембергѣ точно также образовался кружокъ писателей, любящихъ городъ, который три раза перемѣнял свою національность. Картины деревенской жизни набрасывали Сенкевичъ, Пруссъ, Ожешко и элстичный, склонный къ новѣйшимъ лозунгамъ, Северъ (Мацѣевскій): деревенскихъ евреевъ, проявляющихъ человѣческое сердце и чувства, охотно изображалъ покойный Юбша. Такимъ образомъ, городъ, народъ, шляхта давно уже были извѣстны полякамъ, но видоть до Реймонта они не знали о новыхъ центрахъ промышленности и интеллигенціи, гдѣ фабрики, рабочіе, желѣзныя дороги совершенно измѣнили какъ пейзажъ, такъ и духовную физиономію народа. Этотъ новый міръ—давно извѣстный въ Силезіи и Богеміи—Реймонтъ открылъ читателямъ въ „Благословенной stravѣ“; въ этомъ двухтомномъ произведеніи описывается въ видѣ полдня Лодзь, этотъ польскій Манчестеръ, протянувшій руки къ близлежащимъ деревнямъ и лѣсамъ, чтобы ихъ проглотить, высасывающій кровь изъ

людей, чтобы собрать миллионы в руки отдельных личностей.

Последнимъ произведеніемъ Реймонта являются его двухъ томные „Мужики“ („Осень“ и „Зима“), еще незаконченное произведеніе, написанное въ бурномъ приливѣ вдохновенія. Это — поэтическое, изображенныя крестьянски, безъ сантиментальности, но и безъ поэзіи. Это — кусочекъ безпартиійной народной эпопеи, но ничто большее, чѣмъ просто научное этнографическое описаніе.

Съ необыкновеннымъ воодушевленіемъ привѣтствовало молодое поколѣніе Стефана Жеромскаго (1868 г.), автора „Безродныхъ“, „Золы“ и пр. Герой романа „Безродные“ отказывается отъ любви благородной женщины и посвящаетъ себя служенію человѣчеству. Зло, а не добро является у Жеромскаго закономерною основой человѣчества; но человѣкъ для него является такой святыней, по отношенію къ которой никогда не должна совершаться несправедливость. По сравненію съ Реймонтомъ Жеромскій является субъективистомъ. Стиль его служить полнымъ отраженіемъ его внутренняго „я“; форма всегда своеобразна.

По слѣдамъ Жеромскаго идетъ также и Густавъ Даниловскій, поэтъ изображавшій разницу между тѣмъ человѣкомъ, который живетъ практической жизнью, и тѣмъ, который работаетъ для будущаго.

Очень поэтично онъ описалъ образъ ребенка, выступившаго идеальнымъ реформаторомъ.

Въ сибирскіе края, далеко на сѣверъ къ якутамъ и тунгузамъ судьба забросила Вацлава Срошевскаго (Сирко), человѣка съ душой полной вѣры въ побѣдную силу добра. Онъ написалъ интересное изслѣдованіе жизни этихъ первобытныхъ народовъ; тамъ еще водятся люди, готовые пожертвовать собой за народъ, чтобы спасти его и поддержать старыя традиціи. Срошевскій даетъ рядъ художественныхъ картинъ сибирской природы, раз-

скаываетъ подробно и объективно, но умѣетъ соблюсти при этомъ и живость. Изъ его произведеній мы знакомимся съ сибирскою тайгой, рыбацкими походами, жизнью въ юртѣ среди вѣчныхъ холодовъ. Это произведение, потеряннаго Строщевскимъ изъ двѣнадцатилѣтняго личнаго опыта, ставитъ его наравнѣ съ самыми выдающимися географами, такъ что даже Императорская академія наукъ въ С.-Петербургѣ избрала бывшего политическаго ссыльнаго своимъ членомъ и командировала его въ Японию для дальнѣйшихъ изслѣдованій. Въ послѣднее время онъ писалъ „Китайскіе рассказы“ и былъ для Россіи очень важнымъ писателемъ во время русско-японской войны.

Судьбу сибирскаго ссыльнаго испыталъ также Адамъ Шиманскій, лирическая душа, живившая на чужбинѣ въ тоскѣ по родинѣ. Въ его рассказахъ, въ которыхъ онъ изображаетъ борьбу ссыльнаго съ жестокой арктической природой, основной нотой звучитъ глубокое страданіе. Онъ ничего не много, но каждое произведеніе его встрѣчаетъ въ Польшѣ живѣйшій интересъ.

Прежде большія надежды возлагали на Домбровскаго, какъ на очень проникательнаго наблюдателя, но онъ вдругъ пересталъ писать. „Легенды“ Цѣмоевскаго вызвали много разговоровъ, такъ что, благодаря имъ, онъ получилъ гораздо большую извѣстность, чѣмъ благодаря „Письмамъ безумнаго“.

Неджвицкій является представителемъ натуралистическаго направленія; онъ часто проявляетъ совершенно мопассановскую нервозность.

Многіе изъ польскихъ писателей пишутъ съ невѣроятной легкостью, что особенно сказывается на журналистахъ, изъ которыхъ назову Грушевскаго, писавшаго о положеніи рабочихъ, спортѣ, слезныхъ полякахъ, словакахъ и т. п. Въ послѣднее время можно наблюдать, какъ одна часть молодыхъ

писателей подпадаетъ вліянію субъективизма, тогда какъ другая—реализма. Въ общемъ же, поляки болѣе склонны къ романтизму и субъективизму.

XVIII.

Новѣйшая польская поэзія.

Возстаніе 1863 года доказало справедливость пословицы, что „Inter arma silent Musae“.

На нѣсколько десятилѣтій польская муза оказалась разслабленной. Последніе могучіе романтизма и байронизма находились при последнемъ издыханіи; Ужейскій мало-по-малу выдыхался, отголосокъ въ обществѣ встрѣчали взгляды позитивистовъ.

Періодъ послѣднихъ десятилѣтій отмѣчается совершенствомъ стиха и художественной законченностью формы.

Наиболѣе крупнымъ литературнымъ явленіемъ въ области поэзіи этой эпохи былъ: Адамъ Асникъ, постоянно подписывавшійся „Ei...y“, Марія Конопницкая и старикъ Фаленскій (1826 г.), пользующійся всеобщимъ уваженіемъ.

Фаленскій какъ-то умѣетъ проявлять постоянное прекрасное; это стоишь съ нѣкоторымъ отбѣнкомъ пессимизма, въ совершенствѣ владычій формой. Наибольшими литературными заслугами его были переводы Данте и Петрарки и его изслѣдованія въ области исторіи литературы.

Истиннымъ поэтомъ является Адамъ Асникъ (1838—1897 гг.), демократическій редакторъ „Рефермы“, поэтъ-философъ, раздумывающій надъ важнѣйшими жизненными вопросами—о сущности человѣка, о мірѣ, о всемъ человѣчествѣ и его прошломъ. Онъ склоняется къ пессимистическому воспріятію внѣшняго міра и приходитъ къ выводу, что „все суета“. Что касается его философской подп-

видуальности, то въ этомъ отношеніи онъ приближается къ Кярдуччи. Это не пость любви, хотя онъ и пронизанъ всею страстной любовью къ эллинизму. Наряду съ этимъ въ немъ слышатся сатирическія нотки, а въ коннхъ его дней муза его начинается брать аккорды и на политической лирѣ.

Неоспоримой заслугой Асныка было то, что онъ довелъ до возможнаго совершенства поэтическую форму; въ художественной чеканкѣ стиха онъ превзошелъ даже Словацкаго.

Асныкъ писалъ также и драмы, но по своей сущности онъ былъ современнымъ лирикомъ. Въ Богеміи онъ пользовался большою популярностью и любовью, благодаря художественнымъ переводамъ Фр. Кваниця.

Марія Конопницкая (1846 г.) въ нѣкоторомъ отношеніи напоминаетъ Асныка, какъ истинно-мужской гений съ наклонностью къ классическому міру; съ послѣднимъ она познакомилась въ Италіи и Греціи.

Она — мастеръ безукоризненной формы и звучности стиха. Всю поэзію ея пронизываетъ „горе и печаль женщины“. Большое вниманіе обратила на себя ея еще незаконченная эпопея „Панъ Балтазаръ въ Бразиліи“. Апогеемъ ея поэтического самоопредѣленія является ея „Кредо“ въ „Фрагментахъ“. Ея литературный юбилей праздновался не только въ Польшѣ, но и въ Богеміи, гдѣ она приобрѣла всѣ права литературнаго гражданства, благодаря массѣ переводовъ ея стихотвореній.

Къ этой же группѣ принадлежать также и Гомулицкій (1851 г.), у котораго мастерство техники перевѣшиваетъ чувство. Гомулицкій хорошо знаетъ варшавскую жизнь, которую часто описываетъ.

Наряду со всѣмъ этимъ въ девятидесятыхъ годахъ формируется новая школа „Модернистовъ“, которая въ отношеніи идей и формъ очень напоминаетъ подобнае же направленіе у чеховъ.

XIX.

Славянскій модернизмъ.

Конецъ XIX столѣтія принесъ чешской, русской, польской, словенской и кроатской литературѣ новое направленіе, названнае „модернизмомъ“.

Творческій импульсъ этой школѣ дали французскіе декаденты и символисты. Основы французскаго направленія не пустили на славянской почвѣ прочныхъ корней. И теперь уже можно опредѣлить, что въ этомъ направленіи было много нездороваго. Но какъ-ни-какъ, а съ нимъ связано зафинирированіе понятій и формъ; и если на насъ и вѣетъ холодомъ отъ этой поэзіи, то поэтамъ этого направленія все же нельзя отказать въ тонкомъ чутьѣ къ благозвучности языка; девизъ „искусство для искусства“ повелъ къ аристократизаціи литературы, въ которой теперь оказалось „много званихъ, но мало избранныхъ“, что, въ свою очередь, сдѣлало ее неестественной и удалило отъ народа. Для широкихъ слоевъ населенія модернизмъ не имѣетъ ни малѣйшаго значенія, да онъ и избѣгаетъ даже малѣйшаго сопрякосновенія съ ними. „Модернисты“ присягаютъ опредѣленнымъ лозунгамъ, причемъ жизнь и дѣйствительность имѣютъ для нихъ минимальную цѣнность; основныя принципы берутся изъ французскаго декадентства, но и подобныя же явленія въ области другихъ литературъ обращаютъ на себя ихъ вниманіе, тогда какъ реалистическая русская литература вызываетъ съ ихъ стороны полнѣйшее равнодушіе. Въ общемъ, модернисты являютъ интернационалистами въ наше столь ярко націоналистически выраженное время.

Польскій модернизмъ.

Лучшимъ примѣромъ этому является польскій модернизмъ, въ которомъ наблюдается два теченія — краковское, съ Пшибышевскимъ во главѣ, и варшавское — несравненно болѣе здоровое и естественное — руководимое Миряль-Шнемыскимъ; тѣмъ не менѣе, въ краковской школѣ наблюдается возвратъ къ народу.

Съ польскимъ модернизмомъ повсемѣстно связывается имя Пшибышевскаго, который еще въ девяностыхъ годахъ, въ качествѣ нѣмецкаго писателя, писалъ „*Poemо sapiens*“ и „*De profundis*“, и вдругъ переимѣнилъ свое нѣмецкое перо на польское.

Пшибышевскій выработалъ собственные взгляды на искусство, открылъ „обнаженную душу“ и сталъ отцомъ младо-Польши. Онъ совѣтовалъ своимъ приверженцамъ писать такъ, какъ они чувствуютъ, любить и страдать. Такимъ образомъ, характерными признаками модернизма явились — грезы, сверхчувственные явленія, тоска по женщинѣ, культъ Астарты, богини безплоднаго соитія, пересутомленіе, нервная возбужденность, вербализмъ; зато къ дѣйствительности у нихъ не оказалось никакого чутья — они замѣнили ее силой собственнаго воображенія, достигающаго особенно у Пшибышевскаго большого размаха. И съ вѣнней стороны писанія модернистовъ отличаются отъ прочихъ книгъ — зигзаги, точки въ контекстѣ, малое количество печати, желтая, растерзанная бумага.

Въ настоящее время отецъ модернизма обратился къ „*Ueberbratte*“.

Высвѣтъ происходить изъ окрестностей Кракова. Для своей „Свадьбы“ онъ воспользовался матеріаломъ изъ народной жизни, причемъ въ процессу сумѣлъ влести также и народный говоръ и стечан; много шуму и толкованій вызвали „Варшавскіе“

бляка“, „Болеславеты“ и, главнымъ образомъ, — „Искушение“.

Изъ которыхъ видать въ Высшемомъ величайшій талантъ среди модернистовъ; другіе склонны видѣть его въ Киспревацѣ, котораго во многихъ отношеніяхъ можно сравнить съ М. Каромъ. Онъ принадлежитъ къ редакціи демократической газеты „Курьеръ Извѣстий“. Поэтъ происходитъ изъ польскихъ крестьянъ; крестьянская проза и самообытность проявляются у него иногда въ бурномъ, порою грубомъ темпераментѣ. Онъ не хочетъ знать горя и страданія поляковъ, а глядѣть на несчастья всего человечества, расчленяетъ понятіе „сила“, не терпитъ никакой несправедливости, но энергично и доказательно выступаетъ противъ каждаго проявленія ея, причѣмъ становится даже демоничнымъ; во время онъ впадаетъ въ самолюбованіе своей сознательностью и духовнымъ превосходствомъ. Казимировичъ выласть свою силу даже въ языкѣ; это истинный талантъ и очень иловитый писатель, который занимается, главнымъ образомъ, переводами съ нѣмецкаго.

Изъ модернистовъ, да же, я причисляю также Риделя и Пшерва-Тетмайера, хотя до известной степени они и стоятъ въ сторонѣ.

И въ частной жизни Люсьянъ Ридель является практическимъ примеромъ ереспнцемъ природы; его популярности въ Австріи много содѣйствовало „Заколдованный кругъ“, сюжетъ котораго взятъ изъ народнаго быта. Въ драмѣ „Навсегда“ онъ рисуетъ конфликтъ между любовью и патріотизмомъ.

Казимиръ Пшерва-Тетмайеръ является поэтомъ даже и тогда, когда пишетъ прозой. Тетмайеръ — поэтъ юности, его произведенія дышатъ чувственностью; по содержанию и формѣ онъ напоминаетъ чешскаго поэта Галега. Горькая жажда счастья, ясность выражений характеризуютъ его стихотвор-

ренія; при этомъ онъ являетъ большую своеобразность.

Въ его романахъ сказывается большое влияние Сенкевича.

Центромъ модернистскаго направленія въ Варшавѣ является „Химера“ М и р і а м а (Зенона Шемесскаго), талантливаго знатока французской и чешской литературы. Миріамъ — поклонникъ красоты и формы. Онъ является вожакомъ символистовъ; Миріамъ занимался также и переводами, причемъ переводилъ произведенія Метерлинка, Врхлицкаго и Зейера.

Чешскій модернизмъ.

Къ началу девяностыхъ годовъ чешскій модернизмъ открылъ жестокую пальбу по Врхлицкому и его послѣдователямъ. На молодыхъ особенно замѣтно влияние французской критической литературы и Рескина, а еще больше — декадентовъ, поэтовъ ужаса и смерти; многіе склоняются къ католицизму или предались оккультизму (вѣриѣ — неомистицизму). Чешскій модернизмъ тоже совершенно не принимаетъ въ расчетъ народа, время и пространство не являются для его послѣдователей источниками какихъ-либо затрудненій. Приверженцы этого направленія состоятъ въ дѣятельномъ общеніи съ иностранцами, особенно — нѣмцами, печатаютъ въ своихъ журналахъ нѣмецкія стихотворенія и почитаютъ царавиѣ съ французскими декадентами и символистами Оскара Уайльда, Уайта Уайтмана и вицшевекаго сверхчеловѣка. Что то болѣзненное, пзвращенное, чудовищное, что то похожее на аромат туберозы исходитъ отъ этой холодной поэзіи, вся слава которой покоится исключительно на формѣ и на созвучіяхъ. Въ юности поэты занимаются, главнымъ образомъ, любовью, половыми отхошеніями, тоской по женщинѣ; для рѣшенія великихъ

жизненныхъ вопросовъ ихъ оцѣнкости оказывается уже недостаточно.

Чешскій модернизмъ объединился вокругъ журнала „Чешскя Модерна“ Эрикта Прохазька, который переводилъ съ французскаго и давалъ оригинальную критику. Въ модернистской дѣятельности въ настоящее время главное мѣсто занимаетъ критика, что видно, лучше всего, по Георгу Каразку, вождю этого движенія. Гавитіе чешскаго модернизма шло впередъ довольно бурнымъ путемъ. Среди ихъ приверженцевъ назову пронику и даже циника Дика, талантъ котораго въ послѣднее время развивается въ высшей степени многообширнымъ путемъ; Войковича, автора вѣжко выписаннаго этюда „Герда“; не столь плодовитъ, но болѣе самобытенъ знатокъ провинціальной жизни Опольскій: на фаустовскомъ сюжетѣ-пробовалъ свои силы Іосифъ Голый.

Совершенно въ сторонѣ стоятъ католическій модернизмъ, дѣятелями котораго въ большинствѣ случаевъ являются молодые люди духовнаго сословія. Ихъ призваніе до известной степени уже предопредѣляетъ ихъ направленіе, но и при такой ограниченности ихъ художественнаго поля дѣйствій они смогли дать много цѣннаго.

Словенскій модернизмъ.

Въ девяностыхъ годахъ модернизмъ объявился и въ словенской литературѣ, хотя это направленіе лучше назвать вѣнской школой, такъ какъ представители его имѣли возможность познакомиться съ новыми течениями въ литературѣ во время своего студентства въ Вѣнѣ.

Словенскій модернизмъ нельзя считать вполне привившимся къ мѣстной почвѣ; многого въ этомъ направленіи во всякомъ случаѣ не сдѣлано.

Назову Фр. Говекара (1871 г.), романъ котораго „Въ крови“ и сборникъ „О женщины!“ возбудили большое вниманіе.

Среди болѣе молодыхъ писателей много обща-
сть Зупанчичъ, являющійся поэтомъ съ необыкно-
венной творческой мощью и законченностью формы.

Что касается кرواتскаго модернизма, то о
немъ мы уже говорили при разборѣ новѣйшей кро-
атской литературы.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

I. Возрожденіе польской литературы	3
II. Періодъ польскихъ гениевъ: Мицкевичъ, Словацкій, Крассинскій	10
III. Возрожденіе чешской письменности	30
IV. Начатки словенской литературы	46
V. Иллиризмъ	50
VI. Словенская литература послѣ Прешерпа	61
VII. Сербская литература	66
VIII. Новѣйшая сербская литература	74
IX. Болгарская литература	81
X. Новая кроатская литература	90
XI. Обновленная богемская литература	99
XII. Нескандинавскій расцвѣтъ чешской литературы	107
XIII. Друзья и послѣдователи Брамшпицаго	116
XIV. Чешская проза въ послѣдніи десятилѣтіи	120
XV. Мѣстная польская литература послѣ 1830 г. Романтизмъ	132
XVI. Новѣйшая польская литература (Сенкевичъ, Прусъ)	138
XVII. Новѣйшая польская проза	147
XVIII. Новѣйшая польская поэзія	151
XIX. Славянскій модернизмъ. — Польскій модер- низмъ. — Чешскій модернизмъ. — Словенскій модернизмъ	153

ЧАСТЬ
ПЛАТНО

ной жизни

„НОВОЕ СЛОВО“

И

иллюстрированный художественно-литературный

ЖУРНАЛЪ

ИЛЛЮСТРАЦІЯ»

дѣльнаго журнала „Новая Иллюстрація“ при „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“ — первое дѣлаго ряда дѣтъ, помѣщались сочиненія русскихъ писателей.

„Иллюстрація“ явится и въ 1909 году обзорѣнемъ всѣхъ событій поживыхъ наброскахъ художниковъ, съ мѣста событій, въ художественно-штата фотографовъ „Новая Иллюстрація“ медленный откликъ на всѣ крупныя событія жизни.

„Иллюстрація“ будутъ помѣщаться дамскихъ и дѣтскихъ нарядовъ и картинъ.

Писатели получаютъ возможность изъ 2 номеровъ „Иллюстрація“ составить

БОЛЬШОЙ БОГАТО-ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ТОМЪ

въ 400 съ лишнимъ страницъ обычнаго формата еженедѣльныхъ журналовъ, могущій служить украшеніемъ любой библиотекѣ.

Подписная цѣна на

„Вѣдомости — Второе Изданіе“

включенъ и **БЕЗПЛАТНЫМЪ** приложеніемъ „НОВОЕ СЛОВО“ и „НОВАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ“:

полгода . . . 2 р. 60 к.

1 р. 35 к.

М. Проппера:

Тѣв. домъ, № 40

„ЗДРАВІЕ СЕМЬИ“

ПОПУЛЯРНО-МЕДИЦИНСКІЙ
ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

издаваемый С. М. Пропперомъ,
подъ редакціей д-ра мед. Е. Г. Ландсберга
и при участіи извѣстныхъ специалистовъ
медицинской науки.

~~~~~ VIII-й годъ изданія. ~~~~~

**Цѣль журнала: сохраненіе здоровья
и предупрежденіе болѣзней.**

Въ журналъ „ЗДРАВІЕ СЕМЬИ“ помѣщаются
статьи по вопросамъ практической медицины,
общей и личной гигиены, о новѣйшихъ лечеб-
ныхъ средствахъ и способахъ леченія, практи-
ческіе совѣты на случай внезапнаго заболѣва-
нія и указаніе мѣръ, которыми слѣдуетъ поль-
зоваться до прибытія врача, подробные отвѣты
на вопросы читателей.

Въ 1909 году
всѣ годовые подписчики полу-
чаютъ бесплатно

ТРИ МЕДИЦИНСКИХЪ КНИГИ

(въ общемъ 240 стр. текста).

Подписная цѣна на журналъ „Здравіе Семьи“
со всеми приложен. и съ перес. **ОДИНЪ руб. въ г.**

Главная Контора изданій С. М.
СНБ., Галерная ул., собств.

2131

